ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

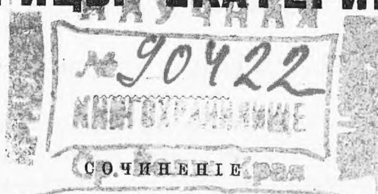
МОСКВА.

1877.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й.



сочиненіе

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

1877.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1766-й и первая половина 1767 года.

Мѣры противъ медленнаго исполненія указовъ.—Безпорядки въ новой коллегіи экономіи.—Медленное рѣшеніе дѣлъ въ юстицъ-коллегіи.—Дѣло Жуковыхъ, Щулепниковой, Бестужева-Рюмина, кн. Григорія Шаховского.—Губернаторскія распоряженія.—Волненіе въ Москвѣ.—Губернаторъ и купцы въ Астрахани.—Брянскіе купцы и генералъ Медемъ.—Окончаніе дубровинскаго дѣла въ Орлѣ.—Нравы на окраинахъ.—Крестьянскіе побѣги и возмущенія.—Бродяжничество и разбои.—Похожденія Каменьщикова.—Сибирскіе инородцы.—Сибирскій губернаторъ Чичеринъ и Магистратъ.—Присоединеніе Алеутскихъ острововъ.—Церковныя имѣнія въ Малороссіи.—Выборъ кіевскаго войта.—Споръ Запорожцевъ съ военною коллегіею.—Слободская губернія.—Сопротивленіе лифляндскаго рыцарства въ доставленіи вѣдомостей о хлѣбномъ урожаѣ.—Затрудненія по поводу нѣмецкихъ колонистовъ.—Финансовыя мѣры.—Среднеазіатская торговля.—Содержаніе Московскаго университета.—Окончаніе наказа; мнѣнія о немъ, собираемыя императрицею.—Манифестъ о коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.—Переѣздъ двора въ Москву.—Движеніе въ прибалтійскихъ областяхъ и Малороссіи по поводу выбора депутатовъ въ коммиссію.—Путешествіе Екатерины.—Отзывъ ея въ сенатѣ объ этомъ путешествіи.—Продолженіе крестьянскихъ волненій.—Секта между однодворцами.—Перемѣны въ областяхъ.—Дѣятельность новгородскаго губернатора Сиверса.—Приближеніе времени открытія коммиссіи.—Обзоръ наказа.—Измѣненія въ немъ.

Мы видѣли, какъ Петръ Великій сердился на сенатъ за то, что рѣшивъ что-нибудь, не заботились о приведеніи въ исполненіе рѣшеннаго; лѣтъ черезъ 50 Екатерина II-я должна была среди сената повторить требованіе Петра. 31 марта императрица присутствовала въ сенатѣ; читали докладъ о штрафованіи судебныхъ мѣстъ за неисполненіе указовъ и за нескорое распоряженіе.

Екатерина приказала дополнить: «репортовать какъ о сдѣланномъ опредѣленіи, такъ и о дѣйствительномъ исполненіи указа». Когда читали о штрафованіи посланныхъ изъ судебныхъ мѣстъ, если поступятъ въ противность инструкціи и будутъ обижать кого-либо, императрица велѣла прибавить: «оныхъ, слѣдуя по воинскому процессу, наказывать въ силу указовъ». Въ концѣ прошлаго года Екатерина обратила вниманіе сената на безпорядки въ новой коллегіи экономіи, и сенатъ по этому поводу издалъ наставленія всѣмъ коллегіямъ; [1] но безпорядки въ коллегіи экономіи не прекратились: одинъ изъ ея членовъ Позняковъ подалъ въ сенатъ просьбу, что просился передъ праздникомъ въ отпускъ на 29 дней въ Петербургъ (коллегія экономіи, какъ и многія другія находились въ Москвѣ), но отпуска не получилъ по разногласію между членами коллегіи; по этому случаю сенатъ сдѣлалъ внушеніе, что въ послѣдній разъ напоминаетъ членамъ, чтобъ они перестали ссориться и не оказывали упорства президенту, какъ произошло и въ дѣлѣ Познякова: президентъ подписалъ отпускъ, а вице-президентъ и два ассессора, по ничтожнымъ основаніямъ, не подписали; въ октябрѣ прошлаго года императрица уже сдѣлала коллегіи материнское увѣщаніе, но члены ея все продолжаютъ несогласіе. Императрица на этотъ разъ не хотѣла болѣе дожидаться, и въ томъ же засѣданіи 31 марта объявила, что если не взять къ поправленію коллегіи экономіи надлежащихъ мѣръ, то немпнуемыя послѣдуютъ въ ней всякія упущенія, которыя чѣмъ далѣе тѣмъ труднѣе будетъ исправить, и потому приказала, чтобы сенатъ тѣхъ членовъ коллегіи, которые просятся въ отставку, отставилъ скорѣе, а прочихъ перевелъ въ другія учрежденія, и на мѣсто ихъ представилъ кандидатовъ; президенту, князю Гагарину велѣла присутствовать въ сенатѣ, при чемъ отозвалась съ похвалою о его честности и усердіи [2].

Юстицъ-коллегія подала любопытное донесеніе, что въ ней нерѣшенныхъ дѣлъ, начавшихся съ 1712 года, состоитъ 6027, да сверхъ того явились еще неразобранныя дѣла [3]. Рѣзкимъ примѣромъ медлинности въ рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ могло бы служить знаменитое дѣло Жуковыхъ; но здѣсь медленность происходила не отъ присутственныхъ мѣстъ. Мы упоминали о громадномъ дѣлѣ пензенскаго воеводы Жукова, подпавшаго подъ судъ

по обвиненію въ насиліяхъ и взяткахъ. Но кромѣ того въ 1754 году началось страшное уголовное дѣло въ слѣдствіе убійства его жены и пятнадцатилѣтней дочери, жившихъ въ Москвѣ; виновникомъ злодѣйства былъ родной сынъ Жукова, съ женою и тещею, а исполнителями крѣпостные люди. Императрица Елисавета была такъ поражена злодѣяніемъ, что никакакъ не могла окончательно рѣшить участь преступниковъ: смертную казнь она отмѣнила, но подвергнуть Жуковыхъ наказанію наравнѣ съ обыкновенными убійцами представлялось нарушеніемъ правды. Дѣло не было рѣшено и преемниками Елисаветы до 1766 года, когда Екатерина обратилась за совѣтомъ къ архіереямъ—Димитрію Новогородскому, Иннокентію Псковскому и Гавріилу Тверскому, которые представили, что хотя по древнѣйшему обычаю православной церкви монархи христіанскіе сохраняли правосудіе въ народахъ по законамъ, отъ нихъ же установленнымъ, и казнь такимъ злодѣямъ состояла въ воли и власти ихъ; однако по истинному христіанству прежде всего пеклись они о соблюденіи душъ погибающихъ отъ вѣчной муки, потому что церковь Божія ожидаетъ истиннаго обращенія къ вѣрѣ Христовой и прямого покаянія отъ самыхъ злодѣевъ отчаянныхъ. Тогда императрица велѣла предать Жуковыхъ церковному покаянію, но предъ всѣмъ народомъ по обряду, назначенному для произведенія самаго сильнаго впечатлѣнія. Обрядъ совершался въ Москвѣ четыре раза въ продолженіи великаго поста 1766 года: въ четвертое и пятое воскресенье, въ четвергъ пятой недѣли и въ Лазареву субботу, въ четырехъ церквахъ: въ Успенскомъ соборѣ, у Петра и Павла на Новой Басманной, у Св. Параскевы на Пятницкой и у Николы Явленнаго на Арбатѣ, т.-е. въ центрѣ и въ трехъ концахъ Москвы. Въ назначенный день предъ обѣднею преступники въ сопровожденіи священника и военной команды, шли къ одной изъ означенныхъ церквей, въ длинныхъ посконныхъ рубашкахъ, босые, въ цѣпяхъ, съ распущенными волосами, съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Ихъ останавливали у церковныхъ дворей и читали манифестъ: «учиненное убійство въ 1754 году матери и сестры своей родной бывшимъ въ нашей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ съ женою его Варварою Николаевою, по отцѣ Полтевыхъ и сообщниками ихъ столь страшное злодѣйство,

что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное. Мы довольно вѣдаемъ, сколь ужасное сіе преступленіе поразило человѣколюбивое сердце покойной тетки нашей, императрицы Елисаветы Петровны. Но какъ такое окаянное дѣло, въ цѣлыхъ вѣкахъ рѣдко случающееся, невѣдомыми судьбами Божіими по сіе время не рѣшилось, а передъ немногимъ только временемъ подано намъ отъ сената нашего докладомъ, и между тѣмъ нѣкоторые участвующіе яко орудіе въ семъ убійствѣ уже померли, главные же самые убійцы живые на земли остаются въ тюремномъ заключеніи, то сіе самое столь долговременное продолженіе ихъ жизни наипаче привело насъ въ размышленіе, угоднѣе ли Богу будетъ лишеніе живота, по законамъ строжайшимъ, сихъ злодѣевъ наказать и яко прямо отступившихъ отъ вѣры Христовой и отъ закона естественнаго истребить, или, вѣдавъ ихъ преступленіе отчаянное, соблюсти души ихъ отъ вѣчной муки истиннымъ къ Богу покаяніемъ, безъ нарушенія нашего правосудія и безъ соблазня народнаго, оставя дни и животъ ихъ въ руки Всевышняго Судіи, на собственное совѣстное раскаяніе и всечасное ихъ сокрушеніе». За тѣмъ слѣдуетъ извѣстіе объ обращеніи къ архіереямъ и проч. По прочтеніи манифеста, преступники на колѣнахъ должны были читать покаянную молитву, нарочно для нихъ сочиненную, а во время обѣдни также стоя на колѣнахъ должны были просить всѣхъ входящихъ и выходящихъ помолиться о нихъ; во время обѣдни дьяконъ говорилъ особую ектенію о кающихся, священникъ говорилъ проповѣдь о покаяніи убійцъ. По окончаніи этого покаянія Алексѣй Жуковъ сосланъ былъ въ Соловки, а жена его въ Далмацкій монастырь въ Сибири на покаяніе [4].

Съ 1758 года тянулось дѣло вдовы геодезиста Щулепникова, подозрѣвавшейся въ убійствѣ мужа. Сенатъ подалъ докладъ, что хотя Щулепникова и не винится, но по обстоятельствамъ дѣла и кромѣ оговора состоитъ подозрительною, и по закону надобно ее пытать, но такъ какъ она дворянская дочь и дворянская жена, то сенатъ не можетъ назначить пытку безъ высочайшаго указа. Но мы видѣли, что Екатерина постоянно противодѣйствовала пыткѣ, и потому она написала рѣшеніе, что такъ какъ Щулепникова имѣетъ за себя законъ, запрещающій вѣрить пока-

заніямъ противъ того, кто привелъ преступника, а Щулепникову оговариваютъ люди, на которыхъ она указала какъ на убійцъ мужа, то она освобождается отъ пытки, а вмѣсто того должна быть заключена на годъ въ монастырь или въ тюрьму, гдѣ никто не можетъ ее видить кромѣ священника, который долженъ уговаривать ее признаться, при чемъ судьи должны допрашивать ее каждые четыре мѣсяца и сравнивать ея допросныя рѣчи съ прежними. Если она признается въ теченіи этого времени, или откроется болѣе доказательствъ преступленія или невинности, то должно поступить по законамъ. Если она не признается въ теченіи года, то совершенно освобождается [5]. Астраханская губернская канцелярія донесла, что по указу 763 года въ приписныхъ городахъ пытокъ чинить не велѣно, но такъ какъ приписной городъ Саратовъ отъ Астрахани въ 700 верстахъ, то канцелярія проситъ, не повелѣно ль будетъ производить пытки въ Саратовѣ. Сенатъ приказалъ: въ силу именного указа 764 года стараться не возя колодниковъ въ губернскіе города, оканчивать дѣла въ указанный срокъ безъ пытокъ [6].

Въ это же время Екатерина должна была рѣшить трудное и непріятное дѣло. Знаменитый графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ единственнаго сына, поведеніемъ котораго имѣлъ полное право быть крайне недовольнымъ. Неудовольствіе было давнее, что мы имѣли уже случай видѣть въ письмѣ Бестужева къ императрицѣ Елисаветѣ; не смотря на то, благодаря значенію отца, сынъ быстро поднялся по служебной лѣстницѣ, былъ уже давно генераломъ, исполнялъ важныя порученія; но теперь, передъ самою смертію, старикъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбою о наказаніи непокорнаго сына, по рѣшенію верховной власти, безъ суда, ссылкою въ монастырь. Сначала императрица рѣшительно отказала въ просьбѣ: «просили вы меня, отвѣчала она Бестужеву, о наказаніи вашего сына, котораго поступки конечно всякаго похуленія достойны. Но кому исправленіе сына болѣе принадлежитъ, какъ не отцу его? Родительская ваша власть, законами утвержденная, ни чинами, ни лѣтами вашего сына не нарушается, кольми паче, когда онъ и службою еще никакою не обязанъ. Онъ погрѣшилъ передъ вами, раздражая дурнымъ своимъ поведеніемъ васъ, а передъ женою неприличною и жестокою его съ нею поступкою. Въ обоихъ случаяхъ могутъ обви-

нить и наказать его государственныя узаконенія, если къ порядочному правосудію вы прибѣгнете. А предо мною и отечествомъ не сдѣлалъ онъ такого преступленія, за котороебъ не только наказать его ссылкою и хлѣбомъ и водою на долгое время, какъ вы просите, и что у насъ вмѣсто смерти употребляется, но чтобъ и чиновъ его лишить, которыхъ отнюдь при томъ великомъ наказаніи оставить при немъ не можно. Тѣмъ меньше мнѣ дозволить можетъ справедливость послать съ нимъ въ заточеніе невиннаго штабъ-офицера съ командою. Слѣдовательно на ваше письмо я ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что я объ васъ жалѣю и что какъ вы за непослушаніе его имѣете отцовское къ наказанію, такъ и жена къ разводу съ нимъ право, которое въ подлежащихъ мѣстахъ законнымъ порядкомъ употребить можете, если захотите».

Но чрезъ недѣлю Екатерина перемѣнила свое рѣшеніе; подѣйствовало ли на нее новое письмо Бестужева или совѣты другихъ лицъ—неизвѣстно, только она написала старику: «Прошеніе ваше справедливо. Непорядочное поведеніе сына вашего заслуживаетъ родительскій вашъ гнѣвъ и такое исправленіе, какое вы въ письмѣ своемъ изображаете. Къ настоятелю Свирскаго монастыря будетъ о пріемѣ его писано съ тѣмъ конно-гвардіи унтеръофицеромъ, который съ командою препроводить его туда пошлется. Но какъ дѣйствительно не можетъ вашъ сынъ во время содержанія его подъ началомъ надѣвать пожалованныхъ ему для васъ знаковъ чести, тоже чиномъ своимъ величаться, то и можете вы какъ кавалеріи, такъ и ключъ удержать у себя до тѣхъ поръ, доколѣ заблагоразсудите въ монастырѣ его оставить, а и чиномъ по сіе время ему именоваться запрещено будетъ, содержаніе ему въ монастырѣ такое предписать вы можете, какое съ неистовою его жизнію, должнымъ наказаніемъ и вашимъ человѣколюбіемъ и отцовскимъ сердцемъ сходно». И четырехъ мѣсяцевъ не пробылъ Андрей Бестужевъ въ монастырѣ, какъ отецъ его умеръ, и тогда сенатъ получилъ именной указъ: «по смерти графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, родные племянники его, князья Волконскіе просили насъ, чтобъ оставшаго по немъ имѣнія сыну его, за развратною и неистовою его жизнію, не отдавать, а опредѣлить къ оному опекуновъ». Поэтому императрица приказала сенату опредѣлить опекуновъ князей Волконскихъ и еще

двухъ стороннихъ заслуженныхъ и честныхъ персонъ, дабы крестьяне отъ разоренія были сбережены; доходы съ имѣнія опекуны должны были дѣлить на двѣ равныя части: одна шла на прожитокъ графу Андрею Бестужеву-Рюмину, а изъ другой уплачивать его и отцовскіе долги; когда же всѣ долги будутъ уплачены, тогда всѣ доходы должны отдаваться графу Андрею, который освобождается изъ монастыря со внушеніемъ, чтобъ жилъ смирно и добропорядочно гдѣ пожелаетъ, кромѣ своихъ деревень [7].

Взяточничество вызвало новую мѣру со стороны правительства. Въ концѣ года сенатъ получилъ именной указъ—распубликовать во всемъ государствѣ объ учиненныхъ наказаніяхъ за взятки и лихоимство. Въ указѣ говорилось: «Многократно въ народѣ печатными указами было повторяемо, что взятки и мздоприимство развращаютъ правосудіе и утѣсняютъ бѣдствующихъ. Сей вкоренившійся на судѣ порокъ при восшествіи нашемъ на престолъ перво всего понудилъ насъ манифестомъ объявить въ народѣ наше матернее увѣщаніе, дабы тѣ, которые заражены еще сею страстію, отправляя судъ такъ какъ дѣло Божіе, воздержались отъ такого зла, а въ случаѣ ихъ преступленія и за тѣмъ нашимъ увѣщаніемъ не ожидали бы болѣе нашего помилованія. Но, къ чрезмѣрному нашему сожалѣнію, открылось, что и послѣ того нашего увѣщанія нашлися еще такіе, которые мздоприимствовали въ утѣсненіе многимъ и въ повреждение нашего интереса; а что паче всего, будучи сами начальствующіе и одолженные собою представлять образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые преступниками учинилися и ихъ въ то же зло завели». Распубликованы вины и наказанія 39 человѣкъ, причастныхъ къ дѣлу о взяткахъ по винокуренію въ Бѣлгородской губерніи; здѣсь во главѣ преступниковъ поставленъ правящій губернаторскую должность князь Григорій Шаховской и губернаторскій товарищъ Безобразовъ [8]. О Шаховскомъ состоялась такая высочайшая резолюція: «Кн. Григорій Шаховской бывши губернаторомъ за свои законамъ противные поступки подлежалъ всякому наказанію, а именно: 1) въ томъ, что имѣючи жалованіе, коснулся взяткамъ. 2) Слабымъ своимъ смотрѣніемъ учинился во всемъ дурнымъ примѣромъ для подчиненныхъ и тѣмъ вовлекъ ихъ въ преступленіе. 3) Чрезъ неиско-

ренение корчемства нанесъ не малый ущербъ казнѣ. 4) А что еще паче всего умножаетъ его преступленіе, все сіе учинено имъ послѣ милостиваго указа 1762 года, слѣдовательно и наказанію подлежитъ образцовому, а именно: лишивъ его всѣхъ чиновъ и довѣренности, соединенной съ оными, которыя онъ учинилъ себя недостойнымъ, что ему и объявить; а въ разсужденіи заслугъ, усердія и ревности къ службѣ дяди его князя Якова Шаховского, повелѣваемъ сіе наказаніе отмѣнивъ, обратить оное ему въ четырехлѣтнюю ссылку въ его деревню и впредь не опредѣлять его ни къ какимъ дѣламъ, и притомъ ко двору ему не ѣздить и въ Бѣлгородскую губернію не въѣзжать [9].

Бѣлгородскій губернаторъ былъ наказанъ за «слабое смотрѣніе»; Оренбургскій губернаторъ князь Путятинъ отличился уже слишкомъ сильнымъ смотрѣніемъ: онъ донесъ сенату, что за неисправности въ дѣлахъ Исецкой провинціальной канцеляріи смѣнилъ всѣхъ чиновниковъ и на ихъ мѣсто опредѣлилъ другихъ. Сенатъ счелъ возможнымъ выйти изъ затрудненія, приказавши на мѣсто отрѣшенныхъ вмѣстѣ съ опредѣленными отъ губэрнатора представить отъ герольдіи кандидатовъ [10]. Сенатъ получилъ также любопытную челобитную отъ полковника и Казанской губерніи губернаторскаго товарища князя Вадбольскаго, который просилъ о перемѣщеніи его въ Галицкую провинцію въ воеводы, по согласному въ томъ съ нимъ желанію этой провинціи воеводы статскаго совѣтника Кудрявцева, просившаго о переводѣ его губернаторскимъ товарищемъ въ Казань, при чемъ Казанскій губернаторъ объявилъ что въ такомъ перемѣщеніи никакого затрудненія и остановки въ дѣлахъ быть не можетъ. Сенатъ приказалъ обождать резолюціею, ибо отъ архангельскаго губернатора, подъ вѣдѣніемъ котораго находилась галицкая провинція, представленіе о Кудрявцевѣ еще не прислано; но потомъ сенатъ велѣлъ перемѣстить [11]. Лучшій изъ губернаторовъ, самый дѣятельный и просвѣщенный, Сиверсъ позволялъ себѣ иногда поступки, которые сенатъ не могъ совершенно одобрить. Такъ онъ донесъ, что въ бытность его въ Олонцѣ открылось похищеніе изъ тамошней воеводской канцеляріи болѣе чѣмъ на 6300 рублей, которые онъ *для скорости* взыскалъ съ воеводы Жеребцова и съ похитителей, расходчика и счетчика; воеводу Жеребцова и секретаря Литвинова, хотя со стороны перваго

умысла не оказалось, а послѣдній недавно при канцеляріи находился, за ихъ несмотрѣніе отъ должности отрѣшилъ, а настоящихъ похитителей велѣлъ держать подъ карауломъ, описавъ ихъ имѣніе. Сенатъ одобрилъ распоряженіе Сиверса, но предписалъ, что такъ какъ изъ донесенія не видно, чтобъ отъ воеводы и секретаря были взяты письменные отвѣты, безъ которыхъ дѣла рѣшить и отъ должностей отставить ихъ нельзя, то пусть губернаторъ возьметъ отъ нихъ эти письменные отвѣты съ признаніемъ и, разсмотря, представитъ въ сенатъ съ своимъ мнѣніемъ, равно какъ и о другихъ [12].

Изъ донесеній императрицѣ генералъ-полицеймейстера Чичерина узнаемъ, что въ Петербургѣ по 1 января 1766 года было жителей мужескаго пола 39456, женскаго 24613, и того 64069 человѣкъ; къ первому января 1767 оставалось: мужчинъ 42338, женщинъ 24980, всего 67318. Относительно Москвы мы не имѣемъ такихъ извѣстій; Московскій губернаторъ Юшковъ доносилъ, что по вступленіи его въ управленіе губерніею отъ бывшаго губернатора Жеребцова въ росписномъ спискѣ показано: нерѣшенныхъ дѣлъ только съ 756 года 1215, счетовъ 23, а ревизіонъ-коллегія требуетъ ихъ до 800; доимки разныхъ сборовъ явилось 1,543,724 рубля, да въ архивѣ дѣлъ множество, которыя всѣ не описаны, а хотя нѣсколько и описывано, но опись дѣлано было только вчернѣ, безъ описи же сколько и еще есть нерѣшенныхъ дѣлъ узнать и требуемыхъ счетовъ сочинить нельзя; текущихъ дѣлъ бываетъ не мало, такъ какъ Московская губернія имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ 50 городовъ и болѣе двухъ милліоновъ душъ. Для исправленія всѣхъ этихъ дѣлъ положено при губернаторѣ два товарища, три секретаря, 31 служитель; на канцелярскіе расходы отпускается 400 рублей, да въ розыскной экспедиціи 2 члена, 18 служителей, на расходы отпускается 100 рублей. Въ 1766 году, при свидѣтельствѣ денегъ подушнаго сбора, у трехъ счетчиковъ на этотъ только одинъ годъ не явилось съ небольшимъ 3000 рублей; счетчики признались въ воровствѣ этой суммы и другихъ денегъ въ прежніе годы и показали на ассессора и секретаря [13].

Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Солтыковъ донесъ о небываломъ со временъ царя Алексѣя происшествіи въ древней столицѣ. «Мною прежде донесено, писалъ фельдмаршалъ, коимъ

образомъ здѣсь въ Москвѣ не токмо воровства, грабежей, но и разбоевъ весьма умножилось, и пойманные воры и разбойники, изъ которыхъ нѣкоторые, бывъ и прежде въ приводѣ, но по произведеннымъ надъ ними пыткамъ, паки освобождены, объявляютъ пристани свои въ Покровской, Преображенской и тому подобныхъ слободахъ. Въ подтвержденіе явный на сихъ дняхъ примѣръ послѣдовалъ. 18 сего мѣсяца (марта), по требованію мануфактуръ-коллегіи, съ присланною отъ оной военною и полицейскою командою посыланы были регистраторъ и приказные служители въ село Покровское, въ домъ крестьянина и купца Дмитріева для выемки и описи неуказной фабрики, и при описи той фабрики нашли какъ станы, такъ и сдѣланныя на оныхъ тафты, ленты и прочіе товары, что все опечатавъ, вышли изъ того дома вонъ; но въ тожъ самое время множество незнаемыхъ людей, вооруженною рукою, съ дубьемъ и кольями напали на команду съ такою запальчивостію, что многіе изъ десятскихъ и солдатъ почти до полусмерти прибиты, изъ коихъ нѣкоторые едваль ожить могутъ, при чемъ и самъ управитель (дворцовый села) битъ же». Императрица, получивъ это донесеніе, очень разсердилась, послала генералъ-полицiймейстера Чичерина изслѣдовать дѣло, и въ концѣ собственноручнаго проекта письма къ Солтыкову, написала: «Что прежде сего когда на Москвѣ чернь не бунтовала, то искони бѣ сборище было въ селѣ Рубцовѣ, которое царь Михаилъ Ѳедоровичъ переименовалъ Покровское». Чичеринъ донесъ, что вся бѣда стала отъ сенатскаго курьера, безъ котораго чернь не поднялась бы [14].

Изъ Астрахани сенатъ получилъ челобитную отъ старшины первостатейнаго купечества, Ивана Большова Телепнева: по приказу губернатора Бекетова велѣно было купцамъ первой и второй гильдіи явиться въ магистратъ, изъ котораго онъ, Телепневъ соперниками своими, бургомистрами Скворцовымъ и Волковойновымъ и прочими отведенъ былъ въ домъ къ губернатору. Бекетовъ, выславъ его вонъ, отдалъ къ подпискѣ заготовленное на него Телепнева письмо, будто бы Телепневъ безчестилъ губернатора въ предложеніи своемъ, поданномъ магистрату. Соперники его были въ соглашеніи съ губернаторомъ, а такъ какъ послѣдній произносилъ противъ Телепнева страшныя угрозы, то и прочіе купцы, испугавшись, принуждены были

подписываться подъ письмомъ, при чемъ нѣкоторые вѣроятно и не знаютъ, что въ немъ написано; послѣ этого губернаторъ держитъ его больше мѣсяца безвинно подъ карауломъ, чѣмъ нанесъ большой вредъ его торговлѣ. Онъ, Телепневъ, опасается, что на него пересланы будутъ въ высшее правительство напрасныя обвиненія, тогда какъ дѣло было такъ: губернаторъ предписалъ брать новые, противузаконные сборы съ рыбныхъ промышленниковъ; онъ, Телепневъ, по должности своей, подалъ противъ этого голосъ въ магистратѣ, при чемъ совѣтовалъ просить письменно губернатора объ отмѣнѣ новой тягости, а если отмѣны не будетъ, то представить сенату; но члены магистрата, вмѣсто этого, отослали губернатору подлинное предложеніе Телепнева; тогда Бекетовъ и сочинилъ на него бумагу и далъ къ подписи всему купечеству. Въ заключеніе Телепневъ просилъ освободить его отъ губернаторской команды, дабы Бекетовъ не могъ его заслать безвинно въ безвѣстныя мѣста. Сенатъ рѣшилъ: въ астраханскую губернскую канцелярію послать указъ освободить Телепнева изъ подъ караула, если онъ не обвиняется ни въ чемъ другомъ, кромѣ означеннаго въ его челобитной [15].

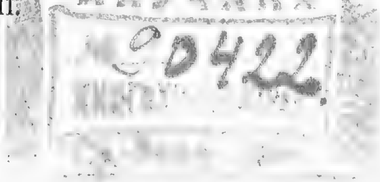
Брянскіе купцы жаловались въ главный магистратъ на обиды отъ генералъ-майора Медема. Главный магистратъ далъ знать объ этомъ командующему Сѣвскою дивизіею генералъ-поручику фонъ-Штофельну, который поручилъ слѣдствіе генералъ-майору Маслову съ штабъ и оберъ-офицерами. Слѣдователи донесли: 1) Медемъ у брянскихъ купцовъ Семыкина и Некрасова взялъ безденежно 200 бревенъ, а у старосты Преженцова корову; 2) купцы — Климовъ по щекамъ и плетьми, Чамовъ палкою, Преженцовъ по щекамъ биты. Медему велѣно за взятое заплатить деньги, а битыхъ за увѣчье и безчестье удовольствовать по уложенью [16]. Мы упоминали объ орловскихъ смутахъ, о борьбѣ купеческихъ партій, партіи Дубровиныхъ съ партіею Кузнецовыхъ; [17] теперь это дѣло кончилось: Дмитрій Дубровинъ и сынъ его Михайла приговорены были къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Оренбургъ; но по указу императрицы вмѣсто этого велѣно было только взять съ нихъ штрафа по 1000 рублей съ каждаго на московскій Воспитательный домъ, впредь ихъ въ судьи магистратскіе не опредѣлять и выслать обоихъ изъ Орла

на десять лѣтъ; Андрея Дубровина, вмѣсто наказанія плетьми, выслать изъ Орла съ подпискою на пять лѣтъ, взыскавъ съ него штрафъ на московскій Воспитательный домъ 100 рублей. Оказалось, что всѣ раздоры между орловскимъ купечествомъ произошли единственно отъ непорядочнаго содержанія бывшаго за Дубровинымъ виннаго откупа [18].

Въ Бѣлевѣ постигла воеводу не бывалая бѣда, но не въ слѣдствіе столкновенія съ купцами. Въ день коронаціи ассессоръ Бунинъ съ товарищами напалъ на воеводу Каштадинскаго; полковникъ квартирующаго въ Бѣлевѣ Воронежскаго полка Олсуфьевъ зазвалъ Каштадинскаго къ себѣ съ обнадеживаніемъ, что въ его квартирѣ онъ будетъ безопасенъ, а между тѣмъ отдалъ его въ руки враговъ, и крикъ несчастнаго воеводы былъ заглушенъ барабаннымъ боемъ [19]. Относительно нравовъ въ отдаленныхъ областяхъ любопытное дѣло производилось въ воронежской консисторіи: елецкій помѣщикъ поручикъ Опухтинъ женился на своей дворовой дѣвицѣ, а потомъ выдалъ ее замужъ за кузнеца. На слѣдствіи Опухтинъ показывалъ: вѣнчанъ ли на той своей крѣпостной — за пьянствомъ и ипохондрическою болѣзнію не упомнитъ. Синодъ велѣлъ увѣщевать Опухтина, чтобъ взялъ жену свою отъ кузнеца и жилъ съ нею какъ съ законною своею женою; если увѣщанія не помогутъ, то пусть воронежская губернская канцелярія учинитъ ему понужденіе; если же онъ и тутъ останется непреклоненъ, то послать его въ монастырь на покаяніе, а женѣ дать приличную часть изъ имѣнія его на пропитаніе. Сенатъ приказалъ подтвердить объ исполненіи этого синодскаго рѣшенія. Другой случай: Тамбовскій прокуроръ Жилинъ подалъ въ сенатъ челобитную съ жалобою на обиду отъ поповъ никольской церкви въ Тамбовѣ: во время обѣдни съ великимъ невѣжествомъ принуждали они его или оставить бывшую у него въ рукахъ трость, или выйти вонъ. Онъ подалъ на поповъ челобитную въ тамбовскую духовную консисторію, но челобитная возвращена ему съ надписью, что уже по поданному отъ помянутыхъ поповъ въ канцелярію доношенію отъ преосвященнаго велѣно произвести обо всемъ слѣдствіе немедленно. Прокуроръ объяснялъ сенату, что все это произошло единственно по злобѣ на него тамбовскаго епископа, который и въ келью свою ему входить запретилъ. Сенатъ при-

казалъ сообщить въ синодъ, что такое происшествіе во время божественной службы очень неприлично и соблазнительно, и потому сенатъ разсуждаетъ, что надобно изыскать въ этомъ дѣлѣ самую истину и съ виновными поступить по законамъ; св. синодъ благоволитъ назначить отъ себя къ этому слѣдствію депутата, а отъ сената опредѣленъ будетъ тамбовскій воеводскій товарищъ; сенатъ приказалъ равномѣрно же объяснить св. синоду, что и поступокъ тамбовскаго епископа въ запрещеніи прокурору Жилину входить въ архіерейскія кельи сколько неприличенъ духовному чину, столько же и чести прокурора предосудителенъ» [20].

Но не въ этихъ явленіяхъ, какъ бы они ни были странны, крылась опасность. Коллежскій совѣтникъ Шиловскій подалъ челобитную о побѣгахъ крестьянъ своихъ изъ сельца Лешина московскаго уѣзда: эти бѣглые, подъ видомъ вышедшихъ изъ Польши, принимались въ малороссійскія раскольничьи слободы, откуда подъѣзжая, подговаривали и остальныхъ его крестьянъ къ бѣгству. Дворяне разныхъ уѣздовъ Новгородской губерніи били челомъ, что имѣютъ свои деревни въ смежности съ Лифляндіею и Эстляндіею, куда ихъ крестьяне не только одни, но и цѣлыми семьями убѣгаютъ и отъ тамошнихъ помѣщиковъ и мызниковъ въ невозвратное укрывательство ихъ и передерживаніе получаютъ подъ свое поселеніе земли. Сенатъ приказалъ: указъ 1754 года о недержаніи бѣглыхъ переведя на нѣмецкій и финскій языки, публиковать въ балтійскихъ провинціяхъ. Повторялись извѣстія о побѣгахъ, повторялись извѣстія о бунтахъ крестьянскихъ. Воронежскій губернаторъ донесъ: на желѣзныхъ заводахъ князя Петра Ив. Репнина (оберъ-шталмейстера), Липскихъ, Боренскихъ и Козминскихъ мастеровые и рабочіе всѣ согласно объявили, что работы исправлять отреклись; чтобъ привести остальныхъ въ чувство, губернаторъ велѣлъ двоихъ наказать плетьми, но и послѣ того какъ наказанные, такъ и прочіе остались при своемъ объявленіи, не обнаруживая относительно наказанія никакого сопротивленія: поэтому губернаторъ безъ сенатскаго повелѣнія къ наказанію такого великаго числа людей приступить не могъ. Сенатъ велѣлъ 10 человѣкъ высѣчь кнутомъ и сослать на нерчинскіе заводы; другихъ, которые приходили скопомъ къ воронежской губернской канцеля-



ріи, наказать публично плетьми. Темниковскаго уѣзда села Архангельскаго четверо крестьянъ подали челобитную, что отъ тяжкихъ оброковъ помѣщика Еникеева пришли въ убожество, при чемъ говорили, что по указу 1766 года опредѣлено за тяжкими отъ помѣщиковъ оброками крестьянъ отписывать на государыню; Еникеевъ показалъ, что крестьяне его Архангельскаго села, въ томъ числѣ и челобитчики, приходили нарядныыъ дѣломъ въ домъ его, дворовыхъ людей били, жену его бранили, грозили убить до смерти и отъ послушанія отказались. Послана была противъ нихъ команда; но крестьяне бросали въ нее каменьями, и собравши со всего міра денегъ до 300 рублей, отправили челобитчиковъ. Изъ показаній этихъ челобитчиковъ обнаружилось, что оброкъ и работы вовсе не тяжкіе, и потому челобитчиковъ наказали плетьми. Изъ Воронежской губерніи пришло новое извѣстіе: возмутились крестьяне изъ Малороссіянъ (Черкасы) въ имѣньяхъ фельдмаршала Бутурлина и графа Воронцова, генералъ-поручика Сафонова, полковника кн. Трубецкого и Алексѣя Плохово, отъ подданства господамъ своимъ отказались, чинятъ противности, непорядки и озорничества. Возстаніе обхватило и смежныя мѣста Бѣлгородской губерніи. Императрица приказала: объявить возставшимъ слободамъ, чтобъ непремѣнно вошли въ послушаніе тѣмъ, которые называютъ ихъ своими, а между тѣмъ сенатъ долженъ приказать разсмотрѣть гдѣ слѣдуетъ, правильно ли этими малороссійскими слободами кто владѣетъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ Малороссіяне обыкновенно не живутъ, да и подобныя безпокойства безъ причины не бываютъ, и не изслѣдовавъ этой причины, все что ни будетъ сдѣлано, прямо зла не искоренитъ, слѣдовательно искры противныя тишинѣ государственной оставитъ. Сенатъ поручилъ дѣло воронежскому губернатору Маслову, который черезъ два мѣсяца донесъ, что Малороссіяне, не смотря на увѣщанія, единогласно объявили, что за владѣльцами быть не хотятъ, а желаютъ быть государственными крестьянами. Сенатъ рѣшилъ подать докладъ: такъ какъ черкасами высочайшій указъ презрѣнъ, и такъ какъ нужно при самомъ началѣ искоренять малѣйшее сопротивленіе власти въ толь подломъ родѣ людей, то неугодно ли будетъ Черкасъ усмирить воинскими командами; зачинщиковъ наказать на тѣлѣ, а между тѣмъ о земляхъ, состоящихъ подъ поселе-

ніемъ этихъ Черкасъ, Вотчинной коллегіи сдѣлать скорое разсмотрѣніе [21]. Докладъ былъ утвержденъ, и сенатъ донесъ, что Малороссіяне воинскими командами усмирены въ присутствіи губернатора и обязаны подписками быть имъ по прежнему въ повиновеніи помѣщикамъ, но съ тѣмъ, какъ они изъясняли: если кто изъ нихъ въ тѣхъ слободахъ жить не захочетъ, то вольно переходить въ другое мѣсто [22]. Въ той же Воронежской губерніи, въ Тамбовскомъ уѣздѣ взбунтовались крестьяне въ вотчинѣ Фролова-Багрѣева, въ селѣ Васильевскомъ, Русская Поляна тожъ, дрались съ посланною противъ нихъ командою, схватили и закололи поручика, переранили солдатъ; къ нимъ на помощь пришло и множество и волостныхъ крестьянъ. Побѣжали только тогда, когда солдаты изъ ружья убили одного мужика; разбѣжались въ лѣсъ [23]. Мы видѣли, что темниковскіе крестьяне встали противъ помѣщика, возбужденные слухомъ о какомъ-то освободительномъ указѣ. Сенатъ счелъ нужнымъ публиковать, что такого указа никогда не бывало, и потому разгласителей ловить и поступать съ ними по указамъ безъ малѣйшаго послабленія.

Сиверсъ писалъ Екатеринѣ: «Число бродягъ такъ увеличивается, что тюрьмы ими переполнены, какъ въ слѣдствіе тиранства господъ, такъ и въ слѣдствіе малаго наказанія за побѣгъ. Еслибы ихъ брать въ рекруты, то и баринъ, и слуга испугались бы: первый сталъ бы человѣколюбивѣе, а другой послушнѣе. Не помнящіе родства, люди незаконнаго происхожденія увеличиваютъ разсадникъ воровъ. Такъ называемые цыгане заражаютъ страну; они платятъ нѣкоторымъ титулованнымъ господамъ хорошій оброкъ, бродятъ повсюду и живутъ обманывая простоватаго крестьянина. Есть указъ, отсылающій ихъ въ украйну; но и здѣсь найдены лазейки для его обхода. Ружье или Оренбургъ были бы для нихъ лучше. Ихъ надобно вдругъ захватить, чтобъ не ушли въ Польшу [25]». Сиверсъ пропустилъ еще одну причину бродяжничества: Клинскій воевода доносилъ, что крестьяне, по недостатку хлѣба, питаются примѣшивая къ ржаной и яровой мукѣ пивной дробъ, и другія масляныя изъ коноплей и льна избоины и мякину, впредь же, за недородомъ хлѣба, нѣкоторые обыватели будутъ довольствоваться уже не хлѣбомъ, а мякиною. Звенигородскій воевода доносилъ,

что нѣкоторые крестьяне покупали рожь въ Москвѣ и въ украинскихъ городахъ, продавая скотину, яровой хлѣбъ и платье, къ ржаной муки примѣшиваютъ отруби и мякину. Изъ Можайскаго, Бѣжецкаго и Рузскаго уѣзда приходили тѣже извѣстія съ прибавкою, что крестьяне разбрелись просить милостыню. Сенатъ велѣлъ помѣщикамъ, подъ опасеніемъ штрафа, ссужать крестьянъ хлѣбомъ какъ на пищу, такъ и на сѣмена; тоже предписано и Дворцовой Канцеляріи. Послѣдняя донесла, что она распорядилась не сбирать съ крестьянъ дворцовыхъ доходовъ, кромѣ государственныхъ сборовъ, снабдить же ихъ хлѣбомъ она не находитъ средства за неимѣніемъ его въ наличности въ дворцовыхъ волостяхъ. Сенатъ приказалъ рекомендовать Дворцовой Канцеляріи, чтобъ она старалась завести въ дворцовыхъ волостяхъ запасные магазины [26].

Бродяга при извѣстныхъ условіяхъ переходилъ въ разбойника; разбойничество являлось по прежнему въ формѣ ушкуйничества по восточнымъ рѣкамъ, протекавшимъ по областямъ малолюднымъ. Алаторская провинціальная канцелярія извѣщала, что 10 мая пополуночи въ 3-мъ часу въ вотчину графини Солтыковой подъ село Поромзино-Городище пріѣхало на двухъ лодкахъ воровскихъ людей человѣкъ до 20 съ 4 пушками, съ ружьями, тесаками, бердышами и рогатинами, зажгли это село вдругъ мѣстахъ въ десяти, отъ чего сгорѣло слишкомъ 400 дворовъ, четырехъ человѣкъ до смерти убили, многихъ переранили, прибили. При чтеніи этого донесенія въ сенатѣ, сенаторъ Суворовъ и оберъ-секретарь Ермолаевъ объявили полученныя ими частныя письма, что и въ другихъ мѣстахъ тойже провинціи оказалась разбойники въ малолюдныхъ шайкахъ. Сенатъ приказалъ нарядить для ихъ поимки 120 человѣкъ Волжскихъ козаковъ [27]. Казанскій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ доносилъ о появившейся по Сурѣ рѣкѣ разбойнической вооруженной шайкѣ, которая въ Пензенскомъ уѣздѣ разбила и разграбила винокуренный заводъ княгини Голицыной въ селѣ Таскомъ, людей била смертно; выжгла и разграбила село Шукшу тойже кн. Голицыной, людей перепытали и пережгли; въ Саранскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Акинѳіева, въ селѣ Степановскомъ разбили и пограбили помѣщичьи и крестьянскіе дворы и винокуренный заводъ; плывущія по рѣкѣ Сурѣ въ Астрахань съ подряднымъ виномъ

графа Андрея Шувалова суда разбили, деньги пограбили, печатные паспорты у работниковъ побрали. Со степи отъ города Саратова пріѣхали въ Кутино Зимовье пензенскаго уѣзда человѣкъ 60 верхами, съ ружьями, копьями и пистолетами, называли себя козаками и говорили, что если кто изъ обывателей станетъ ихъ ловить или подниметъ тревогу, то побьютъ всѣхъ досмерти; ранили пѣхотнаго солдата, прокололи копьемъ голову лежащему въ колыбели младенцу и, забравши силою по дворамъ хлѣбъ, уѣхали. Сенатъ объявилъ, что въ разсужденіи недостатка тамъ воинскихъ чиновъ не надѣется желаемаго успѣха въ скоромъ искорененіи злодѣевъ: инвалидныя роты составлены изъ престарѣлыхъ и раненыхъ, опредѣленные же при канцеляріяхъ въ штатное число всегда находятся въ караулахъ и на другихъ службахъ, притомъ они всѣ безконные, поэтому сенатъ предлагалъ употребить донскихъ и волжскихъ козаковъ [28]. Такимъ образомъ сенатъ признавался, что въ случаѣ какой-нибудь опасности для восточной украйны средства охраненія ея совершенно недостаточны.

А признаки опасности не переставали обнаруживаться, и такой опасности, для уничтоженія которой нельзя было полагаться на козаковъ. Въ 1761 году козакъ Каменьщиковъ, жившій въ Чебаркульской крѣпости, явился въ Троицкую крѣпость съ доносомъ на старшинъ Яицкаго войска, что они сбирали съ козаковъ деньги, сперва по 2 рубли, въ другой разъ по 37 копѣекъ, въ третій по $10^1/_2$ копѣйки, что наряжали козаковъ для провожанія провіанта неволею; донесъ на сотника и капрала, что давали козакамъ порохъ съ обвѣсомъ отъ каждаго фунта по четверти. Доносъ былъ принятъ, но прежде чѣмъ началось слѣдствіе, прошло года два. Между тѣмъ старшины, провѣдавъ о доносѣ, начали притѣснять Каменьщикова; тотъ изъ Чебаркульской крѣпости уѣхалъ безъ паспорта въ Челябинскую крѣпость, гдѣ его за это посадили подъ караулъ на 33 недѣли. Въ 1763 году взяли его наконецъ въ Троицкую крѣпость къ слѣдствію по его доносу; потомъ отпустили домой; въ 1764 году опять позвали въ Троицкую крѣпость для слушанія экстрактовъ изъ дѣла, послѣ чего жилъ онъ на свободѣ мѣсяцевъ семь, какъ вдругъ взяли его и высѣкли трижды плетьми за держаніе у себя суевѣрной и волшебной тетради, за то, что стрѣлялъ по казаку изъ

ружья пулею и за то, что прибилъ казака по щекамъ. Послѣ наказанія посадили подъ караулъ скованнаго. Тутъ принялъ онъ намѣреніе донесть въ Петербургъ, въ Сенатъ, что дѣло его слѣдовано несправедливо. Въ бытность въ Троицкой крѣпости неразъ прихаживалъ къ нему Исецкой провинціи Окуневской слободы государственный крестьянинъ Семенъ Телминовъ и говорилъ: «возьми и меня съ собою въ Петербургъ, у насъ есть нужда въ Питерѣ просить, что Татары у насъ завладѣли нашими крѣпостными землями». Каменьщиковъ ушелъ изъ тюрьмы, воспользовавшись тѣмъ, что, запнувшись за что-то, упалъ и желѣза на немъ переломились. Изъ Троицкой крѣпости онъ пошелъ прямо въ Коевское село, гдѣ Телминовъ обѣщалъ его дожидаться. Пришедши въ село, онъ сказалъ первому встрѣчному мужику, чтобъ велѣлъ Телминову пріѣзжать къ нему въ боръ по Чебаркальской дорогѣ. Телминовъ не заставилъ себя ждать, привезъ съ собою и брата. Каменьщиковъ сказалъ Телминову: «Поѣзжай ты въ Далматовъ монастырь къ крестьянину Кузьмѣ Мерзлякову и дожидайся меня у него». Изъ Далматова монастыря всѣ трое поѣхали въ деревню Буткинскую на озерѣ того же имени, гдѣ велѣли собраться крестьянамъ, и Каменьщиковъ говорилъ имъ: «Ну, ребята, я иду въ Питеръ, и вы прикладывайте къ Семенову (Телминовъ) выбору руки», на что они и согласились; а потомъ, пробывъ въ деревнѣ три дня, поѣхали верхами въ принадлежавшее Демидову село Охлупневское для того, что когда Каменьщиковъ былъ еще въ Троицкой крѣпости, демидовскій приписной къ заводамъ крестьянинъ Василій Качаловъ сказывалъ ему, что демидовскіе прикащики ихъ разоряютъ и употребляютъ въ несносныя работы, а все это происходитъ отъ крестьянина Ивана Таскаева и другихъ 15 человѣкъ: по ихъ наушничеству много крестьянъ уже и до смерти побито и перестрѣлено и много домовъ пограблено. Каменьщикову стало жаль этихъ крестьянъ, и онъ захотѣлъ этимъ ушникамъ отомстить, чтобъ они впередъ Демидовымъ не ябедничали. Для этого призвалъ онъ къ себѣ сотника и сказалъ о себѣ, что онъ курьеръ сенатскій Михайла Рѣзцовъ, посланъ съ указомъ изъ сената для изслѣдованія о крестьянскихъ обидахъ и разореніяхъ, при чемъ приказалъ соцкому, чтобъ онъ привелъ къ нему Таскаева и писаря Шишкина. Когда соцкій привелъ ихъ къ нему, то онъ ихъ

спрашивалъ: «для чего вы пишете и наушничаете Демидову на міръ крещеный, будто крестьяне противятся, на работу не ходятъ»? Таскаевъ и Шишкинъ отвѣчали: «Виноваты, объ этомъ писали, писали на 40 человѣкъ». Тогда Каменьщиковъ приказалъ соцкому собрать крестьянъ изъ другихъ деревень; собралось ихъ человѣкъ 400, и многіе жаловались на Таскаева, Шишкина и другихъ крестьянъ, которые брали съ міру взятки; Каменьщиковъ спросилъ и этихъ обидчиковъ, и всѣ они повинились, что брали взятки. Послѣ этихъ допросовъ Каменьщиковъ велѣлъ крестьянамъ сѣчь плѣтьми всѣхъ обвиненныхъ, начиная съ Таскаева, что и было исполнено; потомъ велѣлъ наказанныхъ посадить подъ караулъ, и пожитки ихъ запечатать. Затѣмъ призвалъ священника и велѣлъ ему приводить жалобщиковъ къ присягѣ, что подлинно они терпѣли отъ прикащиковъ обиды, а Шишкина заставилъ написать въ сенатъ отъ всѣхъ крестьянъ челобитную, которую обѣщалъ имъ самъ доставить въ Петербургъ въ сенатъ; но о чемъ писалъ Шишкинъ, о томъ Каменьщиковъ не зналъ, потому что читать скорописнаго не умѣлъ. Въ то время какъ онъ такимъ образомъ распоряжался, крестьяне дали ему знать, что изъ Шадринска ѣдетъ схватить его 40 человѣкъ команды. Каменьщиковъ, взявъ съ собою братьевъ Телминовыхъ, да двухъ крестьянъ для провожанья, поѣхалъ въ Чебарпульскую крѣпость, гдѣ хотѣлъ взять жену и сына; но жена и сынъ уже ѣхали къ нему и онъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ. Вмѣстѣ съ ними отправился онъ въ Петербургъ; дорога шла мимо Чебуркульской крѣпости, невдалекѣ отъ которой, въ степи ходили его три лошади; онъ взялъ лошадей съ собою, и, не заѣзжая въ свой домъ, поѣхалъ по казанской дорогѣ. Въ казанскомъ уѣздѣ, остановился онъ въ деревнѣ Починкахъ, откуда ходилъ въ село Урахчи въ Петровъ день къ обѣднѣ, и видя тамъ мало богомольцевъ, сказалъ священнику: «для чего въ такой торжественный день мало людей? Знать здѣшніе помѣщики упражняются только въ однихъ забавахъ». На другой день былъ онъ опять въ тойже церкви у обѣдни, гдѣ видѣлъ уже несравненно больше народа. Когда онъ возвратился въ деревню Починки, то ближніе помѣщики звали его къ себѣ на вечеръ посидѣть, но онъ отказался; а ночью прибѣжалъ къ нему помѣщичій человѣкъ Ѳедоръ и объявилъ, что эти помѣщики хотятъ

его схватить и убить, ѣдутъ съ пушкою. Каменьщиковъ, принявъ этого Ѳедора по просьбѣ его въ свою партію, ушелъ въ лѣсъ, изъ котораго видѣлъ, какъ помѣщики со множествомъ крестьянъ, съ ружьями и пушками, оступили деревню и, не найдя его, разошлись. Послѣ этого отправился онъ далѣе и доѣхалъ до Петербургабезо всякихъ приключеній; здѣсь жилъ онъ долго близь Невскаго монастыря, сказываясь оренбургскимъ вахмистромъ Бахметьевскимъ, а крестьянъ и слугу Ѳедора называлъ своими крѣпостными. Наконецъ полиція обратила на него вниманіе и схватила его, когда онъ шелъ въ сенатъ. Такъ разсказывалъ самъ Каменьщиковъ о своихъ похожденіяхъ при допросѣ; но въ оренбургской губернской канцеляріи дознались, что Каменьщиковъ, будучи еще до побѣга въ Исецкой провинціи, разглашалъ, будто императоръ Петръ III живъ и находится вмѣстѣ съ Волковымъ въ Троицкой крѣпости: на нихъ то онъ, Каменьщиковъ и надѣется. Спрошенный объ этомъ, Каменьщиковъ показалъ, что разглашалъ о Петрѣ III-мъ по увѣренію козака Конона Бѣлянина. Каменьщикова приговорили къ жестокому наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и ссылкѣ на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу на вѣки. Бѣлянина за его выдумку высѣкли плетьми [29].

Похожденія Каменщикова вскрываютъ намъ состояніе извѣстной части народонаселенія, именно русскихъ заводскихъ крестьянъ въ странахъ приуральскихъ. О состояніи ясачнаго народонаселенія въ Западной Сибири мы можемъ имѣть понятіе изъ донесеній тамошняго губернатора Дениса Чичерина, одного изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ губернаторовъ екатерининскаго времени. Въ одномъ изъ донесеній своихъ Чичеринъ описываетъ, какія мучительства, разоренія и грабительства претерпѣлъ бѣдный, безгласный ясачный народъ отъ заводскихъ управителей Кругликова и Мельниковыхъ: юрты ихъ жгли, самихъ мучили, скотъ и хлѣбъ грабили. Наряжено было слѣдствіе: управители изобличены, признались, обязались заплатить за все пограбленное и истребленное, многимъ уже и заплатили. Главный командиръ Колывано-воскресенскихъ заводовъ Порошинъ дѣйствовалъ согласно съ губернаторомъ, подтверждалъ управителямъ указами, чтобъ шли къ отвѣту и удовлетворяли обиженныхъ. Но потомъ управители, видя, что по слѣдствію придется имъ заплатить очень

много, бѣжали въ Барнаулъ и подали Порошину донесеніе съ оправданіемъ своихъ поступковъ. Порошинъ нашелъ ихъ показанія справедливыми и отправилъ ихъ на прежнія мѣста. Обнадежившись, что главный командиръ, независимый отъ губернатора, сталъ за нихъ, управители увеличили свое озорничество, по выраженію Чичерина: въ Кузнецкѣ управитель Мельниковъ во всемъ своемъ вѣдомствѣ запретилъ, чтобъ зимою никто не смѣлъ принимать ясачныхъ въ свои домы, и они принуждены были сидѣть въ юртахъ безвыѣздно; Кругликовъ запретилъ продавать татарамъ хлѣбъ и цѣлую зиму морилъ ихъ голодомъ. Разоренные вконецъ этими управителями, томскіе и кузнецкіе ясачные разбѣжались въ дикіе отдаленные лѣса. Чичаринъ переписывался объ этомъ съ Порошинымъ около двухъ лѣтъ: Порошинъ постоянно утверждалъ, что Мельниковъ и Кругликовъ правы. Наконецъ Чичеринъ велѣлъ забрать виновныхъ въ коммиссію, учрежденную для раскладки ясака: но Кругликовъ, собравъ до 200 мужиковъ своего вѣдомства, перебилъ посланныхъ изъ коммиссіи, причемъ самъ командовалъ, сидя на лошади съ обнаженною шпагою; тоже сдѣлалъ и Мельниковъ, и оба ушли въ Барнаулъ. Чичеринъ прописывалъ въ чемъ состояли притѣсненія ясачнымъ: если ясачные распахали сколько-нибудь десятинъ земли и при этомъ не подарили управителей, то лишаются этой земли подъ предлогомъ размноженія хлѣбопашества на заводахъ, хотя заводскому крестьянину не только пахать тамъ, и быть на томъ мѣстѣ надобности не будетъ. Ясачные въ своихъ промыслахъ ведутъ такую пунктуальную экономію, что по раздѣленіи урочищъ по юртамъ всякій знаетъ въ своемъ опредѣленномъ мѣстѣ бобровыя, лисьи и соболиныя гнѣзда и всегда старается такъ вести свой промыслъ и доставать столько звѣрей, чѣмъ бы онъ могъ ясакъ заплатить и пропитаться годъ, а больше отнюдь не убиваетъ и накрѣпко хранитъ гнѣзда, чтобъ не разорить и не истребить заводу: управители, вывѣдывая такія мѣста или знатныя рыбныя ловли, тотчасъ назначаютъ ихъ на поселеніе русскимъ, и ясачные принуждены отдать управителямъ послѣднее, чтобъ только этого не дѣлали. Управители, писалъ Чичеринъ, ведя происхожденіе свое отъ рядовыхъ козаковъ, подлѣйшаго въ Сибири народа, имѣютъ чины сибирскаго дворянина и, получая жалованья отъ 10 до 15 рублей въ годъ, имѣютъ отъ

400 до 500 лошадей и множество всякаго скота и богатства. — При чтеніи этого доношенія въ Сенатѣ сенаторъ Олсуфьевъ объявилъ, что императрица уже знаетъ о поступкахъ Кругликова и Мельникова и уже посланъ указъ Порошину объ отрѣшеніи ихъ и отсылкѣ къ сибирскому губернатору [30].

Если и въ городахъ европейской Россіи продолжалось старое зло, притѣсненія бѣднымъ купцамъ отъ богатыхъ и отъ самихъ членовъ магистратскихъ, то легко понять, что въ отдаленной Сибири это зло было еще сильнѣе. Чичеринъ вздумалъ было самовластно отрѣшать магистратскихъ членовъ, виновныхъ въ его глазахъ; но изъ Петербурга ему было запрещено такое превышеніе власти. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не пожаловаться на это императрицѣ въ своемъ доношеніи: «Множество является отъ бѣднаго купечества жалобъ на великія притѣсненія и разоренія отъ богатыхъ купцовъ, особенно когда бѣдные въ своихъ обидахъ подаютъ прошенія въ магистраты и ратуши: тогда, въ силу закона опредѣляется судъ по формѣ, который продолжается многіе годы, бѣдные должны жить безотлучно въ городѣ до окончанія дѣла, которое однако оканчивается не въ ихъ пользу, потому что сами они не могутъ вести его по незнанію, адвоката же нанять не на что, а богатые между тѣмъ пронырствами своими длятъ дѣло и отводятъ и бѣдныхъ окончательно разоряютъ. Но этого еще мало: какъ скоро бѣдный притѣсненіями и обидами выведенъ будетъ изъ терпѣнія и подастъ челобитную, то отвѣтчикъ, надѣясь на знатность свою и пронырство, гдѣ-нибудь поймаетъ его и бьетъ; обиженный вторично долженъ подать прошеніе, вторично ему судъ по формѣ, вторично его бьютъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ не только бѣдныхъ не защищаютъ, но и сами во многихъ имъ разореніяхъ и обидахъ изобличены, за что мною отрѣшены и опредѣлены на ихъ мѣсто другіе, и тѣмъ хотя и въ отдаленныхъ мѣстахъ нѣсколько страху наведено; но напослѣдокъ ободрились, такъ какъ указомъ в. и. в—ства отрѣшать магистратскихъ членовъ мнѣ запрещено [31]».

Въ то же время Чичеринъ доносилъ объ открытіи и приведеніи въ подданство шести Алеутскихъ острововъ. «Сіе пріобрѣтеніе, отвѣчала ему Екатерина (2 марта) мнѣ весьма пріятно. Что вы купцу Толстыхъ обѣщали пожалованныя отъ меня прежде вышед-

шей изъ такого морского вояжа компаніи привилегіи и выдѣленную у него изъ собраннаго съ оныхъ острововъ ясака десятую часть ему возвратить, оное я апробую, и прикажите то самымъ дѣломъ исполнить; такожъ козаковъ Васютинскаго и Лазарева, для поощренія ихъ, произведите въ тамошніе дворяне. Дай Богъ, чтобъ они и предпріемлемый ими нынѣшнею весною вояжъ окончили благополучно и съ добрымъ успѣхомъ! Желала бы я знать, не слыхали ли они отъ жителей оныхъ острововъ, были ли когда тамъ прежде ихъ Европейцы и какіе, и не видали ли они тамъ какого разбитаго европейскаго судна. Изъ присланныхъ отъ васъ съ оныхъ острововъ вещей сучокъ дерева почитаютъ здѣсь многіе за морскую траву, которая, сказываютъ, обыкновенно такъ растетъ, хотя и кажется окаменѣлою; плетеные изъ травы мѣшки, также изъ рыбьихъ жилъ нитки и костяныя уды сдѣланы гораздо искусно, а бобъ я приказала посадить, и увидимъ, какое изъ онаго произращеніе будетъ. А что вы приказали тѣхъ народовъ платья и всякія куріозныя вещи, такожъ и одного изъ жителей тамошнихъ вывезли, то хотя я любопытна все то видѣть, однакожъ подтвердите, чтобъ притомъ никакой неволи и ни малѣйшаго принужденія употреблено не было, развѣ кто добровольно самъ согласится съ ними ѣхать. Съ послѣднею реляціею вашею присланные птичьи мѣха я получила; они весьма изрядны, еслибы лучше выдѣланы и прибраны были; здѣсь за такой мѣхъ просятъ изъ лавки 60 рублей, какой отъ васъ присланъ въ полтора рубля; изъ одного изъ вашихъ мѣховъ посылаю при семъ шитую здѣсь муфту, которая вамъ и образцомъ служить можетъ, какъ ихъ подбирать надлежитъ. Здѣшнія щеголихи носятъ фалбалы и опушки на платьѣ изъ мѣховъ: не худо, еслибы вы такіе, а особливо которые попестрѣе, прибрать приказали и сюда прислали; а ежели вы не знаете, что такое фалбала, то спросите у хозяйки вашей: она вамъ въ томъ наставленіе дастъ. Промышленникамъ подтвердите, чтобъ они ласково и безъ малѣйшаго притѣсненія и обмана обходились съ новыми ихъ собратіями, тѣхъ острововъ жителями [32]».

Въ то время какъ императрица переписывалась съ сибирскимъ губернаторомъ объ Алеутскихъ островахъ, она должна была внимательно слѣдить за явленіями на противоположной, югозападной украйнѣ, въ Кіевѣ, Запорожьѣ и слободской губерніи.

Мы видѣли, что въ Малороссіи монастыри и архіерейскіе дома продолжали еще владѣть населенными землями и видѣли, какъ Екатерина заботилась о скорѣйшемъ уравненіи Малой Россіи съ Великою въ этомъ отношеніи. Въ 1766 году Синодъ получилъ предложеніе отъ своего оберъ-прокурора Мелиссино: «ея и. в—ство избавить соизволила духовный чинъ отъ суеты мірской и отъ того зазрѣнія, въ которомъ онъ долголѣтно находился, обращаясь въ мірскихъ попеченіяхъ. Св. Синодъ опытомъ уже самимъ удостовѣрился о блаженствѣ своемъ подъ державою православной своей монархини и не соизволитъ ли за долгъ званія своего принять и просить ея и. в—ство, дабы она ту же матернюю свою щедроту изліяла и на духовный въ Малороссіи живущій чинъ. Ему вѣдомо нестроеніе, происходящее между духовными въ Малой Россіи единственно по причинѣ управляемыхъ ими самими имѣній духовныхъ: епархіи съ монастырями, а монастыри съ церквами въ безпрестанныхъ и долголѣтнихъ тяжбахъ судовыхъ находятся, а потому и сами власти во взаимной враждѣ между собою пребываютъ, всѣ же духовныя недвижимыя имѣнія съ имѣніями мірскихъ владѣльцевъ нескончаемые процессы ведутъ, и какъ власти по временамъ съ мѣста на мѣсто переходятъ, то судовыя хлопоты даже до того простираются, что архіерей, произведенный изъ архимандрита, на себя, бывшаго прежде архимандрита, противныя и порицательныя подаетъ челобитныя, чему особливо примѣры находятся между катедрою Кіевскою и Печерскимъ монастыремъ. Архіереи, архимандриты, игумены и игуменьи содержатъ въ своихъ мѣстностяхъ монаховъ городничими, т.-е. управителями, которые своимъ развратнымъ житіемъ безпримѣрные соблазны мірскимъ людамъ подаютъ и, производя ссоры съ мірскими помѣщиками, сами въ поѣздахъ предводительствуютъ дракамъ, а иногда и смертоубійству». Синодъ 15 сентября подалъ докладъ въ желаемомъ смыслѣ, подтверждая извѣстія о безпорядкахъ, напримѣръ: «И нынѣ Гамалѣевскаго монастыря архимандритъ Давидъ по одному своему монастырю тяжебныхъ дѣлъ до 100 объявляетъ [33]».

Кіевъ былъ занятъ выборомъ войта. При императрицѣ Аннѣ, въ 1735 году выборный войтъ былъ замѣненъ коронннымъ, войтъ Войничъ былъ опредѣленъ именнымъ указомъ; но при Елисаветѣ въ 1753 году позволено было магистрату выбрать войта, и былъ

избранъ Сычевскій изъ гренадеровъ лейбъ-компаніи. Въ описываемое время у этого Сычевскаго начались распри съ магистратомъ, и 20 февраля 1766 года императрица послала кіевскому губернатору Глѣбову указъ, что надобно выбрать въ кіевскій магистратъ новаго войта, а Сычевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто для спокойствія того же магистрата. «Извольте магистрату приказать, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобъ четвертымъ кандидатомъ поставили кіевской губернской канцеляріи прокурора Пивоварова.» Глѣбовъ внушалъ; но несмотря на его внушенія Пивоваровъ избранъ не былъ, и кіевскій оберъ-комендантъ Ельчаниновъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и чрезъ писаря Давыдовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города. 23 марта Глѣбовъ былъ назначенъ сенаторомъ, и на его мѣсто пріѣхалъ генералъ-аншефъ Воейковъ, который началъ тѣмъ, что собралъ магистратъ и все привилегированное мѣщанство, избирающее войта и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ переговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; но едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ довольны. Эти кандидаты были: Пивоваровъ, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій, находящійся при великомъ князѣ наслѣдникѣ камердинеромъ Андріевскій и кіевскаго магистрата медовый шафаръ Дмитровичъ [34].

А въ Петербургѣ, въ военной коллегіи графъ Захаръ Чернышевъ долженъ былъ вести споръ съ Запорожцами, которые жаловались, что у нихъ отняли землю: «ваше сіятельство, писали запорожцы, при засѣданіи прошлаго года августа мѣсяца объявлять изволили, что Новосербіи отданныя земли войску паки возвратятся, а на поселеніе оныхъ и прочихъ на другой сторонѣ

Днѣпра отъ Орели по границу 1714 года съ Турками учиненную возмется; но нынѣ слышно, яко не только по ту границу, но по самую рѣчку Самарь взять въ войско земли вознамѣрились, что слѣдуетъ съ немалымъ войску утискомъ, разореніемъ и крайнимъ недовольствомъ потому: если будетъ по Самарѣ съ одной стороны Новороссійской губерніи поселеніе и крѣпости, а съ другой запорожцы, то сверхъ того, что поселенцы новороссійскіе воровствомъ и насильнымъ отнятіемъ лѣса и прочаго запорожскихъ козаковъ разорять и обижать, въ крѣпостяхъ стоящія великороссійскія команды воровства, разбои, смертныя убійства чинить будутъ, а унять ихъ отъ того никакими мѣрами будетъ невозможно, отъ чего не только безпрерывныя командамъ затрудненія, но подъ случай и междоусобство слѣдовать можетъ. Войско запорожское будетъ имѣть недовольство, ибо Самарь съ землями дана ему королями польскими и утверждена государями Россійскими и изъ запорожскихъ рукъ никогда не отходила. Много тамъ козачьихъ жилищъ: бросить ихъ—нестерпимое разореніе. Ненадежно, чтобъ ханъ допустилъ заводить крѣпости на своихъ глазахъ. Не лучше ли сдѣлать такъ: строить крѣпости, начавъ снизу рѣчку Орели, отсюда по рѣкамъ Торцамъ къ Луганчику: здѣсь отъ Турокъ и Крымцевъ никакихъ помѣхъ не будетъ, при тѣхъ крѣпостяхъ слободы и деревни заводить легко, ибо Орель и прочія впадающія въ нее рѣчки лѣсомъ и водою довольны, и потому быть между запорожцами и Новороссійскою губернію межою отъ Днѣпра до Азовскаго моря границѣ 1714 года, а съ другой стороны Днѣпру; а всего бы лучше и Орель съ землею оставить при запорожьи, не отбирать у войска земель, ибо оно съ ними подъ россійскую державу пришло добровольно, и только на оныхъ довольствуясь, служитъ всероссійскому престолу на всемъ своемъ коштѣ, оставить безъ нарушенія ихъ старинныхъ привилегій, требуя отъ оныхъ одной только вѣрности, обереженія границъ и всякой службы къ защищенію россійскаго отечества, къ чему они всегда состоятельны были и могутъ быть, видя монаршую къ себѣ въ томъ милость».— Отвѣтъ послѣдовалъ такой: вмѣсто земли между Орла и Самары возвращено будетъ войску запорожскому вся бывшая Новая Сербія, кромѣ положенной отъ оной на барьеръ отъ Днѣпра на 20 верстъ. По сю сторону Самары въ крѣпостяхъ учреж-

дены гарнизоны, а между ними въ редутахъ и около оныхъ поселены будутъ регулярные гусарскіе и козацкіе полки, коихъ отъ воровства строгою военною дисциплиною удержать можно. Чтобъ состоящія въ крѣпостяхъ команды чинили воровство, разбои и смертоубійство, показано напрасно и напротивъ доказать можно, что отъ самихъ запорожцевъ подобныя нахальства часто происходили. Если дойдетъ до междоусобія, то виноваты будутъ командиры и будутъ за то наказаны. Чтобъ Самара съ землями отъ королей польскихъ запорожцамъ дана заподлинно утверждать нельзя и кажется вѣроятнѣе, что оное отъ россійскихъ государей отдано взамѣнъ отшедшихъ къ Польшѣ козацкихъ жилищъ, и то не одному запорожскому, а всему съ Хмельницкимъ вышедшему войску; но въ 708 году, когда запорожцы, взбунтовавшись, перешли на татарскія границы, до 714 счислялась сія рѣка въ россійскихъ границахъ, а послѣ уступлена Туркамъ и хотя запоржцы подъ россійское владѣніе возвратились и сперва на рѣчкѣ Каменкѣ, а потомъ въ Сѣчѣ поселились, только уступленная Туркамъ земля болѣе завоевана россійскимъ оружіемъ и возвращена по мирному трактату 730 года. Послѣ этого турецкаго мира на устьѣ Самары учреждена была сотня полтавскаго полка, которая въ 745 году по сенатскому указу уничтожена, а жители Богородицкой слободы оставлены подъ вѣдомствомъ самарскаго ретраншемента, запорожцы же усиливаясь на Самарѣ насильно отнимали у жителей лѣса и угодья, дѣлали безпрестанно всякія нахальства и принудили ихъ наконецъ перейти въ запорожское новоселье, однакожъ и нынѣ отъ китай-городской и орлянской сотни выборные козаки съ подпомочниками между рѣчекъ Самары и Орели домами живутъ, да и во время войны Самара защищаема была регулярнымъ войскомъ, а запорожцевъ для закрытія оной ни одного не было. Запорожскихъ жилищъ тамъ едва ли десятая доля противъ малороссійскихъ, да и тѣмъ вольно оставаться при своихъ земляхъ подъ новороссійскимъ правомъ, какъ и прочимъ тамъ живущимъ. Рѣка Орелъ лѣсомъ по большой части скудна и по сю сторону уже почти заселена, а на Орльчикѣ по сю же сторону земля отдана Петромъ Великимъ Кочубеямъ, такъ что по переселеніи елисаветградской провинціи жителей земли съ угодьями не будетъ достаточно. А въ бахмутской провинціи земля по большей части

безплодная. Напротивъ чего у запоржцевъ по малолюдству ихъ большая часть хлѣбородной земли и сѣнокосовъ безъ употребленія, и есть такія зимовники, что верстъ отъ 15 до 20 землею владѣютъ. Новосербія отъ Буга не доходя до Днѣпра за 20 верстъ, яко земля оставленная на барьеръ для всякихъ случаевъ отдается запорожскому войску во владѣніе съ тѣмъ, чтобъ на оной селить по своимъ правамъ только неженатыхъ; а если позволить имъ селить женатыхъ, то не безъ сумнѣнія, что они столь много земли требуютъ для того, чтобъ приманивая къ себѣ малороссійскій народъ, тѣмъ какъ Малороссію, такъ и слободскую и новороссійскую губернію опустошать. А во время войны сихъ людей, разсѣянныхъ по степямъ и всею арміею защитить возможности не будетъ. Подъ россійскую державу войско запорожское отдалось не одно само собою, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ съ Хмельницкимъ обще со всею Малороссіею и только отъ Поляковъ россійскимъ войскомъ обороняемо было. Службу оное войско исправляетъ не совсѣмъ на своемъ коштѣ, да и то только не въ большомъ числѣ [35].

Между сенаторами было мнѣніе, что въ административномъ строѣ Малороссіи могутъ предстоять основныя измѣненія, предполагалась и возможность назначенія новаго генералъ-губернатора. Это видно изъ рѣшенія сената по поводу донесенія Румянцева о сокращеніи сроковъ, положенныхъ для аппелляціи на нижніе суды къ вышнимъ. Сенатъ опредѣлилъ: такъ какъ теперь еще неизвѣстно, останется ли Малороссія при прежнихъ своихъ основаніяхъ, или по опредѣленію туда новаго генералъ-губернатора послѣдуютъ и новыя установленія, то сенатъ и не находитъ нужнымъ дѣлать между тѣмъ въ правахъ малороссійскихъ какія-либо перемѣны или пополненія, и потому означенное донесеніе оставить безъ резолюціи до того времени, пока сенатъ о воли ея и. в—ства касательно Малороссіи точнѣе извѣстенъ будетъ [36].

Перемѣны начались уже подлѣ Малороссіи, въ новой Слободской губерніи. Мы видѣли, что въ докладѣ сенаторовъ кн. Шаховского, Панина и Олсуфьева было указано на неравномѣрность тяжестей, которыя несло тамошнее народонаселеніе, [37] въ слѣдствіе чего и введенъ былъ общій окладъ. По поводу этого нововведенія слободскій губернаторъ Щербининъ доносилъ: «не скрою, что

изъ такого множества людей всѣ считали общій окладъ облегченіемъ; нѣкоторые довольны, а другіе жалуются, что имъ стало хуже, именно тѣ, которые ничего не платили и жили подъ покровительствомъ какого-нибудь начальника или какимъ-нибудь случаемъ успѣвали увертываться отъ платежа и содержанія козака, консистенціи и работъ, такимъ конечно тяжелѣе. Переходъ жителей съ мѣста на мѣсто всѣми принятыми мѣрами теперь кажется задержанъ, развѣ что весна покажетъ, ибо здѣшній народъ по большей части переходитъ весною и осенью». Противъ этого императрица написала: «когда Малороссія будетъ приведена въ порядокъ то надѣюсь и то пресѣчется» [38].

Въ то время какъ надѣялись, что общія государственныя мѣры получатъ силу и въ южной степной украйнѣ, представлявшейся страною безнарядною, — сенатъ былъ изумленъ сопротивленіемъ мѣрѣ важной и разумной, сопротивленіемъ, оказавшимся въ той окраинѣ, гдѣ всего менѣе, повидимому, можно было ожидать его. Сдѣлано было общее распоряженіе, чтобъ изо всѣхъ областей доставлялись въ сенатъ вѣдомости о хлѣбномъ урожаѣ, и вдругъ получается меморіалъ отъ лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна съ представленіемъ препятствій, какія лифляндское рыцарство находитъ въ исполненіи этого предписанія. Сенатъ приказалъ отвѣчать, что вникнувъ съ полнымъ вниманіемъ въ представленные отъ лифляндскаго рыцарства резоны и затрудненія къ сочиненію вѣдомостей о ежегодномъ тамошнемъ хлѣбномъ урожаѣ, онъ отнюдь не находитъ ихъ основательными; безъ такихъ вѣдомостей никакое благоучрежденное государство обойтись не можетъ, и потому господину генералъ губернатору безо всякой отмѣны тѣ хлѣбныя вѣдомости благоучрежденнымъ образомъ непремѣнно въ свое время собирая присылать въ прав. сенатъ [39].

Нѣмецкіе колонисты, вызванные для поселенія въ юго-восточной Украйнѣ, уже начали затруднять правительство. Канцелярія опекунства иностранныхъ обратилась къ сенату съ просьбою о помощи, не зная, что дѣлать, ибо Нѣмцевъ нахлынуло такое множество, что недостаетъ рабочихъ людей, лѣса и другихъ матеріаловъ для скорой постройки имъ домовъ. Сенатъ отвѣчалъ, что вмѣсто деревянныхъ домовъ нельзя ли дѣлать мазанки; а больше всего, по мнѣнію сената, надобно было избѣгать вред-

наго наряда съ уѣздовъ крестьянъ къ работамъ: это можетъ произвести въ старыхъ жителяхъ крайнее негодованіе и ропотъ, разоритъ цѣлыя села и деревни, и потому надобно исправляться наймомъ вольныхъ работниковъ. Сенатъ по заочности не можетъ въ такомъ дѣлѣ ничѣмъ распорядиться, а рекомендуетъ канцеляріи отправить на мѣсто поселенія искуснаго человѣка съ полною довѣренностію, чтобъ это лицо не переписывалось о всякомъ дѣлѣ съ главною командою, распоряжалось бы поселеніемъ и сносилось съ ближними губернаторами и воеводами [40]. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого послѣдовалъ указъ о прекращеніи выхода иностранныхъ поселенцевъ въ Россію впредь до обзаведенія выѣхавшихъ уже [41].

Въ этомъ указѣ, между прочимъ, говорилось и объ отягощеніи казны вслѣдствіе пріѣзда слишкомъ большого числа колонистовъ; не хотѣли увеличивать издержекъ на колонизацію, которыя были опредѣлены въ 200,000 рублей на годъ. Доходы въ 1766 году нѣсколько увеличились, ихъ было 23,708,401 рубль, тогда какъ въ 1765 году было 22,715,389 рублей; но и расходы также увеличились: ихъ было въ 1766 году 22,991,793 рубля, тогда какъ въ 1765 году было 22,468,535 рублей. Замѣтное увеличеніе расходовъ произошло на коллегію иностранныхъ дѣлъ, именно 101,655 рублей, тогда какъ въ два предыдущіе года издерживалось по 42,353 рубля, чрезвычайные расходы въ 1766 году простирались до 1,315,338 рублей, тогда какъ въ 1765 году ихъ было только 654,416; но за то въ 1764 году они доходили до 1,696,600 рублей [42].

20 января, въ присутствіи императрицы въ сенатѣ читанъ былъ докладъ о новомъ учрежденіи по дворянскимъ банкамъ. Екатерина указала: имѣть по этому дѣлу конференцію съ генераломъ Бецкимъ и другими, не примѣтятъ ли они какихъ потребныхъ къ тому учрежденію пополненій или соображеній; между тѣмъ мыслить, не лучше ль будетъ то учрежденіе, какъ интересующее всю партикулярную публику, за полгода прежде чѣмъ въ самое дѣйствіе вступить можетъ, публикѣ дать знать напечатаніемъ его, не называя докладомъ, а назвавъ прожектомъ, съ тѣмъ, что если кто изъ партикулярныхъ людей что къ лучшему объявить захотѣлъ, тобъ присылали письменныя о томъ объявленія, хотябъ не означая своихъ именъ: тогда въ

прочности его надежнѣе приступить будетъ можно. 17 марта императрица также присутствовала въ сенатѣ, и шло разсужденіе также о финансовой мѣрѣ, именно о наложеніи на французскую водку новой пошлины съ будущаго года. Екатерина рѣшила: наложеніемъ пошлины обождать, пока въ коммиссіи о коммерціи сдѣлано будетъ общее положеніе о пошлинахъ на всѣ товары. Но въ то же время сильно безпокоило корчемство русскою водкою. Сенатъ сдѣлалъ секретный вопросъ новгородскому и смоленскому губернаторамъ, какимъ образомъ прекратить корчемство со стороны Лифляндіи и Польши. Сиверсъ отвѣчалъ, что хотя точныхъ мѣръ принять противъ этого нельзя, ибо лакомство къ вину и собственная прибыль будутъ поощрять къ корчемству, однако онъ не оставилъ при всѣхъ случаяхъ открыто и подъ рукою навѣдываться отъ воеводъ, дворянъ и нижнихъ чиновъ людей и отъ самихъ корчемниковъ, недавно пойманныхъ подъ самымъ Новгородомъ, какимъ образомъ производится корчемство: почти всѣ ему объявили, что они покупаютъ вино въ бочкахъ и анкеркахъ не только изъ дворянскихъ корчемъ, но покупаютъ и размѣниваютъ у крестьянъ хлѣбъ на вино, крестьяне этотъ хлѣбъ опять употребляютъ на винокуреніе и такъ продолжаютъ безпрерывный торгъ. Сиверсъ представлялъ, не угодно ли будетъ сенату приказать лифляндскому генералъ-губернатору, чтобъ онъ не только подтвердилъ всѣмъ живущимъ на границѣ дворянамъ смотрѣть какъ можно внимательнѣе за своими крестьянами, но и умножилъ нынѣшнее денежное наказаніе за корчемство, или, по меньшей мѣрѣ, предостерегъ дворянъ, что ихъ умышленное нерадѣніе можетъ повредить ихъ привилегіямъ. Отъ такого подтвержденія и страха, по словамъ Сиверса, можетъ произойти немалая прибыль въ новгородской и псковской провинціяхъ, ибо смѣло можно утверждать, что не менѣе 30,000 ведеръ входитъ въ Россію чрезъ корчемство. Сенатъ опредѣлилъ—обязать подписками пограничныхъ жителей не продавать вина иначе, какъ по мелочамъ. Относительно винныхъ откуповъ сенатъ получилъ слѣдующія извѣстія: Воронежская губернія была взята за 161,200 рублей; Бѣлгородская за 116,000; Смоленская за 45,200; оренбургская за 121,200; Астраханская за 215,000; Московская провинція, кромѣ Москвы, съ уѣздомъ за 128,000; Калужская губернія, кромѣ го-

рода Мещовска за 64,000; провинціи Московской губерніи—юрьевская, суздальская, тульская, владимірская, углицкая, костромская, рязанская, переяславская за 410,000; Устюжна Желѣзопольская за 9,800; свіяжская провинція Казанской губерніи за 42,500.

Все еще тянулось непріятное дѣло о вознагражденіи виноторговцевъ, у которыхъ пограблено было вино солдатами 28 іюня 1762 года. Сенатъ подалъ императрицѣ докладъ, чтобъ купцу Медеру съ товарищи вмѣсто расхищенныхъ у нихъ винъ зачесть пошлину съ ихъ товаровъ. Но Екатерина написала на докладѣ: 1) «въ семъ докладѣ не видно, свидѣтельствовано ли, чтобъ у сихъ погребщиковъ въ тотъ день столько выпито было и о разграбленіи сихъ погребовъ. 2) Такъ какъ казна не приказала грабить, то и справедливости не вижу; если просятъ изъ милосердія, то разсчеты не надобны. 3) Примѣръ кабацкихъ откупщиковъ къ сему служить не можетъ, понеже цѣлость сбора зависитъ отъ ихъ цѣлости». Сенатъ, дѣлать нечего, приказалъ предложить дѣло вновь къ слушанію. Это слушаніе происходило не ранѣе 27 ноября и сенатъ рѣшилъ: оную высочайшую резолюцію тѣмъ просителямъ объявить.

Для усиленія торговли съ Среднею Азіей сенатъ отмѣнилъ прежнее постановленіе, что вымѣниваемое въ Оренбургѣ и Троицкѣ у азіатцевъ золото и серебро купцы непремѣнно должны отдавать въ казну на монетные дворы, ибо для купцовъ это тягостно и отнимается у нихъ охота къ вымѣну на товары свои денегъ; а такъ какъ цѣна золота и серебра повысилась, то приносящимъ эти металлы на монетные дворы выдавать за золото вмѣсто прежнихъ 2,75 копѣекъ за золотникъ по три рубля, и за серебро вмѣсто 19½ копѣекъ по 20½ копѣекъ, производя плату наличными деньгами безо всякаго удержанія и проволочекъ, ибо Волковъ, бывшій оренбургскій губернаторъ, доносилъ, что единственное средство заставить купцовъ приносить металлы на монетный дворъ—это выдавать имъ сейчасъ же готовыми деньгами: всякій изъ нихъ скорѣе согласится, писалъ Волковъ, вымѣнивать барановъ, топить сало и не имѣть съ канцеляріями дѣла, чѣмъ серебромъ и золотомъ навязать себѣ на шею хлопоты.

Поступленіе значительныхъ доходовъ съ бывшихъ монастырскихъ имѣній вводило сенатъ въ искушеніе обращать эти до-

ходы на возможно большее число статей; но такъ какъ эти статьи ограничивались содержаніемъ духовенства и богоугодныхъ учрежденій, то иногда сенатъ позволялъ себѣ смѣшныя натяжки. До сихъ поръ на содержаніе московскаго университета 20,000 рублей отпускалось изъ винныхъ доходовъ; сенатъ представилъ, нельзя ли и эти деньги и остальные 15,000 рублей, отпускавшіеся изъ штатсъ-конторы, отпускать изъ доходовъ коллегіи экономіи, ибо «въ семъ училищѣ главное наученіе производится о настоящемъ познаніи душевныхъ добродѣтелей и ко исправленію нравовъ на богоугодное и обществу полезное употребленіе». Но императрица съ такимъ взглядомъ сената на университетъ не согласилась и приказала по прежнему отпускать на него деньги изъ винныхъ доходовъ [43].

Въ 1766 году Екатерина окончила свой законодательный трудъ, посредствомъ котораго хотѣла перенести въ Россію просвѣтительныя идеи, выработанныя европейскою наукой. Мы видѣли, что объ этомъ трудѣ знали приближенные къ императрицѣ люди, знали и такъ называемые философы во Франціи. Въ описываемомъ году императрица потребовала мнѣнія о своемъ трудѣ отъ нѣкоторыхъ лицъ. Изъ этихъ мнѣній особенно замѣчательны для насъ мнѣнія стараго, умнаго, опытнаго служаки Баскакова и знаменитаго писателя Сумарокова. Баскаковъ не могъ согласиться на совершенное уничтоженіе пытки и написалъ: «Не благоволено ль будетъ прибавить: *Кромѣ необходимыхъ случаевъ*, которые надобно означить именно». Баскаковъ представлялъ одинъ изъ такихъ случаевъ: разбойникъ, погубивъ хозяевъ дома, вынесъ такую вещь, которую ему одному вынести никакъ было нельзя, и между тѣмъ утверждаетъ, что товарищей у него не было. Екатерина замѣтила на это: «О семъ слышать не можно; и казусъ не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ». Но вообще Екатерина была довольна замѣчаніями Баскакова и написала: «всѣ его примѣчанія умны». Иначе отнеслась она къ замѣчаніямъ Сумарокова, который написалъ ихъ съ обычнымъ своимъ пыломъ и скоростію, при чемъ положенія, сами по себѣ вѣрныя, приводились вовсе не кстати и способны были только раздражить; напримѣръ Сумароковъ вооружился противъ рѣшенія большинствомъ голосовъ: «Большинство голосовъ истины не

утверждаетъ, написалъ онъ: утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе». Екатерина замѣтила: «Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства». Сумароковъ продолжаетъ: «Ежели кто за недозволеннымъ отсутствіемъ голоса своего лишится, такъ не онъ, но общество страждетъ, ежели полезное его мнѣніе не примется послѣ».—«И всякій слѣдовательно всякое дѣло остановитъ и выйдетъ хаосъ», замѣчаетъ императрица. Сумароковъ: «Законовъ съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе—нагая истина, а законы предписываются борющимъ истину». Екатерина: «Есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія».—Сумароковъ: «Умѣренности правосудіе не терпитъ, а требуетъ надлежащей мѣры, а не строгости и не кротости». Екатерина: «Изображеніе (т.-е. воображеніе) въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело».—Сумароковъ: «Вмѣсто нашихъ училищей, и особливо вмѣсто кадетскаго корпуса, потребны великіе и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескіу, но и въ немъ многое критикѣ подлежитъ, о чемъ противъ ево и писано». Екатерина: «Многіе критиковали Монтескіу, не разумѣя его; я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣлю».—Сумароковъ: «Вольность и коронѣ и народу больше приноситъ пользы, чѣмъ неволя». Екатерина: «О семъ довольно много говорено (т.-е. въ Наказѣ)». Сумароковъ: «Но своевольство еще и неволи вреднѣе». Екатерина: «Нигдѣ не найдете похвалы первому». Сумароковъ: «Между крѣпостного и невольника разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику». Екатерина: «Какъ это сказать можно? отверзите очи»!—Сумароковъ: «Господинъ долженъ быть судья—это правда; но иное быть господиномъ, а иное тираномъ, а добрые господа—всѣ судьи слугамъ своимъ: и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ». Екатерина: «Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ качествы считать».—Сумароковъ: «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе

полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и, вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ («и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ», замѣтила Екатерина), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ». Екатерина: «И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи». Сумароковъ: «Продавать людей какъ скотину не должно; но гдѣ же брать, когда крестьяне будутъ вольны? И только будутъ къ опустошенію деревень: холопей набери, а какъ скоро чему-нибудь его научишь, такъ онъ и отойдетъ къ знатному господину, ибо тамъ ему больше жалованья, а дворяне учатъ людей своихъ брить, волосы убирать, кушанье варить и проч. И такъ всякъ будетъ тратить деньги на другихъ, выучивая. Малороссійскій подлый народъ отъ сей воли почти несносенъ». Обо всѣхъ замѣчаніяхъ Сумарокова Екатерина замѣтила вообще: «Господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ, чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ; онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобы критиковать цѣпь, и для того привязывается къ наружности кольцевъ, составляющей (составляющихъ) цѣпь, и находитъ, что здѣсь или тамъ ошибки есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, еслибъ понялъ связь. Двѣ возможности въ семъ дѣлѣ суть: возможность въ разсужденіи законодавца и возможность въ разсужденіи подданныхъ или, лучше сказать, тѣхъ, для которыхъ законы дѣлаются; часто прямая истина въ разсужденіи сихъ возможностей должна употребляема быть такъ, чтобъ она сама себѣ вреда не нанесла и болѣе отъ добра отвращеніе нежели привлеченіе не сдѣлала [44]».

14 декабря того же года былъ изданъ манифестъ: «Нынѣ, говорила въ немъ императрица, истекаетъ пятый годъ, какъ Богъ единъ и любезное отечество чрезъ избранныхъ своихъ вручилъ намъ скипетръ сей державы для спасенія имперіи отъ очевидной погибели. Мы со дня восшествія нашего на престолъ до сего дня единственный предметъ имѣли и предъ самимъ Богомъ обязанными себя почитали исполнить то, что мы въ манифестѣ 6 дня іюля 1762 года императорскимъ нашимъ словомъ наитор-

жественнѣйше обѣщали, чтобы просить Бога денно и нощно, да поможетъ намъ подняти скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и наконецъ чтобъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка. Для достиженія сихъ предметовъ мы предписали себѣ со всевозможнымъ прилежаніемъ входить въ каждое доходившее до насъ дѣло и слушать всякія до насъ достигшія жалобы, дабы узнать, съ одной стороны, недостатки, и съ другой, какимъ бы лучшимъ способомъ достигнуть желаемаго и обѣщаннаго конца. Мы въ первые три года узнали, что великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно и въ правосудіи составляетъ недостатокъ во многихъ случаяхъ узаконеній, въ другихъ же великое число оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ, также несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами; а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался; притомъ же и страстные толки часто затмѣвали прямой разумъ многихъ законовъ; сверхъ того еще умножила затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними, кои послѣднія суть основанія и слѣдствіе великихъ предпріятій премудраго государя дѣда нашего императора Петра Перваго».

Упомянувъ о попыткахъ своихъ предшественниковъ къ составленію уложенія, Екатерина продолжаетъ: «Но какъ всѣ вышепомянутыя намѣренія остались безъ желаемаго успѣха, то мы, усмотря всѣ тѣ же предками нашими примѣченныя неудобства начали сами готовить Наказъ, по которому должны поступать тѣ, кому отъ насъ повелѣно будетъ сочинить проектъ новаго уложенія. И понеже наше первое желаніе есть видѣть нашъ народъ столь счатливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться: для того, дабы лучше намъ узнать было можно нужды и чув-

ствительные недостатки нашего народа, повелѣваемъ прислать изъ нашего сената и синода, изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ прочихъ какъ коллегій, такъ и канцелярій, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, также изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ нашея имперіи въ первостоличный нашъ городъ Москву депутатовъ, полгода послѣ дня обнародованія въ каждомъ мѣстѣ сего манифеста. Выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полномочіе. Сихъ депутатовъ, коимъ особливыя выгоды отъ насъ даны будутъ, и кои распущены быть имѣютъ по нашему усмотрѣнію, мы созываемъ не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ коммиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенья» [45]. Въ *положеніи*, присоединенномъ къ манифесту, заключались подробности относительно выборовъ: отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, должно было выслать по одному депутату; отъ жителей каждаго города по одному; отъ однодворцевъ каждой провинціи по одному; отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служивыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ изъ каждой провинціи по одному; отъ некочующихъ инородцевъ, какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ, отъ каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату, опредѣленіе числа депутатовъ отъ козацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Депутаты, должны быть не моложе 25 лѣтъ; они получали жалованье отъ правительства (дворяне по 400 рублей, городовые по 122, прочіе всѣ по 37 рублей); на всегда освобождались отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; обидѣвшій депутата наказывался вдвое противъ обыкновеннаго. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкою, по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, сочиненный по выбору пятью избирателями. Дворяне каждаго уѣзда прежде избранія депутата должны выбрать себѣ предводителя на два года. Этотъ предводитель, носящій титулъ *почтеннаго*, въ своемъ уѣздѣ при собраніи дворянства вездѣ имѣетъ

первое мѣсто; подъ его предсѣдательствомъ прежде всего происходитъ выборъ депутата. Точно также горожане выбираютъ прежде городского голову также на два года, и онъ носитъ титулъ *степеннаго*. Какъ дворянскій предводитель, такъ и городской голова не должны быть моложе 30 лѣтъ.

19 декабря въ сенатѣ слушанъ былъ указъ объ учрежденіи коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. По выслушаніи постановлено: сенатъ почитаетъ за должность принести ея имп. в—ству признаніе и благодареніе за толь безпримѣрное о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ монаршее попеченіе. На другой день Бецкій представилъ модель монумента Екатеринѣ съ указаніемъ мѣста на площади противъ новаго зимняго дворца [46].

Депутаты должны были съѣхаться въ Москву въ концѣ іюля 1767 года, но дворъ отправлялся туда въ началѣ года и вмѣстѣ съ нимъ переѣзжали въ старую столицу сенатъ, синодъ и находившіяся въ Петербургѣ коллегіи, какъ бывало во времена Петра Великаго и Елисаветы. Императрица намѣревалась также совершить путешествіе на востокъ по Волгѣ до самой Астрахани: западная окраина, прибалтійскія области были посѣщены; хожелалось увидать любопытный край, гдѣ Россія и Европа сходились съ Азіею, юная цивилизація столкивалась со старымъ варварствомъ, гдѣ боролось такъ много разнообразныхъ элементовъ, откуда приходили извѣстія о великихъ богатствахъ страны, объ опасныхъ движеніяхъ народа.

Сенатъ переѣхалъ въ Москву въ февралѣ 1767 года, и однимъ изъ первыхъ его дѣлъ здѣсь было ассигнованіе на первый годъ 200,000 рублей на жалованье депутатамъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Выборы этихъ депутатовъ происходили повсюду спокойно и правильно; ошибки немедленно исправлялись; только съ двухъ украйнъ, западной и южной, изъ прибалтійскихъ областей и изъ Малороссіи приходили странныя извѣстія. Эстляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ принцъ Голштейнъ-Бекъ донесъ сенату, что собраніе эстляндскаго дворянства должность предводителя поручило безъ баллотировки риттершафтъ-гауптману фонъ Ульриху, по предложенію котораго назначено для выбора въ депутаты съ каждаго уѣзда по 4 человѣка кандидатовъ, и выборы происходили единственно изъ этихъ четырехъ особъ, а не изъ всего обще-

ства; кромѣ того баллы клались не самими избирателями, но по приказанію того же гауптмана секретаремъ, почему избранъ въ депутаты самъ гауптманъ, съ такимъ отъ бывшихъ при выборѣ лицъ представленіемъ, что если онъ въ Москву отправится, то должность предводителя будетъ отправлять братъ его ландратъ Ульрихъ. Такъ какъ все это было сдѣлано совершенно вопреки высочайше утвержденному обряду, то сенатъ опредѣлилъ: производство эстляндскаго дворянства въ выборѣ предводителя и депутата уничтожить и произвести новые выборы. Но губернаторъ не распорядился исполненіемъ сенатскаго указа, а прислалъ въ сенатъ запросы относительно производства выборовъ, принимая на себя отвѣтственность въ сдѣланномъ. Тогда опредѣлено: прежнія погрѣшности сенатъ приписывалъ не столько губернатору, сколько эстляндскому дворянству, и губернатору оставалось загладить этотъ проступокъ точнымъ исполненіемъ приказаннаго; но вопреки ожиданію сенатъ съ немалымъ удивленіемъ теперь видитъ, что генералъ-губернаторъ, оправдывая дворянство, прежній непорядокъ не только приписываетъ одному себѣ, но и настаиваетъ, что иначе нельзя было сдѣлать, и требуетъ разъясненія того, о чемъ имѣетъ точное узаконеніе, которое такъ ясно, что никакого недостатка въ немъ нѣтъ, и напечатано оно на другихъ иностранныхъ языкахъ, слѣдовательно непониманіе его не только знающему, но и незнающему силы русскаго языка извиненіемъ служить не можетъ, тѣмъ меньше ему, губернатору. Ему никакъ не слѣдовало допускать дворянство къ этому дѣлу примѣшивать свои обыкновенія, и къ такимъ неосновательнымъ, не на законахъ, а на частныхъ обычаяхъ основаннымъ объясненіямъ присоединять еще никакого вниманія незаслуживающее, будто бы не отыскали такого просторнаго дома, въ которомъ бы эстляндское дворянство могло помѣститься для выбора предводителя и депутатовъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ изъ первѣйшихъ чиновъ люди, у кого такіе выборы назначены ни были, за честь себѣ почитали оказывать усердіе, отдавая на такое время свои домы.

Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ далъ знать сенату, что лифляндскіе дворяне находящихся въ Лифляндіи и дѣйствительно тамъ имѣющихъ свои деревни къ баллотированію въ товарищество не приняли потому единственно, что они въ лиф-

ляндскомъ дворянствѣ не состоятъ; хотя генералъ-губернаторъ и предлагалъ имъ и такихъ изъ общества своего не исключать, но они оказались непреклонны. Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ: такъ какъ настоящій случай выбора и присылки депутатовъ есть дѣло чрезвычайное и безпримѣрное и вступать въ разбирательство споровъ рыцарства съ земствомъ былобъ неумѣстно и причинило бы остановку въ должномъ исполненіи высочайшей воли, то имѣть участіе въ выборѣ всѣмъ тѣмъ, которые въ званіи дворянскомъ дѣйствительно владѣютъ тамъ своими собственными деревнями, не различая, кто тамошній природный, кто русскій и изъ другого государства выѣзжій или въ другомъ уѣздѣ живущій дворянинъ; изъ этого исключать только разночинцевъ. Екатерина написала на докладѣ: «какъ манифестъ изданъ для блага всѣхъ вѣрноподданныхъ, то и имъ слѣдовать пятому пункту дворянскаго обряда о выборѣ депутата». (Въ этомъ пятомъ пунктѣ говорится: выбирать дворянскаго депутата можетъ всякій дворянинъ, дѣйствительно владѣющій своимъ имѣніемъ въ томъ уѣздѣ). Города Пернау и Дерптъ подали просьбу о своихъ изнеможеніяхъ, по которымъ не находятся въ состояніи выбрать депутатовъ изъ своихъ жителей; городская казна отягощена великими долгами, не изъ чего дать на содержаніе депутатовъ и помогать оставшимся ихъ семействамъ. Сенатъ рѣшилъ—поступить по точной силѣ и разуму манифеста [47].

Въ Малороссіи, по поводу манифеста 14 декабря, Румянцевъ издалъ циркуляръ: «отвѣчая должности званія моего, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю: примите вы всѣ съ радостію сей подаваемый вамъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія, пользуйтесь имъ прямо и сдѣлайте изъ него употребленіе таково, каковое бы вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало; обращайте всѣ ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинакое (частное) ваше (т. е. добро) токмо прямо и заключаться можетъ; отдаляйте все то, что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстію, пройдите съ вниманіемъ теченіе минувшихъ временъ; разыщите рачительно всѣ причины, вредившія общему вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшія суды въ медленность и судей въ разновидныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотребленія, припятствовавшія ва-

шимъ домостроительствамъ и въ вотчинномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданскаго упражненія, въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращенія поселянамъ не только къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ земли здѣшней промысламъ, понудившія или поводъ подавшія удаляться жилищъ своихъ и имуществъ; помышляйте всегда, что въ основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ принимаемо быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ онаго частяхъ, а за первое законное правило доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоваться плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямо вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между вами предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ имѣли, и о общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не своихъ собственныхъ помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, т. е. лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненнаго, явитеся вы прямыми соревнователями прочихъ провинцій».

Циркуляръ не произвелъ вполнѣ того дѣйствія, какого бы хотѣлось Румянцеву. Отъ 2-го марта 1767 года онъ жаловался императрицѣ: «Новый проектъ уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйства и признанія вашего импер. в—ства благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ, ни разсужденіе. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отзывы же у всѣхъ одни: за чѣмъ бы намъ тамъ и быть? наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть конечно уже надобно, только развѣ бъ искать правъ и привилегій подтвержденія. Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ), пользуясь его простотой, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ всѣмъ искать надлежитъ; но однако же въ раздѣлъ и въ объясненіи сихъ вольностей и правъ входить отнюдь за благо не разсуждаютъ. Осмѣливаюсь просить о всемилостивѣйшей резолюціи на мои поднесенные планы, а особо о полицей-

скихъ коммиссарскихъ и магистратскихъ учрежденіяхъ, безъ которыхъ дѣла здѣшнія дойдутъ истинно до крайняго повреж-денія, и всѣ даваемые указы остаются и оставаться будутъ безъ всякаго исполненія; плачъ и вопль народный и насиліе властелинское до крайности умножилися: одинъ коллежскій обрядъ, который по здѣшнимъ смѣшаннымъ военнымъ, гражданскимъ и земскимъ и обращеннымъ вездѣ въ собственную корысть дѣламъ едва и храниться можетъ, весьма недостаточенъ привесть ихъ всѣ, и особливо людей въ желаемое состояніе. Примѣчено и то здѣсь стало, что многіе ободрили себя прямо какъ можно держаться старины. Одни города и простой народъ признаютъ публично милосердіе вашего импер. в—ства чрезъ введенные нѣкоторые отъ меня порядки за полезные для нихъ; но тутъ же жалуются, что самые ихъ начальники, кольми паче больше расплодившееся здѣсь шляхетство, имъ въ томъ всѣми силами препятствуютъ».

На это Екатерина отвѣчала (17 апрѣля): «что вы пишете, что намѣреніе о сочиненіи проекта новаго уложенія во многихъ у васъ большихъ не производитъ желаемаго дѣйствія и что многіе вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольности: то я надѣюсь, что вы употребите такія мѣры, которыя непознавающихъ собственной своей и общественной пользы степенями приведутъ наконецъ къ познанію оной. Нѣтъ нужды, кажется, нѣкоторое принужденіе или усильныя увѣщанія употреблять и въ томъ, чтобъ для избранія депутатовъ къ сочиненію проекта непремѣнно всѣ явились, и довольно когда нѣкоторое число хотя малое для выбору явится, притѣмъ наипаче, что города, какъ вы пишете, уже публично признаютъ нѣкоторые введенные отъ васъ порядки за полезные для нихъ, слѣдовательно мѣщане оныхъ городовъ не преминутъ дать отъ себя депутатовъ, а потому кажется и надежно, что они въ прошеніяхъ своихъ конечно не оставятъ упомянуть о прежде бывшихъ злоупотребленіяхъ».

Но Румянцевъ продолжалъ сообщать непріятныя извѣстія: «Вельможи, старшины и мнимое шляхетство вездѣ разно толковали о манифестѣ. Иные говорили, что сіе все до нихъ не слѣдуетъ; другіе, ослѣпленные любовію къ своей землицѣ, думали,

что (ихъ) какъ ученыхъ и правныхъ людей созываютъ токмо для совѣта и сочиненія новаго уложенія для Великороссіянъ; не хотѣли сіи, превращенные изъ ничего собою и большею частію чрезъ деньги, отнятіе чужихъ земель, а иногда по женамъ въ дворяне, и слышать, чтобы сидѣть съ мѣщанами, считая сіе быть предосудительнымъ чести своей, именуючи всегда гражданъ мужиками, и въ самомъ дѣлѣ старалися при семъ случаѣ уничтожить ихъ вовсе изъ званія, уничтожа безъ того же уже всѣ ихъ права и привилегіи и присвоя себѣ въ городахъ власть безпредѣльную и владѣнія большія. Ваше императорское величество характеръ мой терпѣливый и неборзкій знать изволите; но не доставало моего терпѣнія симъ вралямъ далѣе попущать или инако съ ними объясняться, и взялъ тонъ прямо начальничества и, заставя молчать, толковалъ имъ, что депутаты отъ нихъ требуются такъ какъ и отъ всѣхъ провинцій. Чтобы между мѣщанами всѣ городскіе жители въ собраніяхъ находились, послалъ изъ Новгорода Сѣверскаго циркулярные ордеры, и тамъ, начавъ 5-го числа марта, продолжалъ сіи выборы въ Стародубѣ 14, въ Черниговѣ 29 съ достодолжнымъ безмолвіемъ и тишиною. Не обошлось безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида; уличаемо было, что и по нѣскольку разъ свои имена нѣкоторые по надобностямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе безчестные пороки тутъ примѣшивались. Я имъ подтверждая молчаніе и тишину по силѣ обрядовъ, всегда на то отвѣчалъ, что до ихъ фамилій, породъ и пороковъ надлежитъ, то я какъ матрикулій, такъ и о поведеніяхъ ихъ никакого свѣдѣнія не имѣю. Но какъ скоро доходило до выбора депутатовъ и сочиненія особливо наказа, тутъ открывалось повсюду прямое и имъ свойственное вездѣ исканіе и желаніе: вездѣ согласно закричали и зачали тѣмъ, чтобы права, вольности и обыкновенія имъ утверждены были, поборы бы всѣ оставлены, войска выведены, шляхетство отъ взятія пошлинъ уволено; нѣкоторые же, бывшіе особливо въ администраціи гетманскихъ экономій, отзывались, чтобы настоять и неотступно

просить гетмана по прежнему. Мнѣ хотя мѣшаться прямо не надлежало, но какъ въ Стародубѣ, такъ и въ Черниговѣ выбранные предводителями, судья земскій Искрицкій и судья отставной генеральный Безбородко возчувствовали въ первенствѣ хотя между ровными скоро отъ несогласія ихъ отягощенія и просили меня, чтобъ я имъ помогъ привесть ихъ въ согласіе, а особливо Безбородко, который съ помощію сына своего, во всю мою бытность здѣсь и въ Петербургѣ цѣлый годъ при мнѣ находившагося, собранію ими представленные пункты мнѣ показали, гдѣ увѣщевали они собратію свою явиться непостыдно въ собраніе изо всѣхъ частей государства. Я имъ говорилъ: вы хотите просить 1) о утвержденіи правъ, которыхъ вы до учиненія земскихъ и градскихъ судовъ, т. е. по 763 годъ, почти и въ употребленіи не имѣли, а нынѣ съ трудомъ и не въ точной ихъ силѣ по разнымъ и весьма противнымъ свойствамъ крестьянства и шляхетства польскаго съ малороссійскимъ, наводите, и тѣмъ самымъ безгласные люди, а паче козаки, все имущество свое тратятъ. 2) О преимуществахъ и вольностяхъ, которыя по статьямъ Богдана Хмельницкаго весьма благоразумно и на всякій чинъ отдѣльно, особо шляхтѣ, особо духовнымъ, особо войску козацкому, особо земству отъ государей подтверждены; но вы, все то наруша, сдѣлали почти одно званіе шляхетства, и всякаго бѣглеца крестьянина, женившагося токмо на козацкой дѣвкѣ, принимаете въ достоинство шляхетское, а такого жъ шляхтича или козака часто безъ судовъ, а иногда по судамъ, но не всегда по законамъ, дѣлаете крестьяниномъ: слѣдственно вамъ о дворянствѣ до того сіе достоинство повредившимъ, едваль и отзываться осмѣлиться можно ль? 3) О снятіи податей, дѣло до васъ ни мало не касающееся, здѣшнихъ крестьянъ по собственному ихъ признанію, отягощающее, и которые, по статьямъ Богдана Хмельницкаго, государю точно дань давать повинны, а владѣльцамъ, по нѣкоторымъ другихъ гетмановъ статьямъ, и то по грамотамъ даннымъ, только вольные приносы принимать, сѣно и дрова приготовлять дозволено. И такъ вы сею просьбою хотите перемѣнить свойство совсѣмъ здѣшняго крестьянина, и тѣмъ отважно касаетеся права, государямъ точно принадлежащаго. 4) О выводѣ войскъ, необходимыхъ для внутренней и внѣшней безопасности, подвергаете себя разнымъ труднымъ отвѣтамъ и объясненіямъ».

О выборахъ депутатовъ и наказахъ имъ въ разныхъ мѣстностяхъ Румянцевъ писалъ: «Въ Сѣчи Запорожской полковникъ Милорадовичъ препорученное ему дѣло со всею благопристойностію окончилъ. Генеральный обозный Кочубей, отправленный для выборовъ въ Полтаву, ко мнѣ партикулярно пишетъ, что онъ съ великимъ трудомъ и тамъ едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію съ градскими жителями. Премьеръ-майоръ Стремоуховъ, для тогожъ опредѣленный въ Прилукахъ, рапортуетъ, что по первому отъ него объявленію никто въ собраніе изъ градскихъ жителей не пошелъ, отозвались прямо, что не будутъ; а по полученіи моего циркулярнаго ордера дали свои голоса на другихъ, и одного, по большинству сихъ отзывовъ, также не бывшаго въ собраніи и не лучшаго пріятеля городскимъ обрядамъ, полковаго писаря выбрали депутатомъ. Я сей выборъ уничтожилъ. Ваше император. величество не можетъ представить, до какого степени и почти равнаго коварность и своевольство здѣсь дошли: въ сихъ пунктахъ бывшіе въ чужихъ краяхъ равно здѣсь родившимся и нигдѣ небывалымъ ослѣплены. Страннѣе всего, что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличные люди, и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе, и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего. Мнѣ показалось при семъ случаѣ не безполезно раздѣлить ихъ интересы съ козацкими: я велѣлъ для того, на основаніи обряда о выборѣ однодворцевъ и пѣхотныхъ солдатъ, отъ всякаго полка выбрать по одному депутату и, въ Черниговѣ будучи, самъ онаго выбиралъ и видѣлъ наказъ отъ общества ему данный, гдѣ хотя по простотѣ появляются нѣкоторыя излишности, однако между тѣмъ и почти прямое исковое прошеніе на старшинъ и на чиновниковъ ихъ въ несносныхъ имъ причиненныхъ обидахъ и разореніяхъ. Козаковъ умышленно ради того въ шляхетское достоинство сами собою произвели, чтобъ, позывая ихъ, по ихъ простотѣ и незнанію нрава, несносные убытки и разоренія дѣлать, показывая тѣмъ народу, что было то только на первый случай, какъ они обыкновенно отзываются, и что все навсегда въ ихъ рукахъ останется по прежнему. Малороссійская коллегія вездѣ почти нарядила по доносамъ и жало-

бамъ слѣдствія; но великороссійскіе члены (коллегіи) часто иногда въ томъ обмануты бываютъ, и по незнанію людей, и по рекомендаціямъ своихъ сочленовъ, опредѣляютъ слѣдовать дѣла самыхъ главныхъ иногда въ томъ соучастниковъ. Не худобъ чрезъ гвардіи офицеровъ учредить коммиссіи въ изслѣдованіи всѣхъ непорядковъ, завладѣніяхъ государственныхъ имѣній и насильствахъ: этимъ пресѣкутся всѣ сумасбродства, фальшивыя и имъ несвойственныя республиканскія мысли и ограничится размножающееся здѣсь вредное государству вельможество и шляхетство. Я въ Стародубѣ и Черниговѣ больше 300 жалобъ получилъ: бо́льшая часть оныхъ въ насильномъ отнятіи земель, угодій и другихъ имуществъ, въ убійствахъ и несправедливыхъ судахъ и волокитахъ. Въ отсутствіи отдаленномъ генералъ-губернатора опредѣлить (должно) главнаго командира, къ которому бъ здѣшнее начальство и чиновничество весьма надобное подобострастіе и послушаніе имѣли, а коллежское правленіе они ни во что ставятъ. Напримѣръ коллегія требовала, и по сенатскому еще указу, чтобъ владѣльцы, кому отъ бывшаго гетмана деревни даны, какіе они съ нихъ нынѣ получаютъ доходы, точно показали: нѣкоторые на то отвѣчали, что они кромѣ осьми или десяти яицъ съ двора въ годъ ничего не получаютъ, хотя извѣстно, что въ случаяхъ ранговыхъ деревень расположенія до 14 рублевъ съ двора тяглаго за правильный окладъ здѣсь же опредѣляется».

Въ Черниговѣ выбрали депутатомъ заочно генеральнаго есаула Ивана Михайловича Скоропадскаго, о которомъ Румянцевъ писалъ, что онъ «при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ остался козакомъ». По старанію предводителя Безбородко написанъ былъ депутату такой наказъ отъ избирателей: 1) Просятъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ главъ Литовскаго статута, какъ несогласныхъ съ настоящимъ временемъ, напримѣръ: если шляхтичъ убьетъ простого человѣка, то наказывается только отсѣченіемъ руки и очень малымъ платежомъ денегъ: сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные и особливо достоинства шляхетскаго не пріобрѣтшіе стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 2) Къ отвращенію сумнительствъ о породѣ каждаго изъ шляхетства и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества шляхетскія да

будетъ угодно ея импер. величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и штатскихъ малороссійскихъ вѣрно служили и служатъ, указавъ написать въ списокъ шляхетства и обще съ составившимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, также съ получившими сіе достоинство отъ королей польскихъ и отъ царей всероссійскихъ принять въ общество дворянъ россійскихъ. 3) По отсутствію средствъ къ воспитанію учредить въ Малой Россіи дворянскій корпусъ, а для высшихъ наукъ университетъ и академіи, также женское училище. 4) Нѣтъ у насъ другого воинства кромѣ козаковъ, въ начальство надъ которыми опредѣляемые, по причинѣ непорядочнаго не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотреніемъ властей произвожденія коснѣютъ въ однихъ чинахъ и, видя часто незаслуженныхъ похищающихъ предъ ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность; для сего просятъ, чтобъ козаки въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ къ службѣ устроены были, а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ, учинятъ себя достойными охранителями имперіи. 5) Для разбиранія шляхетскихъ споровъ учредить въ первой инстанціи суды земскіе, гдѣ судей выбирать бы намъ между собою. 6) Не ограничивать выборъ предводителя только на два года, но возобновлять сей выборъ и впредь. 7) Чтобъ никому, кромѣ внесенныхъ въ шляхетскій списокъ, не было позволено покупать у насъ деревень, мельницъ, земель и всякихъ угодій, пока покупающій отъ предводителя и всего шляхетства въ сообщество наше принятъ не будетъ. 8) Принять мѣры для уничтоженія притѣсненій, дѣлаемыхъ войсками жителямъ. 9) Чтобъ войска ставились по городамъ, а не по деревнямъ. 10) Учредить въ Малороссіи государственный банкъ». Безбородко никакъ не могъ провести одного пункта: просить объ ограниченіи власти дворянъ надъ крестьянами. Не были ему благодарны и за внесенные въ наказъ пункты. Румянцевъ писалъ: «Безбородка за этотъ наказъ и сына его возненавидѣли и въ бытность перваго здѣсь (въ Глуховѣ) явно его презирали и нарекали быть недоброжелателемъ отчизны, а депутатъ Скоропадскій ему при первомъ свиданіи объявилъ, что онъ его наказъ ему же и сдастъ въ Москвѣ, онъ-де для него такъ теменъ, что его едва и разумѣть можно».

Шляхетство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ подали челобитную: «повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи Запорожской изобрать гетмана». Румянцевъ писалъ: «Я выборъ депутата (Долинскаго) уничтожилъ, и отъ предводителя (Тарнавіота) требовалъ рапорта, кто былъ первымъ виновникомъ глупаго предложенія о выборѣ гетмана вмѣстѣ съ Сѣчью и не было ли объ этомъ переписки съ Сѣчью. Но они въ послѣднемъ явились мнѣ прямо ослушны, а въ первомъ взялись всѣ отвѣчать, что они всѣ вдругъ вздумали».

Екатерина продолжала смотрѣть на эти явленія гораздо спокойнѣе, чѣмъ Румянцевъ. Она отвѣчала ему (3 мая): «Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣчали извѣстный манифестъ 14 декабря 1766. Однакожъ я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они несходственны съ общимъ добромъ; и только единственно надлежитъ требовать, чтобъ исполняли по предписанному, какъ и всѣ прочіе вѣрные подданные, изъ числа коихъ ни они себя, ни мы ихъ исключить не можемъ. Итакъ, тонъ начальничества, который вы принуждены были употребить, весьма приличенъ былъ. Хотя бы тотъ или другой уѣздъ не дѣльныя просьбы, какъ Стародубовскій, въ наказъ свой и внесъ, то надѣяться можно, что самимъ депутатамъ ихъ при дѣйствительномъ засѣданіи въ комиссіи стыдно будетъ предъ прочими сильно стараться о такихъ пунктахъ, кои многолюднымъ собраніемъ въ посмѣяніе несомнѣнно обращены будутъ, тѣмъ паче, когда возлѣ одного, вздоромъ наполненнаго наказа, прочтутъ другой умѣренный, какъ-то Черниговскій, въ которомъ множество находится пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго. Пункты козацкихъ наказовъ многимъ спѣси сбавятъ [48].

Одною изъ причинъ смуты при выборѣ головы и сочиненій наказовъ въ малороссійскихъ городахъ было то, что въ томъ и другомъ должны были участвовать одинаково всѣ жители города, а мы знаемъ, какая рознь господствовала между мѣщанами и такъ называемымъ шляхетствомъ и козаками еще со временъ Хмельницкаго. Въ Прилукахъ шляхетство и козаки отказались произвоодить выборы вмѣстѣ съ мѣщанами, считая это для себя унизи-

тельнымъ. Въ Лубнахъ старшина и чиновники не допустили мѣщанъ до сочиненія наказа, потому что мѣщане хотѣли внести въ него жалобу на козаковъ и чиновниковъ, которые занимались въ Лубнахъ разными промыслами, не неся за то никакихъ повинностей, завладѣли городскою землею, порабощали горожанъ и проч. [49].

Объ одномъ изъ малороссійскихъ происшествій, случившихся по поводу выбора въ депутаты, доведено было до свѣдѣнія сената. «Въ исполненіи всевысочайшаго манифеста о выборѣ депутатовъ въ коммиссію составленія проекта новаго уложенія, писалъ Румянцевъ, съ самаго моего туда прибытія въ надлежащихъ по оному распоряженіяхъ хотя и встрѣчались мнѣ многія и неожидаемыя трудности, но понынѣ удавалось мнѣ еще, всѣ оныя преодолѣвая, приводить въ прямое всего выполненіе, а настоящій поступокъ полку Нѣжинскаго нѣкоторыхъ владѣльцевъ есть вовсе свойство противнаго и прямо являющаго отзывъ древнихъ тамошнихъ умствованій, о которыхъ я прав. сенату въ должности своей почелъ сдѣлать доношеніе. Полку Нѣжинскаго въ повѣтахъ Нѣжинскомъ и Батуринскомъ шляхетство по росписанію моему въ назначенное къ выбору предводителя и депутата время имѣли собраніе и, на основаніи обряда, выбрали прежде въ предводители, а потомъ и въ депутаты судью земскаго Лаврентья Селецкаго, и о таковомъ выборѣ избранный въ предводители отставной полковникъ Тарнавіотъ опредѣленному при томъ быть начальникомъ полковнику нѣжинскому Разумовскому сообщилъ письменно, о чемъ и я сенату репортовалъ. И не давъ ему полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разъѣхались, отложа все сіе на цѣлый мѣсяцъ, а потомъ на срокъ собою положенный съѣхавшись, приступили къ сочиненію наказовъ и коснулись вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отягощеній разсуждать о сдѣланныхъ обѣщаніяхъ ея импер. величества предковъ въ сохраненіи ихъ всегда при ихъ правахъ и вольностяхъ непремѣнно и вносить особливо даваемыя грамоты и указы Петра Великаго во времена бѣдственнѣйшія для сей земли, и между тѣмъ, что будто безъ гетмана крайняя нужда и опасеніе всей Малороссіи состоитъ, а причитая быть все только одно и тягостію, что государственными тамъ узаконеніями сдѣлано, а расположеніе войска наиглавнѣйшею, и чтобы выборъ гетмана

будто на прежнемъ основаніи обще съ Запорожскою Сѣчью имъ сдѣлать дозволено было. Тогда часть благожелательныхъ своему отечеству, въ числѣ нѣкоторыхъ и депутатъ Селецкій не изъ послѣднихъ противорѣчилъ въ томъ, однакожъ не обратили тѣхъ первыхъ кривотолковъ на лучшія мысли; но они, пребывъ въ своемъ упорствѣ, а на сихъ озлобясь, отважились нарушить въ то же время сдѣланную довѣренность первому ихъ депутату Селецкому, со дня его выбора единственно уже подъ ея имп. в—ства протекціею состоящему, и затѣявъ, будто Селецкій вопервыхъ требовалъ на содержаніе свое денегъ, а вовторыхъ совѣтовалъ слѣдовать черниговскаго шляхетства наказу, и, пользуясь простотою предводителя Тарнавіота, заставили его прямо въ противность обряда другого депутата выбрать, и именно подкоморія Григорья Долинскаго, неразсудныхъ ихъ просьбъ и желанія перваго между ними виновника. Я, получа о томъ извѣстіе отъ вышеупомянутыхъ благонамѣренныхъ дворянъ о толь худыхъ поступкахъ ихъ собратій испрошеніемъ дозволенія отправить имъ выбраннаго подъ присягою ихъ перваго депутата Селецкаго въ коммиссію, дабы они прошеніемъ въ истинныхъ своихъ нуждахъ и недостаткахъ оправдать могли предъ ея имп. в—ствомъ непорочную свою къ ней вѣрность,—требовалъ отвѣта отъ предводителя какъ въ самовластномъ и въ нарушеніе обряда сдѣланномъ выборѣ другого депутата, такъ и о именованіи ему предлагателя соединенія съ Сѣчей Запорожской въ разсужденіи гетманскаго выбора, и увѣщевая о отправленіи Селецкаго. Но не произвело мое увѣщаніе никакого дѣйства.—Сенатъ приказалъ: 1) Первому выбору Селецкаго остаться во всей силѣ и затѣмъ вторичный выборъ Долинскаго уничтожить. 2) Предводитель Тарнавіотъ въ разсужденіи того, что онъ приступилъ къ тому, какъ самъ генералъ-губернаторъ представляетъ, единственно по своей простотѣ, отъ дальнѣйшаго штрафа освобождается, и единственно отрѣшить его отъ его должности и выбрать на его мѣсто другого предводителя. 3) Зачинщиковъ прописаннаго непорядка, кои побудили приступить къ другому противозаконному выбору и тѣхъ кои съ ними были въ согласіи, за оказанное генералъ-губернатору ослушаніе отослать—воинскихъ на военный, а гражданскихъ и неслужащихъ на гражданскій судъ [50].

Въ Погарѣ городскимъ головою былъ выбранъ Денисъ Прива-

ловъ, который и велѣлъ собраться всѣмъ жителямъ города для избранія депутата; но многіе «изъ воинскаго званія и разночинцы» на выборы не пошли, и когда Приваловъ началъ вести дѣло съ одними мѣщанами и пришелъ въ магистратъ съ пятью членами, избранными для написанія наказа, то войтъ Панасъ со шляхетствомъ выгналъ ихъ изъ магистрата. Когда въ другой разъ Приваловъ съ мѣщанами хотѣлъ идти въ магистратъ для прочтенія наказа, то Панасъ заперъ магистратъ и ихъ туда не пустилъ. Приваловъ однако настоялъ на исполненіи указа и собралъ жителей Погара въ магистратъ для слушанія наказа. Два дня читали наказъ спокойно; но на третій Панасъ сталъ толковать, что не надобно слушать новизны и склоняться къ ней, не надобно смотрѣть ни на какіе сторонніе страхи, что новизнѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться, новизна того, что̀ въ старину сдѣлано, поправить не можетъ, и наустилъ бывшаго прежде войтомъ въ Погарѣ Песоцкаго, его сына, земскаго писаря войсковаго товарища Соболевскаго, священникова сына Сороку, сыновей бывшаго мѣщанина Джури и прочихъ чиновниковъ, бывшихъ прежде мѣщанами, козаковъ-урядниковъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ вооружиться противъ наказа, сочиненнаго для врученія депутату. Они стали шумѣть, порицая тѣхъ пять человѣкъ, которые были выбраны для сочиненія наказа, желая сами быть выбранными, но это имъ не удалось; когда же Приваловъ повѣстилъ всѣмъ гражданамъ собраться для слушанія и подписи наказа, то противники объявили, что они уже послали къ генералъ-губернатору просьбу, чтобъ выбрать другого голову, а Привалова отставить и до полученія резолюціи слушаться Привалова не будутъ. Въ просьбѣ своей они писали, что Приваловъ былъ выбранъ, по большей части мѣщанами самыми простыми и неграмотными, голова онъ былъ «недостаточный», самъ собою, безъ вѣдома горожанъ, принялся за сочиненіе наказа, въ магистратѣ шумѣлъ, бранился и многихъ исключалъ изъ общества, къ сочиненію наказа выбралъ людей, которые и простого письма написать не умѣютъ. Но они не дождались благопріятной для себя резолюціи. Румянцевъ послалъ въ Погаръ члена малороссійской коллегіи кн. Мещерскаго изслѣдовать дѣло; посланный произвелъ слѣдствіе, отыскалъ неблагонамѣренныя письма Панаса къ стародубскому полковому писарю Косачу,

въ слѣдствіе чего Румянцевъ донесъ сенату о сумасбродствѣ Панаса, который, «стараясь своимъ велерѣчіемъ и мнимымъ патріотическимъ усердіемъ и твердостію къ старинѣ простосердечной будто наклонять, и въ самомъ дѣлѣ умышлялъ, исключая нѣкоторые пункты, для себя токмо полезные, вперять отвращеніе ко всякой перемѣнѣ, касаясь толковать и разсуждать дерзостно прямо, коль въ сочиненіи новыхъ законовъ мало пользы ожидать надлежитъ». Сенатъ приказалъ: генералъ-губернатору надъ Панасомъ произвести судъ, и чего онъ по законамъ достоинъ будетъ, представить съ мнѣніемъ въ сенатъ [51].

О Запорожьѣ Румянцевъ писалъ что тамъ полковникъ Милорадовичъ «препорученное ему дѣло со всею благопристойностію окончилъ». Но въ томъ же 1767 году изъ Сѣчи пришелъ сильный доносъ. Доносилъ войска запорожскаго низоваго полковой старшина Павелъ Савицкій на кошевого атамана Кальнишевскаго: когда въ 1766 году въ октябрѣ кошевой пріѣхалъ домой отъ Румянцева, то, запершись въ своей спальнѣ, началъ говорить своему писарю: «какъ видно нечего надѣяться отъ нихъ, а надобно отписать къ турецкому императору и, выбравъ въ войскѣ добрыхъ 20 человѣкъ, послать съ прошеніемъ принять подъ турецкое покровительство; а въ войско напишемъ, чтобъ всѣ въ готовности и исправности были къ походу; напишемъ, что если великороссійская регулярная или гусарская какая-либо команда въ запорожскія дачи войдетъ, то чтобъ ни одного человѣка не впустили въ границу, а еслибъ стали насильно входить въ дачи запорожскія, то поступили бы съ ними какъ съ непріятелями». «Писалиль къ турецкому императору, или нѣтъ, сказать не могу, доносилъ Савицкій, а въ войско точно моею рукою сперва чрезъ полковника Антона Красовскаго въ прошломъ 1766 году въ августѣ мѣсяцѣ, а потомъ чрезъ есаула въ октябрѣ писали, чтобъ всѣ въ готовности были къ походу противъ Россіи и не пропускалибъ въ свою границу ни за чѣмъ ни одного русскаго» [52]. На этотъ разъ доносъ остался безъ слѣдствій.

На восточной Украйнѣ относительно коммиссіи сдѣлано было особенное любопытное распоряженіе: оренбургскому губернатору Путятину сенатъ писалъ указъ, чтобъ онъ отправляющимся изъ его губерніи въ коммиссію депутатамъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія и объясненія о разныхъ способахъ касающихся возстанов-

ленія въ губерніи его безопасности отъ колеблющагося народа магометанскаго закона [53]. Наконецъ изъ далекой Сибири по поводу коммиссіи пришло извѣстіе веселаго свойства. Сибирскій губернаторъ Денисъ Чичеринъ писалъ брату своему, генералъ-полицеймейстеру Николаю Чичерину: «поѣхали отъ меня два принца, получившіе дипломъ на княжество отъ царя Годунова: одинъ Обдорскій, а другой Куноватскій, Березовскаго вѣдомства, кочующіе къ самому Сѣверному Океану по устьямъ рѣки Оби. Выѣздъ ихъ по силѣ манифеста о депутатахъ, однакожъ ни нуждъ, ни повѣренности—ничего при себѣ не имѣютъ, а только меня спросили: ѣздитъ ли государыня по улицамъ, и какъ имъ сказано, что изволитъ выѣзжать, то, упавъ въ ноги, просили, чтобъ я ихъ конечно отправилъ. Желаніе ихъ въ томъ, чтобъ въ проѣздъ увидѣть государыню. И повезли въ подарокъ 6 лисицъ черныхъ и дипломы съ собой повезлижъ объявить у васъ: пущай знаютъ, что мы князья, а не подлые. Не могу братецъ изъяснить, сколько здѣшніе дикіе народы искренности и вѣрности имѣютъ къ государынѣ, и какъ освящаютъ все то, гдѣ указъ императрицы Екатерины Алексѣевны написанъ: и такъ принужденъ, когда въ дикіе улусы указы пишу, прописывать высочайшее имя. Какъ туда дойдетъ, сходятся великими толпами съ женами и дѣтьми, цѣлуютъ губами и лбомъ написанное имя и маленькихъ дѣтей прикладываютъ, и тотъ день, когда въ указѣ имъ имя государынино упомянется, великое торжество: вотъ что сдѣлала милость государынина учрежденіемъ поясачной коммиссіи, что они спокойнѣйшею жизнію доставлены. Вы найдете въ сихъ моихъ принцахъ двухъ дикенькихъ звѣрковъ, странныхъ видомъ, странныхъ и одѣяніемъ. По именному указу велѣно ихъ, ежели полный ясакъ заплатятъ безъ доимки, дарить. Почему и подарилъ я ихъ по сукну, и сдѣлали себѣ платье своимъ покроемъ; знаю, какъ пойдутъ въ Москвѣ по улицамъ, запрутъ проѣздъ, и дядьку съ ними я послалъ. Какъ государыня изволитъ обо всѣхъ подробностяхъ любопытствовать, то кажется не излишнее вамъ при случаѣ объ нихъ донесть, можетъ быть не будетъ ли соизволеніе ихъ видѣть. Я за своихъ принцевъ ручаюсь, что не ударятъ себя лицомъ въ грязь, фигуру сдѣлаютъ при дворѣ не хуже французскихъ, а особливо танцовать и пѣсни пѣть не италіанцамъ вашимъ чета; впрочемъ, братецъ, пожалуй ихъ прила-

скай и не оставь, особливо квартерою ихъ снабди, по ихъ дикости не могутъ найтить мѣста» [54].

Въ то-время, когда изъ всѣхъ концовъ Россіи собирались ѣхать въ Москву выбранные депутаты для коммиссіи о новомъ уложеніи, сочинительница Наказа путешествовала по Азіи, какъ она любила выражаться въ письмахъ къ своимъ западно-европейскимъ друзьямъ-философамъ. Въ концѣ апрѣля Екатерина выѣхала изъ Москвы, давши генералъ-рекетмейстеру Козлову приказаніе: «во время моего отсюда отсутствія продолжайте почасту ходить по коллегіямъ, дабы тѣ порядки пока не пришли въ упадокъ, которые, мы слава Богу, хотя съ трудомъ завели». 29 апрѣля она пріѣхала въ Тверь, гдѣ 2 мая сѣла на суда и отправилась по Волгѣ. 7 мая, не доѣзжая устьевъ Мологи, путешественники цѣлый день задержаны были сильнымъ противнымъ и холоднымъ вѣтромъ. На другой день Екатерина писала Панину, оставшемуся въ Москвѣ съ великимъ княземъ: «сегодня идемъ всячески и съ нарочитымъ успѣхомъ, хотя погода и противна; только лихо дойти до устья Мологи: тамъ уже рѣка вдвое шире и меньше вьется. Мы всѣ здоровы и въ гошпиталѣ лишь 5 человѣкъ больныхъ, хотя въ моей свитѣ близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія». 9 мая Екатерина пріѣхала въ Ярославль и на другой день писала Панину: «сбираюсь ѣхать на разныя фабрики. Чужестранные министры всѣ здѣсь въ полномъ удовольствіи. Изволь-ка мнѣ прислать дѣла, я весьма праздно живу» [55]. Въ Ярославлѣ въ это время шло трудное для разбора и непріятное дѣло по поводу столкновенія крупнаго купечества съ мелкимъ. Къ пріѣзду императрицы купцовъ уговорили подать ей слѣдующую просьбу: «бьютъ челомъ ярославскіе первостатейные и среднестатейные и мелкостатейные купцы. Извѣстно вашему имп. в—ству по прошеніямъ здѣшняго среднестатейнаго купечества на первостатейныхъ купцовъ, бывшихъ въ присутствіи въ магистратѣ и старшихъ съ товарищи здѣсь слѣдствіе и отъ того между нами умножающіяся ссоры и междоусобія, и что оныя угражаютъ нашему городу совершеннымъ разореніемъ. Мы являемся цѣлымъ городомъ предъ священное вашего имп. в—ства лицо. Отъ междоусобія нашего недостойны не только таковой милости, ниже воззрѣть на ваше имп. в—ство. Угрызаетъ же насъ совѣсть, что мы высочайшаго присутствія вашего имп. в—ства не употребляемъ въ свою

пользу и упадшій нашъ городъ отъ несогласія между собою не обновимъ и воскресимъ примиреніемъ. Чего ради, собравшись въ старшинскій домъ все наличное здѣшняго города всѣхъ статей купечество, въ присутствіи г. генералъ-полицеймейстера Ник. Ив. Чичерина, согласились между собою безъ малѣйшаго отъ кого-либо принужденія единодушно учинить миръ съ истиннымъ раскаяніемъ, съ такимъ между собою договоромъ: первостатейнымъ купцамъ взнесть въ казну подушныхъ денегъ за все ярославское купечество 10,000 рублей; они же должны заплатить просителямъ среднестатейнымъ купцамъ за проѣзды и другіе убытки по слѣдственному дѣлу 1500 рублей, да на разные канцелярскіе расходы по тому слѣдствію 500 рублей. А со среднестатейныхъ состоящую на нихъ съ 759 по 764 годъ за неплатежъ подушныхъ и другихъ поборовъ доимку 2019 рублевъ собрать, а съ тѣхъ средостатейныхъ, которые пришли въ упадокъ, той доимки не взыскивать» [56]. Екатерина осталась недовольна ярославскимъ воеводою Кочетовымъ и велѣла сенату замѣнить его другимъ, выставивъ въ указѣ причину, что Кочетовъ «по нерасторопности своей должность свою исполняетъ съ трудомъ и не можетъ способствовать возстановленію мира между купечествомъ» [57].

Дворяне разныхъ уѣздовъ съѣхались въ Ярославль со своими новыми предводителями и представлялись императрицѣ въ архіерейской трапезѣ. «Все это имѣло очень приличный видъ, писала Екатерина. Костромское дворянство прислало двоихъ депутатовъ просить высокую путешественницу остановиться въ ихъ городѣ, «кои то исполнили весьма изряднымъ комплиментомъ». Пріемъ въ Костромѣ особенно понравился Екатеринѣ, которая писала Панину 15 мая: «завтра поѣду отселѣ, а иноплеменниковъ (дипломатическій корпусъ) отпущу къ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. Я ихъ всѣхъ не единожды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а И. Гр. Чернышевъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія».

Свое пребываніе въ Нижнемъ Новгородѣ Екатерина ознаменовала утвержденіемъ устава купеческой компаніи, «понеже купцы Нижняго Новгорода, по разнымъ злоключеніямъ, пришли въ упадокъ по собственному ихъ признанію, того для захотѣла нынѣ

во время прибытія въ сей городъ дать поводъ къ поправленію сего падшаго града. Какъ извѣстно, что всѣ почти купцы малые имѣютъ капиталы, а по той причинѣ не могутъ расторговаться, то составить имъ компанію» и проч. Въ Ярославлѣ Екатерина осталась недовольна воеводою, а въ Нижнемъ—архіереемъ, о которомъ писала къ новгородскому митрополиту Димитрію Сѣченову: «Здѣшній преосвященный, кажется человѣкъ слабый, но по старости еще бодръ, и видно, что онъ выбираетъ также людей слабыхъ, и такихъ, кои или сами весьма вольны, или такихъ опять, кои мало его слушаютъ, а по большей части всѣ простяки. Притомъ во всемъ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Сія же епархія кажется весьма достойна особливаго примѣчанія, ибо число правовѣрныхъ думаю меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ: итакъ кажется нужнѣе всего здѣсь имѣть священство просвѣщенное ученіемъ, нрава кроткаго и добраго житія, кои бы тихостію, проповѣдію и безпорочностію добронравнаго ученія подкрѣпляли во всякомъ случаѣ евангельское слово. Противное сему поведеніе было примѣтно, которое здѣсь для примѣра опишу: въ дворцовомъ селѣ Городцѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на освященіи церкви, въ находящемся близь того села Ѳедоровскомъ монастырѣ, умалчивая о томъ, что игуменъ такъ старъ, что насилу служить можетъ, и что монахи такъ мало его почитаютъ, что громко съ бранію наставляли, какъ ему служить, что и дѣйствительно онъ худо зналъ, еще приходскіе городецкіе священники подали мнѣ челобитную, чтобъ сдѣлано было разсмотрѣніе о ихъ пропитаніи, прописывая будто лишились они всѣхъ прихожанъ за запискою оныхъ въ расколъ. Пріѣхавъ сюда, требовала я справки, много ли прибыло по ревизіи оныхъ, и нашла, что дѣйствительно много; потомъ пришли къ Елагину того села раскольники и говорили ему, что священники съ ними обходятся какъ съ басурманами, и если у кого родится младенецъ и пошлютъ по священника, то сей, гнушаясь ихъ, не хочетъ ни молитвы давать, ни крестить младенца, о чемъ Елагинъ здѣшнему преосвященному донесъ, дабы послалъ приказанія къ священникамъ о молитвахъ и крещеніи младенцевъ. Изъ сего кажется заключить можно, сколь много огорченія въ духахъ другъ противъ друга, что не поспѣшествуетъ тому спокойствію между

гражданами, кое благоразуміе старается вездѣ установить; вашему же преосвященству извѣстно, сколько кротость пастыря все сіе прекратить можетъ, ибо въ вашей епархіи и въ тверской очевидные примѣры сему. Итакъ прошу ваше преосвященство имѣть бдѣніе, дабы въ сей нижегородской епархіи, при случаѣ ваканціи, было весьма осторожно поступлено въ выборѣ персоны, ибо одинъ человѣкъ слабостію и несмотрѣніемъ иногда то испортитъ, что насилу въ 20 лѣтъ поправить можно. Все сіе пишу въ крайней откровенности и довѣренности къ вашему преосвященству, желая все видѣть къ благу устроено, наипаче сію важную часть».

Касательно впечатлѣнія, какое произвелъ тогдашній Нижній Новгородъ на Екатерину, любопытно письмо ея къ Панину, отъ 22-го мая: «Сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ, только поправится вскорѣ; ибо мнѣ одной надобно строить какъ соляные и винные магазейны, такъ губернаторскій домъ, канцелярію и архиву, что все или на боку лежитъ, или близко того; также корона близко 20 тысячъ въ годъ платитъ найма для поклажи соли и вина». А послѣ изъ Чебоксаръ писала: «Чебоксаръ для меня во всемъ лучше Нижняго Новгорода». За то Казань, куда пріѣхали 26-го мая, произвела самое благопріятное впечатлѣніе: «Мы нашли городъ, который всячески можетъ слыть столицею большого царства; пріемъ мнѣ отмѣнной; намъ отмѣнной онъ кажется, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Еслибъ дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, и въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой быть здѣсь не долго; однако, выключая сего эксесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ; здѣсь тріумфальныя ворота такія, какъ я еще лучше не видала. Я живу здѣсь въ купеческомъ каменномъ домѣ: девять покоевъ анфиладою, все шолкомъ обитые; кресла и канапеи вызолоченныя, вездѣ трюмо и мраморные столы подъ ними». Въ другомъ письмѣ Екатерина говоритъ: «Отселѣ выѣхать нельзя: столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idée же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно. Это особое царство, и только здѣсь можно видѣть, что̀ такое громадное предпріятіе нашего законодательства, и какъ существующіе законы мало соотвѣтствуютъ поло-

женію имперіи вообще. Они извели народу безчисленнаго, котораго состояніе шло по сѣхъ поръ къ исчезанію, а не къ умноженію; таково же и съ имуществомъ онаго поступлено». Видно, что во время путешествія Екатерину постоянно занимала мысль о Наказѣ и предстоящей коммиссіи, и занимала не безъ нѣкотораго безпокойства на счетъ успѣха предпріятія, къ чему путешествіе, видѣнное и слышанное во время его могло подавать поводы. Она писала Вольтеру изъ Казани: «Эти законы, о которыхъ такъ много было рѣчей, собственно говоря еще не сочинены, и кто можетъ отвѣчать за ихъ доброкачественность? Конечно не мы, а потомство будетъ въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ. Представьте, что они должны служить для Азіи и для Европы, и какое различіе въ климатѣ, людяхъ, обычаяхъ и самихъ понятіяхъ! Вотъ я и въ Азіи; мнѣ хотѣлось посмотрѣть ее собственными глазами. Въ этомъ городѣ 20 разныхъ народовъ, вовсе не похожихъ другъ на друга. И однако имъ надобно сшить платье, которое на всѣхъ на нихъ одинаково хорошо бы сидѣло. Можно легко найти общія правила, но подробности? И какія подробности? Это почти все равно, что создать цѣлый міръ, соединить части, оградить и проч.» [58].

И въ Казани, какъ въ Нижнемъ, не обошлось безъ непріятности со стороны духовенства: два монаха Печерскаго Казанскаго монастыря подали императрицѣ жалобу на архимандрита, что онъ не даетъ имъ сполна положеннаго по штатамъ. Екатерина велѣла препроводить просьбу ихъ къ архіерею, чтобъ разобралъ дѣло и подтвердилъ по всей епархіи не удерживать жалованья, при чемъ написала: «А симъ монахамъ въ вину того ставить не велите, что они прибѣгли ко мнѣ съ прошеніемъ, поставя то имъ въ простоту, какъ и я оный поступокъ ихъ почитаю» [59]. Разсказали и непріятное изъ недавней старины. По осмотрѣ развалинъ Болгаръ Екатерина писала Панину: «Все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты очень хорошей. Сему одинъ гонитель казанскій архіерей Лука при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ позавидовалъ и много разломалъ, а изъ иныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобъ не вредить и не ломать сію древность».

Страна и состояніе жителей по Волгѣ отъ Казани произвели

самое благопріятное впечатлѣніе. «Здѣсь народъ по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ, и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ, и никто не жалуется и нужду не терпитъ. Хлѣбъ всякого рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розаны дикіе, а лѣса иного нѣтъ, какъ дубъ и липа; земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видятъ. Однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, что себѣ представить можешь, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду: все есть и все дешево».

Въ противоположность Казани Симбирскъ произвелъ самое непріятное впечатлѣніе: «Городъ самый скаредный, и всѣ домы, кромѣ того, въ которомъ я стою, въ конфискаціи, и такъ мой городъ у меня же; я не очень знаю, схоже ли то съ здравымъ разсужденіемъ, и не полезнѣе ли повернуть людямъ ихъ домы, нежели сіи лучинки имѣть въ странной собственности, изъ которой ни коронныя деньги, ни люди не сохранены въ цѣлости? Я теперь здѣсь упражняюсь сыскать способы, чтобъ деньги были возвращены, домы по пустому не сгнили и люди не приведены были вовсе въ истребленіе, а недоимка по соли и вину только въ сто семь тысячъ рублей, къ чему послужила какъ кража, такъ и разныя несчастливыя приключенія». Изъ Симбирска Екатерина дала также любопытный указъ. Казанскій татаринъ Уразметевъ показалъ, что онъ сбиралъ съ казанскихъ татаръ деньги для подарка тамошнему губернатору. По закону дѣло должно было перенести въ другую губернію, и юстицъ-коллегія распорядилась, чтобъ татары подали свою челобитную въ оренбургской губернской канцеляріи. Дѣло доведено было до свѣдѣнія императрицы въ Симбирскѣ и она написала: «Сего я не понимаю, а заключаю только, что сіе учинено отъ небреженія, или отъ неимѣнія карты, а потому и отъ незнанія разстоянія мѣстъ: чего ради повелѣваемъ о показаніи Уразметева изслѣдовать Казанской адмиралтейской конторѣ, а прежнее опредѣленіе юстицъ-коллегіи о челобитьи тѣмъ татарамъ по сему дѣлу въ оренбургской губернской канцеляріи, миновавъ ближайшее мѣсто, т. е. нижегородскую губернскую канцелярію, уничтожить и ей подтвердить, чтобъ она впредь въ такихъ случаяхъ справлялась съ картою, дабы за напраснымъ проѣздомъ отъ такого несмо-

тренія челобитчики не претерпевали отягощенія и убытковъ, о чемъ нужно и въ другія правительства дать знать, ибо мы по дороге имели случай подобныя сему определенія видеть» [60].

Изъ Симбирска Екатерина сухимъ путемъ возвратилась въ Москву, жалея о спокойномъ плаваніи на галерахъ. Изъ Мурома, отъ 12 іюня, она писала Панину: «Я на досуге сделаю вамъ короткое описаніе того, что приметила дорогою. Где черноземъ и лучшія произращенія, какъ-то синбирская провинція и половина алатырской, тамъ люди ленивы, и верстъ по 15 пусты, не населены, а земли не разработаны. Отъ Алатыря до Арзамаса и отъ сего места до муромскихъ лесовъ, земли часъ отъ часу хуже, селенія чаще и ни пяди земли нетъ, коя бы не была разработана, и хлебъ лучше, нежели въ первыхъ сихъ местахъ, и нигде голоду нетъ [61]».

По возвращеніи въ Москву, 22 іюня Екатерина присутствовала въ сенате и сообщила сенаторамъ записку, что во время путешествія изъ Москвы въ Казань и обратно по всей дороге подано было ей больше 600 челобитенъ, и изъ нихъ не нашлось ни одной на воеводъ и на управленіе вообще, ни одной жалобы на взятки [62], была одна, и то по частной обиде, а не по делу или должности. Большая часть просьбъ подана была помещичьими крестьянами и заключала жалобы на тяжкіе поборы отъ помещиковъ; все эти просьбы были возвращены съ подтвержденіемъ, чтобъ впредь такихъ не подавали. Были просьбы отъ пахотныхъ солдатъ и новокрещенъ на завладеніе ихъ землями и въ недостатке земель: изъ чего видно, что въ тамошнихъ местахъ, а именновъ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, большая нужда въ межеваніи; а чтобы въ земле подлинно былъ недостатокъ—этого по частнымъ известіямъ не видно, ибо везде почти втрое противъ того что могутъ разработывать. Императрица выразила удовольствіе, что такъ какъ ни на одно правительственное лицо жалобъ не было, значитъ правосудіе находится въ хорошемъ состояніи, правители и судьи ведутъ дело безкорыстно. Наконецъ Екатерина объявила, что въ Нижегородской губерніи, по ея усмотренію, между иноверными народами происходятъ большіе споры и междоусобія о земляхъ, и потому ей было бы весьма угодно, еслибъ происходящее теперь межеваніе чемъ скорее, темъ лучше, перенесено было въ эту губернію

Большая часть просьбъ была подана помѣщичьими крестьянами; просьбы были возвращены челобитчикамъ; но въ сенатъ съ начала года постоянно приходили извѣстія о крестьянскихъ возстаніяхъ. Волненіе на Липскихъ заводахъ продолжалось. Воронежскій губернаторъ Масловъ доносилъ, что онъ спрашивалъ повѣреннаго мастеровыхъ людей Купріанова и пятерыхъ мастеровыхъ, и Купріановъ показалъ, что объ обидахъ объявитъ реестрами и вѣдомостями, и когда губернаторъ самъ пріѣхалъ на мѣсто для слѣдствія, въ Сокольскъ, то 30 человѣкъ мастеровыхъ объявили, что обо всѣхъ обидахъ и недостаткахъ дѣйствительно поданы вѣдомости Купріанову; тотъ подалъ реестры и вѣдомости, но въ нихъ не означено, въ какіе годы и какими прикащиками нанесены обиды и сдѣланы недоплаты, причемъ Купріановъ сказалъ, что объ этомъ объявятъ мастеровые сами; но такихъ мастеровыхъ было много, губернатору оставаться въ Сокольскѣ долѣе было нельзя и онъ послалъ указъ къ правящему воеводскую должность въ Романовѣ ассессору Мелехову ѣхать на заводы и производить допросы. Но Мелеховъ далъ знать, что ни одинъ работникъ къ допросу не пошелъ, говоря, что они послали къ императрицѣ съ просьбою. Сенатъ велѣлъ послать указъ, что работники, какъ бунтовщики, подлежатъ наижесточайшей смертной казни и десятеро изъ нихъ уже публично наказаны и сосланы; несмотря на то мастеровые все еще пребываютъ въ заблужденіи! Сенатъ приказываетъ имъ войти въ безмолвственное повиновеніе подъ страхомъ жестокаго наказанія [63]. Измайловскаго полка сержантъ Собакинъ подалъ императрицѣ прошеніе, что крѣпостные отца его, Шуйскаго уѣзда села Телешова и другихъ помѣщиковъ крестьяне, пріѣхавъ разбоемъ въ домъ его въ это село, мать его зарѣзали, а отца, бивши мучительски, оставили едва жива [64]. Старались предупредить волненія заводскихъ крестьянъ на востокѣ: въ началѣ 1767 года учреждена коммиссія на Нерчинскихъ серебряныхъ заводахъ для изслѣдованія о причиненныхъ обидахъ, побояхъ и взяткахъ съ приписныхъ къ тѣмъ заводамъ крестьянъ ассессоромъ Кологривовымъ и шихмейстеромъ Павлуцкимъ съ товарищи, также о прежде бывшихъ и вновь оказавшихся тамъ похищеніяхъ казеннаго серебра. Вслѣдъ за тѣмъ сенатъ подалъ императрицѣ докладъ по дѣлу казанской губернской канцеляріи о лихоимственныхъ взяткахъ бывшаго въ Казани у по-

душнаго сбора ассессора Макулова съ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ. Оказалось, что дѣло производимо было канцеляріею очень слабо и съ законами несходно, медленно; губернаторъ, несмотря на явность преступленія, далъ обвиненнымъ присягу, и они, не помня суда Божія, присягнули, что взятокъ не брали; сенатъ призналъ Макулова и товарищей его подозрительными и клятвопреступниками. Екатерина написала на докладѣ: «губернатору учинить напоминаніе, чтобъ впредь въ подобныхъ случаяхъ осторожнѣе поступалъ, а ассессора Макулова и прочихъ, по причинѣ той, что сенатъ ихъ подозрительными призналъ, отрѣша отъ дѣлъ, впредь не опредѣлять». Мы упоминали о возстаніи крестьянъ Фролова-Багрѣева; когда они ушли въ лѣсъ, то пойманы были изъ нихъ только два человѣка, которые показали, что ихъ къ бунту склоняли провинціальной канцеляріи подъячій Дуловъ, а за нимъ села Васильевскаго священникъ съ дѣтьми. Канцелярія, писалъ Фроловъ - Багрѣевъ, производитъ надъ этими двумя злодѣями слѣдствіе очень медленно, какъ видно дѣлаетъ Дулову понаровку. Сенатъ приказалъ написать воронежскому губернатору, чтобъ слѣдствіе немедленно было окончено. Въ провинціи Переяславля Залѣсскаго пронесся слухъ, что находящіяся въ этой провинціи помѣщичьи деревни будутъ отписаны въ казну и оброки съ нихъ будутъ сбираться такіе же, какъ и съ монастырскихъ крестьянъ. Кашинскаго уѣзда помѣщиковъ Олсуфьевыхъ крестьяне подали императрицѣ просьбу объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ. Воевода, по имянному указу, объявилъ имъ, чтобъ они оставались попрежнему въ должномъ послушаніи, на что крестьяне всѣ единогласно отвѣчали, что у помѣщиковъ своихъ въ послушаніи быть не хотятъ. Сенатъ приказалъ отправить противъ нихъ воинскую команду. Но, несмотря на повторительныя запрещенія, подали императрицѣ просьбы крестьяне помѣщиковъ Леонтьева, Лопухиныхъ и Толстой. Екатерина велѣла просителей отослать въ сенатъ, но вмѣстѣ прислала туда и указъ: такъ какъ подобныхъ просьбъ отъ крестьянства на помѣщиковъ подавалось и прежде не малое число, то ея императ. величество сомнѣвается, чтобъ оказующееся отъ крестьянства на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе не размножилось и не произвело бы вредныхъ слѣдствій: по этому сенату повелѣваетъ, въ предупрежденіе такого зла, придумать благо-

пристойныя средства. Сенатъ приговорилъ донести императрицѣ, что онъ считаетъ самымъ удобнымъ средствомъ обнародовать печатнымъ указомъ, чтобъ крестьяне и дворовые люди отнюдь не отваживались на помѣщиковъ своихъ бить челомъ, кромѣ изображенныхъ въ уложеньи и прежнихъ указахъ дѣлъ, а дерзнувшіе подвергнутъ себя публично наказанію кнутомъ; указъ этотъ читать во всѣхъ церквахъ; присланныхъ теперь крестьянъ отослать въ московскую губернскую канцелярію и тамъ велѣть ихъ допросить подъ пристрастіемъ, кто имъ челобитныя писалъ и сочинялъ; на кого покажутъ, тѣхъ сыскивать и, забравъ подъ караулъ, рапортовать сенату; потомъ немедленно помянутыхъ крестьянъ одну половину, раздѣля по нѣскольку человѣкъ, наказать въ Москвѣ на разныхъ площадяхъ плетьми въ торговый день съ барабаннымъ боемъ публично и отдать обратно помѣщикамъ, а другую половину наказать такимъ же образомъ въ ихъ жилищахъ при собраніи прочихъ крестьянъ для предупрежденія симъ примѣромъ подобныхъ преступленій. Но такъ какъ сенатъ, разсматривая источникъ зла, находитъ, что можетъ иногда и чрезъ мѣру строгій и неразсудительный поступокъ помѣщиковъ въ разсужденіи своихъ крестьянъ подать послѣднимъ поводъ и достаточную по ихъ мнѣнію причину къ такимъ челобитьямъ, то разсудилъ поручить нѣкоторымъ изъ господъ сенаторовъ переговорить съ помѣщиками этихъ челобитчиковъ секретно о причинѣ неудовольствія ихъ крестьянъ, и чтобъ они старались пользоваться правомъ господства послѣдуя человѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ работами и оброками. Это порученіе на себя приняли: князь Мих. Никит. Волконскій взялся переговорить съ поручикомъ Степаномъ Лопухинымъ, графъ Романъ Лар. Воронцовъ съ полковникомъ Абрамомъ Лопухинымъ, князь Александръ Алекс. Вяземскій съ генеральшею Анною Толстою, Петръ Ив. Панинъ съ генералъ-аншефомъ Леонтьевымъ [65].

Между однодворцами происходило движеніе особаго рода: Козловскаго уѣзда алешинскаго стана, села Жидиловки 26 человѣкъ однодворцевъ обоего пола, Тамбовскаго уѣзда села Горѣлаго церковникъ одинъ, да села Лысыхъ горъ шесть человѣкъ однодворцевъ вступили въ секту, положили: вѣровать по православному, какъ въ символѣ вѣры, но покланяться св. Троицѣ не

тѣломъ, а духомъ истиннымъ, образовъ не принимать, къ крестъ не вѣровать, а почитать крестъ, т.-е. слово Господне, за которое Господь распятъ, крестнаго знаменія на себѣ не изображать, въ церковь не ходить: въ таинствахъ нѣтъ спасенія, ибо преподаются священниками недостойными, пьяницами, сквернословцами, людьми сварливыми; имѣть церковь нерукотворенную, соборную апостольскую, собраніе святыхъ, исповѣдываться у священника, котораго сами изберутъ, посвященнаго Богомъ и слово пріемлющаго отъ устъ Божіихъ. Когда сектанты содержались въ Воронежѣ, то семь человѣкъ однодворцевъ сами явились въ консисторію и объявили, что они также сектанты, прося, чтобъ ихъ присоединили къ своимъ. На допросѣ скрыли происхожденіе своей секты и учителей; только одинъ однодворецъ Жерноклевъ показалъ, что въ 1765 году ѣздилъ къ Горѣловскому церковнику Кириллѣ Петрову для наученія божественному писанію, гдѣ нашелъ 8 человѣкъ однодворцевъ, и одинъ изъ нихъ Побирахинъ сидѣлъ въ переднемъ углу, а прочіе стояли и пѣли 14-ю главу пророчества Захарія и псалмы; Побирахинъ толковалъ имъ пѣтое и говорилъ, что не должно покланяться образамъ, должно покланяться человѣку, созданному по образу и подобію Божію, вслѣдствіе чего всѣ покланялись Побирахину, называя его радостью. Участь сектантовъ была рѣшена такъ: мужчинъ велѣно отдать въ военную службу, дѣтей въ гарнизонныя школы, откуда размѣстить по полкамъ; женщинъ оставить при мужьяхъ наравнѣ съ другими солдатскими женами, а вдовъ и дѣвицъ раздать по однодворцамъ и крестьянамъ въ работницы. По слѣдствію сектантовъ оказалось много [66].

Мы видѣли, какъ слѣдственная коммиссія окончила свое дѣло о пыскорскомъ архимандритѣ Іустѣ, какія вопіющія дѣла нашла она въ богатомъ монастырѣ. Сенатъ, разсмотрѣвъ докладъ коммиссіи, нашелъ, что хотя обвиненія и преувеличены, однако Іустъ и другіе монахи и мірскіе служители достойны наказанія за самовольное перестраиваніе монастыря и растрату монастырской денежной суммы, также и за другіе поступки. Но прежде приговора всѣ обстоятельства дѣла были сообщены синоду, который одинъ имѣлъ право снять духовный чинъ. Синодъ отвѣчалъ, что онъ, сообразуясь съ милостивыми указами императрицы, не призналъ Іуста и другихъ духовныхъ лицъ ни одного

достойнымъ лишенія духовнаго чина, тѣмъ менѣе какого-либо другого наказанія или денежнаго взысканія въ разсужденіи, что они уже и прежде за тѣ ихъ вины отъ синода духовнымъ образомъ наказываемы и смиряемы были, и теперь синодъ можетъ присудить только нѣкоторыхъ къ пониженію чиновъ. Сенатъ призналъ для себя невозможнымъ приступить къ осужденію людей, оправданныхъ синодомъ и рѣшилъ представить докладъ императрицѣ [67].

Относительно областного управленія въ первой половинѣ 1767 года были замѣчательны слѣдующія явленія. Казанскій губернаторъ донесъ, что помѣщики Сызранскаго уѣзда и сызранскій магистратъ просятъ объ опредѣленіи къ нимъ въ воеводы капитана Ивана Дмитріева, который и опредѣленъ имъ, губернаторомъ; но сенатъ уже назначилъ другого. Кадомскіе помѣщики подали челобитную объ отрѣшеніи воеводы ихъ Метлина и служителей воеводской канцеляріи; сенатъ приказалъ передать дѣло воронежскому губернатору. Коммиссія о коммерціи прислала въ сенатъ доношеніе, въ которомъ прописывала частное извѣстіе, что оренбургскій губернаторскій товарищъ Муравьевъ проситъ о переводѣ его изъ того мѣста въ другое; а напротивъ того стат. сов. Рычковъ проситъ объ опредѣленіи его на мѣсто. Коммиссія, на основаніи этого частнаго извѣстія, представляла сенату, не благоволено ль будетъ Муравьева перевесть въ другое мѣсто, а въ Оренбургъ губернаторскимъ товарищемъ опредѣлить Рычкова, какъ знатока тамошней коммерціи, доказательствомъ чего служатъ поступившія отъ него въ коммиссію письменныя примѣчанія. Сенатъ оскорбился такимъ вмѣшательствомъ коммиссіи въ назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ, и приказалъ: доношеніе коммиссіи отослать ей назадъ съ такимъ объявленіемъ, что хотя и желаніе Муравьева быть въ другомъ мѣстѣ въ сенатъ представлено уже и вступило, однако по нему рѣшенія еще не послѣдовало, и такъ какъ опредѣленіе въ губернаторскіе товарищи поручено императрицею въ исключительное усмотрѣніе и попеченіе сената, то и надобно дождаться пока отъ него послѣдуетъ сходное съ государственною пользою рѣшеніе, что коммиссіи о коммерціи ни мало не принадлежитъ; что же касается отзыва ея о знаніи Рычковымъ коммерческихъ дѣлъ, то объ этомъ сообщить герольдіи для свѣдѣнія о томъ при слу-

чаѣ, когда этотъ Рычковъ представленъ будетъ для опредѣленія къ какимъ-либо дѣламъ.

Еще въ 1764 году (11 октября), съ цѣлію сократить расходы на жалованье воеводамъ и канцеляристамъ, велѣно было губернаторамъ разсмотрѣть, каждому въ своей губерніи, положенные въ штаты города, и которые имѣютъ уѣзды, заключающіе не свыше 10,000 душъ, такіе приписать по удобству къ другимъ городамъ, или же, соединя 2, 3 и 4 такіе уѣзда вмѣстѣ, приписать къ одному городу, наблюдая, чтобъ вновь учрежденная воеводская канцелярія была въ серединѣ всего соединеннаго уѣзда, и чтобъ такіе уѣзды, по соединеніи, не превосходили 30,000 душъ; сдѣлать такое росписаніе, чтобъ каждое жительство, по возможности, приписано было въ уѣздъ къ ближайшему городу, чтобъ никто изъ жителей не имѣлъ напраснаго затрудненія за всякими дѣлами и нуждами ходить въ дальній городъ. Только теперь въ 1767 году сенатъ могъ разсмотрѣть губернаторскія донесенія и рѣшилъ поднести докладъ о такихъ распоряженіяхъ: 1) Въ Московской губерніи въ Юрьевѣ Польскомъ, по малости уѣзда (27811 душъ) провинціальному правленію не быть, а только воеводскому, приписавъ этотъ городъ къ провинціи Переславля Залѣсскаго, причемъ изъ бывшей Юрьевской провинціи города Шую и Лухъ причислить къ суздальской провинціи по близости; городъ Борисовъ переименовать въ слободу; въ Звенигородѣ за малостью поселенія воеводскому правленію не быть, а учредить коммиссарство. Рязанской провинціи въ городахъ Сапожкѣ, Печерникахъ и Гремячевѣ воеводскому правленію не быть, въ Сапожкѣ учредить коммиссарство, а въ другихъ никакому правленію не быть, приписать Печерники къ Пронску, а Гремячевъ къ Михайлову; Тульской провинціи въ Дѣдиловѣ и Богородицкѣ никакому правленію не быть. Кинешму съ уѣздомъ исключить изъ Ярославской провинціи и приписать къ Костромской. Калужской провинціи въ городѣ Одоевѣ учредить коммиссарство и приписать его къ Тульской провинціи. 2) Въ Новгородской губерніи переименовать городами село Валдай и Осташковскую слободу; въ городѣ Олонцѣ вмѣсто воеводскаго быть провинціальному управленію, также и въ Петрозаводскѣ; Псковской провинціи въ Заволочьи и Ржевѣ Пустой воеводское правленіе уничтожить и приписать къ Великолуцкой провинціи; Тверской

провинціи Зубцовъ приписать къ Вязьмѣ смоленской губерніи. 3) Въ городахъ Бѣлгородской губерніи—Карповѣ, Суджѣ, Мирополья, Чугуевѣ, Салтовѣ и Новомъ Осколѣ по малости уѣздовъ (въ самомъ большомъ Салтовскомъ только 15,000 душъ) вмѣсто воеводъ учредить коммиссарство, а въ Яблоновѣ никакому правленію не быть, приписать его къ Корочѣ; Сѣвской провинціи въ Путивлѣ и Трубчевскѣ учредить коммиссарство. 4) Воронежской губерніи въ Павловскѣ, по многолюдству, учредить воеводское управленіе, въ Орловѣ вмѣсто воеводы коммиссарство, также какъ въ Романовѣ, Сокольскѣ и Добромъ, и т. д.

Изъ губернаторовъ особенною дѣятельностію по прежнему отличался новгородскій Сиверсъ. 19 января, въ присутствіи императрицы, читали въ сенатѣ донесеніе Сиверса объ объѣздѣ имъ губерніи. Губернаторъ доносилъ, между прочимъ, о соединеніи каналомъ рѣки Ковжи съ Вытегрою и чрезъ нихъ Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ; рѣшено: для снятія этихъ мѣстъ и положенія на планъ ассигновать губернатору 500 рублей; утверждено его предложеніе о съемкѣ на планъ архангельской дороги и проведеніи ея прямыми линіями, отъ чего много сократится настоящая дорога отъ Петербурга до Архангельска. Сиверсъ предлагалъ учредить въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ премію, примѣрно въ 1000 рублей, для выдачи тому, кто первый изъ Новгородской губерніи представитъ нѣсколько кулей каменнаго угля, признаннаго годнымъ. Сенатъ согласился. Сиверсъ просилъ также, чтобъ позволено было ему выписать изъ Швеціи ученаго ботаника и минералога, который бы поѣхалъ съ нимъ для обзора губерніи и освидѣтельствовалъ горы, раздѣляющія воды Балтійскаго, Бѣлаго и Каспійскаго морей; опредѣлено: обнадежить губернатора, что если выписанный имъ изъ Швеціи ученый своими изысканіями окажетъ полезные обществу плоды, то безъ награжденія оставленъ не будетъ. Сиверсъ требовалъ учрежденія банка въ Новгородѣ; опредѣлено отвѣчать: примется въ разсмотрѣніе, когда государству будетъ возможность распространить банковыя учрежденія и для купечествъ другихъ губернскихъ городовъ, кромѣ столицъ. Не переставая заботиться объ участи крестьянъ, Сиверсъ писалъ въ сенатъ, что «по незнанію грамотѣ тѣмъ болѣе они достойны сожалѣнія», и чтобъ побудить крестьянъ учиться грамотѣ, указывалъ, по его мнѣнію, надежное сред-

ство: умѣющихъ грамотѣ не брать въ рекруты. Сенатъ опредѣлилъ: объ этомъ разсуждать въ коммиссіи объ уложеніи [68].

Время собранія этой знаменитой коммиссіи приближалось. Екатерина хотѣла выслушать мнѣнія русскихъ людей о существующихъ законахъ и о средствахъ исправить то, что казалось имъ дурнымъ; но въ то же время она, считая себя представительницею европейскаго образованія, давала имъ сводъ мнѣній, добытыхъ наукою о возможно лучшемъ устройствѣ человѣческихъ обществъ, не скрывая, что желанное ею устройство должно соотвѣтствовать настоящимъ потребностямъ страны и народа, «умоначертанію» послѣдняго, и такимъ образомъ предполагая заранѣе для теоретическихъ выводовъ практическія ограниченія.

Наказъ освященъ молитвою, предпосланною ему: «Господи Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону святому Твоему судити въ правду». Законы должны соотвѣтсовать состоянію народа, твердилъ авторъ Наказа; но при этомъ естественно раждался вопросъ: состояніе русскаго народа таково ли, что выводы сдѣланные европейскою наукою могутъ быть полезнымъ указаніемъ при составленіи уложенія для него? Рѣшая этотъ вопросъ утвердительно, Екатерина провозглашаетъ, что русскій народъ есть народъ европейскій; то, что придавало ему черты не европейскаго народа, было временное и случайное, а то, что надобно было принять въ разсчетъ, какъ существенное, было европейское и требовало, для своего утвержденія и развитія, помощи европейской науки. Это положеніе подтверждается исторіею: «Россія есть европейская держава. Доказательство сему слѣдующее: перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали со климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ».

Что касается правительственной формы, то первое условіе страны, ея чрезвычайная обширность требовала самодержавія: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только

соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно. Но давно уже вошло въ общее сознаніе, что европейскія государства отличаются отъ азіятскихъ свободою въ отношеніи подданныхъ къ правительствамъ, и потому надобно было опредѣлить эту свободу въ государствѣ самодержавномъ. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Въ государствѣ вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только какъ правительствующимъ особамъ государства.

Установленіе взгляда на уголовныя преступленія и наказанія разумѣется должно было занимать видное мѣсто въ Наказѣ, ибо наука, которой Екатерина была здѣсь представительницею, особенно послужила человѣчеству въ этомъ отношеніи, хотя нельзя

забывать, что русскіе люди уже были приготовлены къ этой перемѣнѣ въ царствованіе государыни, отмѣнившей смертную казнь. «Испытайте со вниманіемъ, говоритъ Наказъ вину всѣхъ послабленій: увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая бо́льшая часть наказанія будетъ безчестіе, въ преступленіи наказанія заключающееся. И если гдѣ сыщется такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительское владѣніе, которое налагало тоже наказаніе на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями, опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности. Часто законодавецъ, хотящій уврачевати зло, не мыслитъ болѣе ни о чемъ, какъ о семъ уврачеваніи; очи его взираютъ на сей только предлогъ и не смотрятъ на худыя оттуда слѣдствія. Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видимъ болѣе ничего кромѣ суровости законодавца; но порокъ въ общенародіи остается отъ жестокости сея произростшій, умы народа испортились: они пріобыкли къ насильству». Мы видѣли, какъ русскіе люди постоянно и горько жаловались на медленность въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ, происходившую отъ разныхъ причинъ, и отъ недостатковъ законодательства, и отъ недостаточности судебнаго персонала, и отъ необразованности и безнравственности судей. Отсюда съ легкой руки Посошкова начали ставить въ образецъ турецкое правосудіе по его скорости, и такіе отзывы слышались не въ одной Россіи, но и на западѣ Европы, гдѣ судебная волокита также выводила изъ терпѣнія. Авторъ Наказа счелъ необходимымъ вооружиться противъ этихъ похвалъ турецкому правосудію, указать различіе между азіятскимъ произволомъ и европейскою законностію. «Слышно часто, что въ Европѣ говорятъ: надлежало бы, чтобы провосудіе было отправляемо такъ, какъ въ турецкой землѣ. По сему нѣтъ никакого во всей подсолнечной народа, кромѣ въ глубочайшемъ невѣжествѣ погруженнаго, который бы толь ясное понятіе имѣлъ о вещи такой, которую знать людямъ нужнѣе всего на свѣтѣ. Въ турецкихъ странахъ, гдѣ очень мало смотрятъ на стяжанія, на жизнь и на честь под-

данныхъ, оканчиваютъ скоро всѣ распри такимъ или инымъ образомъ. Способовъ какъ оныя кончить у нихъ не разбираютъ, лишь бы только распри были кончены. Паша, незапно ставши просвѣщеннымъ, велитъ по своему мечтанію палками по пятамъ бить имѣющихъ тяжбу и отпускаетъ ихъ домой. А въ государствахъ умѣренность наблюдающихъ, гдѣ и самаго меньшаго гражданина жизнь, имѣніе и честь въ уваженіе принимается, не отъемлютъ ни у кого чести, ниже имѣнія прежде, нежели учинено будетъ долгое и строгое изысканіе истины; не лишаютъ никого жизни, развѣ когда само отечество противъ оныя возстанетъ: но и отечество ни на чью жизнь не возстаетъ инако, какъ дозволивъ ему прежде всѣ возможные способы защищать оную».

Мы видѣли, что Екатерина давно уже вооружалась противъ заключенія человѣка, преступленіе котораго еще не доказано [69]. Въ Наказѣ она предписываетъ большую осторожность относительно арестованія подозрительнаго человѣка: «брать подъ стражу есть наказаніе, которое отъ всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что оно по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія. Однакожь наказаніе сіе не можетъ быть наложено, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ во преступленіе впалъ. Чего ради законъ долженъ точно опредѣлить тѣ знаки, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго и которые подвергали бы его сему наказанію и словеснымъ допросамъ, кои также суть нѣкоторый родъ наказанія, напримѣръ: гласъ народа, который его винитъ, побѣгъ его; признаніе, учиненное имъ внѣ суда; свидѣтельство сообщника, бывшаго съ нимъ въ томъ преступленіи; угрозы и извѣстная вражда между обвиняемымъ и обиженнымъ; самое дѣйствіе преступленія, и другіе подобные знаки довольную могутъ подать причину, чтобы взять гражданина подъ стражу. Но сіи доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противоборствуютъ гражданской вольности, если они не выведены, на какой бы то ни было случай, изъ общаго правила, въ уложеніи находящагося. Взять человѣка подъ стражу не что иное есть, какъ хранить опасно особу гражданина обвиняемаго, доколѣ учинится извѣстно, виноватъ ли онъ, или невиновенъ. Итакъ содержаніе подъ стражею должно длиться сколь возможно меньше и быть такъ снисходительно, коль

можно. Приговоры судей должны быть народу вѣдомы, такъ какъ и доказательство преступленій, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ».

Уже въ царствованіе Елисаветы мы замѣтили стремленіе ограничить пытку; Екатерина продолжала борьбу противъ этого страшнаго и твердо укоренившагося способа судебнаго доказательства; только разъ, и то въ сильномъ волненіи по поводу шлюссельбургскаго дѣла, она готова была дать судьямъ волю употребить пытку. По поводу волненія, произведеннаго извѣстнымъ мнѣніемъ барона Черкасова, [70] Екатерина писала кн. Вяземскому: «Пріѣхалъ ко мнѣ Черкасовъ и сказывалъ мнѣ, что цѣлымъ собраніемъ на него жаловаться хотятъ мнѣ. Я его голосъ видѣла, и въ немъ иного не написано какъ то, что ему чистое и нелицемѣрное усердіе диктовало. А какъ съ другой стороны чужестранные недоброжелательныхъ дворовъ министры по городу разсѣеваютъ, что я сама въ семъ дѣлѣ заставляю собраніе для закрывательства истины комедію играть; сверхъ того и у насъ уже партіи дѣйствуютъ; того ради повелѣваю вамъ впредь болѣе не присовѣтовать, ни отговаривать отъ пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную волю». [71] Но послѣ этого случая Екатерина опять постоянно высказывалась противъ пытки и въ отвѣтѣ Баскакову, какъ мы видѣли, не допускала въ ея пользу никакого обстоятельства. Также рѣшительно она выражается противъ нея и въ Наказѣ: «Употребленіе пытки противно здравому разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена. Человѣка не можно почитать виноватымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ или виноватъ. Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію: преступленіе или есть извѣстное, или нѣтъ; ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ, и такъ пытка не нужна; если преступленіе неизвѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не подлежитъ невиннаго мучить и что по законамъ тотъ невиненъ, чье преступленіе не доказано. Обвиняемый, тер-

пящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду. Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что, совсѣмъ овладѣвъ всею душою, не оставитъ ей больше никакой свободы производить какое-либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ тоже самое мгновеніе ока предпринять самый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ, истребитъ всю между ними разность; и судьи будутъ также неизвѣстны, виноватаго ли они имѣютъ предъ собою, или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго распроса. По сему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго.»

Въ Наказѣ поставленъ былъ вопросъ: смертная казнь полезна ли и нужна ли въ общества для сохраненія безопасности и добраго порядка? и отвѣтъ былъ данъ такой: «Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина не полезна, не нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи, ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь, когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойствіе. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность; или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, т.-е. силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія».

При заботѣ о прочности и славѣ самодержавія императрицу должны были особенно тяготить свидѣтельства изъ временъ не очень давнихъ о злоупотребленіяхъ по дѣламъ оскорбленія величества; дѣло Волынскаго, какъ дѣло вопіющее, было въ устахъ лучшихъ людей; въ свѣжей памяти была знаменитая тайная канцелярія, гдѣ пытались и приговаривались къ жестокимъ наказаніямъ люди простые, въ нетрезвомъ видѣ проговорившіеся о какомъ-нибудь слухѣ, разсказавшіе какое-нибудь преданіе, сказку о царственномъ лицѣ, давно уже умершемъ. Екатерина не могла не посвятить въ Наказѣ нѣсколькихъ статей указанію средствъ, какъ предотвратить эти злоупотребленія: «Всѣ законы должны составлены быть изъ словъ ясныхъ и краткихъ; однако нѣтъ между ними никакихъ, которыхъ бы сочиненіе касалось больше до безопасности гражданъ, какъ законы принадлежащіе ко преступленію въ оскорбленіи величества. Слова, совокупленныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ человѣкъ, пришедшій, напримѣръ, на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества потому, что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное. Ничто не дѣлаетъ преступленіе въ оскорбленіи величества больше зависящимъ отъ толка и воли другаго, какъ когда нескромныя слова бываютъ онаго содержаніемъ; разговоры столько подвержены истолкованіямъ, толь великое различіе между нескромностію и злобою, и толь малая разнота между выраженіями отъ нескромности и злобы употребляемыми, что законъ никоимъ образомъ не можетъ словъ подвергнуть смертной казни, по крайней мѣрѣ не означивши точно тѣхъ словъ, которыя онъ сей казни подвергаетъ. И такъ слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла, сей смыслъ зависитъ отъ связи, соеди-

няющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, чтобы въ себѣ столь двойнаго смысла замыкало какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я чрезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи величества, всегда страшное и самой невинности. Письма суть вещь не такъ скоро проходящая, какъ слова, но когда они не пріуготовляютъ ко преступленію оскорбленія величества, то и они не могутъ быть вещію, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя, но оныя дѣлаются предметомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ».

Въ статьѣ, приложенной къ Наказу, подъ заглавіемъ: «Правила весьма важныя и нужныя», указывается на необходимость вѣротерпимости: «Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ—запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ. И нѣтъ подлинно иного средства, кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою не отвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ заблуждшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду. Гоненіе человѣческое умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца».

Въ началѣ года, еще до отъѣзда въ Москву, Екатерина писала Даламберу, что Наказъ вовсе не похожъ на то, что она хотѣла ему послать: «я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины, и Богъ вѣсть, что станется съ остальнымъ [72]». Когда депутаты съѣхались въ Москву, императрица, находясь въ Коло-

менскомъ дворцѣ, назначила «разныхъ персонъ вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Императрица дала имъ чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали, и остался Наказъ, яко оный напечатанъ». До насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, именно о крѣпостныхъ крестьянахъ, и мы можемъ, сравнивъ его съ печатнымъ, видѣть, какъ распоряжались эти разныя персоны вельми разномыслящія. Въ отрывкѣ читаемъ: «Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т.-е. крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ такъ - сказать крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у Германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлья и проч. и далѣе ихъ рабство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чешской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижнія Германіи. Личная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежатъ больше къ лицу. Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное». Все это въ печатномъ Наказѣ выпущено, и оставлено только слѣдующее за приведенными статьями мѣсто: «Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуду произойти».

Далѣе въ отрывкѣ идутъ статьи: «Всякій человѣкъ долженъ имѣть пищу и одежду по своему состоянію, и сіе надлежитъ опредѣлить закономъ. Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ рабы и въ старости и въ болѣзняхъ не были оставлены. Одинъ изъ кесарей Римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободными, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего порядокъ, по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ

учиненномъ рабу насиліи. Когда въ Римѣ запрещено было отцамъ лишать жизни дѣтей своихъ, тогда правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ предписать. Благоразумно было бы, еслибы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было употребленіе. Въ россійской Финляндіи выбранные седмь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу, и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государство, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ 12-ю особами ему равными—законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно всякому мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ и проч. Есть положеніе въ ломбардскихъ законахъ, которое во всѣхъ родахъ правленія полезно быть можетъ: если господинъ насилуетъ жену или дочь своего раба, то вся семья онаго будетъ отъ рабства освобождена; средство къ предупрежденію и укрощенію невоздержности господъ.

Все это въ изданномъ Наказѣ пропущено; за приведенною статьею, начинающеюся словами: «Какого бы рода покорство ни было», прямо слѣдуетъ статья: «Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установляти жестокіе законы», статья, не имѣющая здѣсь смысла безъ дополненія, выпущеннаго въ изданномъ Наказѣ и сохранившагося въ отрывкѣ: «Причина сему, что повиновеніе сдѣлалось несноснымъ игомъ, такъ необходимо надлежало и наказаніе за ослушаніе увеличить, или сомнѣваться о вѣрности. Благоразумно предостерегаться, сколь возможно, отъ того несчастія, чтобъ не сдѣлать законы страшные и ужасные. Для того, что рабы и у Римлянъ не могли полагать упованія на законы, то и законы не могли на нихъ имѣть упованія. Но какой-то народъ, въ которомъ гражданскіе законы противоборствуютъ праву естественному? Былъ у Грековъ законъ, по которому рабы, жестокостію господъ своихъ убѣжденные (?), могли требовать, чтобъ они другому были проданы. Въ послѣдні времена былъ подобный законъ и въ Римѣ: господинъ, раздраженный противу своего раба, и рабъ, огорченный противъ господина

своего, должны быть другъ отъ друга разлучены. Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба».

За этимъ пропускомъ слѣдуетъ въ печатномъ Наказѣ статья, одинаковая съ находящеюся въ отрывкѣ: «Петръ I-й узаконилъ въ 1722 году, чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества»—но тутъ выпущена въ печатномъ Наказѣ вторая половина фразы: «и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу». Пропущено и слѣдующее: «Могутъ еще законы опредѣлить уреченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ. Можно также установить, чтобъ на волю отпущеннаго человѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего еще та польза государственная выйдетъ, что нечувствительно умножится число мѣщанъ въ малыхъ городахъ. Также можно уврачевать зло сіе при самомъ онаго корени. Великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ и уже отъ земледѣлія безповоротно отлученныхъ: перенести нѣкоторую часть сихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ, торговлю, мореплаваніе, художество; чрезъ то уменьшится число рабовъ. Надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе опредѣлили точно, что рабы должны заплатить за освобожденіе своему господину, или чтобъ уговоръ объ освобожденіи опредѣлилъ точно сей ихъ долгъ вмѣсто законовъ». Затѣмъ въ изданномъ Наказѣ говорится: «Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ».

Нѣсколько статей о крестьянскихъ отношеніяхъ помѣщено авторомъ Наказа и въ главѣ о размноженіи народа въ государ-

ствѣ. «Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. Гдѣ люди не для инаго чего убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ (предлогъ) къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя не имѣютъ пропитанія: такъ какъ имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ: такъ какъ же имъ можно воспитывати твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, т.-е. во младенчествѣ. Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій. Многіе, пользуясь удобностію говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи. Также и то: чѣмъ большія на нихъ положены дани, тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу наносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ». Въ главѣ: О рукодѣліи и торговлѣ опять затрогивается вопросъ о крестьянахъ: «Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ, всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отыметъ [73]».

Наказъ, въ этомъ сокращенномъ видѣ, былъ напечатанъ 30 іюля 1767 года; но и въ такомъ видѣ переводъ его былъ запрещенъ во Франціи.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

Коммиссія объ Уложеніи. 1767 — 1768 гг.

---

30 іюля назначено было днемъ открытія коммиссіи объ Уложеніи. Депутаты, которыхъ къ этому времени пріѣхало въ Москву до 460 человѣкъ, собрались въ Чудовъ монастырь въ 7 часовъ утра. Прежде нихъ пріѣхалъ туда главный распорядитель, князь Вяземскій, незадолго передъ тѣмъ утвержденный въ должности генералъ-прокурора.

Въ 10 часу выѣхала изъ Головинскаго дворца Екатерина съ большею торжественностію, въ императорской мантіи, съ малою короною на головѣ; карета была запряжена осьмью лошадьми; впереди ѣхали придворные въ 16 парадныхъ экипажахъ; за каретою императрицы слѣдовалъ взводъ кавалергардовъ подъ командою своего шефа, графа Григор. Григ. Орлова; за кавалергардами ѣхалъ въ каретѣ великій князь Павелъ Петровичъ. Когда императрица пріѣхала въ Успенскій соборъ, двинулись туда депутаты, по два въ рядъ, подъ предводительствомъ генералъ-прокурора, державшаго въ рукѣ маршальскій жезлъ. Впереди шли депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ, потомъ отъ дворянства, отъ городовъ, отъ однодворцевъ и прочихъ старыхъ службъ служивыхъ людей, наконецъ изъ поселянъ; въ сословіяхъ старшинство между депутатами соблюдалось по губерніямъ, росписаннымъ въ такомъ порядкѣ: Московская, Кіевская, Петербургская, Новгородская, Казанская, Астраханская, Сибирская, Иркутская,

Смоленская, Эстляндская, Лифляндская, Выборгская, Нижегородская, Малороссійская, Слободско-украинская, Воронежская, Бѣлогородская, Архангельская, Оренбургская и Новороссійская; лично же старшинство между депутатами наблюдалось по времени ихъ прибытія въ Москву и внесенія въ депутатскій списокъ. Депутаты христіанской вѣры вошли въ соборъ, иновѣрцы остались внѣ храма. По окончаніи службы императрица отправилась въ Кремлевскій дворецъ, а депутаты стали подписывать присягу, въ которой клялись «приложить чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго Уложенія, соотвѣтствуя довѣренности избирателей, чтобъ сіе дѣло начато и окончено было въ правилахъ богоугодныхъ, человѣколюбіе вселяющихъ и добронравіе къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго, изъ которыхъ правилъ все правосудіе истекаетъ». Присягавшій просилъ Бога, чтобъ ниспослалъ ему силу отвратить сердце и помышленіе отъ слѣпоты, происходящей отъ пристрастія, собственныя корысти, дружбы, вражды и ненавистныя зависти, изъ коихъ страстей родиться бы могла суровость въ мысляхъ и жестокость въ совѣтахъ».

Послѣ подписанія присяги, депутаты отправились во дворецъ, въ аудіенцъ-залу, гдѣ Екатерина стояла на тронномъ возвышеніи, имѣя по правую сторону столъ, покрытый краснымъ бархатомъ, гдѣ лежали Наказъ коммиссіи, обрядъ управленія коммиссіею и генералъ-прокурорскій Наказъ. По лѣвую сторону трона стоялъ великій князь съ правительственными лицами, придворными и министрами иностранными, по правую знатнѣйшія дамы; на второй ступени троннаго возвышенія стоялъ вице-канцлеръ, князь Александръ Мих. Голицынъ.

Когда генералъ-прокуроръ представилъ императрицѣ депутатовъ, депутатъ отъ синода, новгородскій митрополитъ Димитрій (Сѣченовъ) началъ рѣчь, въ которой искусно вывелъ законодательное преемство Екатерины отъ Юстиніана: «Прославлялася иногда древняя Грецiя, прославлялся Римъ своими законодателями; но къ полной ихъ славѣ не доставало того, что не просвѣщены были евангельскимъ ученіемъ, которое есть всякого нравоученія претвердымъ основаніемъ; но ты, симъ свѣтомъ путеводима, изъ источниковъ истины христіанскія почерпаеши воду животную. Были и въ христіанскихъ греческихъ госуда-

рахъ, кои славу законодателей получили; но теченію вещей, по неизвѣстнымъ Божіимъ судьбамъ, премѣнившуся (въ слѣдствіе турецкаго нашествія), сила законовъ сама собою перестала. Но въ сихъ судьбахъ печальныхъ усматриваемъ мы судьбу для насъ благопріятную, ибо по перенесеніи съ Востока къ намъ вѣры, и право законодательства яко наслѣдственно тебѣ препоручено отъ Того, который и настоящая потребно правитъ и будущая полезно устрояетъ». Когда митрополитъ кончилъ, вице-канцлеръ, отъ имени императрицы, обратился къ депутатамъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ ихъ приступить къ своему великому дѣлу: «Начинайте сіе великое дѣло, и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ любезныхъ сограждан ъ вашихъ. Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ и путь къ оной вамъ открытъ; отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныя».

На другой день, 31 іюля, съ семи часовъ утра депутаты начали собираться въ Грановитой палатѣ; въ 10 часовъ, по приглашенію генералъ-прокурора, сѣли по мѣстамъ въ числѣ 428 человѣкъ. Приступили къ избранію маршала; больше всѣхъ голосовъ получилъ вяземскій дворянскій депутатъ, графъ Ив. Григор. Орловъ (278 избирательныхъ и 150 неизбирательныхъ), за нимъ братъ его, копорскій депутатъ графъ Григорій Григорьевичъ (228 и 200); потомъ волоколамскій депутатъ графъ Захаръ Григор. Чернышевъ (179 и 249), костромской депутатъ Александръ Ильичъ Бибиковъ (165 и 262), орловскій депутатъ графъ Ѳедоръ Григор. Орловъ (159 и 269), депутатъ отъ сената князь Мих. Никит. Волконскій (147 и 254), московскій депутатъ Петръ Ив. Панинъ (137 и 296). Трехъ первыхъ кандидатовъ должно было представить императрицѣ на утвержденіе; но когда генералъ-прокуроръ объявилъ собранію, что большинство голосовъ пало на двоихъ Орловыхъ—Ивана и Григорья, то послѣдній всталъ

и просилъ собраніе уволить его отъ должности маршала за множествомъ дѣлъ, возложенныхъ на него императрицею. Собраніе согласилось; слѣдующій за нимъ кандидатъ, графъ Чернышевъ также просилъ объ увольненіи, но собраніе не согласилось, и потому представлены были трое: графъ Иванъ Орловъ, графъ Чернышевъ и Бибиковъ. 3-го августа, во второмъ засѣданіи коммиссіи объявлено было собственноручное рѣшеніе Екатерины: «Какъ графъ Орловъ насъ просилъ о увольненіи, а графъ Чернышевъ обязанъ многими дѣлами, то быть предводителемъ костромскому депутату Александрѣ Бибикову». По прочтеніи этого рѣшенія генералъ-прокуроръ передалъ Бибикову свой жезлъ, и началось чтеніе Наказа, который, по словамъ дневной записки, былъ слушанъ съ восхищеніемъ, многіе плакали, особенно когда читались слова: «Боже сохрани, чтобъ послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю». Въ пятомъ засѣданіи, 9-го августа депутаты стали говорить: «что сдѣлать для государыни, благодѣющей своимъ подданнымъ и служащей примѣромъ всѣмъ монархамъ? чѣмъ изъявить, сколь много ей обязаны всѣ счастливые народы, ею управляемые?» Остановились на мысли поднести Екатеринѣ титулъ премудрой и великой матери отечества.

12 августа послѣ обѣдни—это было воскресенье—императрица приняла депутатовъ во дворцѣ, и маршалъ Бибиковъ говорилъ ей рѣчь, которая оканчивалась такъ: «ставъ дѣлами твоими удивленіе свѣта, будешь Наказомъ твоимъ наставленіе обладателей и благодѣтельница рода человѣческаго. Потому весь человѣческій родъ и долженствовалъ бы предстать здѣсь съ нами и принести вашему имп. в—ству имя матери народовъ, яко долгъ тебѣ принадлежащій. Но какъ во всеобщемъ благополучіи мы первенствуемъ и первые симъ долгомъ обязуемся, но первая Россія, въ лицѣ избранныхъ депутатовъ, предстоя предъ престоломъ твоимъ, приносяще сердца любовію, вѣрностію и благодарностію исполненныя. Воззри на усердіе ихъ, какъ на жертву единыя тебя достойную! Благоволи, великая государыня, да украшаемся мы предъ свѣтомъ симъ намъ славнымъ титломъ, что обладаетъ нами Екатерина Великая, премудрая мать отечества. Соизволи,

всемилостивѣйшая государыня, принять титло, какъ приношеніе всѣхъ вѣрныхъ твоихъ подданныхъ, и, пріемля оное, возвеличь наше названіе. Свѣтъ намъ послѣдуетъ и наречетъ тебя матерію народовъ. Сей есть гласъ благодарственный торжествующей Россіи! Боже сотвори, да будетъ сей гласъ гласъ вселенныя». Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что императрица «съ удовольствіемъ принимаетъ изображенную депутатами чувствительность, тѣмъ болѣе, что оная благодарность ясно предвѣщаетъ ту горячность, которую они самимъ дѣломъ намѣрены показать свѣту исполненіемъ въ Наказѣ предписанныхъ правилъ». Относительно принятія предлагаемаго титула отвѣтила сама императрица: «о званіяхъ же, кои вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла—на сіе отвѣтствую: 1) на *великая*—о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпристрастно судить; 2) *премудрая*—никакъ себя таковою назвать не могу, ибо единъ Богъ премудръ, и 3) *матери отечества*—любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе».

Послѣдующія засѣданія были посвящены избранію членовъ въ три особыя коммиссіи: дирекціонную, экспедиціонную и коммиссію разбора депутатскихъ наказовъ. Дирекціонная должна была составить прочія частныя коммиссіи для разныхъ отраслей законодательства (юстиціи, вотчинныхъ дѣлъ, торговли и т. д.), и выбрать въ нихъ членовъ изъ полнаго собранія депутатовъ по баллотировкѣ. Дирекціонная коммиссія слѣдила за ходомъ работъ въ частныхъ коммиссіяхъ посредствомъ еженедѣльныхъ меморій, получаемыхъ ею отъ каждой коммиссіи: если изъ этихъ меморій усматривалось уклоненіе отъ правилъ, то дирекціонная коммиссія направляла уклонившуюся коммиссію на должный путь. Каждая частная коммиссія, окончивъ свой трудъ, вносила его въ дирекціонную коммиссію, которая должна была смотрѣть, согласенъ ли онъ съ наказомъ императрицы, нѣтъ ли несходства одной части съ другою и всѣ ли части клонятся къ сохраненію цѣлости имперіи чрезъ добронравіе, народное благополучіе и человѣколюбивые законы. Экспедиціонная коммиссія наблюдала, чтобъ труды всѣхъ другихъ коммиссій изложены были по правиламъ языка и слога. Она отвѣчала за то, что не нашла и не оставила рѣчей и словъ двоякаго смысла темныхъ, неопредѣлен-

ныхъ и невразумительныхъ. Эта коммиссія была необходима, ибо мысль русскихъ людей, по недавности знакомства съ наукою, съ великими усиліями вращалась въ новомъ мірѣ политическихъ и юридическихъ понятій и отношеній, что отражалось въ рѣчи тяжелой, неправильной и темной. Коммиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ должна была разобрать наказы и проекты по ихъ содержанію и выписки изъ нихъ представить полному собранію коммиссіи, которая, съ своими замѣчаніями, отсылала ихъ въ дирекціонную коммиссію.

Съ осьмаго засѣданія въ коммиссіи началось чтеніе депутатскихъ наказовъ, изъ которыхъ прочтено и обсужено 12 въ пятнадцати засѣданіяхъ. За тѣмъ приступлено было къ чтенію и обсужденію законовъ о правахъ дворянства. Прежде окончанія разсужденій объ этомъ предметѣ, перешли къ законамъ о купечествѣ, а за тѣмъ къ лифляндскимъ и эстляндскимъ привилегіямъ. Этимъ кончились засѣданія коммиссіи въ Москвѣ 14 декабря 1767 года. Въ слѣдующемъ 1768 году они возобновились уже въ Петербургѣ, 18 февраля: начали читать и обсуждать законы, относящіеся къ юстиціи. 10 іюля возвратились къ разсужденіямъ о дворянскихъ правахъ, ибо маршалъ Бибиковъ объявилъ, что изъ дирекціонной коммиссіи присланъ проектъ правилъ благородныхъ, составленный коммиссіею о государственныхъ родахъ. Обсужденіе этого проекта заняло много времени. Въ декабрѣ 1768 года коммиссія покончила свою дѣятельность обсужденіемъ законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ.

Екатерина хотѣла слышать откровенные голоса различныхъ состояній русскаго народа, хотѣла познакомиться, по тогдашнему выраженію, съ *умоначертаніемъ* народнымъ, въ среду котораго хотѣла провести начала, выработанныя современною мыслію, современною наукою; хотѣла познакомиться съ умоначертаніемъ народа, чтобы испытать почву прежде, чѣмъ сѣять, испробовать, что возможно, на что будетъ откликъ, и чего еще нельзя начинать. Для нея былъ здѣсь интересъ практическій; для насъ, потомства, здѣсь интересъ не меньшій—историческій. Собрались вмѣстѣ, для обсужденія сообща дѣлъ высшаго интереса представители разныхъ сословій; это было собраніе чиновъ, и потому мы должны ожидать въ каждомъ изъ нихъ стремленія опредѣлить отношенія къ другимъ сословіямъ въ пользу

своего, тѣмъ болѣе, что депутатъ получилъ отъ своихъ избирателей наказъ въ этомъ смыслѣ и считалъ своимъ долгомъ оправдать довѣріе избирателей. Сословіе дворянское при этомъ представило двойственность, раздѣленіе на двѣ стороны, людей старыхъ и людей новыхъ родовъ или фамилій. Древняя Россія не знала высшаго благороднаго сословія; не было никакой сословной связи, никакого равенства и общности правъ между людьми, стоявшими на высшихъ ступеняхъ служебной лѣствицы и стоящими на низшихъ ея ступеняхъ, между боярами, окольничими и—«худыми дѣтишками боярскими», хотя двѣ черты были всѣмъ имъ общія: обязанность военной службы, что указывало на тождество ихъ съ дружиною первыхъ князей, и право получать вознагражденіе за службу въ видѣ земельнаго участка или помѣстья, иногда превращавшагося изъ временнаго въ вѣчное владѣніе или отчину. Несмотря на отсутствіе представленія о высшемъ благородномъ сословіи, несмотря на пропасть, которая раздѣляла боярина отъ сына боярскаго, всѣ эти люди, какъ люди военные, ставя себя выше людей, занимающихся мирными промыслами, считали себя только, какъ воиновъ, настоящими людьми, мужами, а тѣхъ считали меньшими людьми и называли ихъ уменьшительно мужиками. Въ концѣ XVI вѣка произошло важное осложненіе отношеній: всѣ эти землевладѣльцы, помѣщики и вотчинники получаютъ для своихъ земель крѣпостное народонаселеніе и по отношенію къ многочисленному классу народа получаютъ новое значеніе, значеніе господъ, которое имѣли прежде только по отношенію къ холопямъ. Здѣсь было положено начало выдѣленія землевладѣльцевъ и вмѣстѣ крестьяновладѣльцевъ, какъ господъ, изъ остальнаго народонаселенія, неимѣющаго права имѣть въ своемъ владѣніи крестьянъ, положено было начало *господскому* сословію, высшему, благородному; крѣпостные крестьяне были *господскіе* крестьяне, явилась привилегія, явилось и привилегированное сословіе. Въ такомъ положеніи застало дѣло петровское преобразованіе. Новое время по самому характеру своему, требовало для всего точнѣйшихъ опредѣленій; высшее привилегированное сословіе должно было получить одно общее названіе, тѣмъ болѣе, что такъ было тамъ, откуда шелъ примѣръ, образецъ, въ западной Европѣ; но откуда было взять названіе? Обратились къ ближайшему одноле-

менному народу польскому, и взяли у него на время названіе: *шляхта*; потомъ мало-по-малу это названіе стало вытѣсняться своимъ стариннымъ—дворянство. Сначала это названіе не могло быть усвоено потому, что была еще свѣжа память о томъ времени, когда слово: дворяне означало только одинъ извѣстный разрядъ военныхъ людей, когда бояринъ или окольничій не раздѣлался бы дешево съ тѣмъ, кто бы оскорбилъ его честь, назвавши его дворяниномъ; но когда бояре и окольничіе исчезли, названіе: дворяне, какъ почетнѣйшее для массы землевладѣльцевъ, осталось и начало дѣлаться названіемъ сословнымъ для всѣхъ господъ, всѣхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право владѣть крестьянами.

Но въ новой Россіи между дворянами скоро должно было обнаружиться различіе, поведшее къ непріязни. Въ древней Россіи право владѣть землею и потомъ соединенное съ этимъ правомъ право владѣть крестьянами принадлежало военнымъ людямъ, и право это въ ихъ средѣ, между различными разрядами ихъ, не могло подвергаться никакому прекословію, какъ истекавшее изъ необходимыхъ государственныхъ отношеній, иначе немыслимыхъ: бѣдное государство не могло давать другого вознагражденія за службу кромѣ земли, и потомъ должно было прикрѣпить къ этой землѣ и работниковъ. Столкновенія по служебно-родовому старшинству и чести выражались въ мѣстничествѣ. Но въ новой Россіи, вслѣдствіе новыхъ потребностей, произошли явленія, подавшія поводъ къ особаго рода столкновеніямъ. Вопервыхъ, явилось постоянное войско, съ правомъ выслуги для рядового солдата въ офицеры, а офицерство давало входъ въ сословіе благородныхъ, господъ, дворянъ; господинъ видѣлъ, какъ его крестьянинъ, или *его человѣкъ*, сданный въ солдаты, становился равнымъ ему и даже выше его; случалось, что крестьянинъ опережалъ господина по службѣ, господинъ оставался солдатомъ, а крестьянинъ проходилъ офицерскіе чины и былъ начальникомъ прежняго господина. Вовторыхъ, въ силу естественнаго развитія, подлѣ службы военной явилась гражданская; люди низкаго происхожденія дослуживались по гражданской службѣ до чина, дававшаго доступъ въ дворянское сословіе; на деньги, нажитыя на службѣ, и нажитыя всякимъ способомъ, покупали населенныя земли, становились рядомъ съ старинными господами и часто за-

темняли ихъ своимъ богатствомъ; военный человѣкъ, обязанный трудною и опасною службою, сильно оскорблялся, видя наравнѣ съ собою и выше себя человѣка худороднаго, нажившагося неизвѣстно какъ или извѣстно какъ на легкой, покойной службѣ. Наконецъ преобразовательная эпоха выдвинула новыя потребности, государство земледѣльческое становилось хотя нѣсколько мануфактурнымъ; начали учреждаться необходимые заводы и фабрики, но въ малонаселенной странѣ на нихъ нельзя было управиться вольнонаемнымъ трудомъ, и тѣ же побужденія, которыя заставили для содержанія военныхъ людей прикрѣпить крестьянина къ землѣ, заставляютъ теперь прикрѣплять крестьянъ къ фабрикѣ, заводу, и подлѣ господъ, военныхъ людей, владѣющихъ крестьянами, являются фабриканты и заводчики, также господа, также владѣющіе крестьянами, хотя иные сами изъ разбогатѣвшихъ торговлею крестьянъ. Новое оскорбленіе для старинныхъ господъ военныхъ людей.

И вотъ въ Грановитой палатѣ слышатся голоса противъ закона Петра Великаго, по которому дослужившійся до извѣстныхъ чиновъ тѣмъ самымъ становился дворяниномъ. Говоритъ депутатъ отъ ярославскаго дворянства, князь Мих. Мих. Щербатовъ, скоро обратившій на себя вниманіе собранія своею начитанностію, литтературною обработкою своихъ рѣчей и жаромъ, съ какимъ произносилъ ихъ. Одинъ изъ противниковъ его сдѣлалъ объ немъ такой отзывъ: «Я замѣтилъ, что въ мнѣніяхъ, поданныхъ г. депутатомъ княземъ Михайломъ Щербатовымъ, онъ очень рѣдко основывается на прежнихъ узаконеніяхъ, и эти мнѣнія онъ подкрѣпляетъ весьма разумными разсужденіями, которыми онъ отмѣнно одаренъ отъ Бога».—Щербатовъ говоритъ: «Обстоятельства времени и разные случаи принудили Петра Великаго сдѣлать для нашего же благополучія такія положенія, которыя нынѣ отъ измѣненія нравовъ не только не полезны, но скорѣе могутъ быть вредны. Означенные законы содержатъ въ себѣ правило, по которому каждый, дослужившійся до офицерскаго чина, почитается дворяниномъ и дѣти его уже должны быть помѣщены въ дворянскій списокъ. Такое преимущество дослужившимся до офицерскаго чина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было необходимо для понужденія дворянъ вступать въ службу; но нынѣ, когда уже видимъ, что россійское дворянство, по единой

любви къ отечеству и славѣ, и по усердію къ своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ, и къ наукамъ, то кажется что право, сравнивающее это сословіе со всякимъ, кто бы, какимъ бы то ни было образомъ, ни достигъ офицерскаго чина, должно отмѣнить. Одинъ государь, по своему соизволенію, можетъ награждать этимъ правомъ за важныя услуги не только того, кто окажется достойнымъ, но и его потомство. Извѣстно, что первое различіе между состояніями произошло отъ личной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа. Потомки ихъ равномѣрно отличались отъ другихъ, оказывая услуги тѣмъ обществамъ, которыхъ они были членами. Итакъ первымъ объясненіемъ имени дворянина будетъ то, что онъ такой гражданинъ, котораго, при самомъ его рожденіи, отечество, какъ бы принимая въ свои объятія, ему говоритъ: ты родился отъ добродѣтельныхъ предковъ; ты, не сдѣлавшій еще ничего мнѣ полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина; по этому ты, болѣе чѣмъ другіе, долженъ показать мнѣ и твою добродѣтель и твое усердіе. Тебя обязываютъ къ тому данныя законами моими права, предшествовавшія твоимъ заслугамъ, тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ; подражай имъ въ добродѣтели и будешь мнѣ угоденъ. Рожденный въ такомъ положеніи, воспитанный въ такихъ мысляхъ человѣкъ не будетъ ли употреблять сугубыя усилія, дабы сдѣлаться достойнымъ имени своего и званія? Одно это имя и припоминаніе о славныхъ дѣлахъ своихъ предковъ довольно сильно, чтобы побудить благородныхъ людей ко всякимъ великимъ подвигамъ. Эта политика у Римлянъ столь далеко простиралась, что они приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ героямъ, о чемъ, по свидѣтельству блаженнаго Августина, знаменитый римскій писатель Варронъ говорилъ, что для государства весьма полезно, чтобы знаменитые люди почитали себя происшедшими отъ героевъ, хотя это и неправда, но уже одна мысль о такомъ происхожденіи можетъ побудить ихъ предпринимать и оканчивать величайшія дѣла. Самый естественный разсудокъ убѣждаетъ насъ, какъ то признаютъ и всѣ лучшіе писатели, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи; поэтому сіи качества имѣютъ большее вліяніе на тѣхъ, которые почти съ самаго рожденія своего слышатъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видятъ ихъ изображенія, вспоминаютъ тѣ подвиги, ка-

кими они прославлялись, чѣмъ на тѣхъ, которые, смотря на отцовъ своихъ, дослужившихся до первыхъ офицерскихъ чиновъ по старшинству службы или по проискамъ, а не по отличнымъ заслугамъ, не видятъ ничего такого, что могло бы его склонить къ славнымъ дѣламъ, а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ. Не могу при семъ случаѣ не припомнить мнѣнія знаменитаго наукою и своимъ знаніемъ въ законахъ барона Пуффендорфа, который говоритъ: обыкновенно чины сами собою не даютъ дворянства, но государь даетъ титулъ дворянина кому заблагоразсудитъ и проч. Осмѣлюсь еще присовокупить, что право, по которому каждый разночинецъ, получившій только офицерскій чинъ, поступаетъ въ дворянское достоинство, безъ разсмотрѣнія его поступковъ или мыслей, можетъ быть поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Такіе люди, дабы дослужиться до офицерскаго чина и чрезъ то пріобрѣсти званіе дворянина, зная, что это зависитъ отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что конечно послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ. Достигши до офицерскаго чина и видя себя дворяниномъ, эти люди уже теряютъ побужденіе къ достиженію высшихъ чиновъ, а только желаютъ пріобрѣсти себѣ имѣніе, приискиваютъ всѣ пути, не отвергаютъ ниединаго: отъ того пораждается мздоимство, похищенія и всякое подобное имъ зло. Однакоже я нисколько не думаю лишать людей, какого бы они ни были званія, тѣхъ преимуществъ, которыя даются какъ награда достоинству, и полагаю весьма справедливымъ награждать его, гдѣ бы то ни оказалось; но чтобы награждалось только дѣйствительное достоинство и притомъ отъ такого лица, которое одно имѣетъ несомнѣнное право награждать такъ, чтобы награжденіе распространялось и на потомство. Лицо это есть монархъ».

Другіе депутаты повторяли тѣ же мысли, дополняя ихъ подробностями. Депутатъ Ржево-Володимерскаго дворянства Игнатьевъ говорилъ: «Многіе изъ подъяческихъ, посадскихъ, и прочихъ подобнаго рода людей, вышедшіе въ штатскіе и оберъ-офицерскіе чины и находящіеся въ разныхъ статскихъ должностяхъ, покупаютъ большія деревни, размножаютъ фабрики и заводы, а чрезъ то дѣлаютъ подрывъ природному дворянству въ покупкѣ дере-

вень. Когда дворянинъ, занимающійся хлѣбопашествомъ и трудомъ своимъ пріобрѣтя деньги, пожелаетъ купить по сосѣдству деревни по цѣнѣ умѣренной, то нѣкоторыя не изъ дворянъ, имѣя большія суммы, возвышаютъ на нихъ цѣну втрое и болѣе, и деревни эти оставляютъ за собою. Такимъ образомъ дворянинъ, лишаясь средствъ увеличить свое имѣніе, впадаетъ въ недостатокъ, и деревни его, которыми онъ прежде владѣлъ, приходятъ въ упадокъ. Мое мнѣніе, чтобы запретить пользоваться правомъ дворянства и покупать деревни тѣмъ, которые не изъ дворянъ достигнутъ службою штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ могутъ сказать: если имъ не будетъ дозволено пользоваться правомъ дворянства и покупать деревни, то какимъ способомъ они, по отставкѣ отъ службы и не получая жалованья, будутъ снискивать себѣ пропитаніе? На это имъ слѣдуетъ отвѣчать, что тѣ деньги, на которыя они могли бы купить деревни, пусть отдаютъ въ ростъ, и, получая съ своего капитала проценты, ими довольствуются какъ бы доходомъ съ деревень». Депутатъ обоянскаго дворянства Глазовъ говорилъ: «Многіе, находясь въ военной службѣ, въ гвардіи, во флотѣ, въ артиллеріи и въ полевыхъ полкахъ, давали о себѣ свѣдѣнія, что они происходятъ изъ дворянъ и показывали за собою деревни, которыхъ никогда не имѣли, ибо знали, что въ военной службѣ вѣрныхъ справокъ о томъ не дѣлалось. По такимъ-то ихъ несправедливымъ показаніямъ они производились въ чины. Находящіеся въ статской службѣ поступали подобнымъ же образомъ. Сверхъ того многіе присоединяли себя къ другимъ дворянскимъ фамиліямъ, доставляя о себѣ по прискамъ, изъ разряднаго приказа справки, по которымъ можно было бы прибрать одну фамилію къ другой; потомъ, отыскавъ коголибо изъ той дворянской фамиліи самаго послѣдняго человѣка, мота и не хранителя чести своего званія, уговаривали его ту справку подписать съ засвидѣтельствованіемъ, что тѣ отыскивающіе дворянство дѣйствительно происходятъ изъ дворянъ и состоятъ съ ними въ близкомъ родствѣ, хотя настоящая фамилія ихъ и не знаетъ и никогда причесть ихъ въ свой родъ не можетъ. Однакоже чрезъ это многіе получали себѣ чины и покупали деревни. Въ нынѣшнее время въ полкахъ осталось весьма

малое число дворянъ; большею же частію теперь служатъ въ нихъ люди подобные тѣмъ, о которыхъ я выше объяснилъ».

Мнѣнія эти не остались безъ возраженій. Дворянскій депутатъ изюмской провинціи Зарудный говорилъ: «Какъ много трудна во флотѣ и какъ тяжела въ сухопутной арміи служба, я не стану объяснять, ибо предметъ этотъ слишкомъ обширенъ; не знающимъ этого могутъ разсказать всѣ тамъ послужившіе и нынѣ служащіе, о тѣхъ неимовѣрныхъ трудахъ, которые они понесли въ бывшихъ турецкихъ и прусскихъ походахъ и сраженіяхъ. Изъ этихъ разсказовъ можно удостовѣриться, что полученные ими чины и дворянское достоинство не легко имъ достались. Что же касается до статской службы, то и она, для исправленія дѣлъ какъ внутри отечества, такъ и при сношеніяхъ съ иностранными державами необходимо нужна, полезна и не безтрудна. Слѣдовательно думать объ отнятіи дворянскаго достоинства, заслуженнаго многотрудною и полезною отечеству военною службою, понесенными трудами, претерпѣнными ранами и даже лишеньемъ жизни, равнымъ образомъ пріобрѣтеннаго ежечасными трудами и честностью по статской службѣ,—думать, говорю, объ отнятіи достоинства у тѣхъ, кому оно уже пожаловано и утверждено, мнѣ кажется, несовмѣстно ни съ общею дворянства пользою, ни съ тѣмъ благоденствіемъ, о которомъ всемилостивѣйшая наша государыня изволитъ прилагать попеченіе, ни съ тѣмъ наставленіемъ, которое ея в—ство преподала въ своемъ Наказѣ, т.-е. взаимно дѣлать другъ другу добро сколько возможно. Такая мысль скорѣе можетъ быть отнесена къ самолюбію, ибо подающіе мнѣнія объ ограниченіи способовъ достигать дворянства высказываютъ черезъ то желаніе, чтобы имъ однимъ и имъ подобнымъ пользоваться дворянствомъ, а прочихъ, какого бы они достоинства, честности и вѣрности къ своему монарху и отечеству ни были и какихъ бы заслугъ ни оказали, лишить этого преимущества навсегда». Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка Козельскій говорилъ: «Ежели предки россійскихъ дворянъ начало своего достоинства получили чрезъ награжденіе по своимъ заслугамъ за вѣрность и добродѣтель, а не чрезъ знатность рода, то потомки ихъ не должны бы умалять и презирать офицерскіе чины. Ежели тѣ

лица, которыя со времени государя Петра Великаго и по его узаконеніямъ заслужили оберъ-офицерскіе чины, хотя были и незнатнаго происхожденія, но только добронравнаго воспитанія, и потомъ въ нынѣшнее уже время показали себя искусными въ военныхъ дѣлахъ, въ приведеніи въ отличный порядокъ подчиненныхъ имъ солдатъ, ежели такія лица неоспоримо достойны почитаться за настоящихъ дворянъ, то они должны пользоваться и всѣми дворянскими преимуществами. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинство сіе драгоцѣнно; но кому оно было дороже, предкамъ ли, которые сами его заслужили, или ихъ потомкамъ? Если же, какъ нѣкоторые того желаютъ, умножится одно только старинное дворянство и пренебрежено будетъ вновь пожалованное, то, по мнѣнію моему, это послужитъ въ подрывъ государственной службѣ, ибо прочія не дворянскія сословія, не видя себѣ равнаго съ дворянами за службу возмездія, будутъ служить принужденно, безъ всякой ревности и любви къ отечеству. Не имѣя въ виду заслужить въ своемъ же отечествѣ отличнаго достоинства, они сдѣлаются какъ бы не сынами отечества; о воспитаніи же своемъ, о наукахъ и о добродѣтеляхъ не будутъ имѣть повода прилагать какое-либо стараніе. И какое же будетъ въ государственныхъ дѣлахъ благосостояніе и въ обществѣ спокойствіе, когда, вмѣсто взаимнаго человѣколюбія, отъ такого явнаго небреженія къ ближнему, умножится ненависть и вражда? Дворянство, умноживъ высокомѣріе своего достоинства, будетъ пренебрегать служащими, какъ по гражданской, такъ и по военной части. Вмѣсто исправленія нравовъ вселится гордость и презрѣніе къ ближнему». По словамъ депутата терскаго семейнаго войска Миронова, «достоинство дворянское не рождается отъ природы, но пріобрѣтается добродѣтелью и заслугами своему отечеству. Могутъ ли гг. россійскіе дворяне сказать о своихъ предкахъ, что всѣ они родились отъ дворянъ. Я напротивъ полагаю, что въ Россіи болѣе найдется такихъ, которые за воинскія дѣла и другія добродѣтели получили это достоинство».

Надобно было защищаться. Особенно задѣли слова, что предки людей, выставляющихъ теперь свое древнее происхожденіе, были люди незнатнаго происхожденія и выслужили свою честь. Началъ говорить самый ревностный защитникъ правъ древнихъ фамилій, князь Мих. Мих. Щербатовъ, началъ говорить «съ край-

нимъ движеніемъ духа», дрожащимъ голосомъ: «депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка въ мнѣніи своемъ говоритъ, что всѣ древнія россійскія дворянскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ свое званіе людей того достойныхъ. Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе выѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканія подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги? Какъ не вспомнитъ она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! Будь мнѣ свидѣтелемъ дражайшее отечество въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами—дворянами древнихъ фамилій. Вы будьте мнѣ свидѣтели самыя тѣ мѣста, гдѣ мы для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрныя твои чада, древніе россійскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію, они тебя освободили отъ чуждаго ига, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Мнѣ мнится, что зрю еще текущую кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающую ихъ потомкамъ тоже исполнить и такъ же жертвовать своею жизнію отечеству, какъ они учинили. Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они не затворяютъ надменностію врата для доблести, а хотятъ, чтобъ желающіе войти къ нимъ въ собратство удостоились того ис-

тинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ».

Депутатъ михайловскаго дворянства, Семенъ Нарышкинъ старался разъяснить, какое, по его мнѣнію, должно быть постановлено различіе между офицерствомъ и дворянствомъ. Произведеніе въ офицерскіе чины служитъ наградою добраго поведенія въ нижнихъ чинахъ, а возведеніе въ дворянство наградою отмѣнныхъ заслугъ отечеству. Нарышкинъ высказалъ и отношеніе дворянства къ владѣнію крестьянами: «Достоинство дворянское считается у насъ чѣмъ-то священнымъ, отличающимъ одного человѣка отъ прочихъ. Оно даетъ ему и его потомкамъ право владѣть себѣ подобными и заботиться объ ихъ благосостояніи». Но защитники закона Петра Великаго, «такого великаго законодателя» не уступали, и одинъ изъ нихъ, депутатъ города Рузы Смирновъ, предложилъ ограничить наслѣдственность дворянства: «Такъ какъ ранги и чины получаются не по наслѣдству, но по заслугамъ отечеству, и вмѣстѣ съ лицомъ ихъ заслужившимъ и умираютъ, то чтобы наслѣдники не могли пользоваться чужими трудами безъ своихъ заслугъ, чтобы не возродилось въ нихъ нерадѣніе самимъ заслуживать чины, наконецъ, чтобы они у другихъ, заслуживающихъ награжденія, не отнимали ободренія и надежды получить чины заслуженные ихъ предками; но для усиленія въ потомкахъ ревности къ службѣ, для отвращенія унынія, нерадѣнія и отчаянія, и для ободренія людей самаго низшаго состоянія къ достиженію высшей степени чести, считаю не безполезнымъ предложить сдѣлать постановленіе, чтобы дворянство и преимущество онаго не доставалось по наслѣдству, но чтобы всякій старался достигать его по заслугамъ. Возвышеніе въ званіе дворянина и отнятіе этого достоинства можетъ быть произведено слѣдующимъ образомъ: 1) Всякій, не взирая ни на какой родъ, можетъ быть, за свои заслуги, пожалованъ дворяниномъ съ принадлежащими къ сему званію преимуществами, начиная съ первой степени заслуженной имъ чести, наприм. съ оберъ-офицерства. 2) Всякій такой дворянинъ, равно какъ и всѣ прочіе дворяне, должны подлежать тѣмъ же законамъ, которымъ подлежатъ и другіе люди; и ежели кто-либо изъ дворянъ сдѣлаетъ проступокъ, то, по мѣрѣ его важности, лишать его не только дворянства, но и другихъ принадлежащихъ честному граж-

данину преимуществъ. 3) Что же касается до потомковъ дворянъ, то полагаю, что лишить ихъ вовсе этого достоинства, не принимая въ уваженіе заслугъ ихъ предковъ, было бы несправедливо и неободрительно, но и совсѣмъ оставить его по наслѣдству въ вѣчное потомство будетъ и того несправедливѣе по вышеизложеннымъ причинамъ. 4) Слѣдовательно по заслугамъ и чину всякаго надлежало бы распространить его дворянство на нѣсколько колѣнъ, такъ напримѣръ для штабъ и оберъ-офицеровъ довольно было бы, если онъ самъ будетъ дворяниномъ, его дѣти и внуки; для чиновъ генеральскихъ распространить дворянское достоинство на ихъ правнуковъ и такъ далѣе. 5) Если какое лицо въ послѣднемъ колѣнѣ не окажетъ должной ревности и само не возобновитъ своего дворянства, то дѣтей его лишать сего званія. 6) Или же когда потомокъ на нѣсколько чиновъ отступитъ отъ своего предка, заслужившаго дворянство, настолько степеней и наслѣдство дворянства будетъ уменьшено отъ его потомковъ. 7) Чрезъ это небреженіе о себѣ потомковъ будетъ изгнано, а вмѣстѣ съ тѣмъ у недворянъ отчаяніе, лѣность и неизминуемое о себѣ нерадѣніе искоренится и во всякомъ лицѣ возродится ревность сдѣлать себя полезнымъ членомъ отечеству и своему потомству. Наконецъ благородство наше должно образовать одно тѣло, не разорванное на разныя противоборствующія одна другой части, но составленное и соединенное изъ всѣхъ гражданъ, стремящихся къ единой цѣли, предусмотрѣнной премудрою нашею монархинею, которой желаніе есть не возвысить однихъ, а другихъ обратить почти въ ничто, но всѣхъ безъ изъятія учинить, сколько возможно по человѣчеству, благополучнѣйшими въ свѣтѣ».

Владѣніе деревнями, крестьянами, *господство* въ собственномъ смыслѣ было то дорогое право, которымъ старые дворяне особенно не хотѣли дѣлиться съ новыми, выслужившимися недавно шпагою или перомъ; тѣмъ съ большимъ нерасположеніемъ старые, да и новые дворяне смотрѣли на людей, которые не выслуживали дворянство ничѣмъ, не принадлежали къ этому сословію, и несмотря на то пользовались драгоцѣннымъ правомъ имѣть деревни, владѣть крѣпостными крестьянами: то были заводчики и фабриканты. Въ наказѣ отъ ярославскаго дворянства депутату своему, кн. Мих. Мих. Щербатову говорилось: «Указомъ Петра

Великаго, для побужденія русскаго купечества заводить фабрики, позволено было ему подъ фабрики и заводы покупать деревни; купцы не только воспользовались этимъ правомъ, но, распространяя его далѣе надлежащаго, и въ далекихъ отъ ихъ деревень мѣстахъ покупили деревни, что не только не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ Петра Великаго, но и разрушаетъ ихъ тѣмъ, что фабриканты и заводчики, видя себя владѣльцами многихъ деревень, стали пренебрегать фабриками, а пользоваться и помѣщичьими доходами; а которые дѣйствительно купили деревни для фабрикъ и заводовъ, тѣ забрали изъ деревень всѣхъ людей въ работу на фабрики и заводы и за такую малую плату, что насилу дневное пропитаніе имѣть могутъ. Этимъ полагается препятствіе умноженію народа, земледѣліе оскудѣваетъ, и самихъ крестьянъ такъ мучитъ работами, что они часто бунты производятъ. Поэтому не угодно ли будетъ купленныя купцами деревни у нихъ взять, распорядясь такъ, чтобъ ихъ въ убыткѣ не оставить; а которыя фабрики будутъ впередъ заводиться, тѣмъ сдѣлать надлежащее опредѣленіе; работниковъ, мастеровъ по числу работы и величины завода имѣть, а прочіе работники были бы наемные; это можетъ принудить фабрикантовъ и заводчиковъ усерднѣе стараться о приведеніи въ лучшее состояніе русскихъ фабрикъ и о производствѣ русскими товарами торговли; а дворянство чрезъ большую циркуляцію денегъ пріобрѣтетъ себѣ пользу, когда его крестьяне, въ междурабочую пору, будутъ ходить къ купцамъ работать на фабрики и заводы.

Старые дворяне, при стремленіи своемъ удержать землевладѣніе при себѣ, не могли не вспомнить о майоратѣ, и въ наказъ московскаго дворянства депутату Петру Ив. Панину внесена статья: «Чтобы сообразуясь съ прочими въ Европѣ благоучрежденными христіанскими государствами, исходатайствовано было каждому владѣльцу право часть собственнаго движимаго и недвижимаго имѣнія опредѣлять, по благоизобрѣтенію, въ нераздѣльное наслѣдство, кому пожелаетъ, съ предписаніемъ порядка, какъ ему переходить изъ колѣна въ колѣно. Нашъ прежній законъ заимствовалъ нѣчто изъ примѣровъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ земляхъ; но онъ устоять не могъ, потому конечно, что имъ воля владѣльцевъ была стѣснена въ самые узкіе предѣлы предписаніемъ отдавать, хотя по собственному избранію, но всегда од-

ному все свое недвижимое, какъ самое важное въ Россіи дворянское имѣніе». Наказъ дворянъ михайловскаго уѣзда депутату своему, сенатору Мельгунову, въ избѣжаніе раздѣла деревень на части и происходящаго отсюда черезполоснаго владѣнія, требуетъ, чтобъ въ каждой деревнѣ или селѣ, когда по крѣпостямъ принадлежащая земля каждому владѣльцу особо отмежевана будетъ, тѣ части, также и цѣлыя деревни и села по этому отмежеванію съ тою землею оставались навсегда недѣлимыми, слѣд. въ продажу, въ закладъ, въ приданое и наслѣдство по тому отмежеванію цѣлою деревнею во владѣніе переходили.—Въ наказѣ дворянъ Переяславля Залѣсскаго генералу Ступишину говорилось: «Мнилося бы быть полезно, для сохраненія фамилій и домовъ, еслибы позволено было, кто самъ пожелаетъ, при себѣ или при концѣ своемъ, одну или сколько деревень похочетъ, въ фамилію отказать.»

Но гораздо громче высказались дворяне о необходимости составленія изъ себя областныхъ корпусовъ и о правѣ участія въ областныхъ судахъ и управленіи. Дворяне боровскаго уѣзда написали въ наказѣ депутату своему Голохвастову, чтобы дворянамъ было позволено каждые два года имѣть съѣздъ въ своемъ уѣздѣ, и на немъ разсуждать и разсматривать, все ли въ уѣздѣ исполняется по законамъ, не бываетъ ли кому притѣсненія отъ судебныхъ мѣстъ, отъ квартирующихъ и проходящихъ полковъ или отъ кого бы то ни было, и если усмотрятъ какія-нибудь беззаконныя дѣйствія и притѣсненія дворянамъ и крестьянству, то чрезъ избраннаго депутата представлять въ сенатъ. Въ томъ же собраніи избирать дворянамъ между собою ландрата и отъ всякаго стана или дистрикта дистриктнаго коммиссара. Ландрату дистриктные коммиссары, а имъ всѣ дворяне и крестьяне, не исключая дворцовыхъ волостей и вотчинъ, находящихся въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи, должны быть послушны. Ландратъ вѣдаетъ судъ и расправу въ мелкихъ дѣлахъ не свыше 25 рублей; коммиссары же должны, гдѣ произойдетъ нарушеніе закона, немедленно освидѣтельствовать и представить ландрату, который разборъ чинитъ и судитъ, основываясь на этомъ осмотрѣ. Если въ уѣздѣ произойдетъ разбой, то дистриктный коммиссаръ немедленно долженъ собрать дворянъ съ ихъ людьми и крестьянами и стараться переловить разбойниковъ, давши знать объ этомъ

ландрату и другимъ коммиссарамъ, которые также всѣ мѣры употребятъ къ поимкѣ разбойниковъ и пойманные отсылаются въ воеводскую канцелярію. Также поступаютъ ландраты и коммиссары когда провѣдаютъ о корчемствѣ. Коммиссаръ провожаетъ проходящіе полки, смотритъ, чтобъ они были довольствованы, обывателямъ же никакихъ обидъ не было. По прошествіи двухъ лѣтъ ландратъ собираетъ дворянъ и объявляетъ имъ, что въ эти два года происходило въ уѣздѣ, отдавая такимъ образомъ отчетъ въ своемъ управленіи. Собраніе избираетъ другого ландрата и коммиссаровъ, причемъ могутъ быть переизбраны и прежніе. Если ландратъ или коммиссаръ отправлялъ свою должность непорядочно, то судить его, по смѣнѣ собранію и, по большинству голосовъ, наказывать денежнымъ штрафомъ, которыя деньги отсылаются въ воспитательный домъ; денежному же взысканію подвергаются и тѣ дворяне, которые ландрату и коммиссарамъ будутъ непослушны. Ландратъ долженъ быть во всемъ опекуномъ своего уѣзда и защищать его. Костромское дворянство просило объ учрежденіи земскихъ судовъ по выбору дворянства изъ дворянъ же живущихъ въ отставкѣ; судьи эти должны производить скорѣй судъ и расправу въ случающихся между дворянами ссорахъ за владѣніе землями, порубку лѣсовъ, пожинъ хлѣба, перекосъ сѣна, въ крестьянскихъ дракахъ, въ захватѣ лошадей и скота. Кромѣ того должны содержать въ порядкѣ дороги, распоряжаться помѣщеніемъ воинскихъ командъ, опредѣлять опеку къ малолѣтнымъ или безумнымъ дворянамъ и наблюдать за нею. Козельское дворянство въ наказѣ депутату своему графу Брюсу просило: «Воеводы опредѣляются въ города изъ прав. сената; а къ ихъ должности принадлежащихъ качествъ, за многимъ числомъ опредѣляемыхъ въ воеводы лицъ, сенату знать нельзя: то не соблаговолено ли будетъ отдать выборъ воеводы дворянамъ, чтобъ они выбирали изъ своихъ товарищей погодно.» Михайловское дворянство просило поручить судъ между дворянами, ихъ людьми и крестьянами въ малыхъ дѣлахъ, не болѣе 10 рублей, дворянскому предводителю съ четырьмя помощниками. Судисловское дворянство просило объ учрежденіи словеснаго суда, изъ судьи и четырехъ помощниковъ по дворянскому выбору, чтобы дворяне не терпѣли убытка и приказной волокиты, ибо изъ дворянъ много такихъ, которые приказныхъ по-

рядковъ не знаютъ, а другіе и грамотѣ вовсе не умѣютъ, повѣренныхъ же за скудостію представить не въ состояніи, особенно вдовы и сироты; тоже судисловское дворянство просило и о выборѣ воеводъ дворянами изъ своихъ. Ярославское дворянство просило, чтобъ дворяне избирали изъ себя воеводскихъ товарищей; всякій челобитчикъ долженъ былъ прежде начатія дѣла явиться къ такому воеводскому товарищу, который обязанъ былъ стараться о примиреніи соперниковъ; если же не успѣетъ, то обязанъ былъ наблюдать, чтобъ волокиты истцамъ и отвѣтчикамъ въ судѣ не было. Въ наказѣ владимірскаго дворянства говорилось: «Стряпчіе люди господскіе правыя дѣла своими вымыслами затмѣваютъ, а неправыя разными прописками чрезъ справки и неприличными къ дѣлу выписками указовъ и прочими непорядками проволакиваютъ; взявъ съ противной стороны деньги, за дѣлами хожденія совсѣмъ не имѣютъ, почему довѣрители ихъ бываютъ обвинены: такъ не приказано ли будетъ такихъ, какъ обществу вредныхъ людей, совсѣмъ отъ дѣлъ отрѣшать и въ суды не пускать; а вмѣсто ихъ опредѣлять изъ дворянъ, освидѣтельствовавши въ сенатѣ ихъ достоинство и знаніе». Клинское дворянство просило о правѣ избирать на три года дворянскаго начальника для каждаго уѣзда; къ этому начальнику дворяне обращаются съ жалобами, принявъ которыя начальникъ призываетъ просителя и его соперника и требуетъ у нихъ, чтобъ они въ помощь ему для разсмотрѣнія ихъ дѣла, дали изъ своихъ уѣздныхъ дворянъ по одному человѣку съ подпискою, что они имъ вѣрятъ. Когда эти повѣренные будутъ представлены съ обѣихъ сторонъ, то начальникъ, присягнувъ, вмѣстѣ съ ними разбираетъ дѣло третейскимъ судомъ. Дворянскій начальникъ долженъ заботиться о дѣлахъ дворянъ своего уѣзда, производящихся въ воеводской канцеляріи; наконецъ долженъ охранять окружныя межи. Дворянство каждаго уѣзда имѣетъ въ Москвѣ своего выборнаго на годъ депутата, который въ вотчинной коллегіи и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ заботится о всѣхъ дѣлахъ дворянъ своего уѣзда, чтобъ они какъ можно скорѣе были рѣшены. Эти депутаты находятся подъ покровительствомъ государственнаго депутата, которымъ должно быть лицо перваго или второго класса. Дворянство перемышльскаго и воротынскаго уѣздовъ полагало, что прокуроръ долженъ назначаться по дворянскому выбо-

ру. Алексинское дворянство просило въ каждомъ уѣздѣ учредить судей по выбору изъ дворянства, вмѣсто воеводъ и товарища ихъ; въ случаѣ же какого-нибудь сомнительнаго дѣла судья даетъ знать предводителю, и тотъ рѣшаетъ дѣло въ общемъ собраніи дворянства. Дмитровское дворянство просило о правѣ выбирать земскихъ судей, которые должны были прекращать въ самоскорѣйшемъ времени всѣ между помѣщиками и между крестьянами ссоры и споры безъ письменнаго производства.

Старые дворяне, вооружаясь противъ легкаго достиженія дворянства худородными людьми, выставляли между преимуществами своими лучшее воспитаніе, высшее образованіе. Но средства дать дѣтямъ своимъ такое образованіе далеко не для всѣхъ изъ нихъ были доступны, и потому они просятъ объ учрежденіи училищъ. Депутатъ кашинскаго дворянства Кожинъ говорилъ: «Хотя въ С.-Петербургѣ и существуетъ шляхетный кадетскій корпусъ, но по множеству въ государствѣ дворянства одного такого учрежденія недостаточно. Притомъ же многіе молодые люди вышли уже изъ тѣхъ лѣтъ, которые назначены для поступленія въ новоучрежденный корпусъ, а недостатокъ порядочныхъ учителей совершенно препятствуетъ давать дома добронравное и приличное дворянскому званію воспитаніе; но какъ дворянство обязано служить ея и. в-ству и отечеству, то мы просимъ о повелѣніи учредить въ Москвѣ шляхетный кадетскій корпусъ на основаніи указа 1731 года. Для содержанія этого корпуса возобновить сборъ со вступающихъ въ бракъ: не имѣющіе благородства должны платить за каждый бракъ по 50 копѣекъ; всѣ же благородные, владѣющіе вотчинами должны получить отъ камеръ-коллегіи билеты съ означеніемъ, сколько за кѣмъ состоитъ душъ, и такіе должны заплатить при вступленіи въ бракъ со ста душъ по 2 рубля, а тѣ, у которыхъ менѣе ста душъ, отъ десяти, по 1 рублю; не имѣющіе недвижимаго имѣнія, но служащіе на жалованьи, должны внести съ каждыхъ ста рублей по рублю». Депутатъ серпейскаго дворянства, графъ Александръ Строгановъ замѣтилъ, что учредить въ Москвѣ училище для бѣдныхъ дворянъ надобно; но предлагаемый поборъ для него несправедливъ: онъ противорѣчитъ статьямъ Наказа, предлагающимъ выгоды и поощренія для вступленія въ бракъ; поборъ, отягощая брачу-

щихся, будетъ препятствовать размноженію народа; притомъ всякій налогъ на общество долженъ служить къ пользѣ всего того общества, а не одной его части. Поэтому училище должно содержать на иждивеніи однихъ дворянъ; всякій помѣщикъ, имѣющій болѣе 200 душъ, долженъ платить извѣстную сумму ежегодно, принимать же въ корпусъ дѣтей только тѣхъ дворянъ, у которыхъ менѣе 200 душъ; могутъ помѣщать въ него своихъ дѣтей и такіе у которыхъ болѣе 200 душъ, но на своемъ содержаніи. Костромское дворянство въ наказѣ своему депутату просило: «Многіе бѣдные дворяне не въ состояніи не только дѣтей своихъ пристойно воспитать и обучать нужнымъ дворянину наукамъ, но по крайнему убожеству и довезти въ государственныя школы по отдаленности не могутъ; отъ чего дѣти выростаютъ въ невѣжествѣ и лѣности, и не только становятся неспособными къ службѣ, но и ни малѣйшаго вида дворянскаго въ жизни и поведеніи своемъ не имѣютъ. Для сохраненія такихъ на пользу государству, для воспитанія и обученія ихъ грамотѣ и первымъ основаніямъ математики и чужестранныхъ языковъ, особенно же для приличнаго воспитанія, учредить по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ школы или семинаріи.» Тульское дворянство просило объ учрежденіи въ провинціальныхъ городахъ небольшихъ гимназій изъ одного профессора и двухъ помощниковъ. Московское дворянство просило объ учрежденіи въ Москвѣ кадетскаго корпуса для молодыхъ дворянъ и двухъ училищъ для воспитанія дворянскихъ дѣвицъ, одного для малолѣтныхъ, а другого для взрослыхъ; содержаніе этихъ училищъ дворянство брало на себя. Дворянство серпуховское, тарусское и оболенское просили объ учрежденіи опекуновъ для малолѣтныхъ дворянъ и объ учрежденіи въ городахъ школъ для бѣдныхъ дворянъ, также для приказныхъ и купеческихъ дѣтей, гдѣ учить русской грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи, нѣмецкому и французскому языкамъ. Образованіе дворянъ должно было давать имъ служебныя права: дворянство города Опочки просило избавить дворянъ навсегда отъ солдатства и унтеръ-офицерства, чтобъ каждый дворянинъ, обученный хорошо читать и писать порусски, ариѳметикѣ, геометріи, нѣсколько русской географіи, вступалъ въ службу прямо оберъ-офицеромъ; тѣ же дворяне, ко-

торые обучены будутъ на своемъ коштѣ разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, художествамъ и экзерциціямъ, награждались подпоруческами и поруческими чинами.

Дворянство требовало для себя исключительнаго права владѣть крестьянами; купцы требовали себѣ исключительнаго права производить торговлю. Депутатъ отъ купечества Рыбной слободы (Рыбинска) Алексѣй Поповъ говорилъ: «Вмѣсто ожидаемаго поправленія, мы съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваемъ изъ поданныхъ въ коммиссію многими господами депутатами мнѣній, что русскому купечеству готовится большее отягощеніе, какъ будто оно вовсе не нужно для государства. Вмѣсто того, чтобы въ силу указовъ императора Петра Великаго утвердить за купечествомъ ихъ права и вольности, и другимъ всякаго званія людямъ строжайше запретить вести торговлю, чрезъ что натурально купечество могло бы достичь большаго благосостоянія, помянутые господа депутаты напротивъ того предлагаютъ, ко вреду купечества, чтобы какъ благородному дворянству, такъ и крестьянамъ предоставлено было пользоваться купеческимъ правомъ, на ряду съ купцами. Эти господа депутаты домогаются, чтобы купцамъ запрещено было имѣть всякія фабрики и минеральные заводы. Въ основаніе такого распоряженія они ставятъ, что будто содержаніе купцами фабрикъ и заводовъ не приноситъ пользы обществу, и что гораздо полезнѣе будетъ, ежели владѣніе оными предоставлено отставнымъ и живущимъ въ деревняхъ дворянамъ. Къ этому они еще предлагаютъ, чтобы крестьяне, привозящіе въ города свои произведенія, имѣли право продавать ихъ въ розницу. Итакъ, если все это будетъ утверждено, то купечество неминуемо придетъ въ разореніе, а съ этимъ и торговля можетъ придти въ совершенный упадокъ. Ибо хотя нынѣ крестьянамъ и разночинцамъ и запрещено по закону торговать, но несмотря на это купцы терпятъ отъ нихъ много обидъ и препятствій. Что же будетъ тогда, когда закономъ всякому дозволено будетъ торговать?» Поповъ требовалъ: «Предоставить купцамъ право устраивать фабрики и заводы, покупать къ нимъ крестьянъ для исправленія потребныхъ работъ, но безъ излишества, а по числу находящихся на нихъ становъ и печей; покупать земли, сколько нужно подъ фабрики, заводы и подъ населеніе рабочихъ при нихъ людей. Дворянству не дозволять торговать

и ни у кого, ни подъ какимъ видомъ, покупать купеческое право, ибо дворянство имѣетъ свое собственное право, заключающее въ себѣ большія преимущества, и носитъ драгоцѣнное дворянское имя. Поэтому входить въ такія коммерческія занятія, какъ напримѣръ фабричные, заводскіе и разные торговые промыслы, дворянамъ, по ихъ званію, несвойственно. Имъ слѣдуетъ предоставить продажу только того, что производится въ ихъ вотчинахъ по ихъ хозяйству, не дозволяя ничего скупать у другихъ. Благородному русскому дворянству надлежитъ имѣть стараніе о приведеніи въ лучшее состояніе земледѣлія ихъ крестьянъ, и смотрѣть, чтобы послѣдніе обрабатывали свою землю съ прилежаніемъ и усердіемъ. Теперь въ Россіи многіе земледѣльцы, вмѣсто того, чтобы оставаться при своемъ жребіи и умножать хлѣбопашество, покидаютъ вовсе земледѣліе и вступаютъ въ торговыя дѣла; но, по незнанію своему тонкости коммерческихъ оборотовъ, нѣкоторые изъ этихъ земледѣльцевъ, проторговавшись, приходятъ въ банкрутство, и, не заплатя купцамъ деньги за товары у нихъ забранные, скрываются изъ городовъ, но къ хлѣбопашеству не обращаются. Отъ сего происходитъ тотъ вредъ, что земледѣльцы, оставшіеся въ деревняхъ, платятъ за нихъ подушныя и оброчныя деньги и чрезъ то приходятъ въ бѣдность. Для устраненія такого неблагопріятнаго положенія, не будетъ ли признано нужнымъ повелѣть земледѣльцамъ, для пользы всего государства, заниматься единственно хлѣбопашествомъ, а ни въ какую торговлю не вступать. Если нужно, чтобы русское купечество приносило государству полезные плоды, то непремѣнно должно запретить торговать другимъ всякаго званія людямъ». За право дворянъ имѣть фабрики и заводы заступился князь Мих. Мих. Щербатовъ. Онъ началъ съ положенія, что «государство тогда становится прочно, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столпахъ, которые не могли бы снести тяжести обширнаго зданія, еслибы были слабы, не взирая на свою многочисленность. Дѣйствительно мы видимъ, что величіе французскаго и испанскаго государствъ основано на знатныхъ родахъ. Разсмотримъ самую сущность заводовъ и фабрикъ. Принадлежность минеральныхъ заводовъ, для которыхъ руды родятся въ землѣ и передѣлываются чрезъ огонь, не

должна ли составлять, безъ исключенія купцовъ, одно изъ дворянскихъ правъ, ибо владѣніе землею должно принадлежать однимъ дворянамъ. Неужели желаніе господина депутата Рыбной слободы заключается въ томъ, чтобы купцамъ, лишивъ дворянъ способовъ къ пріобрѣтенію какой-либо прибыли, сдѣлаться откупщиками всѣхъ произведеній въ Россіи и устанавливать цѣну какъ онымъ, такъ и самимъ работникамъ? Что касается покупки земель подъ фабрики, то мнѣ кажется неоспоримымъ, что купцамъ нужно это позволить, но не болѣе, какъ такое количество, какое заводъ каждаго изъ нихъ можетъ содержать. Хотя съ одной стороны, работники необходимо нужны для фабрикъ, но если принять во вниманіе число пахарей въ Россіи, то конечно не только не слѣдуетъ допускать, чтобы дворяне, продавая людей для фабрикъ, отнимали ихъ отъ земли, но напротивъ должно всемѣрно стараться о размноженіи земледѣльцевъ. Теперь, если разсмотрѣть самое употребленіе и жизнь этихъ работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшаго числа мастеровъ, которые для того, чтобы не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности. Самый этотъ столичный городъ (Москва) можетъ свидѣтельствовать о распутномъ состояніи сихъ людей».

За торговлю крестьянъ говорилъ депутатъ отъ черносошныхъ олонецкихъ крестьянъ Вонифатьевъ: «Нѣкоторые депутаты въ мнѣніяхъ своихъ пишутъ, что крестьяне для торговли удаляются отъ домовъ своихъ и не брегутъ хлѣбопашествомъ. На это могу представить, что крестьяне отлучаются отъ домовъ своихъ не для однихъ только торговъ, а большею частію для добыванія разными промыслами и работами денегъ на уплату государственныхъ податей. Притомъ же обыкновенно отлучаются тѣ изъ крестьянъ, которыхъ семьи состоятъ изъ пяти и шести человѣкъ: одинъ или двое бываютъ въ отлучкѣ, а другіе остаются при земледѣліи. Всякіе честные люди заботятся о томъ дѣлѣ, къ которому приставлены; такіе же, которые о себѣ не радѣютъ, думаю и во всѣхъ родахъ найдутся.» Но купцы продолжали настаивать, что крестьяне должны заниматься только земледѣліемъ, иначе происходитъ дороговизна; депутатъ отъ города Серпейска,

Глинковъ говорилъ: «Число крестьянъ простирается до 7 милліоновъ; если выключить малолѣтныхъ, престарѣлыхъ, умершихъ, отданныхъ въ рекруты и находящихся въ услуженіи у помѣщиковъ, то годныхъ для воздѣлыванія земли едва можетъ остаться половина, изъ которой, безъ сомнѣнія, найдется торгующихъ и пребывающихъ въ разныхъ отлучкахъ едва ли не половина, и затѣмъ занимающихся хлѣбопашествомъ останется весьма малое число. Отъ этого значительное количество пашенной земли остается впустѣ, а внутри Россіи раждается дороговизна. Нужно постановить, чтобъ крестьяне, ѣздя по разнымъ мѣстамъ, не скупали товаровъ и не продавали ихъ въ городахъ, на ярманкахъ и торжкахъ подъ видомъ своего рукодѣлья. Крестьянинъ всякій харчъ для себя и кормъ для лошади можетъ достать съ своего двора, а купецъ долженъ это купить». Говоря объ исключительномъ правѣ для купцовъ имѣть фабрики, тотъ же Глинковъ представлялъ разницу при заведеніи фабрики купцомъ и помѣщикомъ: «Когда купецъ строитъ фабрику, то всѣ окрестные крестьяне отъ нея довольствуются. Они продаютъ лѣсъ, лубья, тесъ и т. п.; нанимаются къ постройкамъ, получая за то большую плату, и тутъ же продаютъ произведенія своей земли. Чрезъ это они дѣлаются исправными въ платежѣ государственныхъ податей и господскихъ оброковъ. Когда же фабрика выстроится, то крестьянамъ приносится еще большая выгода: они нанимаются для привоза на нее изъ дальнихъ мѣстъ всякаго рода матеріаловъ, также и произведенія фабрики развозятъ для продажи по разнымъ мѣстамъ. Другія фабрики строятся помѣщиками, которые для этого употребляютъ своихъ крестьянъ. Они начинаютъ съ того, что назначаютъ съ каждаго двора привезти потребное количество лѣса, лубья, дору и тесу, и всякій крестьянинъ, оставя хлѣбопашество, долженъ съ плачемъ ѣхать и поставить то, что съ него назначено. Послѣ того ихъ принуждаютъ строить безденежно и на своемъ хлѣбѣ. По постройкѣ такой фабрики ихъ же заставляютъ работать на ней, тоже безденежно. Это особенно случается тогда, когда владѣлецъ той фабрики, для ея устройства, войдетъ въ долгъ, между тѣмъ какъ вести фабрику секрета не знаетъ».

По поводу этихъ споровъ любопытное мнѣніе высказалъ депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Межениновъ: «Нѣкоторые господа

депутаты разсуждали о томъ, дворянамъ или купцамъ свойственнѣе держать фабрики и заводы, и не будетъ ли честному имени дворянскому такая торговля постыдна? Разсуждать объ этомъ казалось бы совершенно напрасно. Пускай бы всѣ искали своей пользы и въ этомъ нѣтъ никакого никому стыда; только бы одинъ другому не дѣлалъ помѣшательства. Всего бы лучше было, еслибы дворяне заводили такія фабрики, какихъ еще не существуетъ въ Россіи; но нашъ русскій народъ въ этомъ случаѣ подобенъ птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба, до тѣхъ поръ одна у другой его отнимаютъ, пока, раскроша всѣ самыя мелкія крупинки, смѣшаютъ ихъ съ пескомъ или землею и со всѣмъ растеряютъ. Назадъ тому съ небольшимъ лѣтъ двадцать, дворяне, узнавъ, что отъ парусныхъ полотенъ получается большая прибыль, и не сообразивъ, что такихъ фабрикъ уже устроено было очень много, такъ что фабриканты почти не знали, куда имъ дѣваться со своими полотнами (но какимъ же образомъ получалась большая прибыль, прельстившая дворянъ?), стали также заводить такія фабрики, и до тѣхъ поръ не увидѣли своей ошибки, пока въ конецъ отъ нихъ не разорились. То же самое начали нынѣ дѣлать съ солдатскими сукнами. Едва только бѣдные суконные фабриканты, послѣ многолѣтнихъ стараній и огромныхъ затратъ для устройства своихъ фабрикъ, начали получать плоды трудовъ своихъ, какъ дворяне, позавидовавъ тому, такія же фабрики стали заводить и этимъ отняли у прежнихъ фабрикантовъ всякую надежду на прибыль. Поэтому-то, какъ кажется, и не надобно позволять дворянамъ устраивать фабрики и заводы, чтобъ они, изъ ревности одинъ противъ другаго и неумѣреннымъ производствомъ не только старыхъ фабрикантовъ, но и сами себя не разоряли, а чрезъ то и земледѣліе, которое нужно всякой фабрикѣ, не оставили. Желѣзныхъ заводовъ уже заведено такъ много, что за расходомъ домашнимъ и за отпускомъ въ чужіе края годъ отъ году залеживается значительное количество желѣза. Начто бы, кажется, прибавлять еще худые заводы, когда и хорошихъ весьма много? Развѣ для искорененія лѣсовъ, чтобы потомки наши вмѣсто дровъ топили соломою.»

Тотъ же Меженинов указалъ на разныя явленія, отъ которыхъ происходитъ вредъ торговлѣ, большой убытотъ купцамъ: 1) извощики, забравши отъ хозяевъ большую часть договорен-

ныхъ денегъ, не довезя, подъ разными предлогами, взятыхъ товаровъ до назначеннаго по договору мѣста, складываютъ ихъ на дорогѣ у своихъ сообщниковъ крестьянъ, живущихъ по тѣмъ трактамъ и у нихъ берутъ недоплаченныя хозяевами деньги въ такомъ количествѣ, въ какомъ вздумаютъ потребовать. Крестьяне, принявши товары на сохраненіе, расхитивъ не малую ихъ часть, не отдаютъ хозяевамъ остальныхъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не заплатятъ имъ все то, чего они потребуютъ какъ за сбереженіе товаровъ, такъ и за отданныя извощикамъ деньги. Такимъ образомъ бѣдные купцы, сверхъ значительнаго убытка, остаются еще въ отвѣтственности за недовозъ тѣхъ товаровъ къ пристани и за неисполненіе контрактовъ. Между тѣмъ купцы не имѣютъ никакихъ способовъ къ отвращенію этого убытка, ибо такого большаго числа подводъ, сколько имъ бываетъ нужно, съ письменными обязательствами или съ поручительствомъ набрать весьма трудно и некогда. 2) Когда плывущіе по рѣкамъ съ товарами суда повредятся или встрѣтятъ надобность облегчить себя за мелководіемъ, то владѣльцы прибрежныхъ земель не позволяютъ выгружаться на берега свои безъ платы, и притомъ еще не допускаютъ къ работѣ стороннихъ людей, принуждаютъ брать ихъ крестьянъ, которые требуютъ большую цѣну. 3) Тѣ же владѣльцы не допускаютъ тяги судовъ хозяйскими лошадьми, для того чтобъ у нихъ нанимали лошадей за непомѣрную плату.

Депутатъ города Яранска Антоновъ темными красками изобразилъ положеніе купца вообще: «Положено купцу за безчестье платить первой гильдіи по семи, второй по шести и третьей по пяти рублей человѣку. Поэтому купечество находится въ крайнемъ пренебреженіи и опасности, ибо купцамъ не рѣдко случается выносить не только безчестье, но иногда жестокіе побои и увѣчье отъ разнаго рода людей, которые не удерживаются никакимъ препятствіемъ и опасеніемъ взысканія. Хотя нѣкоторые изъ купечества и могли бы отыскивать по суду удовлетворенія за обиду, но только изъ этого имъ никакой пользы быть не можетъ, кромѣ потери времени и убытковъ, потому что судебное производство и постановленіе рѣшенія не можетъ быть менѣе полугода; но когда и кончится такое дѣло, то хотя бы то былъ и первой гильдіи купецъ, получитъ за безчестье семь рублей, а

между тѣмъ за то время, въ которое надобно имѣть хожденіе за дѣломъ, онъ потеряетъ несравненно болѣе въ своихъ торговыхъ оборотахъ и сверхъ того будетъ находиться въ большой опасности потерпѣть отмщеніе ругательствомъ и побоями, какъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ.» Антоновъ требовалъ увеличенія платы за безчестье купцамъ. Депутатъ отъ города Кронштадта Рыбниковъ говорилъ, что русское купечество находится въ совершенно другомъ состояніи, чѣмъ купцы другихъ европейскихъ государствъ. Русское купечество не имѣетъ ни надлежащей свободы, ни достаточныхъ привилегій и несетъ службу при казенныхъ сборахъ. Депутатъ города Серпейска Глинковъ считалъ нужнымъ дать шпаги фабрикантамъ и купцамъ первой гильдіи, потому что они, сверхъ обыкновеннаго своего платежа, платятъ еще за бѣдныхъ отъ десяти до пятнадцати душъ и больше, также при портахъ ведутъ торгъ съ иностранными купцами. «Нѣмцы же, видя русскаго купца безъ шпаги, оказываютъ ему пренебреженіе, а особливо на биржѣ. Когда иностранный купецъ стоитъ съ Русскимъ, то кажется какъ будто онъ стоитъ съ своимъ слугою и обращается съ нимъ свысока.»

На жалобы купцовъ кн. Мих. Мих. Щербатовъ отвѣчалъ нападкою на ихъ собственное нерадѣніе: «Отвѣчали ли русскіе купцы попеченіямъ Петра Великаго; учредили ли они конторы въ другихъ государствахъ; имѣютъ ли корреспондентовъ для полученія свѣдѣній, какіе куда надобятся товары и въ какомъ количествѣ; посылали ли дѣтей своихъ учиться торговлѣ? Нѣтъ! они ничего этого не сдѣлали. Поэтому напрасно жалуются будто бы крестьяне и прочіе разночинцы отнимаютъ у купцовъ всѣ способы къ торговлѣ. Вся внѣшняя торговля остается у нихъ въ рукахъ. И не стыдно ли намъ здѣсь собраннымъ Россіянамъ, слышать, что Гамбурцы и Голландцы, будучи отдаленнѣе отъ Ледянаго моря, чѣмъ мы отъ Колы, на 15 или на 18 градусовъ по прямой линіи, кромѣ обхода Норвегіи, приходятъ бить китовъ и получаютъ себѣ прибыль почти у нашихъ береговъ, несмотря на то, что вооруженіе судовъ и договоры съ матросами обходятся имъ весьма дорого. Какъ же было бы прибыльно русскимъ купцамъ предпринять такой торгъ и по близости мѣста, и по дешевизнѣ найма матросовъ, и по дешевизнѣ дровъ для перетопки сала. Вотъ истинные ключи богатства купцовъ! Пусть

они обратятся къ нимъ, и тогда увидятъ, что дѣйствительная польза отечества сопряжена съ ихъ обогащеніемъ.» О поведеніи богатыхъ купцовъ, для которыхъ требовались шпаги, сибирскій депутатъ Ларіоновъ сообщилъ такія извѣстія: «Нѣкоторые коронные повѣренные, имѣя у себя въ услуженіи купцовъ и насчитывая на нихъ беззаконно большія суммы денегъ, держатъ ихъ, какъ будто за самыя важныя дѣла, въ подземельныхъ тюрьмахъ по осьми мѣсяцевъ и болѣе скованными, стращаютъ тѣлеснымъ наказаніемъ и никого къ нимъ не допускаютъ, что извѣстно и камеръ-коллегіи. У купечества европейскихъ государствъ и даже въ странахъ азіятскихъ, прикащики почитаются какъ дѣти. Поэтому я предлагаю внести въ законъ, чтобы богатый купецъ, имѣющій у себя въ наймѣ прикащиковъ изъ купечества, не только не могъ мучительски поступать, но и дѣлать что-либо злое. Если же у нихъ произойдетъ какой споръ въ счетахъ, то повелѣно было бы разбирать его магистрату».

Изъ требованій государственныхъ или черносошныхъ крестьянъ общимъ было улучшеніе суда: «Мы, писали крестьяне казанскаго уѣзда, какъ народъ безгласный и несвѣдущій въ законахъ, продавая послѣднее, нанимаемъ для хожденія по дѣламъ повѣренныхъ, а эти повѣренные какъ челобитчика, такъ и отвѣтчика обманываютъ и разоряютъ; кромѣ того по этимъ дѣламъ собираются свидѣтели, требуется много справокъ и оттого дѣла тянутся, челобитчикъ и отвѣтчикъ разоряются и доходятъ до того, что бываютъ не въ состояніи не только платить государственныя подати, но и пропитать себя». Они просили, чтобъ въ дѣлахъ не свыше 30 рублей, кромѣ воровскихъ, дозволено было имъ судиться между собою, и для того выбирать имъ изъ себя достойнаго человѣка. Другіе требовали, чтобъ разбирательство домашнихъ ссоръ, незначительныхъ дѣлъ по долгамъ, о раздѣлѣ сѣнокосовъ было предоставлено ихъ старостамъ. Депутатъ новокрещенныхъ вотяковъ Ивановъ предлагалъ дать крестьянамъ право судиться словеснымъ судомъ въ дѣлахъ не свыше 30 рублей и для того самимъ крестьянамъ выбирать въ каждой сотнѣ по одному судьѣ, которому предоставить право виновныхъ по закону наказывать и тяжущихся мирить. Ивановъ считалъ неудобнымъ опредѣлять въ судьи къ крестьянамъ дворянъ или чиновниковъ на жалованьѣ, потому что эти дворяне или коммис-

сары поступаютъ по своимъ обычаямъ: требуютъ подводъ, съѣстныхъ припасовъ и прочаго; крестьянинъ же спорить не смѣетъ, а ежели и станетъ что-нибудь говорить, то они начинаютъ его бить за то, будто онъ говоритъ неучтиво. Когда депутатъ отъ ревизіонъ-коллегіи Карташовъ выразилъ мнѣніе, что надобно ограничить извѣстными правилами рубку лѣса, ловлю звѣрей и птицъ, то депутатъ черносошныхъ крестьянъ архангельской губерніи Чупровъ замѣтилъ: «Если ловлю дозволить во всякое время, то звѣрей и птицъ не убавится, а если запретить, то не прибавится, потому что уменьшеніе и умноженіе состоитъ во власти всемогущаго Бога.»

Голосовъ крѣпостныхъ крестьянъ не было слышно, отъ нихъ не было депутатовъ. Мы видѣли, какъ измѣнена была первоначальная редакція Наказа императрицы въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ говорилось о крѣпостныхъ крестьянахъ. Между статьями депутатскихъ наказовъ отъ правительственныхъ мѣстъ встрѣчаемъ одну статью относящуюся къ облегченію участи крѣпостныхъ, статью о учиненіи закона, какъ поступать въ случаѣ того, когда отъ побои помѣщиковъ случится людямъ смерть? По поводу вопроса о бѣглыхъ, депутатъ Козловскаго дворянства Коробьинъ какъ на причину бѣгства указалъ жестокое обхожденіе помѣщиковъ съ крестьянами, указалъ на слишкомъ большіе оброки, указалъ на случаи когда задолжавшіе помѣщики отдаютъ крестьянъ для заработыванія денегъ на уплату однихъ процентовъ и такимъ образомъ отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія; указалъ случаи, когда помѣщики отнимали у крестьянъ добытое трудомъ имущество. Ссылаясь на статьи Наказа императрицы, Коробьинъ предлагалъ ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ крестьянъ. 18 голосовъ было подано противъ Коробьина и только три за него; указывали на невозможность раздѣлить два права, оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ, и отнять ее надъ имѣніемъ этого лица. Мы видѣли, что дворяне требовали для себя исключительнаго права владѣть людьми, какъ главнаго своего права, права быть господами. Но купцы требовали и себѣ этого права, выставляя необходимость. Депутатъ города Яранска Антоновъ говорилъ: «По существующимъ законамъ, купечество не имѣетъ права покупать крѣпостныхъ дворовыхъ людей и владѣть ими, тогда какъ купцамъ настоитъ крайняя надобность ихъ имѣть.

Купечество нанимаетъ крестьянъ за большія деньги; но такихъ вольнонаемныхъ людей очень мало, и по большей части это такіе люди, которые имѣютъ крайнюю нужду въ деньгахъ и отдаются въ наемъ съ тѣмъ, чтобъ имъ выдано было впередъ нужное количество денегъ, которыя они будутъ заживать; но многіе изъ нихъ, не заработавъ этихъ денегъ, убѣгаютъ отъ хозяевъ. Да и когда живутъ у хозяевъ, зная, что они не крѣпостные и потому не имѣя никакого страха, своевольничаютъ и доставляютъ хозяевамъ много хлопотъ, ибо надобно на нихъ жаловаться въ судѣ, что разорительно и ведетъ къ потери времени. На такихъ наемниковъ купечество ни въ чемъ не можетъ положиться, и когда надобно отправить товары или переслать деньги, то наемниковъ употребить на это дѣло нельзя, и хозяева бываютъ принуждены, оставя свои крайнія надобности, ѣхать сами или отложить отправленіе товаровъ и денегъ подъ страхомъ потерять довѣріе». Депутатъ отъ города Серпейска Глинковъ говорилъ: «Къ фабрикамъ непремѣнно надобно опредѣлить указное число крѣпостныхъ людей, потому что мастера должны быть крѣпостные, и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ надобно заблаговременно имѣть на его мѣсто другого, ибо когда я обучу чужого и открою ему секретъ, то онъ можетъ отойти къ другому фабриканту или требовать такихъ большихъ денегъ, какихъ фабрика заплатить не въ состояніи. Полезно постановить, чтобъ купечеству первой гильдіи покупать крѣпостныхъ работниковъ отъ трехъ до пяти душъ, ибо купечество, торгующее въ портахъ, хотя и нанимаетъ прикащиковъ для принятія и отпуска товаровъ, но часто эти прикащики, собравъ деньги, не приходятъ къ разсчету. Купцы, не имѣя возможности оставить своего торга, лишены способовъ преслѣдовать ихъ и съ ними судиться и отъ этого принуждены бываютъ терпѣть убытокъ. Они нанимаютъ къ себѣ въ домъ для прислуги помѣщичьихъ крестьянъ, которые рѣдко бываютъ исправными слугами, по большей части оказываются лѣнивцами, а многіе изъ нихъ приводятъ воровъ въ дома своихъ хозяевъ».

Требованія купцовъ, разумѣется, встрѣтили сильныя возраженія со стороны дворянъ, стоявшихъ за принципъ, что право владѣть людьми, быть господами принадлежитъ имъ однимъ. Князь Мих. Мих. Щербатовъ говорилъ: «Дворянство есть нарицаніе въ

чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены (слова Наказа), и всѣ права и преимущества дворянскаго сословія должны истекать изъ этого начальнаго правила. Это названіе обязываетъ дворянъ служить отечеству и государю съ особливымъ усердіемъ и для того воспитаніемъ своимъ стараться приготовить себя быть способными къ такой службѣ и къ управленію другими подданными своего монарха. Чрезъ это они пріобрѣтаютъ между прочимъ право имѣть деревни и рабовъ, дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, они были тѣмъ способнѣе къ управленію частями имперіи и по своимъ обстоятельствамъ знали всѣ нужды разныхъ родовъ людей государства. Въ Наказѣ изображено, что въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ. И такъ ясно оказывается, что мѣщане, между которыми считаются и купцы, должны имѣть вышеписанныя упражненія и производить ихъ самолично, а не чрезъ невольныхъ людей. Но требуемое для купцовъ право сдѣлаетъ неволю низшаго рода людей еще болѣе чувствительною тѣмъ, что они, по продажѣ ихъ, принуждены будутъ служить такимъ людямъ, которыхъ они недавно видѣли себѣ равными. Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся одной мысли дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ. Мы люди и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей кого-либо мужескаго или женскаго пола и, подобно скотинѣ, продастъ его другому. Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я конечно не сомнѣваюсь, что почтенная коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ безъ земли. Мнѣ удивительно, будто наемные люди не столь вѣрны своимъ господамъ, какъ собственные. Это похоже на то, какъ еслибы кто сказалъ, что охотнѣе работаютъ поневолѣ чѣмъ по склонности. Вольный человѣкъ если мнѣ служитъ, и особенно долгое время, служитъ, независимо отъ жалованья, по усердію; а въ невольника я и проник-

нуть не могу, усерденъ ли онъ ко мнѣ или нѣтъ. И какъ можно сказать, чтобы безъ такихъ невольныхъ людей купцамъ невозможно обойтись, когда видимъ цѣлую Европу, гдѣ никто невольныхъ людей не имѣетъ; однако никто не жалуется ни на невозможность обойтись безъ нихъ, ни на недостатокъ усердія вольныхъ.» Въ заключеніе кн. Щербатовъ говорилъ: «Крестьянъ въ подушномъ окладѣ считается теперь около 7 милліоновъ пяти сотъ тысячъ; дворянъ, духовенства, купцовъ, военныхъ, всякого званія людей и чужестранцевъ можно положить до одного милліона. Если положить самое большое число, то нельзя думать, чтобы между крестьянами было болѣе четырехъ милліоновъ душъ работниковъ. Изъ этого числа надобно выключить людей, находящихся въ службѣ у своихъ господъ, приписанныхъ къ фабрикамъ, беззеmельныхъ, ходящихъ на необходимыя работы, какъ-то: плотниковъ, каменьщиковъ, кирпичниковъ и проч. Всѣ они могутъ простираться до семи сотъ тысячъ. Если выключимъ это число изъ четырехъ милліоновъ, то дѣйствительныхъ земледѣльцевъ будетъ три милліона триста тысячъ человѣкъ, слѣд. каждый пахарь долженъ приготовить хлѣба слишкомъ на пять человѣкъ. Если же дозволить купцамъ покупать себѣ людей и положить, что изъ 20,000 каждый купитъ себѣ по двѣ семьи, то чрезъ это убавится еще 40,000 пахарей».

Но купцы не тронулись этими доводами, не отстали отъ своихъ требованій! Козаки требовали также право имѣть крѣпостныхъ людей. Наконецъ потребовало этого права и духовенство!

Такое рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ состояніи выборными русской земли въ половинѣ прошлаго вѣка происходило отъ неразвитости нравственной, политической и экономической. Владѣть людьми, имѣть рабовъ считалось высшимъ правомъ, считалось царственнымъ положеніемъ, искупавшимъ всякія другія политическія и общественныя неудобства, правомъ, которымъ потому не хотѣлось дѣлиться со многими и такимъ образомъ ронять его цѣну. Право было такъ драгоцѣнно, положеніе такъ почетно и выгодно, что и лучшіе люди закрывали глаза на страшныя злоупотребленія, которыя естественно и необходимо истекали изъ этого права и положенія. Представленія, которыя должны были мало-по-малу подорвать цѣнность этого права и положенія въ глазахъ лучшихъ людей, только еще начинали и очень

слабо начинали проникать въ общество; то было представленіе научное о государствѣ, о высшей власти и отношеніи ея къ подданнымъ, отношеніи непохожемъ на отношеніе помѣщика къ крѣпостнымъ и отнимавшемъ у послѣдняго царственный колоритъ; потомъ представленіе о рабствѣ, какъ печати варварскаго общества, представленіе оскорбительное для людей, имѣющихъ притязанія на образованность; представленіе о народности, о чести и славѣ народной, состоящихъ не въ томъ, чтобъ всѣхъ бить и угнетать, а въ содѣйствіи тому, чтобы какъ можно меньше били и угнетали. Чтобы всѣ эти представленія, усиливаемыя все болѣе и болѣе европейскою жизнію народовъ сообща и распространеніемъ просвѣщенія, мало-по-малу подкопали представленіе о высокости права владѣть рабами; но для этого нужно было пройти еще вѣку.

Кромѣ означенной неразвитости благопріятному рѣшенію вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ могущественно препятствовала неразвитость экономическая. Съ начала нашей исторіи мы замѣчаемъ въ Россіи явленіе, ведущее ко многимъ очень печальнымъ послѣдствіямъ—это несоотвѣтствіе обширности страны съ количествомъ народонаселенія. Небольшое народонаселеніе разбрасывается въ обширнѣйшей странѣ, все болѣе и болѣе увеличивающейся—пустынями. Рукъ недостаетъ для дѣла, и никакое дѣло не спорится при отсутствіи дѣятельности сообща. Земля дешева, работникъ дорогъ, его едва стаетъ на удовлетвореніе первыхъ нуждъ общества, о промышленномъ развитіи нечего и думать по недостатку рукъ, государство осуждено оставаться земледѣльческимъ, сельскимъ, бѣднымъ. Работникъ дорогъ, его приманиваютъ и переманиваютъ; наконецъ, чтобъ небогатый служилый человѣкъ имѣлъ на своей землѣ постояннаго работника, котораго бы не могъ переманить отъ него богатый сосѣдъ, работника прикрѣпляютъ къ землѣ. Крѣпостной работникъ бѣжитъ, его продолжаютъ переманивать, укрывать, засылать подальше, гдѣ бы его не нашли; владѣльцы бѣжавшихъ вопятъ, требуютъ помощи правительства въ поимкѣ бѣглыхъ, и Россія представляетъ любопытное зрѣлище гоньбы за человѣкомъ, за рабочею силою, стремленія пріобрѣсти, поймать, усадить, прикрѣпить работника. Русское общество живетъ въ томъ періодѣ, гдѣ рабство составляетъ обычное явленіе. Общество вышло изъ первоначальнаго быта,

когда каждая семья или родъ удовлетворяли всѣмъ своимъ неприхотливымъ потребностямъ, и не достигло еще цивилизаціи, раздѣленія труда, условливаемыхъ значительнымъ народонаселеніямъ. Человѣку въ такомъ обществѣ важнѣе всего имѣть въ своемъ обладаніи живую, разумную силу которая бы избавляла его отъ работы, начавшей, при появленіи сословій, считаться низкою. При экономической неразвитости хозяйство каждой отдѣльной семьи должно удовлетворять почти всѣмъ ея потребностямъ, и это удовлетвореніе всего удобнѣе происходитъ посредствомъ рабовъ; чѣмъ болѣе около человѣка живыхъ разумныхъ силъ, находящихся въ полной отъ него зависимости, тѣмъ онъ самостоятельнѣе, независимѣе, сильнѣе, знатнѣе; право владѣть такими силами становится самымъ дорогимъ правомъ. Въ такомъ положеніи находилась Россія, когда сознанная необходимость вывести ее изъ бѣдности, безпомощности земледѣльческаго государства повело къ преобразованію, имѣвшему цѣлію ослабить односторонность земледѣльческаго характера торговымъ и промышленнымъ развитіемъ. Но явленіе, которое было такъ выпукло въ древней Россіи, перешло и въ новую, государство было бѣдно людьми, и когда явились фабрики, заводы, мореплаваніе, для всего этого понадобились постоянные крѣпостные работники, вольныхъ негдѣ было взять, и къ фабрикамъ, заводамъ прикрѣпляютъ крестьянъ, какъ въ XVI вѣкѣ прикрѣпили ихъ къ землѣ. Еще прежде мы приводили любопытную просьбу хозяина корабля, чтобъ ему оставили крѣпостныхъ матросовъ: онъ ихъ съ малолѣтства выучилъ трудному ремеслу, если у него ихъ отнимутъ, то онъ не найдетъ вольнонаемныхъ, никакой вольный человѣкъ не согласится идти на такое трудное занятіе, учиться ему, и надобно было бросать корабль, морскую торговлю, столь выгодную для государства. Купцы требуютъ крѣпостныхъ работниковъ, прикащиковъ, ссылаясь на то, что на вольныхъ положиться нельзя. Дворяне, желающіе оставить право владѣть людьми исключительно за собою, теоретически побѣдоносно опровергаютъ причины, приводимыя купцами; но практически послѣдніе были правы: вольнонаемнымъ трудомъ пробавиться было нельзя, не было выбора между вольными людьми, ихъ было очень мало, надобно было брать кого попало. Притомъ, разсматривая какое-нибудь явленіе въ извѣстное время въ извѣстномъ обществѣ,

надобно обращать вниманіе на всѣ другія окружающія явленія, на состояніе правосудія и администраціи: съ своимъ человѣкомъ не было суда, а съ вольнымъ судъ; но при словѣ «судъ» вздрагивалъ русскій человѣкъ XVIII вѣка. Не даромъ же въ Русской Правдѣ было постановлено, что вольный человѣкъ, пошедшій въ ключники къ другому тѣмъ самымъ становился холопомъ его, вольный ключникъ не допускался. Заявленія купцовъ въ коммиссіи объ Уложеніи, что на вольнаго прикащика положиться нельзя, указываютъ, что условія, въ которыхъ появилась Русская Правда, не совсѣмъ еще исчезли и во времена коммиссіи объ Уложеніи, въ которой отъ дворянства, купечества и духовенства послышался этотъ дружный и страшно-печальный крикъ: *«рабовъ!»*

Разумѣется этотъ крикъ долженъ былъ прежде всего смутить автора «Наказа» [74], хотя Екатерина была уже къ нему приготовлена, что доказываетъ измѣненіе первоначальной редакціи Наказа. Положенія Наказа были добрыя сѣмена; но прежде чѣмъ посѣять ихъ, Екатерина хотѣла испытать почву, для чего и собраны были депутаты отовсюду; для освобожденія крѣпостныхъ почва оказалась совершенно неудобною, и Екатерина предоставила времени удобреніе почвы посредствомъ нравственно-политическаго развитія народа.

Кн. Триг. Григ. Орловъ, по свидѣтельству Екатерины, былъ въ восторгѣ отъ положеній Наказа; онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ копорскаго дворянства, но не хотѣлъ или не могъ провести въ своемъ наказѣ требованія освобожденія крестьянъ. Копорскій наказъ ограничивается относительно крестьянъ требованіемъ: «За нужное находимъ учредить училища, какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ дѣтей, дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ. На сей конецъ видится можно учредить при церквахъ школы, въ которыя крестьянскія дѣти отъ 7 до 12 лѣтъ, въ зимнее время, для обученія грамотѣ и первыхъ основаній закона, за умѣренную плату, ходить могутъ». Того же требовало и ямбургское дворянство. Наказъ псковского дворянства особенно распространяется о печальномъ состояніи крестьянъ: «Къ чему приступить ни вознамѣримся, во всемъ находимъ земледѣльцевъ и бѣднѣйшихъ всегдашнихъ трудниковъ разореніе и тягость. По надобности и по ненадобности всякаго званія люди во всякое время ѣздятъ на подводахъ, обирая у

крестьянъ лошадей безъ разбора; а въ случаѣ у которыхъ бѣдняковъ нѣтъ, или пала, или что случается завсегда, замучена въ гоньбахъ, то нещадно ихъ же наказываютъ, изъясняя, что на дорогѣ не стоять. Каково же претерпѣніе бѣдному пахарю? Что не на чѣмъ везти, за то бьютъ! а не вспахавъ землю и не посѣявъ сѣмянъ, не имѣетъ ожидать чѣмъ себя и семейство свое питать. Солдатъ, стоящій у крестьянина на квартирѣ, есть господинъ, а бѣдный земледѣлецъ, изъ страха, исполняетъ всякія приказанія. Хотя самъ не имѣетъ что ѣсть и съ семействомъ, а служивому послѣднее отдать не отказывается. Когда солдату надобно въ караулъ или въ команду или за провіантомъ идти, хозяинъ безденежно служитъ въ подводчикахъ съ лошадью. Часто случается, что солдаты, сдѣлавши къ хозяину приметки, бьютъ его и до конца разоряютъ». Мы видѣли какъ патетически князь Мих. Мих. Щербатовъ, настаивая, чтобъ купцы не могли получить крѣпостныхъ людей, говорилъ противъ продажи крестьянъ въ одиночку. Противъ одиночной продажи возставали и другіе депутаты, повторяя слова Петра Великаго, что такая продажа нигдѣ не ведется. Но нашелся депутатъ, который защищалъ одиночную продажу. Депутатъ отъ дворянъ курмышскаго уѣзда Алфимовъ говорилъ: «Между дворянствомъ есть весьма не мало, которые имѣютъ за собой не болѣе двухъ или трехъ крестьянскихъ семей, а другіе и того меньше. Между тѣмъ какой-нибудь изъ этихъ дворянъ по обстоятельствамъ задолжаетъ такую сумму, которую не иначе можетъ уплатить, какъ продажею изъ своихъ крестьянъ одного человѣка, и этимъ онъ сохраняетъ остальное свое имѣніе, лишась одной, а не десяти душъ или болѣе, составляющихъ одну семью. Даже между крестьянами и достаточныхъ дворянъ есть въ нѣкоторыхъ семействахъ нерадивые и склонные къ преступленіямъ. Такимъ людямъ удаленіе отъ семей служитъ наказаніемъ и удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ».

Объясненіемъ отрицательнаго рѣшенія вопроса о крестьянской свободѣ и собственности служитъ судьба этого вопроса въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Еще въ концѣ 1765 года неизвѣстная особа (это была сама императрица) обратилась въ Общество съ вопросомъ, что полезнѣе для земледѣлія, когда земля находится въ единичномъ или въ общемъ родовомъ вла-

дѣніи, причемъ вопрошающій склонялся въ пользу перваго. Отвѣта не было. Въ слѣдующемъ году императрица, также подъ именемъ неизвѣстной особы, прислала новый вопросъ: «Въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обработываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ?» При этомъ приложено было 1000 червонныхъ въ награду за болѣе удовлетворительное рѣшеніе вопроса, на издержки изданія сочиненій и проч. Общество публиковало о задачѣ, предложивъ за рѣшеніе ея награду во 100 червонныхъ и медаль въ 25 червонныхъ. Но еще прежде, чѣмъ присланы были отвѣты, нетерпѣливый Сумароковъ уже прислалъ въ Общество возраженіе на самую задачу: «Задача, писалъ онъ, до изъясненія рѣшена быть не можетъ; напримѣръ, когда спросится: потребно ли дворянину умѣть писать порусски, такъ должно примолвить: россійскому дворянину, ибо дворянинъ англійскій можетъ обойтись безъ русской грамоты, такъ и о крестьянахъ: свободному ли крестьянину или крѣпостному? а прежде надобно спросить: потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода? На это я скажу: потребна ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность или потребна клѣтка? и потребна ли стерегущей мой домъ собакѣ цѣпь? Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи. Однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина; теперь осталось рѣшить, что потребнѣе ради общаго блаженства; а потомъ ежели вольность крестьянамъ лучше укрѣпленія, надобно уже рѣшить задачу объявленную. На сіе всѣ скажутъ общества сыны, да и рабы общества сами, что изъ двухъ худъ лучшей не имѣть крестьянамъ земли собственной, да и нельзя, ибо земли всѣ собственныя дворянскія; такъ еще спросъ: должны ли дворяне крестьянамъ отдавать купленныя, жалованныя, наслѣдственныя и прочія земли, когда они не хотятъ, и могутъ ли въ Россіи землями владѣть крестьяне, ибо то право дворянъ. Что же дворянинъ будетъ тогда, когда мужики и земля будутъ не его, а ему что останется? Впрочемъ свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ». Заявленіе Сумарокова сдано было въ архивъ.

Къ сроку назначенному на 1 ноября 1767 года прислано было 120 отвѣтовъ, да послѣ срока 40; сочиненія были на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ, всего больше на нѣмецкомъ. Лучшимъ признано единогласно сочиненіе Беарде де Лабей (Beardé de l'Abaye), члена дижонской академіи; но теперь явился вопросъ, печатать ли эти сочиненія и на какомъ, языкѣ? Положили перевести сочиненія на русскій языкъ и представить императрицѣ на одобреніе. Екатерина одобрила переводъ объявила, что въ сочиненіи не находитъ ничего, чего нельзя было бы напечатать, но все же предоставляетъ Обществу рѣшить вопросъ о напечатаніи. Въ Обществѣ оказалось только три голоса за напечатаніе и 13 противъ. Но потомъ нѣкоторые члены прислали письменныя мнѣнія, причемъ двое Орловыхъ, Григорій и Владиміръ прислали мнѣніе, что надобно напечатать на французскомъ и русскомъ языкахъ, баронъ Черкасовъ объявилъ себя противъ напечатанія, а генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій отозвался неспособностію рѣшить дѣло по незнанію французскаго языка, хотя сочиненіе уже было переведено на русскій. Графъ Романъ Воронцовъ прислалъ мнѣніе, что сочиненіе достойно напечатанія, и публика, пользуясь имъ, можетъ получить добрые плоды; за напечатаніе же были графы Чернышевы, Захаръ и Иванъ, новгородскій губернаторъ Сиверсъ и Тепловъ. Такимъ образомъ за напечатаніе набралось 11 голосовъ, и противъ оставалось 16. Большинство было противъ; но то были вельможи сильные, особенно Орловы, сама императрица была за напечатаніе! Рѣшили дѣло меньшинствомъ голосовъ на томъ основаніи, что «тѣмъ россійскимъ господамъ, правящимъ важнѣйшими въ государствѣ должностями, которые письменно сообщили свое мнѣніе, чтобы напечатать помянутую піесу, приличествуетъ лучше и превосходнѣе, нежели прочимъ, разсуждать о такой матеріи, которая касается больше до политической, нежели до экономической задачи.» Беарде въ своемъ сочиненіи рѣшаетъ вопросъ такъ, что крестьянинъ долженъ быть свободенъ и долженъ владѣть землею; освобождать крестьянъ должно постепенно. Кромѣ сочиненія Беарде, удостоеннаго первостепенной награды, еще пять сочиненій признаны достойными наградъ второстепенныхъ, и въ ихъ числѣ одно русское Полѣнова.

Отъ духовенства не было депутатовъ изъ различныхъ мѣст-

постей, оно представлялось депутатами отъ синода. Частная коммиссія приписала духовенство къ среднему роду людей. Синодъ протестовалъ, объявляя, что все духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, должно составлять особый классъ, и одно съ другимъ соединено такъ тѣсно, что отдѣльно существовать не могутъ; по мнѣнію синода, духовные должны были имѣть одинакія права съ благородными. Частная коммиссія отвѣчала, что не вступая въ права церковныя, она руководилась мірскимъ взглядомъ, положило духовенство въ одномъ разрядѣ съ учеными какъ учителей народныхъ. Но и относительно включенія ученыхъ въ средній родъ людей Академія Наукъ заявила, что ихъ нельзя подвергать поголовно подати и рекрутскому набору, ибо если ученые не будутъ имѣть большихъ выгодъ передъ ремесленниками и купцами, то нѣтъ надежды, чтобъ науки въ Россіи возрасли. Вообще объ этомъ среднемъ родѣ людей имѣли смутное понятіе, хотя много о немъ толковали. Сама императрица старалась уяснить представленія объ этомъ предметѣ исторіею и положеніемъ французскаго tiers-état [75]. Членами коммиссіи о раздѣленіи родовъ государственныхъ жителей были: князь Александръ Голицынъ, графъ Ѳедоръ Орловъ, графъ Яковъ Брюсъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, Николай Свѣшниковъ. Въ засѣданіи 19 сентября Орловъ предложилъ раздѣлить коммиссію на три части: первая должна заниматься дворянствомъ, которое онъ раздѣлилъ на четыре степени: князь, графъ, баронъ, дворянинъ; вторая среднимъ родомъ или мѣщанствомъ, здѣсь восемь степеней: бѣлое духовенство, ученые, художники, ремесленники, купцы, приказные люди, разночинцы, вольные; третья крестьянами, между которыми двѣ степени—свободные и крѣпостные. Предложеніе Орлова было принято.

Относительно духовенства въ матеріалахъ коммиссіи находятся нѣкоторыя любопытныя предложенія, напримѣръ, о вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные чины, а изъ духовныхъ въ свѣтскіе, и объ освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ; о постриженіи желающихъ въ монахи безпрепятственно, о содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи ему жалованья; о нетребованіи священникамъ за церковныя требы сверхъ указнаго количества денегъ; о дозволеніи священно-и церковно-служителямъ, купечеству и раз-

наго званія людямъ покупать крестьянъ и дворовыхъ людей; подлѣ предложенія о запрещеніи духовному чину покупать земли встрѣчается предложеніе о возвращеніи архіерейскимъ домамъ и монастырямъ отошедшихъ отъ нихъ хлѣбопашенныхъ земель: это предложеніе шло отъ городскихъ жителей. Въ наказѣ отъ дворянъ Крапивенскаго уѣзда говорилось: «Просимъ при всѣхъ церквахъ быть ученымъ священникамъ, на довольномъ денежномъ жалованьѣ, для проповѣди и утвержденія во исповѣданіи вѣры закона Божія и во отвращеніе злыхъ дѣлъ, также и въ знаніи законовъ в. и. в—ства; а гдѣ есть церковныя земли, то ихъ продать; дьячкамъ и пономарямъ обучать крестьянскихъ мужеска пола дѣтей отъ семи лѣтъ грамотѣ и писать, на содержаніи отцовъ ихъ, отъ чего впредь уповательно подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ.» Предлагалось, чтобъ архіереи требовали отъ священниковъ аттестатовъ о поведеніи, данныхъ прихожанами за подписью, и у кого такого аттестата не будетъ, тотъ лишался сана. Встрѣчаемъ также любопытное предложеніе объ уменьшеніи числа праздничныхъ дней и о свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ.

Какъ надобно было ожидать, въ коммиссіи послышались сильныя жалобы на состояніе правосудія. Дворяне жаловались: на духовныхъ мы должны просить у епархіальнаго начальства, на фабрикантовъ въ мануфактуръ-коллегіи, на заводчиковъ въ бергъ-коллегіи, на купцовъ въ магистратахъ, на ямщиковъ въ ямскомъ приказѣ: не повелѣно ли будетъ всѣмъ судиться равно во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ? О богоненавистномъ по дѣламъ лихоимствѣ и проклятомъ лакомствѣ просить, не позволено ли будетъ во всѣхъ мѣстахъ господъ присутствующихъ, секретарей и приказныхъ служителей обязать присягою, чтобъ они ко взяткамъ не касались; виновнаго во взяточничествѣ, какъ бы мала взятка ни была, подвергать натуральной смертной казни. Депутатъ отъ галицкихъ дворянъ Лермонтовъ говорилъ противъ юстицъ-коллегіи: «Отъ безчисленнаго множества дѣлъ въ означенной коллегіи и ея конторѣ рѣдкій челобитчикъ, не понеся большого убытка, можетъ получить удовлетвореніе въ законный срокъ. Извѣстно всему собранію, что въ юстицъ-коллегіи и ея конторѣ отъ переноса дѣлъ больше пользуются ябедники. Они проволакиваютъ время, приводятъ челобитчиковъ въ изнеможеніе и въ

крайнее разореніе. Бываетъ еще и то, что коллегія, продержавъ дѣло не малое время, отсылаетъ его для рѣшенія въ другія судебныя мѣста». Лермонтовъ предлагалъ уничтожить юстицъ-коллегію, и изъ губернской канцеляріи переносить дѣло прямо въ сенатъ; губернскимъ, провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ рѣшать дѣла непремѣнно чрезъ полгода. Депутатъ отъ ростовскихъ дворянъ Языковъ говорилъ: «Почитаю излишнимъ изъяснять въ подробности всѣ обстоятельства, которыя происходятъ въ судныхъ дѣлахъ отъ выдумокъ ябедниковъ и стряпчихъ. Къ этому надобно прибавить поговорку: не бойся суда, а бойся судьи. Не благоволено ли будетъ постановить, чтобы рѣшеніе суда производимо было по одной только челобитной истца и по письменному объясненію отвѣтчика, которому дана будетъ копія съ поданнаго на него челобитья и срокъ для справки и написанія отвѣта.» Депутатъ отъ малороссійской коллегіи Натальинъ предлагалъ, чтобъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ быть съ истцовой и отвѣтчиковой стороны присяжнымъ адвокатамъ, состоянія честнаго, знающимъ законы и которые были бы въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Къ этому депутатъ отъ дворянъ бахмутскаго гусарскаго полка Рашковичъ прибавилъ, чтобъ стряпчими въ судебныя мѣста принимать такихъ, которые обучались юриспруденціи въ Академіи Наукъ, были экзаменованы и приведены къ присягѣ. Депутатъ отъ дворянъ гороховецкаго уѣзда Протасовъ предлагалъ учрежденіе мировыхъ судей по примѣру Англіи и Голландіи. Но если были сильныя жалобы на судей, что они волочатъ дѣла по 10 лѣтъ, не каждый день всѣ приходятъ въ присутствіе, репортуясь больными, а между тѣмъ ѣздятъ въ гости или куда-нибудь, то были и защитники судей, складывавшіе вину медленности на самихъ тяжущихся: истецъ и отвѣтчикъ, подъ разными предлогами, сами отсрочиваютъ ходъ своего дѣла; во время производства ябедническими и коварными вымыслами объявляютъ подозрѣніе на нѣкоторыхъ присутствующихъ, а иногда и на всѣхъ; не имѣютъ за своимъ дѣломъ хожденія, не представляютъ на производство дѣлъ гербовой бумаги.

Мы видѣли, какъ сильно авторъ Наказа вооружался противъ пытки, какъ и прежде указами вводились ея ограниченія; но въ частныхъ наказахъ встрѣчаемъ требованія уничтожить эти нововведенія, эти ограниченія. Такъ въ наказѣ дворянъ верейскаго

уѣзда говорилось: «Не соизволено ли будетъ приводнымъ разбойникамъ и татямъ, по прежнимъ узаконеніямъ, для большаго страха и всеконечнаго пресѣченія злодѣйствъ, производить въ губернскихъ, провинціальныхъ и приписныхъ канцеляріяхъ, безъ увѣщаній пытки, потому что безъ того никакого злодѣянія искоренить и въ страхъ злодѣевъ привести нельзя. Многіе воры, пойманные и приведенные съ поличнымъ въ кражѣ только того поличнаго и винятся, а прежнія воровства скрываютъ.» Въ наказѣ кинешемскаго дворянства указывалось на умноженіе воровства и разбоевъ именно отъ того, что запрещено было производить пытки въ приписныхъ городахъ. Суздальское дворянство въ своемъ наказѣ жаловалось на уничтоженіе смертной казни и ограниченіе пытокъ, ибо «нѣкоторые, не видя смертоубійцамъ достойнаго истязанія и казни, чинятъ не токмо постороннимъ, но люди и крестьяне своимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ смертныя убійства и мучительныя притомъ поруганія, и разбои, и грабежи, и такое воровство время отъ времени умножается». Дворянство наказываетъ своему депутату просить защиты, и таковымъ злодѣямъ пріумножить истязанія и по дѣламъ ихъ достойнаго воздаянія. Въ наказѣ крапивинскаго дворянства говорилось: «Для скорѣйшаго рѣшенія а злодѣевъ искорененія, въ страхъ другимъ не повелѣно ль будетъ по прежнему быть въ уѣздныхъ городахъ розыскамъ и экзекуціямъ; а увѣщанія отмѣнить для того, что подлый народъ неученъ и не знающій закона и отъ увѣщеванія истины не объявитъ, отъ чего умножилось разныхъ злодѣевъ; а повелѣно бъ было по прежнему розыскивать». Въ нѣкоторыхъ наказахъ требовалось ограниченіе тѣлеснаго наказанія, пытокъ и смертной казни въ сословномъ смыслѣ, избавленія отъ нихъ однихъ только дворянъ. На это депутаты отъ городовъ заявили: «Законы тѣ истинные, которые основаны на правдѣ и согласны съ священнымъ и естественнымъ закономъ, священный же и естественный законы весьма не терпятъ лицепріятій и не смотрятъ на лице, но единственно на правду. Воръ всегда воръ, хотя подлый, хотя благородный, развѣ потому только имѣютъ различіе, что подлый не столько понимать можетъ важность грѣха и преступленія отъ невѣдѣнія Божіяго и государева законовъ, какъ благородный, свѣдущій и то и другое; да и благородство натурально тогда только есть,

когда съ честію своею согласныя дѣла производитъ, слѣдовательно когда онъ (благородный) какое подлое сдѣлаетъ злодѣйство, то тотчасъ врожденная мысль и вопіетъ, что онъ жесточайшему еще наказанію подлежитъ, нежели подлый, который часто, выключая невѣдѣніе, и отъ крайней нужды преступаетъ. Россія имѣетъ въ себѣ по власти Божіей отъ вѣка монархическое, а не аристократическое владѣніе, и какъ подлый, такъ и благородный, словомъ всякаго рода и достоинства люди, всѣ равно подданнѣйшіе рабы всемилостивѣйшей государыни».

Требовали пытокъ и жестокихъ наказаній ворамъ и разбойникамъ, жаловались на умноженіе ихъ числа, и въ то же время прямо указывали на главный источникъ зла, который однако всѣми силами старались сохранить. «Просимъ, говорили дворяне, изыскать надежнѣйшіе способы и издать новые законы къ искорененію воровъ и разбойниковъ и тѣмъ избавить насъ отъ чинимаго тѣми злодѣями всему обществу вреда, которому, по большей части, бываютъ виною бѣглые разнаго званія люди; а наиболѣе есть самый корень того зла держатели и укрыватели бѣглыхъ. Просимъ объ искорененіи разбойниковъ, воровъ, грабителей и всякаго рода злодѣевъ, ибо опасеніе отъ оныхъ препятствуетъ весьма много дворянству имѣть пріѣздъ и жительство въ деревняхъ своихъ, а отъ сего самаго упадаетъ и отъ часу уменьшается деревенская экономія; живущіе же въ деревняхъ, или по нуждѣ или за неимѣніемъ другого пристанища, принуждены имѣть, для охраненія себя и дома, дворовыхъ людей на своемъ запасномъ хлѣбѣ болѣе надлежащаго числа, чрезъ что и сами разоряются и уменьшаютъ число крестьянъ и пахарей. А хотя о истребленіи воровъ и разбойниковъ узаконеніе и есть, но помощи мало, ибо о нарядахъ надлежащихъ командъ, для сыска и поимки злодѣевъ, дѣлаются распоряженія столь медленно, что злодѣи успѣваютъ, разграбя многихъ, уйти на такой же промыслъ въ другія мѣста и уѣзды; дворянамъ же и крестьянамъ ловить оныхъ злодѣевъ опасно, трудно и почти невозможно, ибо когда оные злодѣи, коимъ либо образомъ пойманные, въ городъ привожены бываютъ, то или на росписки выпускаются, или, за неимѣніемъ настоящаго караула, сами изъ тюремъ уходятъ и мучительнымъ образомъ отмщаютъ дворянамъ и крестьянамъ, о нихъ донесшимъ или ихъ поимавшимъ.

Независимо отъ жалобъ на воровство и разбои, въ дворянскихъ наказахъ сильныя жалобы на бѣгство и укрываніе крестьянъ: «О бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ отъ многихъ лѣтъ строжайшими указами запрещено принимать и держать, но ничто не удерживаетъ отъ приниманія и держанія и понынѣ. Отъ многихъ дворянъ крѣпостныя ихъ женки и вдовы, и отъ мужей жены и дѣвки, чиня у своихъ господъ многимъ дорогимъ вещамъ и деньгамъ кражи, уходятъ и въ побѣгѣ выходятъ замужъ за солдатъ, слыша, что о возвращеніи ихъ точнаго узаконенія нѣтъ, отъ чего бѣдные дворяне несутъ великіе убытки, а паче досады и ругательства отъ своихъ крѣпостныхъ рабовъ, а другіе, на то взирая, къ побѣгу имѣютъ большое поползновеніе. Бѣгаютъ по близости за границу въ Польшу, ибо всѣмъ русскимъ крестьянамъ извѣстны польскіе обычаи, что всякій имѣетъ винную и соляную продажу и что набора рекрутскаго не бываетъ, равно и сборовъ для платежа казенныхъ податей. Прельщаемые этимъ здѣшніе крестьяне, безъ всякаго отъ владѣльцевъ своихъ отягощенія, безпрестанно туда бѣгаютъ, не только одиночками или семьями, но и цѣлыми деревнями со всѣмъ имуществомъ, и при побѣгахъ помѣщиковъ своихъ явно грабятъ и разоряютъ, другіе тайно обкрадываютъ. Нѣкоторые, собирая тамъ разбойническія немалыя партіи, явно приходя оттуда въ Россію, разбиваютъ и грабятъ крестьянскіе и помѣщичьи домы и возвращаются опять въ свое убѣжище, гдѣ ихъ польскіе владѣльцы охотно принимаютъ, отбирая у нихъ ту добычу. Жиды по нѣскольку русскихъ бѣглецовъ имѣютъ у себя въ услуженіи. Вышедшіе изъ Польши бѣглые помѣщичьи крестьяне по указу 1763 года и поселившіеся на пустыхъ земляхъ по польской границѣ, оказались въ подговорѣ какъ пограничныхъ, такъ и живущихъ отъ границъ верстъ за 200 крестьянъ, въ проводѣ ихъ со всѣми семействами въ Польшу, въ пристанодержаніи воровъ и разбойниковъ и въ подводѣ злодѣйскихъ партій для разоренія здѣшнихъ жителей.—Другіе бѣгаютъ внутрь государства. Многіе бѣгаютъ въ Чухонщину и Лифляндію, что для бѣглецовъ и близко, и свободно, ибо ни заставъ, ни форпостовъ нѣтъ, выдачи же оттуда бѣглыхъ почти никогда не бываетъ, сыскивать же ихъ и ловить совсѣмъ невозможно, особливо незнатнымъ или небогатымъ: ибо хотя кто знаетъ и подлинно, гдѣ живетъ бѣг-

лый его человѣкъ, но если для сыска и поимки пошлетъ кого или поѣдетъ самъ, то прежде потеряетъ безвѣсти себя, нежели возвратитъ бѣглаго. Во время рекрутскихъ наборовъ. какъ скоро крестьяне о томъ узнаютъ, то всѣ годные въ рекруты уходятъ въ Польшу и шатаются тамъ, пока наборъ кончится. По исчисленію за польскою границею смоленской губерніи крестьянъ обоего пола болѣе 50,000 находится въ бѣгахъ.

Кромѣ бѣглыхъ, дворяне указывали и на другихъ виновниковъ воровства: «Воровство происходитъ, по большей части, отъ множества безмѣстныхъ церковниковъ, которые въ духовномъ правленіи числятся при отцахъ; но сами отцы, по крайней мѣрѣ многіе, церковной земли имѣютъ очень мало, дѣтей человѣка по два, по три и больше, а доходу на нихъ никакого нѣтъ, къ работѣ же, какъ извѣстно, этотъ родъ лѣнивъ: такъ не повелѣно ли будетъ безмѣстныхъ церковниковъ опредѣлять въ солдаты, а негодныхъ въ подушный окладъ.—Наконецъ дворяне вооружались противъ цыганъ, «которые, бродя по всему государству, обманывая народъ разными способами, безъ всякаго казнѣ и обществу плода, поѣдаютъ трудъ земледѣльцевъ».

Относительно финансовыхъ вопросовъ клинскіе дворяне предложили сложить подушный сборъ съ крестьянъ, «яко по земледѣльству ихъ первое благополучіе государству доставляющихъ», а въ замѣнъ наложить или прибавить цѣны на вино, пиво, чай, кофе, сахаръ, виноградныя вина, табакъ, карты, дуги и кареты, псовую охоту, платье съ золотомъ и серебромъ и другіе служащіе для роскоши предметы, а за тѣмъ на паспорты вольнымъ рабочимъ людямъ и на пеньку: если и тутъ сумма не сравняется съ подушною, то наложить на соль, ибо «хотя соль въ пропитаніи и нужна, однако лучше ее купить дороже добровольно, нежели подушныя деньги платить неисправно и зато видѣть земледѣльцевъ въ тюремномъ изнуреніи».

Дворяне нѣкоторыхъ уѣздовъ просили о заведеніи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; указывали, что учрежденныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ государственныхъ банковъ недостаточно, надобность въ займѣ денегъ существуетъ одинаково и для живущихъ въ отдаленности отъ обѣихъ столицъ, и потому просили объ учрежденіи банковъ въ губерніяхъ и провинціяхъ по числу живущаго въ нихъ дворянства. Калужскіе, медынскіе и тульскіе дво-

9*

ряне писали въ своемъ наказѣ, что у нихъ и въ другихъ провинціяхъ лѣсъ почти весь перевелся и остальной часъ отъ часу уменьшается, отъ чего жители въ строевомъ лѣсѣ и дровахъ терпятъ нужду, почему просили въ подобныхъ мѣстахъ запретить строеніе металлическихъ и винныхъ заводовъ, которые изводятъ множество лѣса, особенно же около Москвы верстъ за 200 и больше. На недостатокъ лѣса жаловались и псковскіе дворяне, прося запретить отпускъ лѣса моремъ за границу. Романовскіе дворяне высказались противъ охоты, потому что охотники, собираясь въ большомъ числѣ на лошадяхъ, со множествомъ собакъ, ѣздятъ въ чужія дачи безъ позволенія, ломая изгороди, скачутъ по хлѣбу, по лугамъ и травятъ скотъ; а когда какой-нибудь крестьянинъ осмѣлится выговорить о своей обидѣ, то за такую будто бы неучтивость охотники его бьютъ. Дворяне просили всѣ охоты ограничить по примѣру нѣмецкихъ государствъ, чтобъ охотникъ безъ билета отъ владѣльца въ чужую дачу не въѣзжалъ.

Относительно окраины являлись особыя условія и особыя требованія. За Уральскими горами оказались сибирскіе дворяне, которые объявили, что происходятъ отъ людей, пришедшихъ или присланныхъ въ Сибирь для покоренія тамошнихъ народовъ и несшихъ тяжкую службу. Потомки завоевателей Сибири просили натеперь, чтобъ имъ дано было потомственное дворянство и надѣлъ землею, для обработыванія которой дать людей и позволить пріобрѣтать ихъ покупкою. Противъ этого требованія, какъ слегко догадаться возсталъ ревностный защитникъ правъ старыхъ дворянскихъ родовъ, князь Мих. Мих. Щербатовъ: по его кословамъ сибирскій дворянинъ не есть состояніе, но чинъ, который и отъ отца къ сыну не переходитъ, но одно сходство названій не можетъ быть основательною причиною присоединенія сибирскихъ дворянъ къ правамъ и преимуществамъ знатнаго шляхетскаго сословія, и потому, чтобы сибирскіе дворяне, какъ пожалованные въ это званіе губернаторами, не могли быть смѣшиваемы съ дѣйствительнымъ дворянствомъ, они должны быть лишены имени дворянина.

Объ оренбургской губерніи прислалъ въ коммиссію представленіе губернаторъ ея, князь Путятинъ. Область этой губерніи была изстари дикою и коронѣ принадлежащею, и находящіяся

на ней угодья отдаваемы были изъ оброковъ или ясака разнымъ народамъ, Чувашамъ, Черемисамъ, Татарамъ и, большею частію, Башкирцамъ. Неплюевъ вмѣстѣ съ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ представилъ сенату, чтобъ изъ Оренбурга чрезъ Сакмарскій городокъ къ Казани проложить прямую новую дорогу и поселить на ней сходцевъ изъ внутреннихъ русскихъ мѣстностей; дорога эта населена и теперь называется московскою, поселенцы на ней обревизованы и положены въ подушный окладъ. Потомъ, по предложенію того же Неплюева, было постановлено раздавать пустыя земли за службу находившимся при Оренбургской коммиссіи офицерамъ и статскимъ чинамъ. Наконецъ Неплюевъ переселилъ въ свою губернію съ Закамской линіи служившихъ тамъ смольнянъ, присылаемыхъ изъ разныхъ губерній крестьянъ, также отставныхъ драгунъ и солдатъ. Но послѣ Неплюева, пространство, изобиліе и безопасность земель, предоставленныхъ къ поселенію великороссійскимъ людямъ возбудили великое желаніе въ дворянахъ, иновѣрцахъ и новокрещенахъ владѣть ими, и начали эти земли похищать вымышленнымъ способомъ. Вопервыхъ, помѣщики получавшіе землю при Неплюевѣ за службу, облакомясь первыми дачами, начали покупать земли у Башкирцевъ, не справляясь, имѣютъ ли продавцы на то право: только бъ былъ Башкирецъ и имъ продалъ, писали въ крѣпостяхъ обширнѣйшіе округа, верстъ по двѣсти и больше. Накупивъ большіе округа и не будучи въ состояніи ихъ населить, стали продавать другимъ, и такія подложныя покупки доведены до того, что однѣ и тѣ же земли проданы отъ разныхъ Башкирцевъ въ разныя руки. Уфимская провинціальная канцелярія надлежащаго смотрѣнія за этимъ не имѣла, писала крѣпости безъ справокъ, имѣютъ ли продавцы на нихъ жалованныя грамоты. Такихъ ложно захваченныхъ земель много лежитъ еще впустѣ; у нѣкоторыхъ же помѣщиковъ, по ненасытнымъ этимъ захватамъ, произошли большіе споры и судныя дѣла, а изъ того послѣдовали многія неустройства и напрасная гибель лѣсовъ, хлѣбовъ и покосовъ; въ желаемомъ же и прямомъ поселеніи, домостроительства, хлѣбопашества, скотоводства, сбереженія лѣсовъ и во всемъ мирномъ и добромъ желаніи никакого успѣха невидно и безнадежно, ибо имъ учиться и перенимать добра не отъ кого: большая часть иновѣрцы и новокрещены, перешли не

всѣ отъ тѣсноты въ прежнихъ мѣстахъ жительства, но нѣкоторые отъ воровства и лѣни, особенно новокрещенные Татары, изъ которыхъ ни одинъ добровольно креститься не пожелалъ, а крестились, будучи приведены за воровство къ пыткѣ и казни; Чуваши пришли, чтобъ не жить имъ въ христіанскомъ благочестіи, а быть свободно въ суевѣріи и идолопоклонствѣ, а некрещеные Татары, чтобъ быть поближе къ своей братьи иновѣрцамъ Татарамъ.

Мы видѣли, какія слѣдствія имѣлъ указъ о выборѣ депутатовъ въ Малороссіи и областяхъ прибалтійскихъ; видѣли также, что Екатерина не смущалась упорствомъ, какое въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстностяхъ было выставлено для сохраненія и возстановленія старины и особности, съ которыми правительство уже порѣшило; она предполагала, что подлѣ наказовъ съ требованіями возстановленія гетманства будутъ наказы, которые уяснятъ для правительства положеніе страны, что дѣйствительно и случилось. Въ наказахъ малороссійскаго шляхетства встрѣчаемъ просьбы объ уравненіи малороссійскихъ воинскихъ и статскихъ чиновъ въ классахъ съ великороссійскими, просьбы объ учрежденіи для малороссійскаго шляхетства герольдіи, потому что дворянскіе дипломы во время войнъ утратились и много малороссійскіе роды присвоили себя шляхетское достоинство неправильно. Подобно великороссійскому дворянству, и малороссійское проситъ объ оставленіи шляхетскаго предводителя навсегда для обезпеченія интересовъ сословія; проситъ позволенія выбирать судей изъ своей среды и о словесномъ судѣ, проситъ объ учрежденіи университета въ Переяславлѣ или другомъ какомъ мѣстѣ, кадетскаго корпуса и воспитательнаго дома для благородныхъ дѣвицъ, объ учрежденіи банка, объ устраненіи тягостей при военномъ постоѣ.

Съ представленіемъ о старой Малороссіи необходимо соединяется представленіе о козачествѣ. Мы видѣли, что въ Малороссіи во время ея освобожденія отъ польскаго владычества при Хмельницкомъ, произошелъ переворотъ въ землевладѣніи: прежніе землевладѣльцы были истреблены или изгнаны; на первомъ планѣ явилось войско—козаки съ своею выборною старшиною, отъ сотника до гетмана. Страна, какъ обыкновенно бываетъ при такихъ военныхъ занятіяхъ, получила военное устройство, военное управленіе. Простой воинъ-козак сталъ свободнымъ

землевладѣльцемъ; военная или козацкая старшина стали правителями страны и начали пользоваться своимъ положеніемъ для пріобрѣтенія какъ можно большихъ выгодъ, большаго земельнаго имущества, начали стремиться къ пріобрѣтенію того высшаго положенія, которое они называли шляхетскимъ, начали тѣснить свободныхъ землевладѣльцевъ, козаковъ, отнимать у нихъ земли. Изъ записки Теплова мы знаемъ, какъ это дѣлалось [76]; въ Малороссіи сохранилась память о тѣхъ временахъ, когда многіе козаки за кружку водки продавали свои земли, потому что съ ними была соединена обязанность военной службы. Такимъ образомъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ происходилъ тотъ же процессъ исчезновенія мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, какой происходилъ на западѣ въ меровингскую и карловингскую эпохи, и какъ здѣсь, такъ и тамъ правительство употребляло всѣ усилія для воспрепятствованія этому исчезновенію свободныхъ людей, непосредственно отъ него зависѣвшихъ, переходу ихъ подъ власть богатыхъ землевладѣльцевъ и правительственныхъ лицъ. Козаки, не умѣя постоянно и сплоченно блюсти за своими интересами, не умѣя помочь бѣдѣ, сильно жаловались на старшину за ея аристократическія стремленія, тогда какъ эти сотники и полковники, обогатившіеся всякими средствами и старавшіеся выдѣлить себя и свои фамиліи изъ среды козаковъ, величающіе себя шляхетствомъ, были такіе же козаки, выбранные козаками въ свои должности, и всякій козакъ, какъ вольный землевладѣлецъ и воинъ, считалъ себя также шляхтичемъ. Сначала, въ XVII вѣкѣ, какъ мы видѣли, неудовольствіе козаковъ на новыя отношенія, вводимыя старшиною, вели къ сильнымъ волненіямъ, причемъ Запорожье, стоя за демократическое начало, за первоначальное равенство, всегда поддерживало козаковъ; но въ XVIII вѣкѣ, несмотря на поддержку императорскаго правительства, которое впрочемъ не находило никакой помощи въ козакахъ, старшина брала верхъ; козаки продавали ей свои земли, шли въ мужики, и умѣли только жаловаться и толковать о старомъ добромъ времени, когда они выбирали гетмановъ, позабывая что всѣ эти гетманы заботились только о своихъ интересахъ, а вовсе не о козацкихъ. И теперь нѣкоторые козаки потребовали гетмана по старинѣ; вообще требовали возстановленія стараго права избранія вольными голосами между собою старши-

ны, тогда какъ никто у нихъ этого права не отнималъ; требовали сравненія съ шляхетствомъ; просили, чтобъ никто ихъ земель не покупалъ. Въ наказѣ черниговскихъ козаковъ говорилось: «Ясно изъ привилегій, данныхъ королями польскими, что козаки отправляли военную службу во всякомъ благополучіи и легкости, ибо имѣли за собою достаточныя пашни, сѣнокосы, лѣса, мельницы и всякія угодья; а теперь, въ слѣдствіе насилія владѣльцевъ и всякаго званія старшинъ козачьихъ и духовныхъ монастырскихъ владѣльцевъ, лишились земель своихъ; сотники и сотенные старшины не осѣдлые, по вступленіи въ свою должность, тотчасъ ищутъ козачьей земли, прежде всего на постройку жилыхъ избъ, просторнаго двора, а потомъ ко дворамъ скупаютъ у козаковъ, угрозами и ласкательствомъ пашни, лѣса, сѣнные покосы и всякія лучшія мѣста, и всякими способами козаковъ притѣсняютъ, на частныя свои работы употребляютъ; иные козаки отъ великихъ тягостей, побоевъ и угрозъ старшинскихъ, покидаютъ семейство и дворы и уходятъ въ безвѣстныя мѣста; другіе козаки закрѣпощены и несутъ общія съ мужиками тягости».

Такимъ образомъ въ Малороссіи имѣлъ важное значеніе запутанный вопросъ о козацкихъ земляхъ, которыми овладѣло такъ называемое шляхетство, какъ на восточной украйнѣ былъ запутанный вопросъ о башкирскихъ земляхъ. Малороссійское шляхетство, руководясь идеями, бывшими въ ходу въ высшихъ кругахъ, было не прочь ввести нѣкоторыя гуманныя измѣненія въ своемъ старомъ кодексѣ, въ Литовскомъ статутѣ, отмѣнить напримѣръ законъ, по которому шляхтичъ, убившій простого человѣка, наказывается только отсѣченіемъ руки и небольшою денежною пенею, ибо «этотъ законъ, говорится въ черниговскомъ наказѣ, можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, особенно же не пріобрѣтшіе шляхетскаго достоинства, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства». Но относительно купленныхъ имъ козачьихъ земель шляхетство просило императрицу утвердить ихъ за нимъ навсегда, по своей особенной материнской къ нему щедрости; какое же постановленіе по этому предмету будетъ издано на будущее время шляхетство обѣщаетъ его соблюдать.

Послѣ переворота, произведеннаго возстаніемъ Хмельницкаго

и присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи мы нашли малороссійскіе города въ постоянномъ, сильномъ неудовольствіи на военное управленіе, встрѣчались съ постоянными жалобами горожанъ на притѣснявшую и обиравшую ихъ козацкую старшину, причемъ они просили введенія къ нимъ великороссійскихъ воеводъ, хотя, какъ мы знаемъ, послѣдніе далеко не отличались мягкими и безкорыстными отношеніями къ управляемому народонаселенію. Наказы, привезенные депутатами въ коммиссію объ Уложеніи, вскрываютъ передъ нами тоже печальное состояніе малороссійскихъ городовъ, вскрываютъ ихъ крайнюю бѣдность, которая зависѣла сколько отъ войсковаго управленія страною, столько же отъ ея положенія, очень невыгоднаго для торговой дѣятельности, отъ господствовавшаго изначала въ украйнѣ военно-земледѣльческаго быта съ обычнымъ слѣдствіемъ этого господства—неразвитостію въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, наконецъ отъ характера малороссійскаго народа, несклоннаго къ торговой дѣятельности, такъ что до сихъ поръ большинство торговыхъ людей здѣсь состоитъ изъ великороссіянъ. Наказы представляютъ намъ малороссійскій городъ отставшимъ въ развитіи отъ великороссійскаго, представляютъ такія явленія, какія существовали въ великороссійскихъ городахъ въ XVII вѣкѣ.

Какъ жители великороссійскихъ городовъ въ своихъ наказахъ просили объ удержаніи и развитіи городского самоуправленія, даннаго Петромъ Великимъ, такъ жители городовъ малороссійскихъ просятъ о сохраненіи у нихъ старинныхъ формъ городского самоуправленія, извѣстныхъ подъ именемъ Магдебургскаго права, которое безспорно послужило для Петра Великаго образцомъ при введеніи городского самоуправленія въ Великой Россіи. Но однѣ формы еще ничего не значатъ. Формы благодѣтельны и крѣпки, когда являются результатомъ самостоятельнаго внутренняго развитія; и наданныя извнѣ приносятъ пользу, если находятъ достаточное содержаніе. Бѣдные, малочисленные горожане въ Малороссіи не могли посредствомъ денегъ удовлетворять необходимымъ требованіямъ государства, должны были удовлетворять имъ натурою, собственноручною работою, отъ чего терпѣли страшную тягость, разорялись окончательно, и, чтобъ отбыть отъ тягости, разбѣгались или закладывались за богатыхъ и сильныхъ людей, отъ чего оставшимся становилось еще тя-

гостнѣе, явленія, съ которыми мы такъ хорошо знакомы въ великороссійскихъ городахъ XVII вѣка, явленія, необходимыя тамъ, гдѣ государственныя потребности развиваются неодновременно и не въ одинаковой степени съ экономическимъ развитіемъ народа, будетъ ли то общество еще молодое, неразвившееся, какъ наша Россія XVII и XVIII вѣка, или общество уже одряхлѣвшее, какъ римская имперія во время ея распаденія.

28 февраля 1768 года Румянцевъ писалъ императрицѣ: «Я имѣлъ случай съ уволенными на время и опять уже отъѣхавшими нѣкоторыми депутатами видѣться и нашелъ ихъ во всѣхъ ихъ развращенныхъ мысляхъ непремѣнно пребывающихъ. Скоропадскій всѣхъ прочихъ руководитель, ибо возмечталъ выбраннымъ быть гетманомъ. Часть здѣсь людей такихъ, кои слѣпо симъ невѣжамъ слѣдуютъ, не мала. Но я осмѣливаюсь увѣрить, что когда токмо таковые и ему подобные, которые очень замѣчены, останутся безъ дѣйствія и дѣлъ, а напротивъ благонамѣренные и сею болѣзнію самовладства и независимости не зараженные вашего и. в—ства милостію отличатся и войдутъ въ чины и дѣла, правительствы жъ и служба получатъ прямыя для себя уставы, то и тѣ, какъ великое всегда желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованію имѣющіе, скоро перемѣнятъ мысли и поступки [77]». Екатерина отвѣчала: «Что вы пишете о Скоропадскомъ, то все весьма справедливо: онъ здѣсь ведетъ себя какъ волкъ и ни съ кѣмъ изъ нашихъ знаться не хочетъ». Во многихъ наказахъ было выражено желаніе собрать деньги для воздвигнутія памятника Екатеринѣ. Относительно сбора денегъ на памятникъ въ Малороссіи императрица писала Румянцеву: «Если деньги на монументъ еще не собраны, то пожалуй, помѣшкайте оныхъ собрать, ибо сіи издержки народныя не нужны, а за доброе ихъ намѣреніе скажите имъ спасибо пристойнымъ образомъ» [78].

Румянцевъ писалъ о малороссійскихъ депутатахъ, пріѣзжавшихъ на побывку домой: «Тщеславились они здѣсь много тѣмъ, что лифляндцы имъ единонамѣренны въ удерживаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей». Въ засѣданіи коммиссіи 2-го октября 1767 года депутатъ эстляндскій Вирскаго Крейса отъ дворянства, Ренненкампфъ подалъ представленіе, чтобы въ проектѣ новаго уложенія упомянуто было о эстляндскомъ дворянствѣ,

дабы ему въ преимуществахъ своихъ, въ силу ихъ всевысочайше конфирмованныхъ привилегій, неотмѣнно остаться. Такое же представленіе подалъ депутатъ лифляндскаго дворянства, эстницкаго уѣзда Вильбоа; къ нимъ присоединились и другіе лифляндскіе и эстляндскіе депутаты. Но въ засѣданіи 22-го ноября депутатъ любимскаго дворянства Толмачовъ представилъ, что надобно имѣть въ виду общее благо, и такъ какъ сенату извѣстны недостатки лифляндскихъ и эстляндскихъ правъ, и отъ незнанія этихъ особенныхъ правъ происходятъ преступленія между пограничными жителями, то необходимо составить общіе законы для всѣхъ подданныхъ ея и. в—ства. Къ мнѣнію Толмачова присоединилось чрезвычайно много дворянскихъ депутатовъ. Въ засѣданіи 27 ноября депутатъ новосильскаго дворянства Шишковъ произнесъ такую рѣчь: «Постановляемые нынѣ законы должны быть въ завоеванныхъ губерніяхъ тѣ же самые, которые и у насъ будутъ. Подъ этимъ условіемъ я полагаю равенство всѣхъ государственныхъ сборовъ и доходовъ. По этому должность присланныхъ отъ означенныхъ губерній господъ депутатовъ должна заключаться въ томъ, чтобы, къ общей всѣхъ пользѣ, единодушно съ нами стараться разсуждать и думать. Законы же для рижскаго рыцарства, въ XV и XVI вѣкахъ написанные подъ титуломъ Божіею и папы Николая милостію, нынѣ не могутъ быть его правами, ибо у нихъ нѣтъ уже ни стола архіепископскаго, на который описывались дворянскія недвижимыя имѣнія, ни такого непріятеля, съ которымъ бы рижское рыцарство могло постановлять войну и миръ. Капитуляція, оружіемъ вынужденная, не есть отличная выслуга плѣнника, но великодушіе побѣдителя. Поэтому не сдѣлаетъ ли больше чести означеннымъ губерніямъ, если они будутъ называться не завоеванными, но одного съ нами общества равными гражданами; а это иначе быть не можетъ, какъ только тогда, когда они будутъ находиться подъ одними съ нами законами».

Вильбоа возражалъ и Толмачову, и Шишкову. На мнѣніе перваго сказалъ, что право и привилегіи лифляндскія вполнѣ соотвѣтствуютъ расположенію живущаго подъ ними народа. Доказанное ихъ въ продолженіе долгаго времени сходство съ вѣрою, климатомъ и обычаями этого народа, также непринужденное лифляндскихъ жителей имъ послѣдованіе болѣе всего побудили его,

Вильбоа, просить, дабы права и привилегіи лифляндскаго дворянства, для неизмѣннаго ихъ сохраненія, помѣщены были въ новомъ уложеніи. Потомъ Вильбоа упомянулъ о вѣрномъ соблюденіи присяги лифляндцами, что доказано усердною ихъ службою, бездоимочною уплатою податей и несеніемъ общихъ тягостей. Нѣтъ нужды, чтобы для всѣхъ вообще подданныхъ ея и. в—ства всѣ законы были равные. Относительно мнѣнія Шишкова Вильбоа сказалъ, что оно болѣе походитъ на мнѣніе самовластнаго и не терпящаго прекословія учрежденія, чѣмъ на умѣренное и скромное мнѣніе, свойственное собранію депутатовъ; Шишковъ особенно замѣтилъ привилегію архіепископа Сильвестра 1449 года, начинающуюся словами: Божіею и папы Николая милостію, и обратилъ ее въ смѣхъ, что, можетъ быть, и доставило ему удовольствіе; но онъ не сдѣлалъ бы этого публично, еслибъ прочелъ со вниманіемъ 32 статью Наказа императрицы («Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ»); что сохраненіе со стороны побѣдителя капитуляціи, которая есть договоръ съ двухъ сторонъ, болѣе доказываетъ правосудіе государя. Но возраженія со стороны русскихъ депутатовъ не прекратились. Депутатъ города Романова Демидовъ замѣтилъ, что древнихъ привилегій лифляндскихъ въ подлинникѣ не находится. Кромскій депутатъ отъ дворянства Похвисневъ заявилъ, что всѣ народы, находящіеся подъ россійскою державою, должны управляться одинаковыми законами, ибо такое единство содѣйствуетъ славѣ и могуществу имперіи. Казанскій депутатъ отъ дворянства Яспновъ сказалъ: «Ежели кто, сверхъ всякаго чаянія, при нынѣшнемъ столь полезномъ установленіи новыхъ законовъ, пожелаетъ остаться при старыхъ правахъ, то онъ, какъ ищущій только себѣ, а не обществу пользы, нарушитъ должность честнаго гражданина въ отношеніи своей собратіи. Сверхъ того весьма странно слышать, что Лифляндія и Эстляндія, такъ давно уже покоренныя подъ россійскую державу, судятся и понынѣ чужими правами, установленными отъ государей, которые до этихъ областей никакого дѣла не имѣютъ». На это возражалъ депутатъ лифляндскаго земства фонъ Блуменъ: «Многіе гг. депутаты представили, чтобы

впредь для всѣхъ частей этой обширной имперіи составить одинаковые законы и чтобы для этого лифляндскія привилегіи не принимать въ уваженіе, какъ будто безъ такого уничтоженія привилегій всѣхъ нѣмецкихъ земель не можетъ быть устроено обѣщанное новымъ законодательствомъ благосостояніе Россіи. Помянутые господа депутаты посягаютъ на власть премудрой нашей государыни, которая конфирмовала тѣ привилегіи, а нынѣ по изъявленному ими желанію должна ихъ уничтожать, и, такъ сказать, трогаютъ тѣхъ великихъ императоровъ, которые прежде ихъ утверждали».

Но «премудрая государыня» не была довольна остзейскими депутатами. «Господа лифляндцы, писала Екатерина Румянцеву: господа лифляндцы, отъ коихъ мы ожидали примѣрное поведеніе какъ въ просвѣщеніи, такъ и въ вѣжливости, не соотвѣтствовали нашему ожиданію: они сначала просили и требовали, чтобъ ихъ законы были по матеріямъ читаны рядомъ съ нашими; но когда оныхъ стали читать, а депутаты объ ихъ законахъ начали говорить, такъ какъ и о прочихъ узаконеніяхъ, тогда они не только тѣхъ депутатовъ, но и всю коммиссію попрекали, что будто они присвоиваютъ себѣ власть, коей коммиссіи не дано; однимъ словомъ я ожидала то, что они закричатъ громко «дѣло и слово» на всю коммиссію; наконецъ когда увидали, что великое число соблазняется ихъ поведеніемъ, тогда всѣ корпусомъ лифляндцы подписали и подали въ коммиссіи голосъ, что имъ не надобно и не хотятъ ни дополненіе, ни перемѣну въ ихъ законахъ. На сіе одинъ изъ нашихъ принесъ въ коммиссію выписку изъ двадцати или болѣе челобитенъ лифляндскихъ, какъ дворянъ такъ и городовъ, гдѣ корпусомъ просятъ въ разныхъ годахъ отъ время завоеванія съ 1710 года и послѣдующихъ, чтобъ законы ихъ были дополнены, ибо они весьма недостаточны и отяготительны въ иныхъ случаяхъ для нихъ. Сей человѣкъ присовокупилъ къ тому, что онъ желаетъ вѣдать, челобитію ли вѣрить или поданному голосу гг. депутатовъ. Симъ на Москвѣ окончились засѣданія коммиссіи, а здѣсь (въ Петербургѣ) нынѣ читаютъ юстицкіе законы, и такъ еще не знаемъ, какъ господа лифляндцы изъ противорѣчащаго поступка выпутаются [79].» Они хотѣли выпутаться тѣмъ, что подали проектъ уложенія для себя. Екатерина разсмотрѣла проектъ и сдѣлала на

него нѣкоторыя любопытныя замѣчанія съ явнымъ неудовольствіемъ, напримѣръ: «Когда коммиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія будетъ разсматривать прежніе о той матеріи проекты, тогда и въ Лифляндіи сдѣланный проектъ, если онъ по вышнему повелѣнію сочиненъ, разсмотрится; если же не по повелѣнію сдѣланъ, то надлежитъ оный проектъ отослать въ ту коммиссію, гдѣ проекты велѣно подать.—Старое обыкновеніе сихъ господъ, гдѣ видятъ, что по прихотямъ ихъ исполниться трудно, тутъ стараются обратить учрежденіе всякое въ тяжебное дѣло или процессъ. Сему по рижской коммерцъ-коммиссіи ежедневные примѣры были, однако ни въ одномъ пунктѣ имъ не удалось сей замашки. А прежде сего бывало, гдѣ у нихъ слова недостаточны, тутъ деньгами сыпали: городъ Рига одинъ по 60.000 рублей въ годъ на то опредѣлялъ, и когда они прислали сюда депутата для исходатайствованія перемѣны въ торговомъ уставѣ 1765, тогда онъ снабженъ былъ 13,000 червонныхъ, которыхъ въ цѣлости привезъ назадъ, ибо нашлось, что никто не въ силѣ былъ онаго перемѣнить. Сей же ихъ новый сочиненный городомъ очень противенъ.—Я ничего конфирмовать не буду, что не въ силѣ обряда мнѣ поднесется. Они подданные Россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, но всероссійская.»—На просьбу о возстановленіи академіи для остзейскаго края императрица замѣтила: «О возстановленіи академіи ихъ скоро согласиться можно; но тутъ тотъ крючокъ, что будутъ требовать гааки (земельные участки) тѣ, кои тогда даны были той академіи, а гааки или разжалованы (розданы), или на арендѣ подъ именемъ коронныхъ; а если согласятся города или дворяне оный (университетъ) содержать, то не долго возстановить, они безъ того въ чужіе края своихъ дѣтей посылаютъ; въ противномъ случаѣ они въ россійскія училища присылать могутъ оныхъ, и вездѣ для нихъ мѣста оставлены [80].»

Мы видѣли, что въ коммиссіи въ слѣдствіе столкновенія различныхъ интересовъ были горячіе споры; но эти споры велись въ границахъ умѣренности. Исключеніемъ былъ слѣдующій случай. Въ пятнадцатое засѣданіе обоянскій депутатъ отъ дворянства Глазовъ вздумалъ было рѣзко выражаться противъ мнѣній депутата отъ однодворцевъ и депутата отъ черносошныхъ крестьянъ; но былъ остановленъ маршаломъ и на счетъ его по-

ступка состоялось такое опредѣленіе, которое должно было отнять охоту у всякаго другого дѣлать подобныя выходки. Въ дневной запискѣ помѣщенъ былъ такой отзывъ о мнѣніи Глазова: «Хотя сіе возраженіе состоитъ изъ 23 большихъ страницъ, однако трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе неприлично; но его недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми избыточествуетъ оное сочиненіе. Депутатъ обоянскій бранитъ безъ малѣйшаго смягченія депутата елецкаго, развратное ему приписываетъ мнѣніе, поноситъ всѣхъ черносошныхъ крестьянъ; наконецъ ругаетъ каргопольскій (крестьянскій) наказъ, и говоритъ, что надлежитъ его сжечь, а депутата каргопольскаго отъ черносошныхъ крестьянъ, который, истину всему предпочетъ, доказалъ, что въ послѣднемъ чинѣ можно думать благородно, желаетъ онъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Конечно таковому странному возраженію свойственно было произвесть смѣхъ, соблазнъ и негодованіе, что и совершилось; но маршалъ остановилъ чтеніе на 9-й страницѣ, зане въ собраніи надлежащее благочиніе могло бы со всѣмъ быть нарушено». Когда этотъ отзывъ былъ прочитанъ, маршалъ объявилъ, что такія оскорбительныя слова и изъясненія противны XV статьѣ обряда, гдѣ предписывается депутата, который обидитъ въ собраніи другого депутата, наказывать пенею или исключеніемъ, временнымъ или навсегда; на этомъ основаніи маршалъ потребовалъ у коммиссіи мнѣнія, что слѣдуетъ сдѣлать съ депутатомъ отъ обоянскаго дворянства. Рѣшеніе было выражено такимъ образомъ: «Коммиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія, выслушавъ большую часть возраженія депутата обоянскаго отъ дворянства Мих. Глазова на голосъ депутата елецкаго отъ однодворцевъ Мих. Давыдова разсудила, что сіе возраженіе язвительными словами и бранью преисполненное, нарушаетъ всѣ обществомъ принятыя правила благочинія и справедливости, ибо не токмо въ ономъ сказано, что депутатъ Давыдовъ имѣетъ гордыню, что онъ мыслилъ превратно; но и то безъ малѣйшей причины упомянуто, что всѣмъ черносошнымъ депутатамъ почаще подлежитъ вынимать изъ кармановъ зерцало, по которому вразумляемся; будто ихъ поведеніе до сего времени не безпорочно; наконецъ депу-

татъ обоянскій осмѣливается предписывать строжайшія наказанія, когда онъ судить не имѣетъ права: каргопольскій наказъ предаетъ огню, того же уѣзда депутата (котораго безпристрастный поступокъ вящей похвалы достоинъ) желаетъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Уважая всѣ сіи обстоятельства и слѣдуя 15 пункту обряда, коммиссія опредѣлила: возвратить съ выговоромъ депутату обоянскому вышепомянутое его возраженіе, взять съ него пять рублей пени, да при всемъ собраніи просить ему у обиженныхъ прощенія» [81]. Кромѣ этого случая, нѣкоторые депутаты, внѣ коммиссіи, позволили себѣ странность, происходившую отъ непониманія своихъ обязанностей: они позволили себѣ подписывать на свое имя вмѣсто другихъ подаваемыя въ сенатъ челобитныя и доношенія и ходатайствовали за нихъ въ сенатѣ. Сенатъ велѣлъ черезъ коммиссію запретить имъ это [82]. Депутатъ, выбранный отъ приписныхъ къ Гороблагодатскимъ заводамъ крестьянъ, Ермаковъ, за взятыя имъ съ своихъ избирателей себѣ на прогоны по три копѣйки съ души и за прочія преступленія лишенъ депутатскаго званія съ отобраніемъ золотого депутатскаго знака и комисскаго наказа, оставленъ въ прежнемъ званіи, но впредь запрещено его выбирать къ какимъ-либо важнымъ государственнымъ дѣламъ. Таковъ былъ приговоръ сената. Императрица приписала: «А что принадлежитъ взысканія собранныхъ имъ денегъ, то оныя взыскать съ него тогда, когда сами крестьяне оныхъ требовать будутъ, ибо они столько же не имѣли должности слушать его приказовъ, сколько онъ давать имъ оные приказы [83]».

Екатерина имѣла право быть недовольною нѣкоторыми отдѣльными явленіями; но не могла не признать, что общая цѣль, съ какою она созвала коммиссію, была достигнута: «Коммиссія Уложенія, говоритъ она въ одной изъ своихъ записокъ, коммиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правило и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать.»

Екатерина имѣла право приписывать своему Наказу такое просвѣтительное и воспитательное значеніе для народа. Депутаты, созванные изо всѣхъ мѣстъ, изъ разныхъ сословій слышали Наказъ, пользовались имъ, утверждались на его словахъ въ своихъ мнѣніяхъ и спорахъ; но дальнѣйшее пользованіе имъ было ограничено. Въ сентябрѣ 1767 года сенатъ опредѣлилъ, по предложенію генералъ-прокурора, разослать экземпляры Наказа въ высшія учрежденія, въ департаменты сената, коллегіи и конторы ихъ, въ судный приказъ, въ канцелярію конфискаціи, но исключилъ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи; да и относительно высшихъ учрежденій въ указѣ говорится «чтобъ экземпляры Наказа содержаны были единственно для свѣдѣнія однѣхъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ, и чтобъ оные никому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даваны были, для чего и имѣть ихъ всегда на судейскихъ столахъ при зерцалахъ.» Присутствующіе въ этихъ высшихъ учрежденіяхъ должны были читать Наказъ въ свободное отъ текущихъ дѣлъ время, т.-е. по субботамъ, но при этомъ чтеніи могли находиться кромѣ нихъ только секретари и протоколисты [84]. Такимъ образомъ Наказъ былъ доступенъ только старшимъ и составлялъ запрещенную книгу для младшихъ; о немъ сдѣлано постановленіе, подобное тому, какое сдѣлано въ латинской церкви относительно св. Писанія. Найдено, что сочиненіе самодержавной государыни, и прошедшее чрезъ строгую цензуру подданныхъ, все еще содержитъ въ себѣ аксіомы, способныя разрушить стѣны, по выраженію Никиты Ив. Панина. Объясненіе такому распоряженію мы найдемъ въ сенатскомъ указѣ по поводу дворовыхъ людей и крестьянъ генерала Леонтьева, генеральши Толстой, бригадира Олсуфьева и подполковника Лопухина съ братьями. Эти дворовые люди и крестьяне подали императрицѣ челобитную на своихъ господъ. «Изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается, говоритъ указъ, что таковыя преступленія большею частію происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣвающихъ вымышленные ими *слухи о перемѣнѣ законовъ* и собирающихъ подъ симъ видомъ съ крестьянъ поборы, обнадеживая оныхъ исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды, которыя вмѣсто того тѣми поборами корыстуются сами, а бѣд-

ныхъ и незнающихъ законовъ крестьянъ, отвратя ихъ отъ должнаго помѣщикамъ повиновенія, приводятъ въ разореніе и въ крайнее несчастіе» [85].

При самомъ началѣ засѣданій коммиссіи объ Уложеніи, въ августѣ 1767 года сенату было доложено о возмущеніи заводскихъ крестьянъ. Мы видѣли, что изслѣдованіе объ общемъ почти возстаніи заводскихъ крестьянъ на сѣверовостокѣ, порученное сначала кн. Вяземскому, потомъ Бибикову, было окончено, возставшіе были усмирены, болѣе виновные наказаны, также наказаны и заводскіе прикащики, уличенные въ притѣсненіяхъ крестьянамъ, должная послѣднимъ заработная плата, удержанная прикащиками, взыскана, введено лучшее противъ прежняго и различное по различію мѣстности распредѣленіе работъ. Но неудовольствіе не могло прекратиться, ибо отношенія въ существѣ остались прежнія; подобныя изслѣдованія, при всей благонамѣренности слѣдователей, представляли чрезвычайныя затрудненія, и мы теперь, отдаленные слишкомъ вѣкомъ отъ событій, при обсужденіи результатовъ этихъ изслѣдованій должны быть очень осторожны. Для образца приведемъ показанія крестьянъ, жаловавшихся на демидовскихъ прикащиковъ: Первый показалъ: «въ прошломъ 59 году, когда не упомню, нарядчикъ ударилъ меня безвинно по головѣ полѣномъ одинъ разъ, я упалъ и едва очувствовался, а болѣе никакого битья не было.» Второй показалъ: «Били меня безвинно прикащикъ и его сынъ саженью немилостиво.» Третій: «Стегалъ меня батожьемъ за то, что на работу изъ дому пріѣхалъ не на срокъ.» Четвертый: «Въ заводской работѣ я не бывалъ и никто меня не бивалъ». Пятый: «При перекличкѣ опоздалъ и отмѣтили въ нѣтчики, и за то прикащикъ стегалъ меня кнутьемъ не весьма душевредно, но посредственно.» Шестой: «Сынъ прикащика налагалъ поденную работу чрезвычайную, которую сработать невозможно, и за то стегалъ меня батожьемъ немилостивно одинъ разъ, а болѣе того никто не бивалъ и постороннихъ свидѣтелей не было». Седьмой: «Прикащикъ билъ меня палками смертельно и изломалъ объ меня двѣ палки, а болѣе того никто не бивалъ.» Осьмой: «Прикащикъ сказалъ, будто пріѣздомъ опоздалъ и стегалъ меня батожьемъ весьма душевредно, такъ что нѣсколько дней наклоняться не могъ». Девятый: «Не повѣря моей болѣзни, прикащикъ стегалъ меня

батожьемъ нещадно, отъ котораго стеганья наиболѣе занемогъ и лежалъ съ недѣлю». Десятый: «Стегалъ меня плетьми весьма жестоко и приговаривалъ, чтобъ знать грозу Демидовскую». Нѣкоторые показывали, что лежали по 4 и по 8 недѣль больные отъ побоевъ. Показывали, что бывали смертные случаи отъ побоевъ. Но какія были средства удостовѣриться въ правдѣ показаній? обвиняемые запирались, запирались и на пыткѣ, отстраняя свидѣтелей, тѣхъ же заводскихъ крестьянъ, какъ свидѣтелей пристрастныхъ; выкапываніе труповъ и медицинское свидѣтельство было тогда невозможно, и судья рѣшалъ по своимъ соображеніямъ, могла ли приключиться смерть отъ показываемыхъ побоевъ, и если рѣшалъ, что не могла, то какія мы имѣемъ средства обвинять его въ рѣшеніи неправильномъ, въ потачкѣ притѣснителямъ? Признаемъ за русскими людьми, жившими сто лѣтъ тому назадъ, большую опытность въ этихъ вещахъ, чѣмъ какую имѣемъ мы, къ великому нашему счастію; признаемъ, если хотимъ быть сами справедливы и безпристрастны, что жалоба на побои весьма душевредные не могла производить на нихъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ теперь на насъ: вспомнимъ, что тѣлесныя наказанія, въ самыхъ тяжелыхъ формахъ, были въ общемъ употребленіи, считались необходимыми; еще наше поколѣніе помнитъ истязанія дѣтей въ школахъ, истязанія вполнѣ «душевредныя»: что же было за сто лѣтъ? Вспомнимъ, что въ это время только начали раздаваться голоса нѣкоторыхъ достойныхъ пастырей церкви противъ ужасныхъ истязаній, которымъ подвергалось духовенство въ монастыряхъ; всѣ эти душевредности встрѣчались по всей Россіи вездѣ, гдѣ только сильный, власть имѣющій приходилъ въ столкновеніе съ слабымъ, игуменъ съ простымъ монахомъ, учитель съ ученикомъ, господинъ съ слугою, хозяинъ съ работникомъ, договоримъ: отецъ съ сыномъ. Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ прикащиковъ за жестокія наказанія заводскихъ крестьянъ заставило бы сколькихъ людей переглянуться и поднять вопль, ибо и они должны были подвергнуться такому же преслѣдованію? Явленіе не было одинокимъ, выходящимъ изъ ряду.

Въ доказательство затруднительности положенія кн. Вяземскаго и Бибикова, затруднительности, которой подвергается и позднѣйшій изслѣдователь этихъ печальныхъ явленій, приведемъ

слѣдующій случай. Много жалобъ было на Демидовскаго прикащика, прапорщика Кулалеева. Вяземскій нашелъ въ немъ человѣка съ нечистою совѣстію, взяточника и удалилъ его отъ завѣдыванія приписными крестьянами; но уголовному наказанію онъ не подвергся, хотя была жалоба, что онъ въ 1760 году крестьянина Алексѣева, будучи въ Дубровѣ, невѣдомо за что изрубилъ саблею до смерти. Кулалеевъ отвѣчалъ на обвиненіе слѣдующее: «Села Котловки крестьянинъ Лѣтковъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что отрѣзавъ на рѣкѣ Камѣ паромъ, переѣхали воровскіе люди на горную сторону. Я, собравъ села Котловки крестьянъ, разослалъ ихъ для поиску воровскихъ людей, а самъ поѣхалъ съ другими крестьянами и въ лѣсу встрѣтилъ не вѣдомо какихъ людей ночью; стали ихъ ловить, одинъ изъ нихъ бросился на меня съ топоромъ и порубилъ мою лошадь, а я порубилъ его по плечу тесакомъ; порубленный побѣжалъ, крестьянинъ Талановъ его догналъ; онъ Таланова сшибъ съ ногъ; я побѣжалъ за нимъ пѣшкомъ, нагналъ; онъ бросился на меня съ топоромъ, а я, обороняясь, порубилъ ему ногу, отъ чего онъ упалъ и тутъ же на мѣстѣ умеръ. Между тѣмъ пойманы были товарищи убитаго, бѣглые заводскіе крестьяне, которые объявили, что и убитый тоже бѣглый заводскій крестьянинъ, Михайла Алексѣевъ Болонкинъ. Кулалеева оправдали [86]. Наконецъ затруднительное положеніе слѣдователей увеличивалось еще тѣмъ, что одни крестьяне возставали, а другіе оставались спокойными и отправляли свои работы, и возставшіе вооружались противъ нихъ, силою заставляя ихъ принимать свою сторону.

Но если положеніе Вяземскаго и Бибикова было крайне затруднительно, если мы не имѣемъ никакого права требовать отъ нихъ, чтобъ они поступали по понятіямъ и условіямъ не своего времени, а нашего, а потому не признавать ихъ заслуги, то съ другой стороны мы должны признать, что ихъ распоряженіями зло совершенно прекращено быть не могло. О средствѣ кореннаго исцѣленія болѣзни вопросъ былъ заданъ Екатериною: нѣтъ ли возможности замѣнить приписныхъ крестьянъ вольнонаемными рабочими? Понятно, что отвѣтъ былъ отрицательный, потому что еслибы эта возможность существовала, то крѣпостное право исчезло бы на всемъ протяженіи Россіи; при сохраненіи же

обязательныхъ отношеній работника къ хозяину никакія опредѣленія отношеній не могли принести всей желаемой пользы, даже при условіи постояннаго строгаго надзора и всегда справедливаго, безпристрастнаго рѣшенія споровъ; но возможно ли было требовать этихъ условій на отдаленныхъ окраинахъ при извѣстномъ печальномъ состояніи правосудія? Заводскіе крестьяне хотѣли вовсе не того, что имъ дали, они не хотѣли болѣе сноснаго опредѣленія обязательныхъ отношеній, они хотѣли полнаго увольненія отъ заводскихъ работъ, ибо ихъ положеніе было самымъ тяжкимъ видомъ крѣпостного права. Крестьянинъ-земледѣлецъ, какого бы корыстолюбиваго и жестокаго господина или прикащика судьба ему ни послала, все же оставался на своемъ мѣстѣ при своихъ обычныхъ занятіяхъ; тогда какъ заводская работа была по преимуществу работа «невольная, рабская» по выраженію самихъ крестьянъ; къ заводамъ приписывались крестьяне, жившіе отъ нихъ въ очень дальнемъ разстояніи, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, и должны были являться въ срокъ, должны были тратиться, разоряться для этихъ переходовъ, и въ случаѣ запаздыванія должны были готовиться къ наказанію, къ побоямъ отъ прикащика, болѣе или менѣе *душевреднымъ*, смотря по характеру и расположенію послѣдняго. Кромѣ того хозяинъ или прикащикъ стремились извлечь всевозможную выгоду изъ работника, находившагося совершенно въ ихъ рукахъ, прижать его, не доплатить, заставить проработать лишнее, продать ему дорогою цѣною необходимые предметы. Все это не могло пріучить крестьянина къ заводскимъ работамъ и постояннымъ его желаніемъ было освободиться отъ нихъ: мы видѣли, что первыя сильныя крестьянскія возстанія при Елисаветѣ были возстанія заводскихъ крестьянъ; мы должны ждать, что они не прекратятся и послѣ усмиренія ихъ въ первые годы екатерининскаго царствованія.

Лѣтомъ 1767 года пришли въ непослушеніе крестьяне, приписные къ Юговскимъ горнымъ заводамъ графа Ив.-Чернышева, заводчика Походяшина и покойнаго канцлера Воронцова. Солпкамская воеводская канцелярія нашла, что виновникомъ былъ премьеръ-майоръ Дервецкій, который приказалъ крестьянамъ ходить на одни соляные заводы. Сенатъ для усмиренія крестьянъ велѣлъ ѣхать съ военною командою генералъ-майору и главно-

му командиру надъ Гороблагодатскими и Кемскими заводами Ирману. Въ октябрѣ мѣсяцѣ пришелъ рапортъ канцеляріи Главнаго правленія заводовъ объ упорствахъ и отбывательствахъ отъ работъ крестьянъ, приписныхъ къ Аннинскому заводу гр. Чернышева, Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ; канцелярія писала, что никакой надежды къ утишенію возстанія нѣтъ и она обратилась за помощію къ казанскому губернатору. Въ томъ же мѣсяцѣ подали просьбу въ сенатъ содержатель Рязанской игольной фабрики Рюминъ и компаньонъ его бригадиръ князь Килдишевъ, что мануфактуръ-коллегія освободила ихъ крѣпостныхъ людей, содержавшихся по обвиненію въ непослушаніи, отъ чего на ихъ фабрикѣ произошло еще бо̀льшее неповиновеніе и озорничество; челобитчики писали, чтобъ велѣно было усмирить крестьянъ военною командою. Сенатъ велѣлъ послать команду и приказалъ дать знать коллегіи, что она поступила весьма неблагоразсудительно и неосторожно, освободивши означенныхъ крѣпостныхъ людей безъ всякаго удовольствія ихъ владѣльцу, сдѣлавъ распоряженіе, чтобъ ихъ употреблять только на игольной фабрикѣ, а не посылать на желѣзный заводъ для тяги проволоки. Коллегія отвѣчала, что она отослала крестьянъ въ исполненіе указа не держать долго колодниковъ, поручивъ рязанской губернской канцеляріи разсмотрѣніе дѣла о ихъ виновности; что же касается распоряженія ся ходить крестьянамъ только на игольную фабрику, то иначе произошла бы смута: игольная фабрика подвѣдомственна ей, а желѣзный заводъ бергъ-коллегіи. Въ концѣ года Ирманъ донесъ, что возмутившіеся крестьяне пришли въ послушаніе и обязались идти на заводскія работы, кромѣ 37 человѣкъ деревни Бурдаковой, приписныхъ къ Пыскорскому заводу. Сенатъ приказалъ: рекомендовать Ирману *секретно* поступать въ этомъ случаѣ съ такой умѣренностію, чтобъ крестьяне не могли имѣть предлога къ возмущенію. Рязанская губернская канцелярія донесла, что крестьяне игольной фабрики Рюмина за учиненныя ими противности наказаны, кто кнутомъ, кто плетьми и тѣмъ въ должное послушаніе приведены. Въ слѣдствіе донесенія воронежскаго губернатора о противностяхъ липецкихъ рабочихъ сенатъ приказалъ: такъ какъ по дѣлу видно, что непослушаніе заводскихъ рабочихъ бо̀льшею частію произошло и теперь происходитъ отъ притѣсненія упра-

вителями кн. Репнина, то послѣднему дать знать секретно, чтобъ онъ, безъ нарушенія собственной пользы постарался принять заблаговременно такія мѣры, благодаря которымъ рабочіе не имѣли бы прямыхъ причинъ къ жалобамъ, а для большаго успокоенія отрѣшилъ бы нынѣшнихъ своихъ управителей и опредѣлилъ другихъ, если только отъ этого не произойдетъ заводамъ его какого вреда [87].

Въ то самое время, какъ въ коммиссіи, созванной изъ всѣхъ концовъ Россіи для поданія императрицѣ «свѣта и свѣдѣнія» о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно, въ то самое время, какъ въ этой коммиссіи разныя сословія наперерывъ требовали себѣ права имѣть крѣпостныхъ людей, государыня подписывала приговоръ надъ явленіемъ, которое показывало, до чего можетъ доводить крѣпостное право, отдававши человѣка во власть другого человѣка. И это явленіе произошло въ средѣ тѣхъ людей, которые въ коммиссіи предъявляли свое исключительное право имѣть крѣпостныхъ людей, управленіе ими выставляя какъ школу, какъ приготовленіе къ высшимъ правительственнымъ должностямъ, причемъ указывали на свои большія средства нравственныя, на свое образованіе. Оказалось, что ужасное явленіе могло быть продолжительнымъ именно въ средѣ этихъ людей, потому что въ ихъ средѣ могло находить долгую безнаказанность.

Жена ротмистра конной гвардіи Глѣба Солтыкова, Дарья Николаева, овдовѣвши 25 лѣтъ, получила въ управленіе населенныя имѣнія, толпу крѣпостныхъ слугъ, и въ этомъ управленіи развила чудовищную жестокость: собственными руками она била безъ милости своихъ слугъ и служанокъ чѣмъ попало, припекала имъ уши разожженными щипцами, обливала кипяткомъ; по ея приказу, били, сѣкли дворовыхъ мужчинъ и женщинъ, забивали и засѣкали до смерти, и все за маловажныя вины по хозяйству. Злость Солтыковой, усиливаясь по мѣрѣ терзанія несчастныхъ жертвъ, доходила до бѣшенства: «Бейте до смерти, кричала она наказывавшимъ: я сама въ отвѣтѣ и никого не боюсь, хотя отъ вотчинъ своихъ отстать готова. Никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ!» Сознаніе безнаказанности, возможности по родственнымъ связямъ и богатству запугать и задарить судей, разнуздывало Солтыкову, и дѣйствительно, болѣе

шести лѣтъ жалобы на нее крѣпостныхъ оставались безъ послѣдствій, жалобщиковъ наказывали и отсылали назадъ къ госпожѣ, которая говорила имъ: «Вы мнѣ ничего не сдѣлаете; сколько вамъ ни доносить, мнѣ ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ». Наконецъ въ 1762 году дошла до Екатерины жалоба, что съ 1756 года Солтыковой погублено уже душъ со сто. Жалоба переслана была въ юстицъ-коллегію; началось слѣдствіе. Въ концѣ 1763 года коллегія представила, что Солтыкову «яко оказавшуюся въ смертныхъ убійствахъ весьма подозрительною, во изысканіи истины надлежитъ пытать». Мы видѣли, какую борьбу вела Екатерина противъ пытки. И тутъ она не хотѣла ее допустить, какъ средство вовсе не ведущее къ изысканію истины, и приказала: «Объявить Солтыковой, что всѣ обстоятельства онаго дѣла и многихъ людей свидѣтельство доводятъ ее до пытки, что съ нею дѣйствительно и послѣдуетъ, если она не принесетъ чистосердечнаго признанія. Между тѣмъ опредѣлить къ ней искуснаго, честнаго житія и въ божественномъ писаніи знающаго священника на мѣсяцъ, который бы увѣщевалъ ее къ признанію, и если и отъ сего еще не почувствуетъ она въ совѣсти своей угрызенія, то чтобъ онъ приготовилъ ее къ неизбѣжной пыткѣ; а потомъ показать ей жестокость розыска надъ приговореннымъ къ тому преступникомъ, и если еще и тогда чистосердечія отъ нея не будетъ, то представить ея и. в—ству, не объявляя ей о томъ послѣднемъ представленіи, и ожидать указа».

Эти средства не помогли: Солтыкова ни въ чемъ не призналась. Екатерина и тутъ не хотѣла употребить пытки. Сдѣланъ былъ повальный обыскъ, который указалъ на убійства; по этимъ указаніямъ подняты были дѣла о Солтыковой въ полицеймейстерской канцеляріи, сыскномъ приказѣ и тайной конторѣ, рѣшенныя въ пользу Солтыковой по взяточничеству присутствующихъ. Люди Солтыковой обвиняли ее въ убійствѣ 75 человѣкъ обоего пола; юстицъ-коллегія, по разсмотрѣніи дѣлъ, обвинила ее положительно въ убійствѣ 38 человѣкъ и оставила въ подозрѣніи относительно убійства 26 человѣкъ. Въ октябрѣ 1768 года послѣдовалъ высочайшій указъ сенату: «Разсмотрѣвъ поданный намъ отъ сената докладъ о уголовныхъ дѣлахъ извѣстной безчеловѣчной вдовы Дарьи Николаевой дочери, нашли

мы, что сей уродъ рода человѣческаго не могъ воспричинствовать въ столь разныя времена и такого великаго числа душегубства надъ своими собственными слугами обоего пола однимъ первымъ движеніемъ ярости, свойственнымъ развращеннымъ сердцамъ, но надлежитъ полагать, хотя къ горшему оскорбленію человѣчества, что она, особливо предъ многими другими убійцами въ свѣтѣ, имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую. Чего ради повелѣваемъ нашему сенату: 1) лишить ее дворянскаго названія и запретить во всей нашей имперіи, чтобы она ни отъ кого никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредь именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она нынѣ подъ карауломъ содержится, въ нарочно къ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день, вывести ее на первую (т.-е. главную, Красную) площадь и, поставя на эшафотъ, прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ юстицъ-коллегіи сентенцію, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ее стоячую на томъ же эшафотѣ къ столбу и прицѣпить на шею листъ съ надписью большими словами: мучительница и душегубица. 3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать промыслу Творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести оттуда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или Земляномъ городѣ, и тамъ, подлѣ которой ни есть церкви, посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерть ея содержать такимъ образомъ, чтобъ она ни откуда свѣта не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую (монашескую) подавать туда со свѣчею, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ее во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, откуда бы она могла оное слышать, не входя въ церковь». Солтыкова была заключена въ Ивановскомъ монастырѣ; въ 1779 году наказаніе смягчено: ее перевели изъ подземелья въ каменную пристройку къ церкви съ окномъ. Въ 1801 году Солтыкова умерла, и до сихъ поръ еще въ народѣ живетъ память объ ужасной Солтычихѣ [88].

Также безъ пытокъ особенная коммиссія производила дѣло о ливенскомъ помѣщикѣ, поручикѣ Мишковѣ, который, между прочимъ, обвиненъ былъ въ четверократной посылкѣ наряднымъ разбойническимъ образомъ крестьянъ своихъ, однодворцевъ и малороссіянъ въ домъ однодворца Писарева; въ двухъ пріѣздахъ и самъ онъ, Мишковъ былъ, грабилъ пожитки Писарева и домъ его совершенно разорилъ, а самого захватилъ въ домъ къ себѣ, и по приказу его Писаревъ сѣченъ батожьемъ; потомъ Мишковъ приказалъ однодворцу Пыхтину, бѣглому, крывшемуся у него крестьянину Никифорову, да солдату Медвѣдеву, напоя ихъ пьяными, переломить Писареву обухомъ ноги, что ими и сдѣлано, а самъ Мишковъ выкололъ ему глаза сапожнымъ шиломъ, отъ чего Писаревъ чрезъ девять дней и умеръ. Приказалъ однодворцамъ Жиляеву и Пыхтину живущаго въ домѣ его однодворца Енина убить до смерти, что ими исполнено, и проч [89]. Вдова тайнаго совѣтника Марья Ефремова, за смертное убійство крѣпостной своей дѣвки предана церковному покаянію [90]. Какое было обращеніе съ крестьянами серпейскаго помѣщика, отставного гвардіи поручика Шеншина, неизвѣстно; только ночью пріѣхали къ нему въ домъ невѣдомые люди съ ружьями и рогатинами, домъ разбили, его, жену и старосту умертвили; въ этомъ убійствѣ оказались собственные крестьяне Шеншина [91].

Въ 1768 году Казанскій губернаторъ донесъ объ усилившихся въ симбирскомъ уѣздѣ разбояхъ и смертоубійствахъ, причемъ представлялъ о малолюдствѣ тамошнихъ гарнизоновъ и надобности прислать еще военныхъ командъ. Сенатъ приказалъ: хотя и нарядить команды, но онѣ не поспѣютъ, а зимнее время и безъ командъ разбойниковъ разгонитъ, и потому послать указъ губернатору, чтобъ они во время ихъ зимняго укрывательства самими обывателями и находящимися тамъ командами были переловлены. Такъ какъ видно, что крестьяне и помѣщичьи служители, при нападеніи разбойниковъ на домы господъ и ихъ самихъ, не даютъ имъ никакого отпора, несмотря на то, что превосходятъ многолюдствомъ иногда во сто кратъ, убѣгая и укрываясь, предаютъ неповинную жизнь господъ на жертву свирѣпости и алчности разбойниковъ, для того обнародовать печатнымъ указомъ, что если впередъ крестьяне и служители, не взирая на свое многолюдство, отпора давать не будутъ, то безъ должнаго за

то денежнаго и тѣлеснаго наказанія не останутся. А чтобъ показать первое дѣйствіе указа, къ казанскому губернатору написать, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ его вѣдомства, гдѣ произошли разбои и смертоубійства, приказать изслѣдовать, и если гдѣ найдется, что крестьяне по одной своей холодности, а иногда и по злости, помѣщиковъ своихъ не защищали, въ такомъ случаѣ поступить съ виноватыми по законамъ [92]. Московскій главнокомандующій графъ Солтыковъ писалъ императрицѣ, что въ Москвѣ и около нея воровство и разбои сильно умножились [93].

Мы видѣли, что депутаты въ коммиссіи объ Уложеніи приписывали разбои бѣглымъ крѣпостнымъ. Мы видѣли также, что помѣщики пограничныхъ областей жаловались на бѣгство крестьянъ ихъ въ остзейскія провинціи. Но жалобы были обоюдныя. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ представилъ сенату докладъ, что остзейскіе дворяне жаловались ему на невыдачу имъ ихъ бѣглыхъ изъ новгородской губерніи, преимущественно изъ псковской провинціи, хотя они точно знаютъ о мѣстахъ ихъ укрывательства; все затрудненіе происходитъ отъ того, что бѣглыхъ безъ суда взять нельзя, и если бѣглые изъ Лифляндіи и Эстляндіи примутъ вѣру греческаго исповѣданія, то ихъ уже къ старымъ помѣщикамъ не возвращаютъ, а крѣпятъ за кого пожелаютъ изъ русскихъ. По мнѣнію Сиверса, надобно было бы съ обѣихъ сторонъ выдавать бѣглыхъ безъ суда, не взирая на то, что приняли греческую вѣру, ибо въ Лифляндіи и теперь уже столько построено греческихъ церквей, что каждому принявшему это исповѣданіе, не далеко сходить въ городъ или къ полковымъ церквамъ.

Сиверсъ подалъ сенату также любопытный докладъ о состояніи городовъ своей губерніи. «Городъ Псковъ, по своему красивому и очень удобному для торговли положенію, могъ бы быть въ другомъ состояніи и не возбуждать такой жалости. У меня нѣтъ словъ для выраженія моихъ чувствъ о разореніи этого города; скажу одно, что онъ такъ же несчастливъ, какъ и Великій Новгородъ и страдаетъ тою же чахоткою. Какъ въ одномъ, такъ и другомъ почти равныя причины разоренія, и не одни политическія, но и нравственныя: нравы такъ испорчены, что умноженіе человѣческаго рода почти пресѣклось. Во всѣхъ городахъ моей губерніи со второй по третью ревизію число жителей умно-

жилось до седьмой, а въ нѣкоторыхъ, гдѣ порядокъ и нравы добрые, до пятой и до четвертой части противъ прежняго; только въ Новгородѣ и Псковѣ цѣлая треть убыла; во Псковѣ чрезъ 150 лѣтъ почти ни одного жителя посадскаго не останется. Способы къ устраненію этого зла: 1) Увеличеніе числа купцовъ переводомъ ихъ изъ пригородовъ. 2) Включеніе въ купечество или въ цехи всѣхъ государственныхъ и экономическихъ крестьянъ, которые живутъ въ городѣ и подгородныхъ слободахъ. 3) Выводъ одного полка въ другой городъ; ибо почти невѣроятно, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ 450 душъ купечества, квартируютъ два пѣхотныхъ полка. 4) Учрежденіе банка для уничтоженія разорительныхъ займовъ у нарвскихъ конторъ.—Каменный домъ провинціальной канцеляріи во Псковѣ развалился, и я уже третьяго года приказалъ канцелярію изъ него вывесть въ обывательскій. Воеводскаго двора совсѣмъ нѣтъ, и воевода живетъ въ такомъ ветхомъ обывательскомъ домѣ, что мнѣ стыдно и не безъ страха было въ него войти. Я нашелъ изрядную гарнизонную школу, построенную комендантомъ.—Городъ Островъ сущая деревня, имѣетъ около 120 душъ купечества; въ воеводскомъ домѣ только сороки да вороны живутъ, ни площади, ни лавокъ не нашелъ. Въ Холмѣ я внезапно вошелъ въ соляной амбаръ, и велѣлъ считать кули съ солью; по запискамъ значилось въ наличности около 7000 пудовъ, а оказалось только около тысячи, остальные были въ раздачѣ почти всему посаду до священниковъ заимообразно. Въ Холмѣ болѣе 700 душъ и только одинъ умѣетъ писать. Торопецъ лучшій городъ во всей новгородской губерніи. Хотя торопчане имѣютъ дурную славу, что много товаровъ провозятъ безъ пошлины, однако доходы ближнихъ таможенъ доказываютъ, что нѣкоторые, и лучшіе изъ нихъ, поступаютъ какъ добрые люди. Торгуютъ преимущественно шелковыми товарами, которые закупаютъ на ярмаркахъ въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Бреславлѣ и Лейпцигѣ, а нѣкоторые отправляютъ ленъ и пеньку въ Петербургъ. Едва одинъ купецъ успѣлъ построить каменный домъ, какъ полковникъ вступившаго въ городъ полка занялъ его какъ лучшій въ городѣ, а хозяинъ остался жить въ старомъ деревянномъ, послѣ чего никто уже другого каменнаго дома не заложилъ. Между воеводскою канцеляріею и магистратомъ я нашелъ великія несогласія, и въ обоихъ мѣстахъ болѣе

челобитчиковъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ. Воеводскій домъ такъ ветхъ, что въ немъ жить нельзя, и канцелярія не лучше. Острогу или тюрьмы совсѣмъ нѣтъ, а колодниковъ ставятъ попеременно по домамъ разночинцевъ взамѣнъ постоя, чего нигдѣ я не видалъ и не слыхалъ. Ржевъ Володимеровъ можетъ спорить съ Торопцомъ, одно худо, что между жителями капитальныхъ людей мало, вредятъ своей торговлѣ, занимая большіе капиталы у англичанъ и другихъ за весьма высокіе проценты. У нихъ великіе споры съ разночинцами, особливо съ пушкарями старыхъ службъ и съ ямщиками о земляхъ. Вкоренившійся здѣсь расколъ порокъ сему городу. Хуже всѣхъ городовъ Бѣлозерскъ. Я нигдѣ не находилъ, чтобъ магистратъ былъ дѣйствительно такимъ городскимъ опекуномъ какъ въ Торжкѣ. Тверскою канцеляріею я былъ доволенъ, кромѣ великаго числа колодниковъ; я замѣтилъ изъ вѣдомостей, что всегда двѣ трети колодниковъ ржевитяне, точно тоже и въ магистратѣ. — Купцы какъ сами безъ воспитанія были, такъ и дѣтей своихъ теперь не воспитываютъ. Торговля ихъ производится безъ всякаго порядка, рѣдко съ запискою, безъ книгъ и почти безъ счетовъ. Между ними нѣтъ довѣрія, которое составляетъ духъ коммерціи. Главнѣйшій вредъ купечеству кажется отъ подушнаго оклада; вмѣсто подушныхъ денегъ можно положить каждый городъ въ особый окладъ одной круглой суммы, а сей окладъ собирать съ имѣнія и съ торгу каждаго горожанина. Еще бы сему роду людей дало лучшія мысли, еслибы по уголовнымъ дѣламъ ихъ отъ розысковъ избавить. — О крестьянствѣ я долженъ вообще замѣтить, что оно еще болѣе заслуживаетъ жалости по незнанію грамотѣ, ибо это незнаніе подвергаетъ его множеству обидъ».—Для дворянъ Сиверсъ требовалъ выборной службы старшинами въ погостахъ для полицейскаго надзора, также службы въ званіи уѣздныхъ коммиссаровъ. Объ упадкѣ дворянскихъ родовъ вслѣдствіе раздѣла имѣній Сиверсъ говоритъ: «Я былъ въ одной деревнѣ, гдѣ въ 15 избахъ крестьянскихъ нашлись 17 помѣщиковъ, и весь народъ, который я нашелъ на жнитвѣ хлѣба, былъ благородный». [94].

Относительно духовенства произошло любопытное явленіе въ Тамбовѣ. Тамбовскій купецъ Александръ Поповъ подалъ въ синодъ челобитную за рукоприкладствомъ 106 человѣкъ, духов-

ныхъ и свѣтскихъ лицъ: просили о переводѣ находившаго прежде въ Тамбовѣ и переведеннаго въ Устюгъ епископа Пахомія опять назадъ въ Тамбовъ на мѣсто нынѣшняго епископа Ѳеодосія, переведеннаго изъ Устюга, и синодъ, найдя, что въ челобитной не выставлено никакой законной причины, сообщилъ сенату, что онъ сдѣлалъ опредѣленіе о духовныхъ лицахъ, подписавшихъ челобитную, а свѣтскихъ предастъ на разсмотрѣніе сената; при этомъ синодъ сообщалъ, что Пахомій уже переведенъ изъ Устюга въ Москву за старостію и слабостію. Сенатъ отрѣшилъ отъ должностей тамбовскаго, нижнеломовскаго и верхнеломовскаго воеводъ и воеводскихъ товарищей, приложившихъ руки къ челобитной. Епископъ Ѳеодосій по этому поводу доносилъ, что духовенство побуждаемо было къ рукоприкладству тамбовскимъ купцомъ Расторгуевымъ, который зазывалъ священниковъ къ себѣ и поилъ допьяна. [95].

Въ церкви въ описываемое время произошелъ еще любопытный случай: извѣстный владѣлецъ мѣдиплавильныхъ и желѣзныхъ заводовъ, пожалованный званіемъ директора этихъ заводовъ, Петръ Осокинъ записалъ себя въ расколъ съ женою, двумя малолѣтными пріемышами и съ нѣкоторыми дворовыми людьми. Сенатъ приговорилъ его къ лишенію директорскаго чина и написанію въ двойной подушный окладъ. Императрица написала на докладѣ сената: «Какъ мнѣ самой въ проѣздъ мой по Волгѣ случалось видѣть сего человѣка, который лѣтъ 80 отъ роду и слѣпъ, и хотя весьма добродѣтельнымъ человѣкомъ слыветъ, но въ разсужденіи его старости и дряхлости едва ли въ совершенной памяти, то надлежитъ взять отъ него отвѣтъ, знаетъ ли онъ подлинно о сей запискѣ его въ расколъ, и не воспользовался ли иногда кто его старостію и слѣпотою; а изъ того отвѣта можно будетъ лучшее заключеніе сдѣлать о его судьбинѣ». [96].

Сибирскій губернаторъ Денисъ Чичеринъ доносилъ, какъ производится обращеніе въ христіанство иновѣрцевъ его губерніи. «Проповѣдники отправлялись сначала на коштѣ и подводахъ иновѣрцевъ; но такъ какъ теперь это имъ запрещено, то они изыскали способъ ѣздить въ отдаленныя иновѣрческія жилища на подводахъ живущихъ по тракту церковныхъ причетниковъ. Къ иновѣрцамъ, живущимъ близь города большими деревнями они не заѣзжаютъ и во всю бытность мою ни одинъ изъ этихъ жи-

телей не окрещенъ; стараются они пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ проповѣдуютъ на русскомъ языкѣ такимъ людямъ, которые не слыхивали, какъ порусски говорятъ, и увѣщеваютъ къ крещенію всегда тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоя пьяныхъ или напугавши крестятъ, а какъ при крещеніи дѣйствуютъ, того неизвѣстно. Перекрестя, отъѣзжаютъ въ другія мѣста, на лошадяхъ и на издержкахъ новокрещенаго, оставивъ ему написанный на бумагѣ символъ вѣры, который этотъ христіанинъ безумно почитаетъ божествомъ, а что въ немъ написано, не знаетъ. Черезъ годъ и больше проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости, обвиняютъ въ отступничествѣ отъ вѣры христіанской, пугаютъ жестокими наказаніями и чрезъ то грабятъ безчеловѣчно; если же кто не даетъ, тѣхъ берутъ съ собою и на ихъ же подводахъ и коштѣ забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныхъ мѣстахъ ставятъ болвановъ, а потомъ сами же и сыскиваютъ. Священники этихъ дѣлъ сами рѣшить не могутъ, отсылаютъ въ высшій судъ, гдѣ происходитъ долголѣтнее разбирательство. Другой способъ къ грабительству: придутъ къ новокрещеному и если узнаютъ, что былъ покойникъ и погребенъ безъ священника или младенецъ некрещенъ, привязываются зачѣмъ долго не крещенъ, зачѣмъ безъ священника погребенъ? тогда какъ священникъ, по отдаленности, только въ нѣсколько лѣтъ разъ можетъ пріѣхать; точно также и вѣнчаться въ церковь ѣздить не могутъ, вѣнчаются по домамъ, а это служитъ главнымъ источникомъ взяточничества, привязываются, кричатъ о поруганіи вѣры, и если кто не откупится, долженъ ѣхать отъ 300 до 400 верстъ. Священникъ пріѣзжаетъ исповѣдывать: отецъ духовный поинородчески, сынъ духовный порусски ни слова не знаютъ; одна только пожива священникамъ. Этотъ безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ сибирскую митрополію человѣка, который бы могъ въ эти дѣла благоразумно вникать, и хотя крещеніе инородцевъ должно продолжать, однако въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ по близости церкви есть и учредить школы для образованія священниковъ изъ ино-

родцевъ, а въ отдаленныхъ мѣстахъ проповѣдь и крещеніе до времени оставить».

Въ слѣдствіе этого донесенія составлена была коммиссія изъ новгородскаго митрополита Димитрія, псковского епископа Иннокентія и Теплова. Они подали докладъ: смѣнить тобольскаго митрополита Павла какъ за нерадѣніе, такъ и по другимъ жалобамъ; избрать новаго лучшаго и дать ему отъ синода инструкцію относительно проповѣди: 1) Слово Божіе должно быть проповѣдуемо изъ одного евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ, не отягощая разума обращенныхъ преданіями св. отецъ, кромѣ самыхъ нужнѣйшихъ, каковъ символъ вѣры. 2) Три обязанности проповѣдника: учить, увѣщевать, напоминать; повелѣніе, угроза и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе есть насиліе совѣсти и злочестіе. 3) Не должно давать воли проповѣдникамъ ѣздить, куда захотятъ. Архіерей сочиняетъ планъ страны, гдѣ и какіе обитаютъ язычники, выбираетъ проповѣдниковъ благонравныхъ, особенно не корыстолюбивыхъ, трезвыхъ, разумныхъ и кроткихъ, и распредѣляетъ время и мѣста, когда и куда имъ отправляться. Начинать должно съ ближнихъ къ городу мѣстъ, дабы мало-по-малу вѣра расширялась. Новообращенныхъ не принуждать къ такимъ преданіямъ церковнымъ, которыя могутъ быть неудобоносимы для непривычныхъ; проповѣдники должны отдавать отчетъ архіерею. 4) Проповѣдникъ долженъ имѣть видъ человѣка не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго; проповѣдники отнюдь не должны прямой вѣры пополнять суевѣріемъ, разсказами о ложныхъ чудесахъ и откровеніяхъ. Проповѣдники не должны ничего брать, кромѣ пищи повседневной, и за ту платить. 5) Если проповѣдникъ языка инородческаго не разумѣетъ, то долженъ употреблять толмача; а впредь принимать изъ обращенныхъ въ семинаріи съ тѣмъ, чтобъ они никогда своего языка не забывали, или лучше и завести ученіе инородческихъ языковъ [97].

Изъ восточной степной украйны пришло извѣстіе, что киргизы собираются напасть на кочующихъ около Хивы трухменцевъ; русское пограничное начальство встревожилось, боясь, чтобъ киргизы, перемѣня намѣреніе, не напали на калмыковъ, и послало предупредить калмыцкаго намѣстника ханства, послало и въ саратовскую контору опекунства иностранныхъ, боясь

за нѣмецкія колоніи на луговомъ берегу Волги. Екатерина написала: «Вовсе сіи люди, кои сіе пишутъ, карту не знаютъ: яицкіе козаки покрываютъ калмыкъ, а калмыки поселенія, и такъ по пустому людей тревожатъ. Зри карту. Все сіе похоже на малороссійскія извѣстія, откудова неоднократно рапортовано, что король прусскій ѣдетъ брать непобѣдимаго города Кіева» [98].

Самозванство не прекращалось. Въ 1769 году бѣглый солдатъ Мамыкинъ на дорогѣ въ Астрахань разглашалъ, что Петръ III живъ, приметъ опять царство и будетъ льготить крестьянъ [99].

О Петрѣ III толковали и на астраханской дорогѣ и около Петербурга. При изложеніи дѣла Батурина [100] мы видѣли, что приговоръ о немъ не былъ исполненъ при Елисаветѣ. При Петрѣ III сенатъ хотѣлъ сослать его въ Нерчинскъ на работу; но императоръ велѣлъ оставить его въ Шлюссельбургѣ и давать лучшее содержаніе. Въ 1768 году солдатъ Сорокинъ, придя къ другому солдату Ушакову, вынулъ изъ кармана двѣ бумажки и говорилъ: «я былъ въ Шлюшинѣ (Шлюссельбургѣ) у одного колодника, который называлъ себя полковникомъ, у Іоасафа Андреевича Батурина; онъ отдалъ мнѣ эти двѣ бумажки и просилъ, чтобъ я одну маленькую подалъ государынѣ, а другую Петру Θедоровичу, и говорилъ мнѣ Батуринъ, что ежели я эти двѣ бумажки подамъ, то мнѣ будетъ великое награжденіе. Ушаковъ развернувъ сперва большую бумажку и увидя, что она писана къ бывшему государю, говорилъ Сорокину: «Пустое, вѣдь онъ давно уже умеръ; вѣдь ты помнишь, еще мы были въ походѣ, такъ тамъ это было уже извѣстно, что онъ подлинно умеръ». Но Сорокинъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, братъ, Батуринъ знаетъ планеты; смотря въ окошко изъ казармы на небо, указывалъ государеву планету и говорилъ, что онъ живъ и теперь гуляетъ, а чрезъ годъ или два сюда придетъ». Ушаковъ взялъ обѣ записки и маленькую искалъ случая подать императрицѣ, случая не находилось, и однажды, подравшись пьяный съ хозяиномъ квартиры, выронилъ обѣ записки на полъ: онѣ были подобраны и представлены куда слѣдовало. Ушаковъ показалъ о приведенномъ разговорѣ съ Сорокинымъ, а тотъ прибавилъ: «Батуринъ разсказывалъ караульнымъ, что онъ хотѣлъ Петра Θедоровича возвести на престолъ. Караульные говорили ему: если

ты такую услугу Петру Өедоровичу оказалъ, такъ для чего онъ тебя, пока живъ былъ, отсюда не освободилъ? Батуринъ отвѣчалъ: врете вы, государь не умеръ, а живъ, поѣхалъ гулять, а меня здѣсь оставилъ подъ видомъ; я по планетамъ знаю, что онъ живъ, планету вижу, и увидите, что онъ года черезъ два въ Россію возвратится». Сорокинъ признался, что взялъ бумажки отъ Батурина, чтобъ одну подать государынѣ, а другую Петру Өедоровичу, когда тотъ пріѣдетъ въ Россію. Послѣ этихъ открытій Батурина признали за лучшее удалить въ Камчатку; но мы еще должны будемъ упомянуть о немъ въ послѣдствіи.

Въ томъ же 1768 году лѣкарь Лебедевъ донесъ, что осьмнадцатилѣтній адъютантъ Опочининъ, сынъ генералъ-майора, выдавалъ себя сыномъ англійскаго короля и императрицы Елисаветы и составлялъ заговоръ свергнуть Екатерину съ престола и возвести великаго князя Павла Петровича, истребивъ Орловыхъ между которыми Екатерина будто бы хочетъ подѣлить Россію. Опочининъ объявилъ, что мысль о происхожденіи внушилъ ему корнетъ Батюшковъ, который говорилъ: «сказывала мнѣ покойная бабушка Анна Пребышевская, что когда былъ здѣсь англійскій посолъ, то въ его свитѣ былъ подъ именемъ кавалера посольства самъ король англійскій». Батюшковъ оговорилъ конной гвардіи берейтора Штейгерса, который будто намѣревался съ товарищами возвести на престолъ великаго князя, который знаетъ о ихъ намѣреніи чрезъ Панина; Штейгерсъ приглашалъ Батюшкова быть участникомъ заговора и уговаривалъ приглашать другихъ; Батюшковъ и пригласилъ майора Патрикѣева и Опочинина. Батюшковъ, по показанію Опочинина, говорилъ: «Өедоръ Хитровъ хотѣлъ было свергнуть государыню, да не удалось; сослали его въ деревню, да и Захара Григорьича (Чернышова) къ этому дѣлу примѣшали, за что и отставку ему дали; но послѣ видно онъ выправился, и такъ приняли его въ службу по прежнему; да даромъ что онъ выправился, онъ нашей партіи будетъ, по тому что онъ не Григорья Петровича сынъ, а сынъ Петра Великаго». Батюшковъ во всемъ признался. Штейгерсъ все сложилъ на Батюшкова, который говорилъ: «Больше мнѣ досадно на графовъ Орловыхъ, что они не помнятъ милости отца моего и сестру мою Кропотову выгнали изъ дворца,

а меня, противъ воли моей, отставили отъ службы». Батюшковъ признался, что первый началъ говорить о намѣреніи своемъ произвести такой же переворотъ, какой произвели Орловы. Преступленіе Батюшкова приписано пьянству и умопомѣшательству, онъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и ссылкѣ въ Мангазею съ производствомъ ему по 2 копѣйки въ день на содержаніе, а когда будетъ въ здравомъ умѣ, то заставлять работать; Опочинина, по молодости лѣтъ, также во вниманіе къ раскаянію его и службѣ отцовской, послать тѣмъ же чиномъ въ гарнизонъ на линію [101].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1766, 1767, 1768 годы.

Борьба съ Польшею за диссидентовъ.—Разрывъ съ Турціею.—Сношенія съ европейскими державами во время этихъ событій.

Въ то время, какъ Восточная Россія въ лицѣ своихъ депутатовъ слушала Наказъ и разсуждала о средствахъ улучшать свой быть,—народонаселеніе Россіи западной съ трепетомъ ожидало сокончанія борьбы, поднятой въ Польшѣ рѣшеніемъ той же составительницы Наказа, не успокоиваться до тѣхъ поръ, пока русскіе люди «придутъ въ законное положеніе по правамъ и справедливости». Такимъ образомъ и здѣсь и тамъ задача была одинаковая и разрѣшалась одновременно—но разными способами.

Мы видѣли, что диссидентское дѣло порывало старую связь между русскимъ дворомъ и князьями Чарторыйскими, которые издавна считались главами русской партіи въ Польшѣ.

2 января 1766 года Репнинъ писалъ Панину: «Во время бытности на охотѣ имѣлъ я случай говорить съ его величествомъ о духѣ владычества князей Чарторыйскихъ и о необходимой нуждѣ, чтобъ онъ наконецъ старался самъ господиномъ быть, а не вѣчнобъ въ зависимости ихъ остался. О сей матеріи я столько уже къ в. высокоп—ству писалъ, что стыдно мнѣ почти тоже все повторять, видя безплодность и неосновательность всѣхъ чинимыхъ мнѣ королемъ обѣщаній; и такъ не смѣю я, зная его слабость, и самъ вѣру имъ подавать, а доношу вамъ оное не съ увѣреніемъ, что оно исполнится, но болѣе какъ из-

вѣстіе. Его величество въ вышепомянутомъ разговорѣ меня всячески увѣрялъ, что онъ мѣры возьметъ, дабы изъ зависимости своихъ дядьевъ выйти, и что онъ уже имъ самимъ прямо объявилъ намѣреніе свое имѣть директную переписку во всѣхъ воеводствахъ съ главными тамъ живущими знатными людьми, дабы чрезъ нихъ имѣть картину состоянія и дѣлъ каждой провинціи, и чтобъ къ нему прямо адресовались тѣ, которые въ провинціальные чины производиться желаютъ и генерально всѣ, кои отъ него какую-либо милость получить хотятъ, а не чрезъ нихъ бы князей Чарторыйскихъ тѣхъ милостей просили, какъ то по сю пору дѣлается. Сей поступокъ конечно бы вскорѣ подрывъ силѣ Чарторыйскихъ сдѣлалъ и партизановъ ихъ къ королю привлекъ въ надеждѣ полученія отъ него разныхъ милостей: но твердость его въ сихъ случаяхъ такъ мала, что я не смѣю надѣяться, чтобъ онъ подлинно сей поступокъ въ дѣйствіе произвелъ, ибо по несчастію онъ себѣ въ голову ту надежду забралъ, что онъ своихъ дядьевъ резонами и ласкою убѣдитъ и приведетъ въ тѣ границы, въ коихъ подданнымъ быть надлежитъ; они жь, имѣя интересъ его въ когтяхъ держатъ, чтобъ самовластными быть, конечно отъ сего добровольно не отступятъ, которое я не оставилъ его величеству прямо и неоднократно уже доносить. Слабость его столь удивительна, что не узнаютъ его предъ тѣмъ, какъ онъ партикулярнымъ былъ человѣкомъ, и заподлинно мнѣ стороною извѣстно, что самъ Ржевускій въ крайней конфиденціи съ удивленіемъ отзывался, что онъ его предъ прежнимъ узнать со всѣмъ не можетъ, и еслибы думалъ, что онъ такъ слабъ будетъ, то бы присовѣтовать ему сіе высочайшее достоинство на себя не принимать; Ржевускій же сталъ усерденъ къ нашему высочайшему двору, чтобъ не могъ болѣе того быть, хотябъ дѣйствительно и подданный нашъ былъ, и въ томъ же самомъ видѣ всячески старается и къ прусскому королю въ доброе поведеніе здѣшній дворъ привесть, дабы здѣсь всегда потолику съ нимъ въ дружбѣ были, поколику онъ съ нами въ дружескихъ обязательствахъ находиться будетъ. И объ семъ я съ королемъ въ разговорѣ говорилъ, который утверждалъ, что король прусскій николи благосостоянія и нѣкотораго активитета Польшѣ не пожелаетъ; а я ему напротивъ изъяснялъ, что король прусскій на то согласится, если Польша захочетъ

ему доказать, что благосостояніе ея ему полезно быть можетъ чрезъ союзъ съ нею, въ которомъ она по многимъ вещамъ ему помощію быть можетъ, все сіе разумѣется поколь и сколько прусскій король съ нами дружески пребудетъ. Наконецъ и въ семъ разговорѣ его в—ство мнѣ обѣщалъ все то учинить, что за полезно и нужно Россіи покажется, увѣряя, что онъ конечно отъ нашей системы никогда нимало не отступитъ. Не знаю, твердо ль останется его в—ство въ вышеписанныхъ намѣреніяхъ. Въ совершенной его къ намъ преданности и въ его прямодушіи я ни мало не сумнѣваюсь и почти за оные отвѣчать осмѣливаюсь: но слабость его противъ дядьевъ несказанно велика, а они всегда дѣла замѣшиваютъ и замѣшивать будутъ, дабы тѣмъ навсегда нужными королю быть.»

Охлажденіемъ между русскимъ дворомъ и Чарторыйскими хотѣла пользоваться враждебная «фамиліи» партія и стала заискивать расположенія державы, могуществомъ которой было сокрушено. Великій казначей коронный графъ Вессель увѣрялъ Репнина, что воевода кіевскій, епископъ Краковскій, гетманъ польный, воевода Краковскій, маршалъ надворный, коронный и многіе другіе желаютъ только одного—быть въ русской партіи независимо отъ короля, что они не войдутъ ни въ какое обязательство съ другими иностранными дворами, если русскій дворъ возьметъ ихъ въ свое покровительство; но Россія за то должна защищать ихъ твердо и сильно противъ Чарторыйскихъ и прежде всего на будущемъ сеймѣ должна разрушиться генеральная конфедерація, на которую главнымъ образомъ опирается партія Чарторыйскихъ. Вессель просилъ Репнина какъ можно скорѣе дать ему отвѣтъ, чтобъ имъ заранѣе принять мѣры къ будущимъ сеймикамъ, если будутъ обнадежены русскимъ покровительствомъ. Репнинъ отвѣчалъ ласково, но въ общихъ выраженіяхъ, что русскій дворъ никогда не отказываетъ людямъ, которые съ истиннымъ усердіемъ прибѣгаютъ къ его покровительству, и что правосудіе и соблюденіе польскихъ правъ всегда руководили политикою Россіи; касательно же рѣшительнаго отвѣта Репнинъ просилъ подождать и дать ему время подумать и снестись съ своимъ дворомъ. Извѣщая объ этомъ разговорѣ съ Весселемъ, Репнинъ писалъ Панину: «Если *паче всякаго чаянія* найдемся мы въ той самой крайности, чтобъ особо партію свою

собирать независимо отъ короля, то оное безъ большой трудности учинить можно будетъ по великому числу недовольныхъ здѣшнихъ магнатовъ и въ томъ случаѣ надобно будетъ и письменно ихъ обязать, дабы не такъ легко они какъ прежніе наши здѣшніе друзья на всѣ стороны вертѣлись. Признаюсь же, что съ наичувствительнѣйшимъ оскорбленіемъ о семъ способѣ говорю, ибо оный нанесетъ несказанное неудовольствіе королю, который конечно преданъ намъ, но на сію преданность, по несчастію, считать не можно по чрезмѣрной его слабости, коей мы столько уже доказательствъ имѣли.»

Репнинъ напрасно употребилъ выраженіе: *«паче всякаго чаянія»*. Необходимость противодѣйствовать Чарторыйскимъ, опираясь на людей имъ враждебныхъ была очевидна для успѣха диссидентскаго дѣла. Конисскій все жилъ въ Варшавѣ, добиваясь управы; Репнинъ подалъ въ его пользу два меморіала польскому министерству, что сдѣлалъ замѣтивъ, что министерство не хочетъ оказать ему удовлетворенія, а виновникомъ этого нежеланія оказывался Чарторыйскій, канцлеръ литовскій: онъ настаивалъ, что въ этомъ дѣлѣ не нужно издавать королевскаго универсала, а надобно только разослать министерскія письма по уніатскимъ епископамъ, чтобъ они не притѣсняли болѣе греческаго исповѣданія, но извѣстно было, что подобныя письма не имѣли никакого дѣйствія; тотъ же Чарторыйскій сопротивлялся конфирмаціи привилегій православнымъ. Король, который прежде хотѣлъ дать Конисскому полное удовлетвореніе, сталъ колебаться.

Въ виду этихъ колебаній короля, которыя въ Петербургѣ приписывались Чарторыйскимъ, Панинъ писалъ Репнину, что предложеніе Потоцкихъ вступить въ непосредственную связь съ Россіею, заслуживаетъ полнаго вниманія; изъ поступковъ Фамиліи нельзя не заключить, что она мало думаетъ объ удовлетвореніи русскихъ требованій, особенно по диссидентскому и пограничному дѣламъ, что Фамилія думаетъ объ одномъ, какъ бы руководить королемъ, обращать все въ свою пользу и располагать дѣлами по своимъ мыслямъ и интересамъ. Теперь приходитъ время, когда король можетъ доказать на дѣлѣ, какъ далеко онъ намѣренъ способствовать видамъ и намѣреніямъ императрицы: диссидентское дѣло, будучи нераздѣльно соединено съ

благосостояніемъ нашихъ единовѣрныхъ, и потому интересуя въ высшей степени достоинство ея величества, будетъ служить намъ въ этомъ случаѣ прямымъ опытомъ искренности его польскаго величества, или слабости, въ которой онъ останется предъ своими дядьями. Если предположить первое, то необходимо предположить разрывъ между королемъ и князьями Чарторыйскими, слѣдовательно надобно заранѣе стараться вопервыхъ доставить ему другую опору, и вовторыхъ показать Чарторыйскимъ, какъ много они могутъ потерять, лишась русскаго покровительства. Если же король останется въ рукахъ фамиліи, въ зависимости отъ нея, то намъ нужно имѣть другія орудія, посредствомъ которыхъ можно было бы достигнуть желаемаго. «Поэтому, оканчивалъ Панинъ, рекоммендую вамъ привязать къ нашимъ интересамъ фамилію Потоцкихъ».

Репнинъ постоянно толковалъ о преданности и слабости короля; это могло возбудить подозрѣніе, не оказываетъ ли самъ посолъ нѣкоторой слабости въ слѣдствіе своей преданности Станиславу Августу, и рѣшили на помощь Репнину послать человѣка, который, по своему характеру, казалось, способенъ былъ съ достаточною силою высказать требованія своего двора и если не заставить короля и Чарторыйскихъ исполнить эти требованія, то, по крайней мѣрѣ, привести въ ясность отношенія: то былъ извѣстный уже намъ Сальдернъ. Мы познакомились съ голштинцемъ Сальдерномъ въ царствованіе Петра III-го, когда онъ, нося званіе конференцъ-совѣтника, назначенъ былъ уполномоченнымъ на берлинскій конгрессъ по датскимъ дѣламъ. Въ это время онъ выставлялъ себя человѣкомъ, вполнѣ преданнымъ Пруссіи; а послѣ 28 іюня 1762 г. мы видимъ его завѣдывающимъ голштинскими дѣлами и человѣкомъ, очень близкимъ къ Панину, который называлъ его своимъ другомъ. Сальдернъ умѣлъ поддѣлываться къ сильнымъ людямъ, принимая горячо къ сердцу ихъ интересы, усвоивая и развивая ихъ любимыя мысли. Такъ онъ заявилъ себя предъ Панинымъ горячимъ поклонникомъ любимыхъ мыслей его о сѣверномъ аккордѣ и объ уступкѣ Голштиніи въ пользу короля датскаго. Но Сальдернъ не пренебрегалъ и другими средствами для пріобрѣтенія благосклонности сильныхъ людей: такъ въ письмахъ къ Панину онъ называлъ его своимъ отцомъ и покровителемъ, говорилъ о своей невыразимой ра-

дости при видѣ подписи Панина, о небесномъ чувствѣ, какое онъ испытывалъ, находясь въ присутствіи Панина. Но этотъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываетъ, спѣшилъ вознаградить себя, когда былъ не въ присутствіи сильнаго, а самъ былъ сильнымъ; тутъ онъ давалъ всю волю своей раздражительной природѣ, и люди, обязанные имѣть съ нимъ дѣло, не испытывали въ его присутствіи небеснаго чувства.

Сальдернъ отправился въ Варшаву, и отъ 17 апрѣля писалъ Панину, сколько труда принялъ онъ, стараясь направить на настоящій путь короля и членовъ различныхъ партій. Сальдернъ выражалъ надежду, что король, по серіозному тону, съ какимъ онъ, Сальдернъ представилъ ему страшную будущность, сдѣлается осторожнымъ въ своемъ поведеніи, постояннымъ въ своихъ принципахъ, разъ признанныхъ вѣрными, и твердымъ въ ихъ проведеніи. Король далъ ему обѣщаніе не даваться въ руки своимъ дядьямъ, но въ то же время призналъ необходимымъ обуздывать и своихъ родныхъ братьевъ и друзей, которые дѣйствуютъ противъ Чарторыйскихъ. Сальдернъ передавалъ и отвѣтъ Чарторыйскихъ на его представленія и требованія, дѣлая которыя, онъ употреблялъ то ласку, то угрозы: «Мы до сихъ поръ думали, говорили Чарторыйскіе, что король, будучи молодъ, нерѣшителенъ и недовѣрчивъ къ своимъ собственнымъ средствамъ, нуждается, по крайней мѣрѣ для внутреннихъ дѣлъ, въ насъ, своихъ старыхъ друзьяхъ и родственникахъ, какъ руководителяхъ, и мы думаемъ, что такой взглядъ нашъ и справедливъ и умѣренъ, когда мы видимъ, что король, окруживъ себя новыми друзьями и молодыми людьми, слѣпо предался ихъ идеямъ и совѣтамъ. Мы часто имѣли случай противиться людямъ, которыхъ принципы намъ подозрительны и которыхъ совѣты вредятъ истиннымъ интересамъ короля и отечества. Наши лѣта, наше положеніе и благоразуміе не позволяютъ намъ добиваться презрѣннаго титула королевскихъ фаворитовъ. Пусть онъ имѣетъ сердечныхъ друзей и фаворитовъ сколько ему угодно, пусть раздаетъ имъ мѣста, осыпаетъ богатствами и благодѣяніями всякаго рода, лишь бы только это было не противно законамъ; пусть онъ съ ними забавляется: смѣшно было бы для насъ этимъ оскорбляться. Но когда мы видимъ, что эти молодые люди ослѣплены фаворомъ и поддерживаются средствами, которыя они упо-

требляютъ для возбужденія чувственности и безразсудства короля, то мы считаемъ своею обязанностію противиться имъ, хотя намъ никогда не приходитъ въ голову образовывать особую партію или отдѣлить свой интересъ отъ истинныхъ интересовъ короля и націи. Но какъ скоро мы увидимъ, что наши представленія будутъ безполезны и зло такъ сильно, что будетъ имѣть вліяніе на настоящее и будущее, то мы готовы покинуть государственную дѣятельность и оставаться спокойными зрителями. Мы убѣждены, что такое рѣшеніе и такое поведеніе не можетъ понравиться русскому двору, ибо рано или поздно, и особенно на будущемъ сеймѣ, вся вина можетъ пасть на насъ: интриги и хитрости нашихъ завистниковъ и враговъ никогда не перестанутъ портить дѣла съ цѣлію увеличить обвиненія противъ насъ».

Передавая эти рѣчи Чарторыйскихъ, Сальдернъ писалъ: «Если князья захотятъ искренне удалиться отъ дѣлъ, то найдется средство успѣть во всемъ и безъ нихъ, хотя это и нѣсколько замедлитъ дѣло; но если они захотятъ удалиться не одни, а увлекутъ за собою и всѣхъ своихъ сторонниковъ и сдѣлаютъ это вовсе не во время и съ горечью, то зло будетъ неминуемо и поведеніе ихъ испортитъ все на будущемъ сеймѣ, какъ на прошломъ сеймѣ испорчено было диссидентское дѣло, которому они не хотѣли добросовѣстно помогать. Мнѣ кажется надобно теперь ихъ щадить и держать при дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока не обнаружится ихъ поведеніе на будущемъ сеймѣ; если ихъ поведеніе окажется дурнымъ, то можно будетъ принять свои мѣры и предосторожности».

Репнинъ писалъ Панину, что пребываніе Сальдерна въ Варшавѣ было для него благодѣяніемъ и расхваливалъ изо всѣхъ силъ дѣятельность Сальдерна; но изъ его словъ выходило, что Сальдернъ, несмотря на все свое усердіе, не могъ ничего сдѣлать; поэтому Репнинъ былъ вполнѣ оправданъ и дѣйствительно долженъ былъ восхищаться присылкою Сальдерна и его неутомимою дѣятельностію. «Осмѣлюсь сказать, писалъ Репнинъ, что если пребываніе Сальдерна не исправитъ поведенія здѣшняго двора, то уже ничто на свѣтѣ его не исправитъ. Не было дня, въ который бы онъ не говорилъ королю самыхъ рѣзкихъ вещей на счетъ непослѣдовательности и слабости его поведенія; точно

также поступалъ онъ и съ князьями Чарторыйскими, чтобъ положить предѣлъ ихъ безмѣрному честолюбію и дать имъ понять, какія печальныя слѣдствія будетъ имѣть ихъ неисправимость. Онъ, подобно мнѣ, льстилъ себя надеждою, что можно ихъ помирить съ королемъ и его братьями; но это оказалось совершенно невозможнымъ. Г. Сальдернъ со всѣхъ сторонъ получилъ много обѣщаній и прекрасныхъ словъ: время покажетъ, что изъ этого выйдетъ, ибо, зная чрезвычайную слабость короля, я не могу надѣяться, чтобъ онъ когда-нибудь сдѣлался твердъ; точно такъ какъ не могу поручиться, чтобъ дядья снова имъ не овладѣли».

А между тѣмъ король рѣшился прямо дѣйствовать въ Петербургѣ, мимо Рѣпнина, для чего придумалъ отправить туда графа Ржевускаго, человѣка считавшагося совершенно преданнымъ Россіи. Репнинъ узналъ, что Ржевускому предписано домогаться вывода русскихъ войскъ изъ польскихъ владѣній, особенно по настоянію князя Михаила Чарторыйскаго. Репнинъ, въ разговорѣ съ Ржевускимъ, упомянулъ объ этомъ, не дѣлая вида, что навѣрное знаетъ объ инструкціи. Ржевускій признался, что дѣйствительно имѣетъ такое повелѣніе. Тогда Репнинъ съ удивленнымъ видомъ сказалъ ему, что вѣдь это противорѣчитъ тѣмъ мнѣніямъ, съ которыми и онъ Ржевускій былъ согласенъ, именно, что войска нужны для обузданія націи и для побужденія ея къ исполненію требованій по диссидентскому дѣлу. Ржевускій отвѣчалъ, что все это такъ, но что король дѣлаетъ только видъ, не будучи въ силахъ противиться представленіямъ своего министерства, которое основывается на просьбахъ, присланныхъ изъ всѣхъ угловъ Польши. Репнинъ писалъ по этому случаю Панину: «Желая полнаго успѣха на будущемъ сеймѣ, совершенною надеждою однакожь льститься не смѣю; въ случаѣ же неудачи думаю, что нужно будетъ ввести наши войска въ деревни противниковъ нашимъ намѣреніямъ, чтобъ уменьшить ихъ гордость, упрямство и кредитъ въ землѣ, ибо когда партизаны увидятъ что шефы ихъ не могли себя оградить отъ сего поступка, то натурально отъ нихъ отставать станутъ, не имѣя надежды, чтобъ они ихъ болѣе себя спасти могли. Я чрезъ сіе разумѣю двухъ стариковъ Чарторыйскихъ, которые одни въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ наши дѣла сдѣлать и испортить могутъ, тогда жь

уже по обстоятельствамъ увидимъ, если дѣла противъ желанія нашихъ рѣшатся, какимъ образомъ оное исправить, чрезвычайнымъ ли сеймомъ, новою ли конфедераціею или другимъ какимъ образомъ». Екатерина написала Панину на этомъ донесеніи: «Я думаю, что и сихъ стариковъ склонить можно дѣйствовать по нашимъ желаніямъ на будущемъ сеймѣ: поговорите о семъ со мной».

Панинъ отвѣчалъ, что императрица одобряетъ все сдѣланное Репнинымъ вмѣстѣ съ Сальдерномъ, и предписывалъ Репнину: присматривая съ крайнею осторожностію за поступками Чарторыйскихъ и возстановляя по возможности согласіе между ними и королевскими креатурами для приближающагося сейма и успѣха диссидентскаго дѣла, въ то же самое время тайно привлекать къ себѣ Потоцкихъ и другихъ противниковъ фамиліи въ виду того же диссидентскаго дѣла, внушать имъ по секрету, что такъ какъ это дѣло касается близко славы императрицы и пользы ихъ отечества, то содѣйствіемъ ему они пріобрѣтутъ благоволеніе императрицы, а слѣдовательно и могущественное вліяніе въ дѣлахъ Польши. Потомъ Панинъ предписывалъ не допускать никакого французскаго министра къ сеймовымъ дѣламъ.

Если всѣ усилія съ русской стороны клонились къ тому, чтобъ на будущемъ сеймѣ провести съ успѣхомъ диссидентское дѣло, то не дремали и враги этого дѣла. Масальскіе, до сихъ поръ такіе ревностные приверженцы Россіи, теперь объявили себя въ Литвѣ злыми врагами диссидентовъ, и Репнинъ распорядился отправленіемъ къ нимъ офицера съ увѣщаніемъ удержаться, если не хотятъ подвергнуться какимъ-нибудь непріятностямъ. Въ собственной Польшѣ врагомъ диссидентскаго дѣла явился краковскій епископъ Солтыкъ, который въ письмѣ своемъ къ королю прямо хвалился, что на будущемъ сеймѣ употребитъ всѣ усилія, чтобъ диссиденты не получили никакихъ правъ. «Я думаю, писалъ Репнинъ Панину въ концѣ іюля, я думаю, что сіе ему даромъ пройти не долженствуетъ, если мы не хотимъ поляковъ къ дерзости пріучить и поводъ дать слова наши не почитать, но подкрѣпляя ихъ дѣлами». Репнинъ просилъ позволенія ввести до сейма русскія войска въ деревни Солтыка: «Который образецъ, писалъ онъ, конечно приведетъ въ почтеніе наши здѣсь требованія, и всякій будетъ остерегаться имъ перечить; а между тѣмъ сіе движеніе

войскъ приблизитъ ихъ къ Варшавѣ, что и всѣмъ будущимъ въ Варшавѣ на сеймѣ въ нѣкоторое обузданіе служить станетъ. Я разсуждаю, что и въ Литвѣ нужно нѣсколько войска оставить также для образца надъ Масальскими, если они тоже свои развратные поступки продолжать будутъ».

Панинъ отвѣчалъ, что императрица соизволила на это представленіе. При этомъ Репнину приказывалось прямо объявлять всѣмъ, что диссидентское дѣло нераздѣльно соединено съ благосостояніемъ республики или съ весьма дурными послѣдствіями для тѣхъ, которые будутъ ему препятствовать. Императрица дружбу и доброжелательство свое къ существеннымъ польскимъ интересамъ поставитъ въ зависимость отъ того положенія, въ какое будутъ поставлены диссиденты на сеймѣ. Какія слѣдствія будетъ имѣть препятствіе успѣху диссидентскаго дѣла, это легко можно видѣть изъ того, чему подвергнутся Масальскіе и Солтыкъ; а если они и единомышленники ихъ не исправятся послѣ этого перваго поученія, то могутъ быть увѣрены, что на границахъ стоитъ 40,000 войска, которое тотчасъ будетъ введено въ Польшу и Литву, разставлено по деревнямъ противниковъ и содержано на ихъ иждивеніи, потому что императрица считаетъ диссидентское дѣло интересующимъ и собственную ея славу и прямое благо республики и непремѣнно желаетъ достигнуть его успѣха всѣми возможными способами, даже самыми сильными, дабы истребить препятствія въ самомъ ихъ источникѣ, т.-е. въ имѣніяхъ и лицахъ тѣхъ людей, которыя возбуждая волненія и безпокойства, становятся этимъ самыми сущими злодѣями своего отечества.

Станиславъ Августъ писалъ совершеннодругое Ржевускому въ Петербургъ: «Чѣмъ болѣе я думаю, писалъ король, тѣмъ болѣе нахожу дурною мысль провести диссидентское дѣло съ помощію оружія. Вопервыхъ, чтобъ сдѣлать мѣру дѣйствительною, надобно выставить большое войско; вовторыхъ, когда дѣла поведутся такимъ образомъ, то они станутъ для меня сѣменемъ Равальяковъ, а для диссидентовъ породятъ Варѳоломеевскую ночь... Диссидентское дѣло трудно, но не невозможно; ради Бога, чтобъ не было русскаго войска въ Польшѣ, чтобъ не было фразъ, доказывающихъ иностранное господство». Въ то же время Чарторыйскіе отправили къ Панину письмо, наполненное жалобами

на короля и на Репнина. «Признаемся, писали Чарторыйскіе, что съ величайшимъ прискорбіемъ видимъ мы исчезновеніе нашихъ лучшихъ надеждъ, исчезновеніе средствъ, дарованныхъ, казалось, Провидѣніемъ для того, чтобъ вывести Польшу изъ глубины золъ, въ которыя она была погружена. Вмѣсто счастливаго будущаго мы теперь предвидимъ одну смуту, если король будетъ окруженъ постоянно молодежью, которая, безъ опытности и системы, руководствуется одними страстями, портя самыя важныя дѣла по самымъ мелкимъ побужденіямъ, не разбирая средствъ для пріобрѣтенія королевской благосклонности; всякими хитростями злоупотребляетъ ежедневно умомъ и сердцемъ короля, раздражаетъ его, дѣлаетъ подозрительнымъ относительно тѣхъ, которые могли бы обратить его къ постоянной системѣ. Люди, окружающіе короля никогда бы не посмѣли дѣйствовать такъ открыто и смѣло, еслибъ они не льстили себя поддержкою Россіи въ слѣдствіе публичнаго, самаго явнаго покровительства и пріема, которыя оказываютъ имъ ежедневно князь посолъ, и въ слѣдствіе удаленія, которое онъ оказываетъ намъ безъ всякаго прикрытія. Мы принуждены вамъ сказать, что такое поведеніе князя Репнина перевернуло мысли большей части нашего народа, заставило думать, что одни дружескія связи и забавы вашего племянника не могли бы внушить ему такого пристрастія, еслибы политическая система Россіи была этому противна. Перспектива будущаго сейма приводитъ насъ въ ужасъ. Императрица конечно хочетъ добра Польшѣ и хочетъ дать намъ доказательства этого желанія своего, настаивая на диссидентское дѣло; ни одинъ образованный полякъ вмѣстѣ съ нами не сомнѣвается въ важности этого предмета для пользы страны; но подобныя дѣла во всякое время подвержены народнымъ предубѣжденіямъ, должны быть ведены искусными руками; тутъ надобно употреблять не чуждую силу, всегда унизительную для народа, а кротость, искусство пріобрѣтать довѣріе и уваженіе каждаго значительнаго лица въ государствѣ. Несмотря на наши усилія и намѣренія императрицы, дѣло безъ сомнѣнія не удастся, если самыя главныя пружины кротости и убѣжденія не будутъ употреблены искусно и настойчиво. Ни императрица, ни вы не будете свидѣтелями нашихъ дѣйствій, и легко будетъ насъ обвинять за 200 лье. Если люди, идущіе къ одной цѣли, не могутъ

устроить между собою точнаго соглашенія и не помогают взаимно другъ другу, то при лучшихъ намѣреніяхъ успѣхъ невозможенъ. Но какое можетъ быть соглашеніе, когда нѣтъ довѣрія, а довѣрія къ намъ нѣтъ въ сердцѣ князя Репнина, хотя мы не пренебрегли ничѣмъ для его пріобрѣтенія съ самого пріѣзда князя сюда. Мы съ удовольствіемъ увидали бы возрожденіе этого довѣрія благодаря вашимъ внушеніямъ».

Панинъ сообщилъ Репнину копію этого письма и копію отвѣта своего на него: въ самыхъ мягкихъ и красивыхъ выраженіяхъ было поставлено Чарторыйскимъ на видъ, что императрица имѣла полное право заподозрить ихъ поведеніе во время коронаціоннаго сейма: иностранные дворы давали знать, что они, Чарторыйскіе меньше всего помогали диссидентскому дѣлу и дѣйствительно удаленіе ихъ съ сейма подтверждало эти извѣстія. Если князь Репнинъ примѣшалъ сюда еще какую-нибудь личность, то онъ будетъ остановленъ, но императрица требуетъ, чтобъ они содѣйствовали какъ слѣдуетъ достиженію ея цѣлей, а этихъ цѣлей три: союзъ Россіи съ Польшею, возстановленіе правъ диссидентовъ и опредѣленіе границъ. На диссидентское дѣло императрица смотритъ какъ на пробу, по которой она узнаетъ ихъ расположеніе. Единственное время, въ которое это дѣло можетъ пройти путемъ кротости, есть время будущаго сейма: тутъ-то они должны показать свою преданность къ императрицѣ и къ отечеству, содѣйствуя успѣху дѣла мудростію своихъ совѣтовъ, своимъ значеніемъ въ государствѣ и своею опытностію. Что же касается опредѣленія границъ между Россіею и Польшею, то императрица поднимаетъ этотъ вопросъ вовсе не съ цѣлію увеличенія своихъ владѣній, но съ тѣмъ, чтобъ пограничные жители вышли наконецъ изъ этого первобытнаго состоянія людей, которые не знаютъ ни что твое, ни что мое, и которые сохраняютъ свою собственность только путемъ силы и насилія. Когда границы будутъ установлены, то ничто не помѣшаетъ тѣсному союзу между обоими государствами.

Репнину Панинъ писалъ, чтобъ онъ, возвращая Чарторыйскимъ свою довѣренность и увѣряя ихъ въ желаніи русскаго двора видѣть короля предпочитающимъ ихъ совѣты совѣтамъ молодыхъ людей, стремящихся къ достиженію своихъ частныхъ цѣлей, — въ то же время прямо далъ имъ выразумѣть, что императрица

видитъ въ королѣ неумѣренное стремленіе къ его собственному интересу, т.-е. къ нѣкоторому распространенію его власти, что будетъ тревожить людей, любящихъ свободу и возбуждать недовѣріе сосѣдей. Еслибъ возникъ вопросъ объ умноженіи войскъ республики, то Репнинъ долженъ разсуждать предъ Чарторыйскими, что они, какъ старики умные и искусные, должны знать, что увеличеніе военныхъ силъ происходитъ или во время войны съ слабыми сосѣдями, или во время упадка послѣднихъ; но Польша относительно своихъ сосѣдей не находится ни въ томъ, ни въ другомъ положеніи и конечно не захочетъ начать войну съ цѣлію увеличенія своего войска. Поэтому у нея нѣтъ другого средства къ возвращенію себѣ силы кромѣ союза съ державами, которыхъ собственная политическая надобность потребовала бы и ея усиленія. Репнинъ долженъ былъ обходиться съ Чарторыйскими ласковѣе, ибо, какъ ни разсуждать, все же фамилія Чарторыйскихъ должна служить лучшимъ орудіемъ при успѣшномъ окончаніи нашихъ дѣлъ съ Польшею: ея главы, канцлеръ литовскій и воевода русскій имѣютъ безспорно больше всѣхъ другихъ искусства и средствъ по своему кредиту; кромѣ нихъ не изъ кого выбрать человѣка, кому бы можно ввѣрить руководство дѣлъ и составленіе новой партіи.

«Конечно, отвѣчалъ Репнинъ отъ 21 августа, содѣйствіе князей Чарторыйскихъ на будущемъ сеймѣ необходимо, не потому, чтобъ можно было полагаться на ихъ прямодушное усердіе, но потому, что кредитъ ихъ очень великъ, и хотя сердце у нихъ дурное, но головы здоровѣе, чѣмъ у кого-либо въ этой землѣ. Изъясненія ихъ къ в. высокопр—ству не всѣ справедливы, какъ напримѣръ на счетъ королевскаго поведенія. Я вполнѣ согласенъ, что слабости и порывистости въ немъ чрезвычайно много, но не могу согласиться, чтобъ какое-нибудь хотя маловажное дѣло сдѣлано было безъ ихъ вѣдома; что же касается до моихъ отношеній, то конечно не одни забавы были причиною моего удаленія отъ нихъ, но ихъ двоедушіе и неблагодарность къ нашему двору. Поведеніе ихъ по полученіи вашего письма не перемѣнилось, все по прежнему ограничивалось холодною учтивостію: видно они ожидали, чтобъ я сдѣлалъ первый шагъ; я его сдѣлалъ».

Репнинъ отправился къ воеводѣ русскому съ увѣреніемъ о

возвращеніи ему довѣренности и благоволенія императрицы въ надеждѣ, что его усердіе и преданность будутъ вполнѣ соотвѣтствовать этой милости. Чарторыйскій отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности. Послѣ взаимныхъ комплиментовъ приступили къ дѣлу. Репнинъ просилъ воеводу открыть всѣ способы, которые могутъ вести къ успѣху въ диссидентскомъ дѣлѣ; воевода отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, но за успѣхъ дѣла не поручился: «Кто же первый станетъ говорить объ этомъ на сеймѣ?» спросилъ Чарторыйскій: «я по крайней мѣрѣ сдѣлать этого не осмѣлюсь». Репнина сильно оскорбили эти слова; онъ указалъ воеводѣ на важность слѣдствій неудачи дѣла, и прибавилъ, что если главные будутъ остерегаться открыто содѣйствовать успѣху дѣла, то меньшіе конечно не станутъ о немъ говорить. Чарторыйскій отвѣчалъ, что все свои границы имѣетъ. Потомъ Репнинъ началъ говорить о возмутительныхъ разглашеніяхъ Масальскихъ, епископа краковскаго и недавно присоединившагося къ нему епископа каменецкаго Красицкаго, спросилъ, не находитъ ли онъ полезнымъ расположить по ихъ деревнямъ русскія войска. Чарторыйскій отвѣчалъ, что такой поступокъ встревожитъ, оскорбитъ и отвратитъ всѣхъ отъ русской стороны и можетъ совершенно разрушить сеймъ. Чарторыйскій прибавилъ, что, по его мнѣнію, полезно вовсе вывести русскія войска во время сейма, ибо потомъ войска всегда могутъ возвратиться. Репнинъ замѣтилъ, что такъ какъ конфедерація еще существуетъ, то существуетъ и причина, приведшая русскія войска въ Польшу. Репнинъ окончилъ свое донесеніе объ этомъ разговорѣ такъ: «Остается теперь видѣть праводушіе и усердіе ихъ поступковъ на сеймѣ: и если на ономъ ласкою и привѣтствіемъ желаннаго конца не получимъ, то кромѣ силы доходить до онаго способовъ уже не останется.» Екатерина замѣтила: «Если они дали ему слово, то сдержатъ его».

21-го августа Репнинъ писалъ Панину, что въ Великой Польшѣ всѣ главные обѣщали поддерживать диссидентовъ, но препятствовали друзья одного изъ Чарторыйскихъ епископа Познанскаго, и когда Репнинъ сталъ жаловаться на это воеводѣ русскому, тотъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, не получалъ отъ брата никакихъ извѣстій. Репнинъ оканчивалъ письмо словами:

«Истинно исполненіе сего дѣла столь тяжело, столь запутанно и столь трудно, что я часто въ отчаяніе прихожу». Екатерина, защищая опять старшихъ Чарторыйскихъ, написала о познанскомъ епископѣ: «это дуракъ, котораго братья никогда не въ состояніи направить на путь истинный; шуты имѣютъ на него больше вліянія».

Репнинъ писалъ о Солтыкѣ, что онъ сносится съ иностранными государями, требуя ихъ помощи въ диссидентскомъ дѣлѣ, что по его вліянію на краковскомъ сеймикѣ католическая шляхта выгнала всѣхъ диссидентовъ; а Солтыкъ писалъ къ графу Григ. Григ. Орлову, что онъ ни мало диссидентовъ не притѣсняетъ, но Репнинъ въ разговорѣ съ его повѣреннымъ, грозилъ ему, епископу, Сибирью и секвестромъ его имѣній. Репнинъ оправдывался, что никогда ничего подобнаго не говорилъ, относительно же диссидентовъ слался на ихъ депутата Гольца, который отправлялся въ Петербургъ и могъ тамъ заявить, что нѣтъ несправедливости, какой бы не позволилъ себѣ противъ нихъ епископъ краковскій, и что ни въ одной епархіи такъ свирѣпо съ ними не поступаютъ.

Относительно Чарторыйскихъ Репнина лучше всего оправдала депеша Станислава Августа къ Ржевускому въ Петербургъ. «Вы знаете, писалъ король, что я давно уже и постоянно требовалъ у дядей своихъ, чтобъ они объяснили мнѣ свои распоряженія относительно сеймиковъ, изъ боязни, чтобъ ихъ повѣренные и мои, по незнанію, не противодѣйствовали другъ другу. Вы были свидѣтелемъ, какъ они всегда отклоняли это объясненіе, и вотъ именно случилось то, чего я боялся: на многихъ сеймикахъ выборы произошли двойные. Для меня важно, чтобъ г. Панинъ зналъ объ этомъ заранѣе, иначе дядья мои скажутъ русскому правительству, что дѣло не удалось въ слѣдствіе моего нежеланія войти съ ними въ соглашеніе и дать имъ достаточно вліянія. Для меня и для дѣлъ важно, чтобъ они узнали отъ другихъ, и не отъ меня (т.-е. чтобъ императрица велѣла имъ написать), что Россія будетъ стараться объ ослабленіи ихъ вліянія какъ въ странѣ, такъ и у меня, если они не станутъ мнѣ помогать и доставлять мнѣ вовсемъ удовольствіе вмѣсто того, чтобъ мнѣ противодѣйствовать какъ теперь. Я вамъ поручаю это, какъ дѣло чрезвычайной важности. Попросите г. Панина

моимъ именемъ, чтобъ онъ это сдѣлалъ и какъ можно скорѣе; мнѣ бы не хотѣлось начинать сейма безъ этого внушенія моимъ дядьямъ. Князь Репнинъ обходится теперь съ ними какъ нельзя лучше».

Внушеніе было сдѣлано. 10 сентября Панинъ написалъ Чарторыйскимъ, чтобъ они не щадили никакой заботы, никакого труда для успѣха диссидентскаго дѣла, ибо здѣсь представляется рѣшительный случай показать имъ свои намѣренія. «Не скрою отъ васъ, писалъ Панинъ, что одно ваше равнодушіе въ этомъ дѣлѣ и въ другихъ, относительно которыхъ императрица знаетъ и одобряетъ расположеніе короля, уничтожитъ въ принципѣ все добро, которое ожидалось отъ революціи, и событіе, на которое смотрѣли, какъ на источникъ счастія для вашего отечества, произведетъ только рядъ непріятностей для него, для короля и лично для васъ».

Сдѣлано было внушеніе Чарторыйскимъ; но должно было также сдѣлать и сильное внушеніе королю. Отъ 1-го сентября Репнинъ донесъ, что король прислалъ къ нему проектъ постановленія о диссидентахъ для будущаго сейма, и въ этомъ проектѣ онъ, Репнинъ, нашелъ много вредныхъ и неприличныхъ вещей, ибо что въ немъ говорится въ пользу диссидентовъ, то говорится глухо, въ общихъ выраженіяхъ, а противное подробно и ясно выражено, не упомянуто вовсе о диссидентскихъ церквахъ, о сохраненіи ихъ навсегда съ принадлежащими къ нимъ имѣніями, съ позволеніемъ поправлять ихъ и перестроивать; не изъяснены религіозныя права, обезпеченныя договорами, тогда какъ здѣсь надобенъ ясный законъ въ виду ябедъ со стороны польскаго католическаго духовенства и значительной части народа; наконецъ въ проектъ внесено, чтобъ диссиденты никогда не были допускаемы къ правительственнымъ должностямъ и гражданскимъ чинамъ. По настоянію Репнина Чарторыйскій, канцлеръ литовскій, взялся передѣлать проектъ, который однако безъ передѣлки уже былъ отправленъ въ Петербургъ къ Ржевускому для показанія Панину. Репнинъ писалъ послѣднему: «Думаю, прожектъ въ нѣкоторое удивленіе ваше высокопр—ство привелъ».

Слѣдствіемъ этого удивленія было письмо Панина къ Репнину отъ 18 сентября. «Поручаю вамъ, писалъ Панинъ, дать почув-

ствовать королю, что при тѣсной дружбѣ и искренней довѣренности государи такъ между собою не обходятся, какъ его польское в—ство поступилъ, что заставляетъ подозрѣвать желанія безпредѣльныя, недостатокъ искренняго довѣрія и стремленіе выигрывать время, проводить насъ пестрыми словами и двоякими обнадеживаніями; а между тѣмъ достигать только собственныхъ своихъ одностороннихъ видовъ. Такое поведеніе, обнаруживаясь все болѣе и болѣе, можетъ наконецъ принудить здѣшній дворъ разрушить генеральную конфедерацію и соединиться съ тѣми, которые хотятъ поставить сеймъ въ обыкновенный законный порядокъ, дабы уничтоживши на немъ большинство голосовъ, заградить королю всѣ пути усиливать себя далѣе къ нашему предосужденію. Тогда намъ удобнѣе будетъ составить конфедерацію изъ диссидентовъ и чрезъ нее дѣйствовать вооруженною рукою. Новомодные польскаго двора друзья и пріятели именно тутъ помогутъ: пока они будутъ льстить королю и собираться защищать его, мы успѣемъ кончить все и рѣшить на вѣки жребій нашихъ ложныхъ друзей, которые будутъ раскаиваться въ своей неблагодарности, да поздно. Прусскій король крѣпко у насъ домогается прекращенія генеральной конфедераціи, и потому польскій король долженъ поставить себѣ за необходимое правило, что не приведя нашихъ дѣлъ къ желаемому императрицею концу, нельзя ему и помышлять ни о какой для себя новой пользѣ, не только стремиться къ ней самымъ дѣломъ. Государыня императрица проникаетъ уже всѣ тонкости польскаго двора; и теперь она чувствительно тронута и оскорблена новою его хитростію, сшитою бѣлыми нитками: ибо въ то самое время когда манили насъ надеждою достиженія всего желаемаго, когда присланъ былъ проектъ опредѣленія на сеймѣ свободнаго отправленія диссидентскихъ религій,—не дождавшись отвѣта императрицы, который одинъ долженъ былъ положить мѣру, захотѣли озадачить насъ другимъ проектомъ сеймовой конституціи, которая наглымъ образомъ, торжественно и на вѣки отвергаетъ то, о чемъ ея в—ство больше всего старается. Изъ такого оскорбительнаго двоедушія императрица можетъ заключить одно, что хотѣли предупредить формальное съ нашей стороны требованіе гражданскихъ правъ для диссидентовъ. Надобно вамъ непремѣнно держаться правила,

чтобъ до приведенія диссидентскаго дѣла въ полное теченіе, король ничего важнаго въ пользу своихъ видовъ получить не могъ и такимъ образомъ до окончанія дѣла оставался у насъ въ уздѣ, тѣмъ болѣе, что теперь и его собственное и дядей его отвращеніе къ возстановленію диссидентовъ въ гражданскихъ правахъ начинаетъ открываться уже явнымъ образомъ; но императрица никогда не отступитъ отъ этого требованія. Старайтесь всѣми мѣрами собрать къ себѣ какъ можно больше диссидентовъ, въ томъ числѣ и изъ нашихъ единовѣрныхъ, если между ними есть способные люди; обходясь съ лучшими изъ тѣхъ и другихъ откровенно, приготовляйте и ободряйте ихъ надеждою сильнаго покровительства императрицы, пусть они подадутъ промеморію королю и сейму, въ которой бы, какъ вольные граждане, требовали возстановленія своихъ правъ».

Въ Петербургѣ непремѣнно хотѣли введенія диссидентовъ въ гражданскія права; въ Варшавѣ никто не имѣлъ никакой надежды достигнуть этого обыкновеннымъ, мирнымъ образомъ. Король писалъ Ржевускому: «Приказанія данныя Репнину ввести диссидентовъ и въ законодательную дѣятельность республики суть громовые удары для страны и для меня лично. Если есть какая-нибудь человѣческая возможность, внушите императрицѣ, что корона, которую она мнѣ доставила, сдѣлается для меня одеждою Несса: я сгорю въ ней и конецъ мой будетъ ужасенъ. Ясно предвижу предстоящій мнѣ страшный выборъ, если императрица будетъ настаивать на своихъ приказаніяхъ: или я долженъ буду отказаться отъ ея дружбы, столь дорогой моему сердцу и столь необходимой для моего царствованія и для моего государства, или я долженъ буду явиться измѣнникомъ моему отечеству. Если Россія непремѣнно захочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то пусть ихъ будетъ немного, 10 или 12, все же это будетъ 10 или 12 вождей законно существующей партіи, смотрящей на государство и правительство польское какъ на врага, противъ котораго она должна необходимо и постоянно искать помощи извнѣ. Я знаю, что это дѣло можетъ мнѣ стоить короны и жизни, я это знаю, но повторяю, что не могу измѣнить отечеству. Если въ императрицѣ осталось малѣйшее чувство благосклонности ко мнѣ, то есть еще время. Она можетъ дать при-

казанія Репнину, что если сеймъ уступитъ дисендентамъ въ другихъ ихъ требованіяхъ, но исключитъ ихъ изъ законодательства, то чтобъ онъ не двигалъ войскъ, находящихся въ Литвѣ и чтобъ не вводились новыя войска во владѣнія республики. Сила можетъ все—я это знаю; но развѣ употребляютъ силу противъ тѣхъ, которыхъ любятъ, чтобъ принудить ихъ къ тому, на что они смотрятъ какъ на величайшее несчастіе. Я не могъ рѣшиться написать это прямо императрицѣ; я побоялся чтобъ мое надорванное сердце и чрезвычайное волненіе моего духа не внесли въ мое письмо такихъ словъ, которыя вмѣсто смягченія могли бы раздражить ее. Но вы дѣлайте что можете. Погибнуть, ничего не значитъ, но погибнуть отъ руки столь дорогой—ужасно».

Репнинъ также ужасался: «Повелѣнія данныя по диссидентскому дѣлу ужасны, писалъ онъ Панину: истинно волосы у меня дыбомъ становятся, когда думаю объ ономъ, не имѣя почти ни малой надежды, кромѣ единственной силы, исполнить волю всемилостивѣйшей государыни касательно до гражданскихъ диссидентскихъ преимуществъ». Но Екатерина не ужаснулась и велѣла отвѣчать Станиславу Августу, что рѣшительно не понимаетъ, какимъ это образомъ диссиденты, допущенные къ законодательной дѣятельности, будутъ вслѣдствіе этого болѣе враждебно относиться къ государству и правительству польскому, чѣмъ относятся теперь; не можетъ понять, какимъ образомъ король считаетъ себя измѣнникомъ отечеству за то, чего требуетъ справедливость, что составитъ его славу и твердое благо государства. «Если король такъ смотритъ на это дѣло, заключила Екатерина, то мнѣ остается вѣчное и чувствительное сожалѣніе о томъ, что я могла обмануться въ дружбѣ короля, въ образѣ его мыслей и чувствъ».

Репнинъ продолжалъ повторять прежнія извѣстія: «Другого въ склонности публики въ диссидентскомъ дѣлѣ донести не могу, какъ то же, что и прежде доносилъ: всѣ противъ введенія диссидентовъ въ гражданскіе чины, слышать не хотятъ, чтобъ они могли быть на сеймахъ земскими послами, и много такихъ безумныхъ и безпутно-отчаянныхъ головъ, которые говорятъ, что лучше до крайности дойти и потерпѣть совершенное разореніе отъ русскихъ войскъ, чѣмъ согласиться на это». Репнинъ объ-

явилъ королю, что Россія требуетъ всѣхъ гражданскихъ правъ для диссидентовъ, исключая одного права быть сенаторами и гетманами; но если Россію заставятъ силою достигнуть этого, то можетъ быть тогда она не согласится и на это исключеніе. «Но вѣдь націю нельзя къ этому уговорить»? возражалъ король. —«Воля ея и. в. непремѣнна и во всей точности исполнена будетъ», отвѣчалъ Репнинъ. Король всячески его *оборачивалъ* и выспрашивалъ, подлинно ли это послѣднее слово съ русской стороны, подлинно ли русскія войска вступятъ въ Польшу, если диссидентское дѣло не пройдетъ на сеймѣ. Репнинъ увѣрялъ, что подлинно. Тогда король спросилъ его: «можете ли вы мнѣ поручиться, что если все требуемое вами будетъ исполнено, императрица будетъ совершенно довольна и далѣе этого дѣла не поведетъ?» Репнинъ отвѣчалъ, что можетъ поручиться. Чарторыйскіе говорили, что не видятъ почти способа заставить націю исполнить желаніе Россіи, но будутъ стараться объ этомъ по возможности, не отвѣчая за успѣхъ, который выше ихъ силъ.

19 сентября Репнинъ вмѣстѣ съ министрами прусскимъ, датскимъ и англійскимъ отправился къ Примасу, у котораго собралось все польское министерство. Представители четырехъ державъ объявили о соглашеніи между своими дворами дѣйствовать въ защиту диссидентовъ, въ слѣдствіе чего они, посланники, формально требуютъ возстановленія диссидентовъ во всѣхъ древнихъ правахъ и вольностяхъ и просятъ заранѣе донести объ этомъ его величеству. Примасъ отвѣчалъ, что исполнитъ ихъ желаніе, а король на дняхъ соберетъ всѣхъ присутствующихъ сенаторовъ для объявленія имъ объ этомъ. «Фанатизмъ, доносилъ Репнинъ, усиливается въ такой степени, что начинаютъ меня избѣгать, какъ нѣкогда избѣгали отлученныхъ отъ церкви; за столомъ пьютъ за здоровье защитниковъ католической религіи, причемъ разгоряченныя головы клянутся скорѣе погибнуть, чѣмъ допустить какое-нибудь улучшеніе въ положеніи диссидентовъ; а со стороны диссидентовъ никого еще до сихъ поръ здѣсь нѣтъ, чѣмъ я очень не доволенъ: нерадѣніе непростительное! Я ко многимъ писалъ и отвѣты имѣю, что будутъ, а между тѣмъ не ѣдутъ».

Скоро Репнинъ долженъ былъ донести въ Петербургъ, что отношенія опредѣлились: король и Чарторыйскіе прямо объяви-

ли, что не согласны на введеніе диссидентовъ не только въ управленіе, но и въ гражданскіе чины, готовы хлопотать только объ одной терпимости. Репнинъ отвѣчалъ Чарторыйскимъ, что если такъ, то онъ введетъ русскія войска въ деревню епископовъ краковскаго и виленскаго, чтобъ изъ этого примѣра и другіе увидѣли, что ожидаетъ противниковъ диссидентскаго дѣла. Чарторыйскіе сказали на это, что будутъ терпѣть разоренія и всѣ бѣдствія, но русскимъ требованіямъ по этому дѣлу удовлетворить не могутъ.

Угрозу нужно было исполнить, и 24 сентября Репнинъ писалъ въ Петербургъ: «Я рѣшился къ генералъ-майору Солтыкову отъ сего жъ числа повелѣніе послать вступить съ своимъ корпусомъ въ деревни епископовъ краковскаго и виленскаго, питаясь на ихъ коштѣ, ибо ничего уже хуже по диссидентскому дѣлу быть не можетъ, какъ то, что есть, а можетъ быть сей поступокъ импрессію сдѣлаетъ и что-либо поправитъ. Никакой надежды нѣтъ безъ употребленія силы въ семъ дѣлѣ предуспѣть: и такъ на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему дѣлу противна будетъ, но и всѣ головой, когда сверхъ всего духовенства и его инфлюенцій присовокупляются къ противникамъ король, князья Чарторыйскіе и ихъ партизаны, что уже въ себѣ все и заключаетъ.» На это донесеніе императрица отвѣчала рескриптомъ отъ 6 октября, что если на сеймѣ диссидентское дѣло не будетъ доведено до формальной съ нимъ, посломъ, и съ диссидентами негоціаціи, изъ которой бы резонабельныхъ плодовъ ожидать было можно, и если опять потерю всякой надежды должно будетъ приписать одному коварству стариковъ Чарторыйскихъ, въ такомъ случаѣ, опредѣля съ разборчивостію положеніе дѣлъ, употребить все стараніе къ разрыву генеральной конфедераціи и сейма, потому что Чарторыйскіе посредствомъ конфедераціи, при которой дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, хотѣли провести преобразованія. Въ самомъ началѣ должно прямо адресоваться къ тѣмъ изъ соперниковъ фамиліи Чарторыйскихъ, которые пріобрѣтенному ею въ дѣлахъ перевѣсу наиболѣе завидуютъ. *Нельзя сомнѣваться*, чтобъ такой въ мнѣніяхъ нашихъ оборотъ не произвелъ важной въ духахъ перемѣны, и чтобъ многіе изъ соперниковъ князей Чар-

торыйскихъ кои теперь диссидентскому дѣлу противны, не обратились на лучшія по оному мысли».

Но Репнинъ сильно сомнѣвался, и, прежде чѣмъ употребить насиліе, и окончательно разрывать съ Чарторыйскими, попытался въ послѣдній разъ уладить дѣло, уступивъ часть русскихъ требованій. Видя «струны столь туго натянутыя, что необходимо совсѣмъ порваться должны», онъ подалъ королю отъ себя совѣтъ, чтобъ онъ, для избѣжанія важныхъ послѣдствій, предложилъ императрицѣ ввести диссидентовъ въ одни гражданскіе чины съ исключеніемъ правъ быть земскими послами на сеймахъ. Король, повидимому, принялъ совѣтъ, и чрезъ нѣсколько времени показалъ Репнину свое письмо къ императрицѣ; но въ этомъ письмѣ онъ предлагалъ одну религіозную терпимость съ исключеніемъ диссидентовъ изъ всѣхъ гражданскихъ чиновъ. «Этого я не совѣтовалъ», сказалъ изумленный посолъ.—«А другаго я не могу представить», отвѣчалъ король. Репнинъ разсердился: «Ея и. в—ство, сказалъ онъ, всегда будетъ желать благосостоянія польской республики; но въ тѣхъ, которые будутъ противиться диссидентскому дѣлу, она видитъ злодѣевъ этой самой республикѣ, ея спокойствію и злодѣевъ своей собственной особы: изъ этого ясно, какъ будетъ поступлено съ этими людьми, и я начну съ епископовъ краковскаго и виленскаго, какъ первыхъ противниковъ дѣла и возмутителей здѣшняго покоя».—«Вы меня этимъ только оскорбите и нанесете мнѣ вредъ», сказалъ король.—«Очень жаль, если такъ, отвѣчалъ Репнинъ, но я долженъ наконецъ дать почувствовать на дѣлѣ гнѣвъ ея и. в—ства тѣмъ людямъ, которые пренебрегаютъ собственнымъ благосостояніемъ». Этимъ разговоръ и кончился.

«Причинъ сопротивленія князей Чарторыйскихъ я не могу понять, писалъ Репнинъ Панину: какимъ образомъ они рѣшаются испытывать всѣ бѣдственныя слѣдствія, не имѣя, по моему разсужденію, никакой надежды противиться нашей силѣ? Мысль о сопротивленіи можетъ запасть только въ вѣтреныя головы, которыя въ отчаяніи думаютъ найти твердость. Что же касается диссидентской конфедераціи, къ которой надобно будетъ прибѣгнуть въ крайности, то гг. Гольцы оказываютъ къ ней склонность и отвѣчаютъ за прочихъ диссидентскихъ вождей; но требуютъ не только войска въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ образовываться

конфедерація, но и денегъ для привлеченія и содержанія при себѣ бѣднаго дворянства, которое собственными средствами сдѣлать этого не въ состояніи. Конфедерація должна составиться вдругъ въ одинъ день въ четырехъ мѣстахъ: въ польской Пруссіи, въ Великой Польшѣ, въ Малой Польшѣ и Литвѣ, къ которой присоединятся и Греки (т.-е. православные). Русскаго войска здѣсь три баталіона, двѣ гренадерскія роты куринскаго полка, одинъ полкъ карабинеръ и полкъ чугуевскихъ козаковъ. Формальнаго сопротивленія и этимъ войскамъ я не ожидаю; но отвѣчать не смѣю за фанатизмъ частныхъ людей, соединенный съ безразсуднымъ бѣшенствомъ и пьянствомъ, которымъ нельзя положить правилъ. Диссидентовъ я здѣсь собралъ сколько возможно больше и подано отъ нихъ будетъ прошеніе; только отъ всѣхъ грековъ подпишется подъ нимъ одинъ бѣлорусскій архіерей, ибо никого изъ нихъ здѣсь нѣтъ, да по несчастію и привезти некого: почти все греческое дворянство въ такой бѣдности, что сами землю пашутъ. Что же касается пріисканія, въ случаѣ нужды, другихъ вождей нашей партіи, то, признаюсь, это дѣло очень трудное, и теперь ни одного способнаго человѣка къ этому не вижу, ибо изъ противниковъ фамиліи всѣ сколько-нибудь значительные люди, будучи преданы Австріи и Франціи, были намъ всегда противны, а теперь еще болѣе противятся по диссидентскому дѣлу».

Между тѣмъ король и Чарторыйскіе спѣшили провести на сеймѣ важныя для нихъ преобразованія. Въ самыхъ первыхъ числахъ октября на сеймѣ прочтенъ былъ проектъ, представленный отъ короля и министерства, по соглашенію съ Чарторыйскими и ихъ партіею, проектъ о порядкѣ рѣшенія на сеймѣ финансовыхъ дѣлъ. Въ проектѣ было сказано, что всѣ финансовыя дѣла должны всегда рѣшаться большинствомъ голосовъ, не исключая изъ финансовыхъ дѣлъ и наложенія новыхъ податей. Репнинъ, вмѣстѣ съ Бенуа, отправился къ Чарторыйскимъ и потребовалъ точнаго обозначенія дѣлъ, подлежащихъ такому рѣшенію. По мнѣнію Репнина и его прусскаго товарища подъ этими дѣлами надобно было разумѣть только порядочное и выгодное распоряженіе опредѣленными уже доходами, а не наложеніе новыхъ податей, ибо это дѣло не внутренняго распоряженія, а дѣло государственное, которое должно подлежать единогласному рѣшенію на сеймѣ. Чарторыйскіе возражали, что и

наложеніе новыхъ податей есть дѣло финансовое, слѣдовательно принадлежитъ къ разряду тѣхъ дѣлъ, которыя на созывательномъ сеймѣ отнесены къ дѣламъ казначейской коммиссіи. Репнинъ отвѣчалъ, что Россія и Пруссія не могутъ согласиться на такое толкованіе. Начался споръ, и канцлеръ литовскій, разгорячась, сказалъ, что поляки имѣютъ право дѣлать у себя такія постановленія, какія имъ заблагоразсудятся. «Вы властны, отвѣчалъ Репнинъ, дѣлать у себя все что хотите; а мы властны принимать только то, что мы хотимъ; вы можете свой проектъ подписать и внести въ конституцію нынѣшняго сейма; но въ исполненіи конечно встрѣтите сопротивленіе съ нашей стороны, ибо мы по сосѣдству должны наблюдать, чтобъ форма здѣшняго правленія не была измѣнена».—«Я бы лучше желалъ видѣть республику уже совершенно завоеванную, чѣмъ въ такой зависимости», сказалъ Чарторыйскій.—«На созывательномъ сеймѣ, продолжалъ Репнинъ, положено, чтобъ дѣла по военной коммиссіи, какъ и казначейскія, рѣшались также большинствомъ голосовъ: такъ вы пожалуй станете толковать, что вамъ можно большинствомъ голосовъ провести умноженіе войска»?—«Конечно такъ», отвѣчалъ Чарторыйскій.—«Нѣтъ, не такъ, сказалъ Репнинъ: такое толкованіе противно вашей главной вольности, заключающейся въ liberum veto, уничтоженіе которой позволить мы не можемъ; увеличеніе доходовъ и войскъ суть главнѣйшіе пункты въ государственныхъ дѣлахъ».—«Мы, говорилъ Чарторыйскій, не намѣрены теперь умножать войско, чтобъ не возбудить сомнѣнія въ сосѣдяхъ».—«Излишніе доходы, сказалъ Репнинъ, возбуждаютъ такое же сомнѣніе, ибо только этимъ путемъ можно достигнуть умноженія войска».

Отъ Чарторыйскихъ Репнинъ отправился къ королю, который толковалъ то же самое, что и дядья. Это заставило Репнина дать знать противной двору партіи, что Россія и Пруссія никакъ не согласны на королевскій проектъ и желаютъ, чтобъ единогласіе и liberum veto оставались во всей силѣ. Екатерина замѣтила на донесеніи Репнина: «Не худо насъ ищутъ обманывать, но по сему поведенію не останутся въ выигрышѣ».

Но въ диссидентскомъ дѣлѣ въ Петербургѣ позволили полякамъ имѣть нѣкоторый выигрышъ. 2 октября Панинъ писалъ Репнину: «Видя крайнее напряженіе дѣлъ, я такъ въ короткое

время другого сдѣлать не могъ, какъ, по усильнымъ убѣжденіямъ графа Ржевускаго чѣмъ ни есть безъ потерянія времени отозваться, ему сказалъ моею собственною идеею для приведенія дѣла какъ-нибудь къ переговорамъ и въ негоціацію, что надобно необходимо, чтобъ съ польской стороны намъ представлено было средствомъ къ тому допущеніе нашихъ единовѣрныхъ и диссидентовъ въ достоинствѣ дворянскомъ хотя къ однимъ чинамъ земскимъ, оставляя въ молчаніи всѣ тѣ чины, которые по существу своему составляютъ государственное правительство и лежислацію». Репнинъ отвѣчалъ, что уже отъ него было внушеніе, чтобъ хотя въ одни земскіе чины диссиденты были допущены; но всѣ поляки противъ этого и говорятъ только объ одной терпимости. Солтыкъ говорилъ на сеймѣ: «Мы должны начинать съ основанія, на которомъ единственно зиждутся наши права, вольности, благосостояніе; это основаніе — вѣра святая римская католическая. Горсть нашихъ согражданъ, отказывая въ послушаніи уставамъ республики, обвиняетъ насъ въ насиліяхъ, преслѣдованіяхъ, въ нарушеніи правъ и вольностей своихъ, обвиняетъ не передъ королемъ своимъ, не передъ чинами республики, не передъ судьями закономъ установленными: нѣтъ, несетъ свои жалобы далеко за границу, изложеніемъ неосновательныхъ претензій сыскиваетъ сосѣднюю помощь, возбуждаетъ на правительственныя въ республикѣ лица страшныя угрозы, цѣлому отечеству безчисленныя затрудненія. Дѣти приносятъ сосѣдямъ жалобы на собственную мать! Свидѣтельствуюсь Богомъ, что противиться ихъ претензіямъ заставляетъ меня ни месть, ни частная къ кому-либо ненависть, ни фанатизмъ, но обязанность добраго католика, епископа и вѣрнаго своему отечеству и королю сенатора. Католикъ, я у самихъ диссидентовъ учусь ревности по вѣрѣ предковъ моихъ: если они осмѣливаются распространять только терпимыя у насъ секты, то какъ же я буду стыдиться, или бояться защищать господствующую религію въ свободномъ государствѣ? Какъ епископъ, чувствую обязанность защищать Христовыхъ овецъ отъ заразы еретическихъ ученій; какъ сенаторъ, соблюдаю присягу совѣтовать республикѣ и королю одно полезное, отвращать вредное. Будучи убѣжденъ, что единство религіозное существенно полезно каждому благоустроенному государству, разность же одноправныхъ религій безко-

нечно вредна, не могу безъ измѣны отечеству и королю позволить на увеличеніе диссидентскихъ правъ. Еслибъ я увидѣлъ отворенныя для диссидентовъ двери въ сенатъ, избу посольскую, въ трибуналы, то заслонилъ бы я имъ эти двери собственнымъ тѣломъ: пусть бы стоптали меня. Еслибъ я увидѣлъ мѣсто, приготовленное для постройки иновѣрнаго храма, то легъ бы на это мѣсто: пусть бы на моей головѣ заложили краеугольный камень зданія». Въ заключеніе Солтыкъ прочелъ проектъ сеймоваго постановленія, чтобъ впредь ни на одномъ сеймѣ никто не смѣлъ возбуждать диссидентскаго вопроса, подъ страхомъ жестокаго наказанія.

Въ то же время Солтыкъ разсѣвалъ слухи, что получилъ пріятное и ласковое письмо отъ графа Григорья Орлова, и что въ диссидентскомъ дѣлѣ русскія требованія вовсе не такъ тверды. «Я увѣренъ въ противномъ, писалъ Репнинъ, и этимъ утверждаюсь только въ томъ правилѣ, что полякъ и лжецъ суть синонимы. Долженъ я по ревности къ службѣ донесть, что употребленіе силы часъ отъ часу нужнѣе становится, не только для приведенія диссидентскаго дѣла, но и для прекращенія всѣхъ затѣваемыхъ ухватокъ; надобно опредѣлить формальнымъ трактатомъ или гарантіею границы всѣмъ этимъ государственнымъ матеріямъ и силу liberum veto; польскіе законы къ тому недостаточны, потому что они ихъ на всякомъ сеймѣ могутъ перемѣнять; а намъ необходимо нужно всѣ эти ухватки однажды навсегда уничтожить, если не хотимъ имѣть безпокойныхъ, а современемъ и опасныхъ сосѣдей». Затруднительность положенія и проистекавшее отсюда раздраженіе заставили Репнина сдѣлать слѣдующее признаніе: «Я съ оскорбительнымъ признаніемъ долженъ донести, что всѣ здѣшняго двора замашки происходятъ отъ попущенія нашего на созывательномъ сеймѣ, и что новость моя въ дѣлахъ въ то время хотя малою частію тому причиною, ибо, высоко уважая тогда проницательность и знаніе покойнаго графа Кейзерлинга, я совершенно полагался на нихъ и предавался его волѣ; а онъ, какъ теперь къ сожалѣнію, видно, обманутъ былъ двоедушіемъ нашихъ друзей и двурѣчными конституціями того сейма».

11 октября Репнинъ имѣлъ разговоръ съ королемъ въ третьемъ домѣ. Станиславъ Августъ, укоряя посла за сопротивленіе

его рѣшенію большинствомъ голосовъ финансовыхъ и военныхъ дѣлъ, спросилъ: «Куда же дѣвалась та надежда, которую вы подавали, чтобъ Польшу привести въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе, когда вы приступомъ къ этому ставите невозможное диссидентское дѣло?» Репнинъ отвѣчалъ, что въ проведеніи диссидентскаго дѣла невозможности не видится, а что надежда на поправленіе польскихъ дѣлъ тамъ же, гдѣ и прежде была, т.-е. надобно вести дѣло по соглашенію съ сосѣдями, положа границы всему, а безпредѣльно изъ полнаго кроить никто не дозволяетъ, не желая терпѣть вреда, что служитъ первымъ правиломъ во всѣхъ политическихъ системахъ.

Въ Петербургѣ также хорошо сознавали ошибку, ошибку не одного Кейзерлинга и Репнина; поняли, что въ то время когда хотѣли Чарторыйскихъ и Понятовскаго употребить орудіями для достиженія своихъ цѣлей, тѣ старались употребить Россію, русскую силу и вліяніе орудіями для достиженія своихъ цѣлей, для измѣненія польской конституціи; поэтому теперь раздраженію противъ *лукавыхъ* князей Чарторыйскихъ не было границъ, хотя еще очень недавно ихъ щадили. Панинъ писалъ Репнину, что прежде всего необходимо, сообща съ прусскимъ посломъ, разорвать генеральную конфедерацію для отнятія силы у Чарторыйскихъ; Панинъ предписывалъ, чтобъ во всѣхъ декларацiяхъ Репнина и диссидентовъ, король былъ пощаженъ, и вся вина складывалась на Чарторыйскихъ. Въ именномъ рескриптѣ императрицы Репнину говорилось: «Все ихъ съ нами обращеніе было коварное, которымъ они искали токмо по ступенямъ, нечувствительнымъ образомъ схватить то, въ чемъ теперь обнажились, думая, можетъ быть, что единожды ими сдѣланное насъ не подвигнетъ на дѣйствительное того разрушеніе. Повторяемъ вамъ прежнее наше повелѣніе о скорѣйшемъ разрывѣ генеральной конфедераціи и всего сейма, дабы и племянникъ и дядья осязательно видѣть могли, что мы не даемся лукавству ихъ въ обманъ, но паче, познавъ неблагодарность ихъ, хотимъ слѣдствія ея обратить къ собственному ихъ посрамленію и вреду». Король просилъ у Репнина выдачи 50,000 рублей, назначенныхъ ему въ субсидію; но Репнинъ отвѣчалъ, что по перемѣнившимся обстоятельствамъ, не можетъ выдать денегъ, безъ полученія новаго указа отъ своего двора. По этому поводу въ рескриптѣ говори-

лось: «Мы одобряемъ отвѣтъ вашъ королю, и приказываемъ объявить этому государю именемъ нашимъ, что мы съ крайнимъ удивленіемъ видимъ неожиданную перемѣну въ его поведеніи; мы видимъ теперь тщету всѣхъ его обѣщаній, которыя были дѣлаемы не для того, чтобъ быть исполненными, но для того одного, чтобъ внезапно схватить то, что ему надобно для односторонней своей пользы. Пусть онъ самъ разсудитъ, можетъ ли такое намѣреніе и такое поведеніе побудить насъ помогать ему; мы сами противъ себя погрѣшили бы, еслибъ дали ему въ руки новые способы противъ самихъ себя. Мы не можемъ довольно надивиться, какимъ образомъ онъ могъ такъ слѣпо отдаться въ руки лукавыхъ дядей своихъ, которые всѣ его поступки обращаютъ въ собственную пользу, чтобъ только сохранить и утвердить навсегда въ рукахъ своихъ полное надъ нимъ и надъ всеми дѣлами господство. Самимъ Чарторыйскимъ можете нашимъ именемъ сказать: пусть имъ кажется хитро придумано, что они, составивъ заговоръ противъ національной вольности, положили уничтожить ее постепенно, цѣпляясь отъ одного къ другому слову своихъ конституцій; но въ томъ они конечно не успѣли и не успѣютъ, чтобъ мы не проникли въ ихъ лукавство. Мы давно начали его чувствовать, но хотѣли до самой крайности убѣдить ихъ своимъ чистосердечіемъ и откровенностію. Мы знаемъ совершенно сущность и важность затѣваемаго ими введенія большинства голосовъ въ дѣлахъ перваго государственнаго предмета, составляющаго общую вольность и политику. Суетно имъ было ласкать себя надеждою, что могутъ, схватя этотъ предметъ такимъ образомъ при настоящей конфедераціи, скорѣе ополчиться противъ насъ по диссидентскому дѣлу. Нѣтъ, не противъ насъ можно было принимать имъ такія коварныя мѣры: ибо каждый сосѣдъ Польши легко согласится, чтобъ все ея правительство было составлено изъ диссидентовъ, а не согласится, чтобъ въ ней подати, налоги и умноженіе военной силы зависѣло отъ 40 или 50 креатуръ Чарторыйскихъ. А когда мы разъ получили такое представленіе о ихъ коварномъ предпріятіи, то имъ легко понять, какъ заставитъ насъ ему противодѣйствовать интересъ нашей имперіи, собственный нашъ долгъ и достоинство, и то безкорыстное и постоянное попеченіе, которое мы имѣемъ объ

истинной пользѣ польской республики и о твердомъ благосостоянiи каждаго ея члена».

Пересылая Репнину этотъ рескриптъ, Панинъ писалъ ему: «Настало теперь время явно прервать намъ всякую связь съ князьями Чарторыйскими и представить ихъ свѣту коварными людьми, въ скрытныхъ видахъ и намѣренiяхъ которыхъ мы никогда не хотѣли участвовать; настоящую конфедерацiю разрушить необходимо конечно съ тѣмъ, чтобъ подъ ея развалинами погребсти всѣ тѣ новости, которыя введены были Чарторыйскими въ управленiе польскаго государства. Ожидаю нетерпѣливо отъ васъ курьера съ извѣстiемъ, что далѣе произошло по сему дѣлу, какiе и съ какимъ успѣхомъ были вновь ваши подвиги и въ какомъ положенiи между тѣмъ остается дѣло о диссидентахъ. Прости, мой другъ, Боже, помоги тебѣ! Описывай ко мнѣ пространнѣе разговоры и разсужденiя съ каждымъ изъ новыхъ людей, съ которыми вы станете вступать въ связь, ихъ разумъ, характеръ, положенiе, дабы мнѣ можно было самому ихъ узнавать».

Но въ то время, какъ въ Петербургѣ съ такимъ гнѣвомъ относились къ Чарторыйскимъ, Репнинъ писалъ, что родные братья королевскiе, оберъ-камергеръ и генералъ поддерживаютъ въ Станиславѣ Августѣ нерасположенiе къ диссидентскому дѣлу гораздо сильнѣе, чѣмъ дядья его Чарторыйскiе; а въ дальнѣйшихъ донесенiяхъ посолъ увѣдомлялъ, что заводитъ новую связь съ Чарторыйскими для достиженiя предписанныхъ ему цѣлей, слѣдуя, какъ онъ выражался, той дорогѣ, которую сами Чарторыйскiе дали своими сомнѣнiями и неудовольствiями на короля, его братьевъ и на ихъ партiю. Король и его братья объявили, что скорѣе погибнутъ, чѣмъ отступятъ отъ продолженiя конфедерацiи и отъ сохраненiя большинства голосовъ по финансовымъ и военнымъ дѣламъ, а Чарторыйскiе поступили совершенно иначе. Видя невозможность провести преобразованiя не только вслѣдствiе сопротивленiя Россiи и Пруссiи, но и въ слѣдствiе сопротивленiя большинства Поляковъ, а съ другой стороны, желая показать русской императрицѣ свою преданность, желая показать, что они готовы служить ей во всемъ, что возможно, они отказались отъ проведенiя большинства голосовъ по извѣстнымъ дѣламъ. Вотъ почему Репнинъ и перемѣнилъ свои отзывы о Чарторыйскихъ.

Отъ 3 ноября онъ писалъ: «Главные члены противной двору партіи—изъ короны епископъ Краковскій (Солтыкъ), а изъ Литвы епископъ виленскій съ отцомъ (Мосальскіе), но зависимыхъ отъ себя людей никого не имѣютъ, или по крайней мѣрѣ, очень мало. Теперь они соединены однимъ неудовольствіемъ и упорствомъ противъ двора, чѣмъ я, сколько возможно, и пользуюсь въ своихъ предпріятіяхъ. Характеръ перваго (Солтыка) тщеславный, спѣсивый и наглый, а второго (Мосальскаго) тихій, но коварный, основанія жъ прочнаго ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ. Время покажетъ, кого намъ можно будетъ избрать вождями нашей партіи, ибо теперь диссидентское дѣло всѣхъ отвращаетъ отъ насъ; а между тѣмъ думаю, что Чарторыйскихъ менажировать надлежитъ».

Наконецъ и король объявилъ Репнину, что отступается отъ большинства голосовъ, наивно переспрашивая нѣсколько разъ, дѣйствительно ли со стороны Россіи будетъ употреблена немедленно сила, если бы польское правительство само не отказалось отъ большинства голосовъ. Разумѣется Репнинъ отвѣчалъ утвердительно. Потомъ Станиславъ Августъ началъ говорить, какъ бы онъ желалъ возстановить довѣренность и совершенное согласіе между Россіею и Польшею, которыя несчастными обстоятельствами теперь нарушены. Репнинъ отвѣчалъ, что всякій угождаетъ тому, въ комъ имѣетъ нужду, и другого способа нѣтъ для пріобрѣтенія дружбы. Король спросилъ: выступятъ ли русскія войска изъ польскихъ владѣній послѣ сейма? Репнинъ отвѣчалъ, что еще диссидентское дѣло можетъ задержать старыя войска и новыя привести. Король повторилъ прежнее, что хотя внутренно убѣжденъ въ надобности ввести диссидентовъ въ гражданскіе чины, но представленія объ этомъ никому сдѣлать не смѣетъ. Дѣйствительно, конференціи министерства съ епископами по диссидентскому дѣлу не вели ни къ чему. Тщетно Репнинъ толковалъ, что пунктъ свѣтскихъ правъ диссидентовъ духовенства не касается: король объявилъ ему, что безъ епископовъ дѣла рѣшить нельзя. (Противъ донесенія объ этомъ Репнина Екатерина написала: «Надобно бы постараться подкупить нѣсколько епископовъ: они привыкли копить червонцы»). Канцлеръ Литовскій сообщалъ Репнину, что министерство считаетъ нужнымъ назначить коммиссію для разбора диссидентскихъ претензій и

епископы на это согласны. Но Репнинъ понялъ, что этимъ хотятъ только затянуть дѣло и отвѣчалъ, что коммиссіи можетъ подлежать разборъ только судебныхъ дѣлъ, напримѣръ, какія церкви отнять у диссидентовъ и т. п., но что касается правъ церковныхъ и свѣтскихъ, то объ этомъ долженъ быть данъ рѣшительный отвѣтъ на нынѣшнемъ же сеймѣ. Между тѣмъ Репнинъ писалъ Панину, чтобъ тотъ ласково отозвался къ графу Ржевускому, и, если можно, и къ самимъ Чарторыйскимъ и маршалу коронному князю Любомірскому, за содѣйствіе ихъ въ дѣлѣ уничтоженія большинства голосовъ и разрыва конфедераціи, при чемъ особенно выставлялъ заслугу князя Адама Чарторыйскаго, служившаго главнымъ орудіемъ къ склоненію стариковъ на сторону посла. Большинство голосовъ было уничтожено въ сеймовомъ засѣданіи 11 ноября. Репнинъ по этому случаю писалъ Панину, чтобъ тотъ поздравилъ его съ успѣхомъ дѣла: «признаюсь, писалъ онъ, я очень доволенъ, исправивъ то, что было испорчено на конвокаціонномъ сеймѣ». Екатерина приписала: «И я также поздравляю его съ этимъ».

Но въ то же время Репнинъ давалъ знать о трудности диссидентскаго дѣла: «Успѣхъ его не въ силахъ короля и Чарторыйскихъ. Лучшее доказательство тому—уничтоженіе большинства голосовъ, проведенное ими. Неоспоримо, что это дѣло было имъ гораздо дороже и нужнѣе; но, видя разверстую пропасть, они сами раздѣлали то, что имъ было всего драгоцѣннѣе. Такъ они поступили бы и съ диссидентскимъ дѣломъ, еслибъ могли, тѣмъ болѣе, что относились къ нему гораздо холоднѣе, чѣмъ къ первому. Энтузіазмъ и сумасбродство, зародившіеся отъ внушеній духовенства и отъ нежеланія раздѣлить съ диссидентами коронныя выгоды, чрезвычайны. Король въ такомъ уныніи, что изобразить нельзя. Когда я подошелъ къ нему поблагодарить за содѣйствіе при уничтоженіи большинства голосовъ, то онъ вдругъ при всей публикѣ горько заплакалъ и ничего не былъ въ состояніи отвѣчать. Такая горесть доказываетъ, какъ онъ былъ привязанъ къ этому дѣлу: если онъ его уничтожилъ, то исполнилъ бы наши желанія и по диссидентскому дѣлу, еслибъ только могъ». Король горевалъ, а Чарторыйскіе увивались около Репнина, выставляя свою преданность къ Россіи, прося о возвращеніи прежней милости и наговаривая на короля: «Канцлеръ ли-

товскій со мною изъяснился, писалъ Репнинъ, что король часъ отъ часу болѣе къ нимъ недовѣрія имѣетъ, такъ какъ несогласіе ихъ умножилось въ семъ послѣднемъ сеймѣ чрезъ противность, которую они ему въ угодность намъ показали, и въ чемъ король не иначе согласился, какъ по необходимости. Канцлеръ прибавилъ, что увѣрясь въ согласіи, хотя принужденномъ, королевскомъ, нужно будетъ учредить всѣ пункты новаго союза (съ Россіею), которымъ они весьма желаютъ убавить требованія королевскія, коимъ онъ во многомъ лишности даетъ».

Сеймъ кончился 19 ноября: увеличено было жалованье войску, постановлено учредить военное училище; но требованіе державъ въ пользу диссидентовъ осталось безъ всякаго удовлетворенія. Вся Варшава съ нетерпѣніемъ ждала курьера изъ Петербурга съ отвѣтомъ на рѣшенія сейма, и Репнинъ умолялъ Панина, чтобъ отвѣтъ былъ присланъ какъ можно скорѣе: «Поспѣшность весьма нужна къ скрытности и успѣху диссидентскаго дѣла, если мы оное начинать хотимъ», писалъ онъ.

«Достоинство наше и истинные ввѣренной намъ отъ Бога имперіи интересы требуютъ привести единожды къ желаемому окончанію толь явно и торжественно начатое дѣло»—былъ отвѣтъ Екатерины. Дѣло могло быть кончено только диссидентскою конфедераціею. Диссидентовъ нужно было поддержать русскимъ войскомъ; но въ Петербургѣ хотѣли при этомъ попытаться «не удастся ли, раздѣливъ въ конецъ короля съ князьями Чарторыйскими, присвоить ихъ себѣ и, поставя ихъ шефами нашей изъ ихъ собственной тогда составляемой партіи, достигнуть желаемаго съ меньшимъ трудомъ и съ меньшими хлопотами». Такъ писалъ Панинъ Репнину. По его мнѣнію, Чарторыйскіе, будучи самыми знатными и богатыми людьми въ Польшѣ, больше всѣхъ должны бояться междоусобной войны, и такъ какъ они недовольны племянникомъ своимъ королемъ, то имъ можно предложить единственный способъ избѣжать всѣхъ предстоящихъ бѣдъ—созваніе чрезвычайнаго сейма, на которомъ должно удовлетворить диссидентскимъ требованіямъ и установить, подъ ручательствомъ Россіи, форму правительства съ вольностію голосовъ для обузданія властолюбія польскихъ королей и ихъ наперсниковъ. Панинъ требовалъ также отъ Репнина, чтобъ онъ попытался, нельзя ли, кромѣ диссидентской конфедераціи, поднять еще другія, нельзя ли

побудить гетмановъ, и особенно графа Браницкаго, по извѣстному его тщеславному характеру, приступить къ общимъ съ Россіею мѣрамъ. Каковъ бы ни былъ отвѣтъ князей Чарторыйскихъ, Панинъ писалъ, что съ русской стороны уже рѣшительно опредѣлены мѣры крайности, войска къ походу уже готовы и въ исходѣ февраля будущаго 1767 года дѣйствительно вступятъ въ польскія границы, направляясь тремя корпусами на Сендомиръ, Слуцкъ и Торнъ [102]. Еще въ іюлѣ англійскій посланникъ въ Петербургѣ Макартней доносилъ своему двору о словахъ Панина ему сказанныхъ: «Я скорѣе пожертвую 50,000 человѣкъ и брошу все, чѣмъ допущу неуспѣхъ въ польскихъ дѣлахъ» [103].

Повидимому въ дѣлѣ диссидентскомъ Россія дѣйствовала заодно съ союзницею своею Пруссіею; но въ дѣйствительности Фридрихъ II, кромѣ терпимости, не хотѣлъ доставлять диссидентамъ никакихъ другихъ выгодъ, вопервыхъ потому, что не хотѣлъ давать Россіи посредствомъ полноправія православныхъ большого вліянія на польскія дѣла; вовторыхъ, предвидѣлъ большія затрудненія, вмѣшательство католическихъ державъ, войну. Фридрихъ писалъ Бенуа: «Держите въ совершенномъ секретѣ, что въ сущности я не буду огорченъ, если диссидентское дѣло не удастся. Вы этого не обнаруживайте передъ русскими, дѣлайте видъ, какъ будто я очень сержусь, что всѣ труды, употребленные для успѣха этого дѣла, пропали даромъ. Было бы хорошо и выгодно, еслибъ вы заставляли извѣстныхъ людей работать противъ диссидентскаго дѣла, если только можно это дѣлать тайкомъ, чтобъ никто никакъ не могъ бы провѣдать, откуда это идетъ. Князю Репнину скажите учтиво отъ меня: я увѣренъ, что намѣренія императрицы клонятся къ спокойствію и миру; но я льщусь надеждою, что она не слишкомъ далеко будетъ вести диссидентское дѣло и не воспламенитъ новой войны по такому ничтожному поводу; я готовъ присоединять свои дружественныя представленія и декларація къ русскимъ по этому дѣлу, но не могу рѣшиться на мѣры насильственныя, которыя могутъ повредить общественному спокойствію». Бенуа поддерживалъ въ королѣ мысль, что осуществить русскія намѣренія относительно диссидентовъ невозможно: онъ писалъ: «Поляки начинаютъ усматривать, что они принуждены будутъ уступить силѣ; но они говорятъ въ одинъ голосъ, что русскія войска не

навсегда же останутся въ Польшѣ, и какъ только они выйдутъ, можно найти средство сдѣлать положеніе диссидентовъ въ тысячу разъ хуже, чѣмъ оно теперь, что ихъ истребятъ или выгонятъ. Католики уже обязываютъ другъ друга секретно къ этому».

Кромѣ польскихъ дѣлъ, Фридрихъ II былъ очень недоволенъ русскимъ кабинетомъ за то, что тотъ навязывалъ ему свою сѣверную систему, союзъ сѣверныхъ державъ въ противоположность союзу южныхъ, Франціи, Австріи, Испаніи. Особенно онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Россія хотѣла включить въ этотъ союзъ и Саксонію, существованія которой онъ не могъ переносить равнодушно. Въ апрѣлѣ графъ Сольмсъ подалъ ноту: «его в-ство король прусскій, полагая неоспоримымъ, что система государствъ, соединенныхъ фамильнымъ договоромъ (Австрія, Франція, Испанія) можетъ сдѣлаться опасною для спокойствія Европы, счелъ бы очень полезнымъ принять въ русско-прусскій союзъ всѣхъ государей, которые предложатъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею и Пруссіею противъ намѣреній домовъ бурбонскаго и австрійскаго. Но его величеству прусскому кажется, что, по настоящему положенію дѣлъ, мало государствъ и государей расположено войти въ эти виды: Саксонія въ полной зависимости отъ вѣнскаго двора, Баварія связана съ Австріею посредствомъ брака императора, духовные курфюрсты преданы австрійскому двору, потому что обыкновенно избираются изъ австрійскихъ фамилій; курфюрстъ пфальцскій зависитъ отъ Франціи; англійскій король, какъ курфюрстъ ганноверскій, имѣетъ собственную партію; герцогъ брауншвейгскій преданъ Англіи; гессенцы ждутъ, кто имъ больше заплатитъ; сомнительно, чтобъ голландская республика захотѣла вмѣшаться въ это дѣло въ слѣдствіе обширной торговли, которую городъ Амстердамъ ведетъ съ Франціею; Датчане не въ состояніи дѣйствовать, развѣ дадутъ имъ хорошія субсидіи; что же касается Шведовъ, то по извѣстному положенію ихъ разсчитывать на нихъ нельзя: его величество заключаетъ, что одна только Польша можетъ соединить свои интересы съ интересами русско-прусскими. Сольмсу Фридрихъ писалъ: «я вижу, что вы не вполнѣ входите въ виды моей политики: русскій союзъ для меня достаточенъ; ибо еслибы даже я не получалъ отсюда никакой

помощи во время войны, все же я выигрываю то, что Россія, будучи моею союзницею, не объявитъ себя противъ меня, и этого для меня достаточно. Что же касается англичанъ, то то они должны теперь опасаться французовъ и испанцевъ; заключить съ ними союзъ значитъ впутаться въ новую войну, отъ которой Пруссія не можетъ получить никакой выгоды, тогда какъ если я останусь въ союзѣ съ Россіею, то никто меня не тронетъ, и я сохраню миръ. Вотъ общія идеи, отъ которыхъ мнѣ вовсе не желательно удалиться, и я могу согласиться на союзъ съ Англіею только подъ условіемъ, что этотъ союзъ не обяжетъ меня ни къ чему, что бы могло нарушить спокойствіе въ Германіи».

Но въ Петербургѣ непремѣнно хотѣли удалить Фридриха отъ этихъ идей. Чтобъ склонить прусскаго короля къ сѣверной системѣ, Панинъ отправилъ къ нему Сальдерна, къ которому король былъ очень благосклоненъ со временъ Петра III. Сальдернъ долженъ былъ заѣхать въ Берлинъ по дорогѣ изъ Польши въ Данію, подъ предлогомъ увѣдомленія короля о ходѣ польскихъ дѣлъ, особенно о ходѣ таможеннаго дѣла, которое интересовало Фридриха болѣе, чѣмъ диссидентское. Король назначилъ 8 мая для пріема Сальдерна. Въ этотъ день Сальдернъ, вмѣстѣ съ Фалкенштейномъ, отправились въ Шарлотенбургъ. Вошедши въ королевскій кабинетъ, Сальдернъ нашелъ Фридриха II-го стоящимъ по срединѣ и началъ свою рѣчь: «Ея импер. в—ство всероссійское приказало мнѣ увѣрить ваше в—ство въ своемъ безграничномъ уваженіи (de son estime sans bornes) и въ своей непоколебимой дружбѣ (á toute épreuve), равно какъ отдать вамъ отчетъ, въ какомъ расположеніи я нашелъ короля и республику польскую относительно Пруссіи, особенно же изложить вамъ ея виды касательно многихъ вопросовъ, важныхъ для вашего в—ства и для нея».—«Я очень чувствителенъ, отвѣчалъ король, къ этому новому увѣренію въ дружбѣ со стороны императрицы. Я ничего такъ не желаю, какъ сохраненія этой дружбы; теперь безъ церемоніи пофилософствуемъ и пополитиканствуемъ». Сказавши это, Фридрихъ началъ ходить по комнатѣ, въ которой едва можно было сдѣлать шесть шаговъ впередъ. Сальдернъ хотѣлъ было оставаться на ногахъ по срединѣ кабинета, но король велѣлъ ему ходить съ собою.—«Ну какъ же распо-

ложены ко мнѣ въ Польшѣ?» спросилъ Фридрихъ. Сальдернъ отвѣчалъ, что король и все министерство расположены какъ нельзя лучше, и въ доказательство представилъ, что главная таможня приведена въ бездѣйствіе, а на будущемъ сеймѣ будетъ совершенно уничтожена. Король улыбнулся и сказалъ: «Вы скоро обдѣлали это дѣло въ Польшѣ; но для меня все равно». Сальдернъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію Польша не могла оказать бо̀льшаго уваженія къ совѣту императрицы и къ желанію его величества.—«Это смотря по тому, какъ дѣло растолкуешь», сказалъ король и распространился о томъ, что надобно непремѣнно оставить Польшу въ томъ же положеніи, въ какомъ она теперь, что никогда не выйдетъ ничего хорошаго изъ какой-нибудь существенной перемѣны, что надобно думать о будущемъ; хотя нынѣшняго короля и нечего бояться, но сосѣди должны имѣть правиломъ, что всякая перемѣна въ формѣ республики можетъ быть вредною въ будущемъ. «Кстати, сказалъ Фридрихъ, у васъ еще думаютъ позволить Полякамъ уничтожить liberum veto?» Сальдернъ покраснѣлъ и отвѣчалъ: «Государь, у насъ объ этомъ никогда не думали».—«Какъ никогда не думали?» сказалъ Фридрихъ.—«Смѣю увѣрить в. в—ство, отвѣчалъ Сальдернъ, стараясь сохранить какъ можно болѣе спокойствія,—смѣю увѣрить ваше в—ство, что ни императрица, ни ея министерство никогда серіозно не думали о позволеніи Полякамъ уничтожить это знаменитое слово. Если министерство императрицы объ этомъ вопросѣ и о другихъ тогдашнихъ польскихъ желаніяхъ говорило по секрету съ министромъ вашего в—ства, то это дѣлалось въ твердомъ намѣреніи оказать вашему в—ству величайшее довѣріе, не скрывать отъ васъ рѣшительно ничего изъ предложеній, дѣлаемыхъ тогда Поляками, и единственно для того, чтобъ знать виды и мысли вашего в—ства по такому важному вопросу».—«Если такъ, то это другое дѣло», сказалъ король. Затѣмъ онъ вошелъ въ длинное разсужденіе о томъ, что Россія и Пруссія не имѣютъ нужды ни въ какомъ другомъ союзѣ, кромѣ своего, и что онъ не желаетъ ни съ кѣмъ быть въ союзѣ кромѣ Россіи. Сальдернъ высказалъ противное мнѣніе, что Россія и Пруссія имѣютъ нужду въ приступленіи къ ихъ союзу другихъ державъ для утвержденія сѣверной системы, совершенно независимой, что это единственное сред-

ство обезпечить себя отъ чуждыхъ распрей и оказать услугу другимъ государствамъ, которыя естественно должны бояться страшнаго союза австрійскаго и бурбонскаго домовъ. Тутъ Фридрихъ прервалъ Сальдерна: «Я вамъ сказалъ, что намъ нечего бояться этого союза, который вамъ кажется такъ страшенъ: потому что это голь, у которой нѣтъ ничего денегъ (ce sont des gueux)». Сальдернъ продолжалъ выставлять необходимость сѣверной системы, въ которую естественно войдутъ государства активныя и пассивныя. Цѣль этой системы, говорилъ онъ, сохраненіе мира на долгое время для удержанія равновѣсія въ Европѣ, для поддержанія цѣлости прусской монархіи, столь полезной и необходимой.—«Все это хорошо и прекрасно, замѣтилъ король; но что вы хотите сказать этими вашими государствами активными и пассивными?» Сальдернъ отвѣчалъ, что на сѣверѣ три активныхъ государства—Россія, Пруссія и Великобританія. Фридрихъ засмѣялся: «Великобританія? считайте ее за ничто въ настоящее время! Король самый слабый человѣкъ въ мірѣ; онъ мѣняетъ своихъ министровъ какъ мѣняетъ рубашки. Въ чемъ вы можете положиться на великобританское министерство? Развѣ вы не знаете, что министерство уже перемѣнилось, что герцогъ Графтонъ оставилъ свое мѣсто; можетъ быть его замѣнитъ графъ Эгмонтъ, самый горячій приверженецъ австрійскаго дома. Прошу не разсчитывать на Англію». Сальдернъ отвѣчалъ, что если теперь нельзя разсчитывать на Англію, то придетъ время, когда британское правительство приметъ другой видъ; притомъ кромѣ Даніи и Швеціи, гдѣ французское вліяніе впрочемъ значительно ослабѣло, надобно было бы обратить вниманіе на Германію, на государей Гессена, Брауншвейга и Саксоніи, на которыхъ можно смотрѣть какъ на силы пассивныя.

При этихъ словахъ глаза Фридриха засверкали: «Саксонія! сказалъ онъ: какъ можно на нее разсчитывать? Саксонія въ тѣсной связи съ Австріею и бурбонскимъ домомъ! Есть ли возможность имѣть такую идею? Скажите пожалуйста, есть у васъ емиссары саксонскаго двора, которые внушаютъ вамъ такія химеры?»—«Чувства императрицы, отвѣчалъ Сальдернъ, руководимыя мудростію и человѣколюбіемъ, никогда не измѣнялись средствами незаконными или подозрительными; императрица считала возможнымъ вполнѣ открыться вашему в—ству, особенно въ слу-

чаѣ, гдѣ дѣло шло о видахъ, совершенно согласныхъ съ тѣснымъ союзомъ, существующимъ между Россіею и Пруссіею, союзомъ, который долженъ внушать другимъ государствамъ столько же уваженія, сколько и довѣрія. Императрица думала, что самое вѣрное и дѣйствительное средство сдѣлать русско-прусскій союзъ основою благосостоянія и спокойствія сѣвера, это обходиться дружелюбно и снисходительно съ слабѣйшими государствами, внушить имъ такимъ образомъ довѣріе и въ слѣдствіе довѣрія привлечь къ союзу, сопровождаемому миромъ и спокойствіемъ; моя государыня предполагала, что Саксонія поспѣшитъ отторгнуться отъ многоразличныхъ интересовъ Австріи, какъ скоро она найдетъ возможнымъ сдѣлать это безопасно». Фридрихъ слушалъ все это, уставивъ глаза на полъ кабинета; потомъ сказалъ: «Вы упомянули о дружелюбіи и снисходительности: это до васъ не касается. Дайте мнѣ управляться съ саксонцами, потому что тутъ дѣло идетъ о моихъ интересахъ».

13-го мая Сальдернъ имѣлъ второй разговоръ съ Фридрихомъ въ томъ же кабинетѣ въ Шарлотенбургѣ. Разговоръ продолжался три часа. «Хотите, началъ король, мы обозримъ всѣ государства и всѣхъ государей Европы и посмотримъ, одинаково ли мы думаемъ. Начнемъ съ Австріи, которая находится въ печальномъ положеніи относительно финансовъ; ея долгъ долженъ простираться до 230 милліоновъ флориновъ».—«Но, говорятъ, войска австрійскія находятся въ очень хорошемъ состояніи», замѣтилъ Сальдернъ.—«Это больше на словахъ чѣмъ на дѣлѣ», отвѣчалъ король: генераламъ платятъ на половину звонкою монетою, на половину бумажками; я австрійцевъ нисколько не боюсь. Они покинутъ свои старыя предубѣжденія противъ меня. Нынѣшній императоръ мнѣ другъ, я это знаю навѣрное. Онъ мнѣ благодаренъ за то, что я не согласился на уступку Тосканы въ пользу его брата. Это хорошій государь, миролюбивый и ненавидитъ французовъ. Онъ не впутается никогда въ опасныя и двуличневыя намѣренія. Я вамъ за это отвѣчаю».—«Осмѣлюсь выразить сомнѣніе, сказалъ Сальдернъ, можетъ ли австрійскій домъ такъ легко позабыть потерю Силезіи; рано или поздно австрійцы могутъ поддаться искушенію возобновить свои права».—«Что будетъ, то будетъ, отвѣчалъ король: но австрійцы дважды подумаютъ прежде чѣмъ это сдѣлаютъ».—«Это правда,

замѣтилъ Сальдернъ, австрійцы не разъ подумаютъ прежде чѣмъ начнутъ дѣло въ четвертый разъ; но есть средства, которыя заставятъ никогда объ этомъ не думать.»—«Какія это средства?» спросилъ король.—«Средства самыя простыя, отвѣчалъ Сальдернъ: ваше в—ство, находясь въ союзѣ съ Россіею, должны вмѣстѣ съ нею установить сѣверную систему съ единственною цѣлію охраненія мира и спокойствія, должны пріобрѣсть себѣ друзей по примѣру императрицы и заставить этимъ саму Россію и другихъ друзей блюсти за сохраненіемъ цѣлости прусской монархіи.»—«Это слишкомъ для меня сложно, сказалъ Фридрихъ; я нуждаюсь только въ одномъ русскомъ союзѣ, и не хочу другихъ.»—«Все это хорошо для настоящей минуты; но надобно подумать и о будущемъ, возразилъ Сальдернъ: особенно когда Россія, несмотря на сознаніе своего могущества, никогда не пренебрежетъ кроткими средствами для пріобрѣтенія себѣ друзей, для отстраненія недовѣрія, для привлеченія къ себѣ государей, принужденныхъ страхомъ входить въ союзы съ другими державами, которыя внушаютъ имъ зависть относительно русско-прусскаго союза и этимъ увеличиваютъ число своихъ друзей».—«Я увѣренъ, что намъ завидуютъ, сказалъ король: но какое намъ до этого дѣло? Я вамъ повторяю, что ни Австрія, ни Франція, ни Испанія не могутъ причинить намъ ни малѣйшаго безпокойства. Кто, по вашему, захотѣлъ бы къ нимъ присоединиться и увеличить число ихъ друзей?»—Сальдернъ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: «Государства, быть можетъ незначительныя по силѣ, и всѣ государи германскіе».

Король разразился хохотомъ: «Нѣтъ денегъ, нѣтъ и Нѣмца», сказалъ онъ (point d'argent, point d'Allemand). Потомъ Фридрихъ съ большимъ краснорѣчіемъ, по словамъ Сальдерна, распространился о состояніи Испаніи и Франціи, съ цѣлію доказать, что союзники Австріи и бурбонскій домъ такъ слабы, что ихъ бояться нечего. Франція, по словамъ Фридриха, въ десять лѣтъ не могла поправить своихъ финансовъ. Заключеніемъ рѣчи служила мысль, что для Россіи и Пруссіи лучше всего не заботиться ни о какомъ другомъ союзѣ, крѣпко держаться вмѣстѣ и *смѣяться* надъ всѣмъ остальнымъ.

«Все это, сказалъ Сальдернъ, совершенно справедливо для на-

стоящей минуты, но нѣтъ ручательства за будущее; пусть Семилѣтняя война уничтожила финансы союзниковъ для настоящаго времени, но у нихъ остались еще средства. Не предполагая, что новая война можетъ возгорѣться въ теченіе десяти лѣтъ, я обязанъ увѣрить ваше в—ство, что императрица моя государыня смотритъ какъ на дѣло чрезвычайной важности и необходимости для спокойствія Европы въ настоящемъ и будущемъ соединить весь сѣверъ въ одну систему; что императрица имѣетъ рѣшительную склонность доказать Европѣ, что путь кротости и умѣренности есть самый способный для возрожденія довѣрія между всѣми государями, могущими найти свою выгоду присоединиться къ этой системѣ; что интересы Россіи и Пруссіи, постоянно нераздѣльные, найдутъ здѣсь самое сильное утвержденіе; что Россія смотритъ на этотъ планъ, какъ на самое вѣрное и единственное средство сохранить русскую и прусскую монархію во всей ихъ цѣлости, и эта цѣлость служитъ естественнымъ основаніемъ русско-прусскаго союза. Государь, столь уважаемый, столь побѣдоносный, столь обремененный славою, какъ ваше в—ство, находитъ пути къ доброму успѣху, проложенные и приготовленные благостію и кротостію моей государыни. Успѣхи героевъ всегда облегчатся умѣньемъ пріобрѣтать расположеніе людей и народовъ».

—«Все же я не вижу причины, отвѣчалъ король, зачѣмъ торопиться такимъ сложнымъ планомъ. Признаюсь вамъ, что я не люблю имѣть дѣло съ англичанами, какъ по причинѣ слабости ихъ настоящаго правленія, такъ особенно изъ боязни, что у нихъ скоро будетъ война съ Франціею и Испаніею». Сальдернъ замѣтилъ, что для заключенія союзовъ самое благопріятное время теперь, когда вся Европа въ глубокомъ мирѣ; что тѣ самыя причины, которыя заставили австрійскій и бурбонскій дома соединиться и установить южную систему, заставляютъ сѣверныя державы обезпечить себя заранѣе подобнымъ же союзомъ.— «Сольмсъ пишетъ, сказалъ король, что у васъ думаютъ о возможности соглашенія между Австріею и Франціею на счетъ раздѣла Баваріи въ случаѣ смерти ея курфюрста. Признаюсь откровенно, что я этому не вѣрю». Сальдернъ замѣтилъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ австрійскій домъ не раздѣлилъ бы своихъ итальянскихъ владѣній въ пользу эрцгерцога Леопольда, еслибъ

Франція не польстила ему другими надеждами. Король отвѣчалъ: «Нѣтъ, не вѣрю, невозможно»! Потомъ вдругъ перешелъ къ Голландіи: «Но вы лучшаго мнѣнія о республикѣ купцовъ, чѣмъ я. Я ихъ слишкомъ хорошо знаю. Торговля—это ихъ богъ, это ихъ все. Штатгалтеръ не дастъ имъ никогда ни твердости, ни возвышенности духа, которыя они давно потеряли, и въ послѣдній разъ потеряли не въ битвѣ при Фонтенэ». Сальдернъ замѣтилъ, что хотя обширность ихъ торговли заставляетъ ихъ быть осторожными въ политическихъ дѣлахъ Европы, однако вѣрно одно, что особа Штатгалтера обыкновенно давала гораздо болѣе силы республикѣ.—«Правда, отвѣчалъ король, но подождемъ слѣдствій штатгалтерства».—«Только въ ожиданіи не пропустить бы время», сказалъ Сальдернъ. Король опять вдругъ перемѣнилъ разговоръ и сказалъ: «Относительно Даніи и Швеціи я понимаю, что вы можете сдѣлать все, что вамъ угодно. Но надобно имѣть деньги. Еслибы вы могли заставить англичанъ дать денегъ? У васъ вѣдь союзъ съ Датчанами, такъ заставьте англичанъ дать имъ субсидіи. Конечно, для этого нуженъ трудъ Геркулеса.» Сказавши это, Фридрихъ наклонился къ Сальдерну и прошепталъ ему на ухо, какъ будто были свидѣтели разговора: «Англичане дрянь! (LesAnglais sont des miserables!)»—Сальдернъ запѣлъ свое: «Чтобы заставить англичанъ платить субсидіи, надобно показать имъ установленіе твердой сѣверной системы, въ которой они найдутъ свои выгоды.—«Это pia desideria, отвѣчалъ король: вы объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія, я ихъ знаю лучше, чѣмъ вы. Швеція въ такомъ же положеніи, какъ и Данія. Союзъ между Швеціею и Англіею служитъ лучшимъ доказательствомъ, что англичане не хотятъ ничего дѣлать. Правда, что Россія много сдѣлала до сихъ поръ, и вѣрно, что для уничтоженія французскаго вліянія она будетъ принуждена продолжать идти по той же дорогѣ, если хочетъ получить выгоду изъ начатого. Впрочемъ Швеція не заслуживаетъ, чтобъ ее считали въ числѣ государствъ. Эта нація такъ глубоко упала, что благоразумные Шведы сами въ этомъ признаются. Что касается Польши, то я буду согласенъ на все, что̀ императрица сдѣлаетъ въ отношеніи ея. Я желаю, чтобъ доходы короля увеличились, ибо надобно же чѣмънибудь ему жить. Но я васъ прошу усердно, чтобъ не было никакой перемѣны въ польской конституціи: все это будетъ вред-

но». Сальдернъ сталъ увѣрять короля, что императрица никогда не думала ни о какой существенной перемѣнѣ въ формѣ польскаго правленія, и больше всѣхъ будетъ блюсти, чтобъ законы республики никогда не нарушались. Но при этомъ Сальдернъ просилъ Фридриха обратить вниманіе на то, что для Россіи очень важно, чтобъ Польша, въ отношеніи къ Турціи, замѣнила для нея Австрію, которая, въ слѣдствіе прусскаго союза, удалилась отъ Россіи. Король съ внимательнымъ видомъ спросилъ: «но какъ вы хотите это сдѣлать»? Сальдернъ отвѣчалъ, что онъ навѣрное не знаетъ *какъ*, но думаетъ, что самое вѣрное средство къ тому возстановить диссидентскія права и дать королю нѣсколько силы на основаніи pacta conventa, дабы маленькое польское войско было дисциплинировано приличнымъ образомъ и могло, въ случаѣ нужды, оказать пользу.—«Оба пункта чрезвычайно трудно исполнить», сказалъ на это король.—«Я не нахожу здѣсь трудностей, замѣтилъ Сальдернъ: въ Польшѣ можно сдѣлать еще много хорошихъ вещей». — «Я это очень хорошо знаю, сказалъ король, но надобно оставить ее въ летаргіи». — «Летаргія, отвѣчалъ Сальдернъ, хороша и даже необходима тамъ, гдѣ Поляки могутъ вредить сосѣдямъ. Но есть случаи, въ которыхъ государство становится совершенно безполезнымъ, если не дать ему нѣкоторой силы, чтобъ доставлять помощь союзникамъ. Россія и Пруссія въ состояніи задавить каждую минуту Поляковъ, если бы онѣ захотѣли употребить во зло эту данную имъ на время силу». — «Признаюсь, я не знаю этихъ случаевъ, о которыхъ вы говорите», сказалъ король.—«А вотъ напримѣръ, случай, отвѣчалъ Сальдернъ: въ мою бытность въ Польшѣ я нашелъ короля и всѣхъ канцлеровъ расположенными уничтожить сейчасъ же главную таможню, но, по недостатку силы и дѣятельности, и король со всѣмъ своимъ добрымъ расположеніемъ, и его министры съ своими лучшими намѣреніями могли дать только обѣщаніе хлопотать объ уничтоженіи таможни на будущемъ сеймѣ. Учрежденіе постояннаго совѣта въ Польшѣ между сеймами въ это двухгодичное время бездѣйствія было бы полезно и Польшѣ и сосѣдямъ ея». — «Это мнѣ кажется дѣломъ разумнымъ, сказалъ король: но прежде чѣмъ позволить, надобно все это хорошенько взвѣсить».

Послѣ этого король началъ говорить объ отъѣздѣ Сальдерна

въ Копенгагенъ. Тотъ, замѣтивъ, что король хочетъ отъ него отдѣлаться, а между тѣмъ ничего не сказалъ о Саксоніи, рѣшился спросить его, что же ему передать императрицѣ относительно желанія ея, чтобъ съ прусской стороны были смягчены сосѣднія отношенія къ Саксоніи. «Правда, я забылъ», отвѣчалъ король, потомъ прошелся два раза по кабинету и началъ: «Саксонцы злой народъ. Они хотятъ овладѣть всею торговлею, на что я не могу смотрѣть равнодушно. Мои подданные страдаютъ отъ этого. Наши коммиссары теперь въ конференціи по этому дѣлу. Надобно дать мнѣ свободу сдѣлаться съ ними какъ выгоднѣе для моей страны». Сальдернъ сказалъ на это, что императрица съ восторгомъ увидитъ, что его величество желаетъ кротостію убѣдить Саксонію, что всего лучше для нея отстать совершенно отъ Австріи. Король съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ: «Оставьте меня дѣйствовать; я буду еще отвѣчать нынѣшнимъ вечеромъ». Сальдернъ поклонился, и больше не спрашивалъ о Саксоніи, замѣтивъ, что эта струна очень непріятна для короля.

Фридрихъ пересталъ говорить о политикѣ, и началъ дѣлать вопросы о великомъ князѣ, о его здоровьѣ, о его способностяхъ. Потомъ вдругъ спросилъ: «Неужели императрица въ самомъ дѣлѣ такъ много занимается, какъ говорятъ? Мнѣ сказали, что она работаетъ больше меня. Правда, у нея меньше развлеченій, чѣмъ у меня. Я слишкомъ занятъ военнымъ дѣломъ; вы не можете повѣрить, какъ здѣсь малѣйшая бездѣлица меня тревожитъ.—«Государь, отвѣчалъ Сальдернъ, привычки превращаются въ страсти. Что же касается императрицы, то она работаетъ много и, быть можетъ, слишкомъ много для своего здоровья».—«Ахъ! сказалъ Фридрихъ: честолюбіе и слава суть потаенныя пружины, которыя приводятъ въ движеніе государей». Сальдернъ не сказалъ ни слова о *столь деликатной матеріи.* Фридрихъ, смотря на него пристально, началъ: «Много дорогъ, которыя ведутъ къ безсмертной славѣ; императрица на большой дорогѣ къ ней, вѣрно». Говоря это, онъ все не спускалъ глазъ съ Сальдерна. Тотъ понялъ, что королю хочется слышать что-нибудь отъ него и сказалъ: «Конечно, императрица утвердитъ счастіе своего народа и значительной части рода человѣческаго. У нея обширные виды, которые обнимаютъ прошедшее, настоящее и будущее. Она любитъ живущихъ, не забывая о по-

томствѣ».—«Это много, это достойно ея», замѣтилъ король, и покончилъ разговоръ [104].

Разговоръ этотъ страшно раздражилъ Фридриха, и весь гнѣвъ палъ на несчастнаго Сальдерна, который имѣлъ неосторожность явиться съ непріятными предложеніями и еще поддерживать ихъ: вмѣсто прежней благосклонности Фридрихъ возненавидѣлъ Сальдерна. «Петербургскій дворъ, говоритъ Фридрихъ въ своихъ запискахъ, петербургскій дворъ, недовольный поведеніемъ польскаго короля и еще болѣе поведеніемъ Чарторыйскихъ, его дядей, которые имъ управляли, послалъ въ Варшаву нѣкоего Сальдерна, чтобъ понаблюсти за ними и сдѣлать имъ приличныя внушенія, заставить ихъ вести себя съ большею умѣренностію и благоразуміемъ. Изъ Варшавы этотъ дипломатъ пріѣхалъ въ Берлинъ, снабженный обширными проектами; графъ Панинъ составилъ ихъ и носился съ ними по своему тщеславію. Сальдернъ, не имѣвшій ни приличныхъ манеръ, ни тонкости разума, принялъ тонъ римскаго диктатора, чтобъ заставить короля согласиться на присоединеніе Англіи, Швеціи, Даніи и Саксоніи къ петербургскому договору. Такъ какъ этотъ проектъ былъ совершенно противенъ интересамъ Пруссіи, то король не могъ его принять. Какъ въ самомъ дѣлѣ думать, что король войдетъ въ соглашеніе съ Англіею послѣ всего того, что онъ испыталъ отъ нея? Помощь Швеціи, Даніи, Саксоніи равнялась нулю, потому что нельзя было ихъ привести въ движеніе иначе какъ большими субсидіями; и кромѣ того, такъ какъ онѣ были бы соединены съ Россіею, то король долженъ былъ бы съ ними дѣлиться вліяніемъ, какое онъ надѣялся пріобрѣсти въ этой странѣ. Поэтому надобно было ихъ удалить вовремя, тѣмъ болѣе, что не слѣдуетъ размножать существа безъ нужды. Всѣ эти причины заставили короля отклонить предложенія Сальдерна. Этотъ министръ разсердился, считая себя преторомъ Попиліемъ и принимая его величество за Антіоха, царя сирійскаго; онъ хотѣлъ предписывать законы государю; король, который не считалъ себя Антіохомъ, отпустилъ министра со всевозможнымъ хладнокровіемъ, увѣряя его, что будетъ всегда другомъ Россіи, но никогда не будетъ ея рабомъ» [105].

Извѣстіе о разговорѣ Фридриха съ Сальдерномъ и что оба разговаривавшіе разстались недовольными достигло Вѣны. Бенуа доносилъ Фридриху: изъ разговоровъ Лароша, агента госпо-

даря малдавскаго, видно, что въ Австріи не потеряли надежды взять верхъ въ Россіи, посредствомъ подарковъ привлечь на свою сторону графа Чернышева и наконецъ удалить императрицу отъ короля прусскаго, ибо замѣчается нѣкоторое охлажденіе съ ея стороны къ Фридриху вслѣдствіе отказа Сальдерну на многія предложенія, сдѣланныя этимъ министромъ. Но Сольмсъ успокоилъ короля на этотъ счетъ: онъ писалъ, что нерасположеніе, которое Екатерина питала всегда къ Маріи Терезіи, пробуждается теперь въ слѣдствіе подозрѣнія, что венгробогемская королева, по католической ревности, препятствуетъ планамъ русской императрицы въ Польшѣ. Но Фридрихъ долго не могъ успокоиться послѣ предложеній Сальдерна. Сюда присоединились еще другія причины раздраженія: заступничество Россіи за Саксонію; перезывъ знаменитаго математика Эйлера изъ берлинской академіи въ петербургскую, чего Фридрихъ вовсе не хотѣлъ; неудовольствіе, выраженное Россіею на то, что Фридрихъ возвысилъ цѣну за почтовую пересылку; наконецъ невниманіе русскаго двора къ его представленіямъ по диссидентскому дѣлу. По поводу почтоваго дѣла онъ писалъ Сольмсу: «Мнѣ страшно начинаетъ наскучивать иго, которое хотятъ на меня наложить; я съ удовольствіемъ буду въ союзѣ съ русскими, но пока глаза мои не закроются, я не буду ихъ рабомъ. Можете это сказать всякому, кто захочетъ слушать. Я остаюсь того мнѣнія, что русскій союзъ мнѣ пригоднѣе всякаго другого. На этомъ основаніи я простеръ свою податливость къ проектамъ императрицы такъ далеко, какъ ни одинъ союзникъ этого не дѣлалъ. Но теперь я перемѣнюсь или сдержусь вслѣдствіе наглости, съ какою эти господа хотятъ предписывать мнѣ законы въ моемъ собственномъ управленіи; я вамъ объявляю мою неизмѣнную волю, что я никогда не потерплю, чтобъ въ Россіи сдѣлали этотъ первый шагъ, пусть будетъ что угодно Богу. Вы видите, какъ они трактуютъ Швецію и Польшу; а я, прирожденный самодержецъ и будучи такимъ до сихъ поръ, подклонюсь подъ иго государства, съ которымъ я въ союзѣ, но которому я не подчиненъ? Нѣтъ, никогда этого не будетъ! Пока мои глаза не закрылись, я буду охранять свою независимость; а если эти господа хотятъ меня поработить, то лучше разсориться съ ними нынче, чѣмъ завтра. Позволить разъ, то Россія станетъ вмѣшиваться въ мои мельчайшія дѣла, захочетъ рѣшать

все и трактовать меня, какъ Турки трактуютъ валашскаго господаря».

Относительно диссидентскаго дѣла король не переставалъ твердить, что надобно удовольствоваться религіозною свободою, а доставленіе диссидентамъ равныхъ правъ съ католиками—это такой вздоръ, изъ-за котораго не стоитъ производить такихъ сильныхъ движеній. Фридрихъ продолжалъ также изъявлять опасенія насчетъ вмѣшательства Австріи. Но относительно Австріи Сольмсъ услыхалъ отъ Панина любопытное заявленіе, причемъ Панинъ просилъ Сольмса принять его слова какъ исходящія изъ устъ самой императрицы. «Если вѣнскій дворъ захочетъ воевать, то императрица вовсе этого не боится; она готова вести эту войну такимъ образомъ, что Австрія можетъ раскаяться. Если Австрія вмѣшается въ польскія дѣла подъ предлогомъ защиты католицизма, то Россія подниметъ въ Венгріи и другихъ областяхъ австрійскихъ всѣхъ некатоликовъ» [106].

Кромѣ Австріи, въ польскія дѣла могла вмѣшаться Турція.

Мы видѣли, съ какою радостію императрица узнала о возможности исполнить давнее желаніе русскаго правительства, желаніе имѣть консула въ Крыму. Легко понять, что необходимость отозвать Никифорова въ слѣдствіе извѣстнаго происшествія должна была причинить большое огорченіе въ Петербургѣ, и Обрѣзковъ получилъ приказаніе хлопотать изо всѣхъ силъ, чтобъ позволено было прислать въ Крымъ новаго консула. Но всѣ старанія были напрасны. Порта представляла, что присутствіе русскаго консула въ Крыму невозможно по причинѣ крайняго сопротивленія этому бакчисарайскаго духовенства, и Порта не можетъ принудить хана принять консула, потому что ханъ самовластный господинъ во внутреннихъ дѣлахъ; да еслибы и рѣшилась принудить, то пользы отъ этого не будетъ, ибо ханъ и особенно духовенство найдутъ средства подкопаться и подъ новаго консула, причемъ могутъ произойти непріятности для обоихъ дворовъ. Панинъ замѣтилъ на донесеніи Обрѣзкова объ отвѣтѣ Порты: «Сіе послѣднее отъ Турокъ примѣчаніе имѣетъ конечно разумное основаніе, да и притомъ видно, что они тутъ безъ притворства и безъ злыхъ намѣреній добросердечно ввѣряются представленіямъ хана крымскаго. Мнѣ же видится: и теперь какъ прежде нѣтъ большой нужды ихъ насильствовать, а надобно настоять, что когда отъ

насъ, яко отъ сосѣдственной державы, консулъ не принимается, то уже мы не можемъ, не сумнѣваясь объ ихъ искренности къ себѣ, видѣть, что ханъ крымскій содержитъ при себѣ консула Французской державы, которая другого интереса кромѣ каверзъ между сосѣдей тамъ не имѣетъ, о чемъ къ Обрѣзкову и прежде писано было, но къ удивленію онъ не упоминаетъ, учинилъ ли онъ изъ того какое употребленіе, или для чего не учинилъ». Императрица прибавила: «Прибавьте къ сему, что если Французскаго консула терпѣть для каверзъ, то въ нашемъ нужда для опроверженія оныхъ, а то поссорятъ легко, какъ то видно изъ ханскаго рапорта о Моздокѣ, гдѣ я чаю никогда столько пушекъ не бывало, о чемъ я требовать буду обстоятельнаго рапорта, и людей столько нѣтъ, какъ надобно для столькихъ орудій».

Съ другой стороны Запорожцы жаловались, что Татары вырубали лѣса, находившіеся въ ихъ дачахъ, и приближаютъ свои поселенія къ русскимъ границамъ. Обрѣзковъ спрашивалъ, надобно ли требовать отъ Порты удовлетворенія на основаніи извѣстной статьи мирнаго договора, въ которой говорилось: если произойдетъ что-нибудь такое, о чемъ не упомянуто въ договорѣ, то немедленно съ обѣихъ сторонъ искать способа уничтожить вредъ. Обрѣзковъ прибавилъ, что Турки пользуются этою статьею во всякихъ случаяхъ, часто вовсе не идущихъ къ дѣлу. Панинъ замѣтилъ: «Да и безъ самой крайности лучше не поступать, чтобъ тѣмъ не подать больше повода Туркамъ, яко крайнимъ и гордымъ невѣждамъ во всѣхъ своихъ ничѣмъ необузданныхъ прихотяхъ прибѣгать къ тому же артикулу и требовать новыхъ обязательствъ и постановленій. Сколь же въ существѣ приближеніе тѣхъ поселеній и настоящая вырубка лѣсовъ утѣсняетъ и вредитъ нашихъ Запорожцевъ, въ томъ на ихъ жалобы съ точностію полагаться нельзя, ибо при приношеніи оныхъ обыкновенно все увеличивается безпредѣльно, особливо отъ такого грубаго народа каковы Запорожцы: чего ради надлежитъ прежде доставить себѣ, посылкою на мѣсто для осмотра вѣрнаго человѣка, разточное и надежное извѣстіе, по которому бы можно было разсудить и опредѣлить, что будетъ полезнѣе, сократить ли селенія, поелику они вправду велики и важны для насъ, или же не узаконять привычки Туркамъ требовать отъ насъ взаимно на все новыхъ постановленій». Екатерина замѣтила съ своей стороны:

«Посылка нарочнаго вѣрнаго человѣка весьма нужна, понеже я и о томъ еще сумнѣваюсь, есть ли тамъ окромѣ кустарника, а о лѣсѣ я не слыхивала» [107].

Но эти мелкія столкновенія не предвѣщали важныхъ послѣдствій; столкновенія по поводу польскихъ дѣлъ трудно было предвидѣть. Болѣе заслуживающими вниманія казались событія, происходившія въ противоположной сторонѣ.

Въ Стокгольмѣ Остерманъ хлопоталъ о скорѣйшемъ заключеніи договора у Швеціи съ Англіею: «Никто больше сенатора Руденшильта, писалъ онъ, противъ принятія англійскаго трактата не спорилъ. Весьма нужно было бы его отрѣшить, ибо онъ, можно сказать, какъ полуумный, съ запальчивостію, защищаетъ въ сенатѣ французскій интересъ; жаль только, что нельзя его одного отъ другихъ двухъ извѣстныхъ отдѣлить, ибо тогда его низверженіе легче могло бы совершиться».

Благонамѣренные хлопотали также о скорѣйшемъ совершеніи брака между наслѣдникомъ шведскаго престола, принцемъ Густавомъ и датскою принцессою; король, королева и французская партія не хотѣли этого брака, тѣмъ сильнѣе слѣдовательно долженъ былъ сочувствовать ему Остерманъ. Съ другой стороны, датскій посланникъ Шакъ упрашивалъ его содѣйствовать этому браку, клянясь, что датскій дворъ, относительно шведскаго сейма, будетъ дѣйствовать совершенно согласно съ Россіею. Панинъ «въ крайнюю конфиденцію» сообщилъ Остерману, что датскій дворъ достаточно удовольствовалъ Россію. «Такъ какъ, писалъ Панинъ, вы получили въ свои руки главный нашъ видъ дирекціи дѣлъ между нашими сосѣдями, Швеціею и Даніею, то вамъ не остается ничего другого, какъ свадебное дѣло привести къ скорѣйшему окончанію, и тѣмъ имъ обѣимъ доказать, что поверхность ея и. в. служитъ и впредь служить будетъ имъ къ большему обнадеживанію въ утвержденіи покоя и тишины. Вы можете еще больше подкрѣпить положенное между нашими друзьями намѣреніе, чтобъ государственные чины потребовали отъ короля только назначенія времени свадьбы, выставивъ, что бракъ уже дѣло рѣшенное торжественнымъ договоромъ между шведскимъ и датскимъ дворами. Еслибъ вожди нашей партіи пожелали, чтобъ вы, съ своей стороны, отозвались прямо къ кронъпринцу объ этой свадьбѣ, то и это можно исполнить такимъ

образомъ: сказать ему, что ея и. в., оставляя его при его собственной склонности въ такомъ деликатномъ дѣлѣ, признаетъ его полезнымъ какъ для него самого, такъ и для Швеціи, и потому желаетъ, чтобъ оно явились согласнымъ съ склонностію его высочества».

Издержавъ до 10,000 шведскихъ плотовъ, Остерманъ добился, что въ секретномъ комитетѣ послѣдовало рѣшеніе въ пользу заключенія англійскаго договора. Остерманъ торжествовалъ, что французскій посолъ и его сообщники, Ферзенъ и Синклеръ ошиблись въ своей надеждѣ подкупить секретный комитетъ. Но Остерманъ просилъ вождей своей партіи, чтобъ они ни мало не полагались на свое торжество въ секретномъ комитетѣ, и были бы осторожны, потому что французская партія надѣется получить новую денежную силу отъ испанскаго двора, да и королева обнаруживаетъ чрезвычайное противъ прежняго спокойствіе, слѣдовательно въ этой тихой водѣ заключается какой-нибудь потаенный замыселъ.

Трактатъ съ Англіею былъ заключенъ и брачное дѣло улажено, хотя въ ночь на 24 февраля была прибита къ столбу записка, что теперь настало время всѣмъ истиннымъ патріотамъ собраться и не допустить Россію и Данію наложить на Швецію иго, причемъ ни въ вождяхъ, ни въ деньгахъ недостатка не будетъ. Въ Петербургѣ сильно тяготились продолженіемъ шведскаго сейма, на который тратилось много русскихъ денегъ; но Остерманъ требовалъ новыхъ суммъ и въ апрѣлѣ получилъ 100,000 рублей для окончанія сейма согласно съ русскими желаніями. Но кромѣ того Швеція считала на Россіи недоплаченныя субсидіи, и *благонамѣренные* внушали Остерману, нельзя ли заплатить этотъ долгъ хлѣбомъ, именно въ продолженіи шести лѣтъ отпускать хлѣба на 50,000 рублей. На донесеніи объ этомъ Остермана Екатерина написала Панину: «Никита Ивановичъ, нынѣшній годъ у насъ у самихъ недостатокъ. Готовый бывшей въ прошломъ году въ Ригѣ хлѣбъ я отдала въ магазейнъ въ военной».

Между тѣмъ ненависть короля и королевы къ русской партіи доходила до высшей степени: на собраніи при дворѣ они не хотѣли смотрѣть на сенатора Калинга и не велѣли приглашать его къ ужину за то, что онъ получилъ русскій андреевскій орденъ; кронъ-

принцъ также отъ него отворачивался, но потомъ далъ знать нѣкоторымъ изъ благонамѣренныхъ, чтобъ не думали, что онъ ими недоволенъ, а поступалъ такъ по отношенію къ одному только Калингу, которымъ отецъ его недоволенъ. Одинъ изъ благонамѣренныхъ замѣтилъ принцу, что такое поведеніе можетъ произвести народное охлажденіе къ нему, и потому чтобъ не изволилъ слѣдовать примѣру своей родительницы. Принцъ отвѣчалъ, что королева дѣйствительно изволила выбрать опасную для себя дорогу. Остерманъ подозрѣвалъ, что королевою была избрана еще другая дорога для достиженія своихъ цѣлей: въ маѣ вспыхнулъ крестьянскій бунтъ въ вестерготской провинціи, и Остерманъ указывалъ признаки, по которымъ можно было догадываться, что французская партія здѣсь не безучастна, и что бунтъ можетъ послужить средствомъ къ возстановленію самодержавія. Остерманъ обратился къ датскому посланнику Шаку, и тотъ объявилъ ему, что въ подобномъ случаѣ уполномоченъ дѣйствовать съ нимъ заодно; но прусскій посланникъ Кокцей, утверждая, что его дворъ противъ возстановленія самодержавія, не изъявлялъ однако готовности дѣйствовать заодно съ Остерманомъ, а говорилъ только, что, по его мнѣнію, дѣло до этого не дойдетъ. Екатерина замѣтила на это: «Однако одна секретная статья договора обязываетъ его величество прусское дѣйствовать съ нами сообща, чтобъ не было сдѣлано ничего противъ формы (шведскаго правительства) 1720». Остерманъ продолжалъ присылать извѣстія объ усиленіи бунта и о цѣляхъ его: разглашали, что бунтовщики намѣрены идти въ Стокгольмъ, перебить дворянство, низвергнуть короля за слабость его правленія и возвести на престолъ кронъ-принца, давши ему самодержавную власть. Шелъ другой слухъ, что возставшіе хотятъ только уничтожить самовольное правленіе государственныхъ чиновъ и придать больше власти той особѣ, которой эта власть принадлежитъ. Этотъ послѣдній слухъ Остерманъ признавалъ вѣроятнымъ, ибо думалъ, что въ возмущеніи есть синклерова игра. Главный возмутитель, крестьянинъ Гофманъ былъ пойманъ, и смута утихла; но учрежденіе суда надъ Гофманомъ подало поводъ къ новой борьбѣ партій на сеймѣ. *Благонамѣренные* хотѣли, по закону, учредить коммиссію изъ трехъ чиновъ; французская партія стала сильно этому противодѣйствовать, боясь, что противники, теперь силь-

нѣйшіе, воспользуются случаемъ для личныхъ преслѣдованій. «Я не въ состояніи изложить, писалъ Остерманъ, всѣ угрозы, нахальства и вооруженія противной стороны, чтобъ не допустить до учрежденія коммиссіи. Въ продолженіи всего сейма, ни въ какое время мнѣ не были такъ нужны деньги, какъ въ этомъ критическомъ случаѣ». Наконецъ графъ Ферзенъ, видя, что сила на сторонѣ противниковъ, вошелъ въ сношенія съ главами русской партіи, согласился не препятствовать учрежденію коммиссіи съ тѣмъ, чтобъ не было личныхъ преслѣдованій. Съ другой стороны французскій посолъ нѣсколько разъ заводилъ съ Остерманомъ рѣчь объ этомъ «въ образѣ партикулярной откровенности», причемъ Остерманъ увѣрялъ его, что какъ прежде, такъ и теперь употребитъ всѣ способы къ недопущенію личныхъ преслѣдованій, если только Бретейль уговоритъ своихъ друзей пресѣчь свои «наглости». Посолъ увѣрилъ, что «наглостей» не будетъ. Король, и особенно королева, были сильно раздражены всѣмъ этимъ, на благонамѣренныхъ и смотрѣть не хотѣли, да и вождями французской партіи не очень были довольны, ибо королева непремѣнно хотѣла, чтобъ они до послѣдней крайности противодѣйствовали учрежденію коммиссіи.

Въ половинѣ іюля Остерманъ прислалъ въ Петербургъ извѣстіе, что французское министерство приняло совершенно новую систему относительно Швеціи: оно не хочетъ болѣе зависѣть ни отъ какой шведской партіи, которая можетъ подвергаться постоянной опасности низверженія и потому не можетъ дать постояннаго обезпеченія дѣлу, ею поддерживаемому: и потому во Франціи рѣшено произвести коренную перемѣну въ формѣ шведскаго правительства, именно возстановить самодержавіе. Со введеніемъ самодержавія очень можетъ быть, что короля нельзя будетъ заставить дѣйствовать согласно съ видами Франціи, но это будущее и только возможное зло предпочтительнѣе вѣрной тиранніи настоящей системы, которая заставляетъ зависѣть отъ партіи. Для исполненія этого рѣшенія ожидается только планъ, который долженъ прислать Бретейль изъ Стокгольма. Пересылая это извѣстіе, полученное отъ англійскаго посланника, Остерманъ писалъ Панину: «Я не думаю, чтобъ на этомъ же сеймѣ хотѣли привести въ исполненіе этотъ вредный планъ, развѣ какъ-нибудь нечаянно, да и то сомнительно; но, по всѣмъ моимъ

достовѣрнымъ извѣстіямъ, легко статься можетъ, что французскій посолъ, лаская здѣшній дворъ такимъ пріятнымъ будущимъ, старается все болѣе и болѣе утвердить свое вліяніе надъ королемъ и королевою, и между тѣмъ съ своею шайкою будетъ вселять въ націю ненависть къ настоящей формѣ правленія, разбрасывая для этого въ провинціяхъ и деньги. А что Синклеръ дѣйствительно намѣренъ содѣйствовать такому плану, можно видѣть изъ слѣдующаго. Послѣ пировъ, бывшихъ въ деревняхъ у Германсона и Ландингсгаузена, Синклеръ настоялъ, чтобъ графъ Ферзенъ съ своими креатурами отмѣнилъ для своей партіи названіе *шляпъ*, потому что это названіе стало противно народу, а вмѣсто того новая партія назвалась бы *земскою*. Ферзенъ сначала спорилъ, потомъ согласился: «Называйте какъ хотите, сказалъ онъ, лишь бы только мы избавились отъ тиранства настоящей господствующей партіи». Тутъ же рѣшено внушать народу, какъ Россія, вмѣстѣ съ Даніею и Англіею, подкупили половину шведской націи, чтобъ управлять Швеціею какъ своею провинціею. Англія, для сбыта своихъ мануфактурныхъ произведеній, разорила шведскихъ знатныхъ купцовъ: а Россія съ Даніею низвергли прежнее министерство, которое такъ сильно заботилось о шведской независимости.—Они хотятъ напечатать въ этомъ смыслѣ книжку и разсѣять по провинціямъ. Для уничтоженія такого злого умысла я съ нашими пріятелями согласился, чтобъ они съ своей стороны печатно изложили свои дѣйствія на пользу государства и весь вредъ, какой получила Швеція отъ Франціи съ самаго начала своего союза съ нею».

Въ августѣ Остерманъ увѣдомилъ, что конституція, составленная благонамѣренными согласно съ желаніями Россіи, прошла безпрепятственно въ большой депутаціи сейма. Панинъ написалъ на донесеніи: «Сіе дѣло то, которое рѣшитъ навсегда твердость полезной для Россіи шведской формы правительства, и котораго предки в. в—ства достигнуть не могли никогда, хотя всѣ наши прежнія о Швеціи безпокойства, кои иногда и дѣйствительно насъ вооружали, главнѣйше оное въ виду имѣли». Но Екатерина прибавила: «Предоставляю себѣ васъ поздравить, когда всѣ чины согласятся на то». Конституція прошла въ полномъ собраніи чиновъ; точно опредѣлены были границы между тремя властями; государственные чины не должны были впредь

вмѣшиваться въ назначеніе чиновъ и должностей; но если и король три раза отвергнетъ представленіе сената, то представляемый кандидатъ опредѣляется и безъ королевскаго согласія; назначеніе юстиціи канцлера предоставлено было однако государственнымъ чинамъ отъ одного до другого сейма, «потому что, писалъ Остерманъ, настоящій юстиціи канцлеръ Стокенстремъ Французская креатура, и еслибъ онъ остался по прежнему на своемъ мѣстѣ, то, по званію своему, могъ бы многимъ изъ благонамѣренныхъ отомстить и воспрепятствовать исполненію принятыхъ на этомъ сеймѣ мѣръ». Постановлено, что впередъ никакое объясненіе, прибавка или поправка въ фундаментальныхъ законахъ не можетъ произойти на томъ сеймѣ, на которомъ будетъ представлена, остается проектомъ къ будущему сейму. Этотъ пунктъ Остерману труднѣе всего было провести, потому что онъ лишалъ противную партію возможности отмѣнить конституцію на будущемъ сеймѣ.

Король и королева отплатили благонамѣреннымъ по случаю свадьбы кронъ-принца. Остерманъ увѣдомлялъ свой дворъ объ особенномъ отличіи, оказанномъ ихъ величествами всей Французской шайкѣ и явномъ пренебреженіи всѣхъ благонамѣренныхъ, особенно ландмаршала, на котораго король, королева и кронъ-принцъ не хотѣли и смотрѣть, не только говорить съ нимъ, и когда ландмаршалъ привѣтствовалъ кронъ-принца именемъ сената и государственныхъ чиновъ, тотъ не удостоилъ его отвѣтомъ. Королева старалась показать, что очень довольна бракомъ, и ласкала молодую невѣстку, чтобъ совершенно *обсадить* ее Французскими креатурами по выраженію Остермана, и удалить отъ нея всѣхъ благонамѣренныхъ. Французскому и испанскому посламъ оказано было особенное отличіе, особенно первому.

Несмотря на торжество благонамѣренныхъ на послѣднемъ сеймѣ, Остерманъ, въ началѣ ноября, переслалъ Панину тревожныя извѣстія. Противная партія употребляла всѣ средства, чтобъ заставить собрать новый чрезвычайный сеймъ; ея члены разсуждали объ этомъ сеймѣ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, и когда благонамѣренные доказывали имъ, что вновь сдѣланныя финансовыя распоряженія отстраняютъ совершенно надобность чрезвычайнаго сейма, то отвѣчали со смѣхомъ, что у нихъ есть

способъ, и мимо финансовъ, привести сенатъ въ такое затрудненіе, что онъ необходимо долженъ будетъ прибѣгнуть къ созванію чрезвычайнаго сейма. Остерманъ узналъ наконецъ, въ чемъ долженъ состоять этотъ способъ: король, придравшись къ какому-нибудь спору своему съ сенатомъ, долженъ былъ объявить послѣднему, что видя себя до такой степени ослабленнымъ въ своихъ преимуществахъ, не намѣренъ больше вступать въ сенатъ и мѣшаться въ какое-нибудь дѣло; для этого требуетъ созванія чрезвычайнаго сейма, а между тѣмъ намѣренъ удалиться въ уединеніе. Екатерина написала на донесеніи: «Ну такъ Богъ съ нимъ». Французская партія надѣялась, что по собраніи сейма, государственные чины, изъ жалости, не только не допустятъ короля сложить правленіе, но возвратятъ ему всѣ отнятыя у него права и преимущества и дадутъ ему ихъ еще больше, чѣмъ онъ прежде имѣлъ. Тутъ Екатерина написала: «Въ жалость привести cela est bien commun (очень пóшло)».

Король отказался подписать новую конституцію, жалуясь на ограниченіе своей власти [108].

Чѣмъ упорнѣе была борьба Россіи съ Франціею въ Швеціи, тѣмъ важнѣе были для петербургскаго двора отношенія датскія. Эти отношенія были очень благопріятны; но Данія не могла быть покойна, пока не улажено было окончательно голштинское дѣло, пока русскіе государи владѣли Голштиніею. Данія была покойна при Елисаветѣ; но что грозило ей при Петрѣ III? Теперь она успокоилась съ восшествіемъ на престолъ Екатерины; но кто могъ поручиться, что Павелъ не взглянетъ на голштинскія отношенія также какъ смотрѣлъ на нихъ отецъ его. Панинъ по этому поводу подалъ слѣдующій докладъ: «Составленіе особливой въ Сѣверѣ общей системы есть и должно быть первымъ предметомъ настоящей россійской политики. Но пока малое голстинское княжество пребудетъ въ нынѣшнемъ положеніи своемъ, до тѣхъ поръ не можетъ никогда прочный быть въ Сѣверѣ покой, слѣдовательно ниже состояться въ немъ такая независимая отъ постороннихъ державъ система, которая бы одна все равновѣсіе въ Европѣ содержала. Не можетъ и не будетъ никогда Данія съ безпредѣльною довѣренностію полагаться на Россію, доколѣ по голстинскимъ дѣламъ хотя малый видъ камня претыканія оставаться еще будетъ. До того времени бу-

детъ конечно Данія придерживаться Франціи и Австріи и по ихъ дудкамъ напрягать струны свои, дабы у сихъ дворовъ всякій разъ, когда голстинскія притязанія тронуты будутъ, искать себѣ опоры и ими ограждаться. Вѣрно будутъ Франція и Австрія сами всегда стараться продолжать сей камень претыканія, чтобъ способомъ онаго удерживать всегда Данію въ той зависимости, въ которой она у нихъ донынѣ была. Если потому нужно, чтобъ особливая въ Сѣверѣ система достигнула когда-либо совершенства своего, время теперь положить оной основаніе. Малолѣтство его и—скаго высочества великаго князя можетъ нынѣ служить къ учиненію о всѣхъ распряхъ запасной сдѣлки, и когда оная отъ ея и. величества предварительно постановлена, а потомъ, по достиженіи его и. высочествомъ совершеннолѣтства дѣйствительно въ исполненіе приведена будетъ, безъ ошибки уже почти можно сказать, что нынѣ же и положится прямое начало тому знатному въ Сѣверѣ политическому зданію, которое я поставляю за выгодное и полезное отечеству. Правда, Петръ Великій почиталъ за первый политики своей предметъ и въ самомъ дѣлѣ употреблялъ къ тому всѣ свои подвиги, чтобъ сдѣлать для Россіи какое ни есть въ Германіи пріобрѣтеніе: но время и обстоятельства перемѣняютъ правила. Петръ Великій, выводя народъ свой изъ невѣжества, ставилъ уже за великое и то, чтобъ уравнять оный державамъ втораго класса, которыя наиболѣе взаимствуютъ инфлюенцію свою въ генеральныхъ европейскихъ дѣлахъ отъ сочленства въ германскомъ корпусѣ: ибо, будучи тамъ между множествомъ малыхъ князей сильнѣйшія, могутъ они по имперскимъ, съ генеральными европейскими дѣлами толь много связаннымъ, играть отличный роль, коего бы инако существительною своею силою никогда достигнуть не могли. Въ семъ намѣреніи помышлялъ и старался онъ предуготовить путь къ присоединенію герцогства голстинскаго, сколь оно само по себѣ ни мало, подъ державу Россійскую, дабы симъ способомъ получить въ нѣмецкой имперіи голосъ и пользоваться онымъ по теченію дѣлъ и по интересамъ собственной своей для распространенія знатности, силы и инфлюенціи ея, кои тогда трудами его возростать только начинали. Въ послѣдовавшія потомъ времена, хотя слава и важность отечества нашего очевидно выходила уже изъ толь тѣсныхъ предѣловъ, пріобрѣтая напротивъ

того сами по себѣ совершенное съ первыми въ Европѣ державами равенство, однако затвердѣлое предубѣжденіе, которое отъ вѣнскаго двора для приведенія насъ въ нѣкоторую отъ себя по германскимъ дѣламъ зависимость, натурально всѣми силами всегда подкрѣпляемо было, оставалось еще непремѣнно во всей своей силѣ и руководствовало отчасти всѣми нашими предпріятіями: но нынѣ подъ мудрою и благословенною державою ея и. в-ства, когда Россія не только у всей Европы въ совершенное сама по себѣ почтеніе приведена: но и когда уже дѣйствительное и твердое отчасти положено основаніе собственной нашей независимой системы, которою толь славно и счастливо произведенъ новый выборъ короля польскаго, должно намъ не о томъ помышлять, чтобъ искать дѣлъ для утвержденія знатности своей, но чтобъ паче руководствовать дѣлами и сохранять собою покой и тишину имперіи своей, чему, по собственному ея и. в-ства признанію, и удостовѣренію, ничто столь много способствовать не можетъ, какъ составленіе подъ предводительствомъ Россіи общаго Сѣверныхъ державъ между собою соединенія и союза. Умалчивая о всѣхъ другихъ къ сему предмету относительныхъ обстоятельствахъ, нахожу я только примѣтить, что Голштинія, хотя ею и навсегда Данія къ союзу съ нами привлечена быть можетъ, сама въ себѣ по состоянію своему въ разсужденіи Россіи и ея нынѣ въ Европѣ основанной силы и знатности, отнюдь не можетъ за важное пріобрѣтеніе почитаема быть, а толь меньше польза общаго сѣвернаго союза равняться когда-либо съ выгодою дѣйствительнаго ея владѣнія. Польза отъ союза очевидная, существительная и неоспоримая, а выгода отъ владѣнія исчезаетъ совершенно, если только прямо вообразить себѣ малость съ отдаленнымъ отъ Россіи неудобнымъ положеніемъ той части герцогства голстинскаго, которая принадлежитъ великому князю. Надобно здѣсь примѣтить: Данія предлагала въ прошлыя времена на обмѣнъ за великокняжескую долю Голстиніи графства Ольденбурское и Дельменгорстское. Такое предложеніе противно весьма истиннымъ началамъ россійской политики. Толь великая имперія, которой сила нынѣ совершенно уже утверждена, не будетъ конечно никогда имѣть нужды брать въ обмѣнъ толь бѣдныя землицы. Неприлично державѣ россійской имѣть въ Германіи такія крохи и въ смущенномъ германской имперіи корпусѣ то отъ

австрійскаго дома ленное господство, поверхность, или же и и одни прицѣпки имперскаго надворнаго суда сносить, то съ сильнѣйшими сосѣдями вступать въ бездѣльныя о границахъ хлопоты и въ соперничество о власти и юрисдикціи. По настоящимъ россійской политики правиламъ, не надобно ей къ истинному ея приращенію ни одной пядени земли въ Германіи. Славнѣе для насъ ничего тамъ не имѣть, а вмѣсто того сильными нашими союзами, особливо же общимъ сѣвернымъ, дѣлать всегда перевѣсъ, какъ въ Европѣ, такъ наипаче въ нѣмецкой имперіи при всякомъ томъ случаѣ. Сихъ ради причинъ представленный Даніею обмѣнъ графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго имѣлъ бы для россійской имперіи къ тому единственно служить, чтобъ обратить оный въ пользу и справедливое удовлетвореніе родственникамъ и леннымъ свойственникамъ е. и. в—ства великаго князя».

Екатерина согласилась съ этимъ мнѣніемъ, и Сальдернъ, какъ мы видѣли, отправился въ Данію и Голштинію для улаженія этого дѣла, но не въ качествѣ посланника, которымъ былъ сначала Корфъ, а потомъ генералъ Философовъ [109].

Въ первомъ донесеніи своемъ отъ 4-го января Корфъ увѣдомилъ о кончинѣ короля Фридриха V, которому наслѣдовалъ Христіанъ VII. Въ началѣ все осталось по старому; главнымъ вліятельнымъ лицомъ при покойномъ королѣ былъ оберъ-маршалъ графъ Молтке; новый король утвердилъ его во всѣхъ чинахъ и должностяхъ; но говорили, что королева, бабка молодаго Христіана VII будетъ имѣть на него большое вліяніе. «Слѣдовательно, прибавлялъ Корфъ, будущаго жребія многихъ здѣсь особъ еще узнать нельзя». 27-го марта умеръ и самъ Корфъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-майоръ Философовъ; но до его пріѣзда секретарь посольства баронъ Ферзенъ долженъ былъ увѣдомлять Панина о событіяхъ при копенгагенскомъ дворѣ. Отъ 8-го іюля онъ увѣдомилъ его, что графъ Молтке долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ должностей, потому что въ прошедшее царствованіе не угодилъ старой королевѣ.

Философовъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ только въ концѣ года. Отъ Сальдерна Философовъ узналъ, что датскій дворъ находится въ печальномъ положеніи; единственный человѣкъ, съ которымъ можно вести дѣло, это Бернсторфъ, но и тотъ не-

проченъ на своемъ мѣстѣ, и Сальдернъ уже хлопоталъ о его поддержкѣ. «Я уже здѣсь двѣ недѣли писалъ Философовъ, а товарищъ мой и болѣе, но никто, ни самъ король, ни министры его, не только ни въ какія объясненія съ нами не вступали, но когда мы ихъ хотѣли серіозно затронуть, то изъ отвѣтовъ ихъ можно было видѣть совершенное ихъ незнаніе. Почему и кажется, что необходимость требуетъ, для достиженія всѣхъ желанныхъ нами полезностей отъ сего двора, г. Бернсторфа всѣми силами подкрѣплять, какъ единственный дальновидный инструментъ, могущій намъ содѣйствовать; и хотя по внушеніямъ товарища моего и по сдѣланнымъ отъ меня въ томъ подтвержденіямъ, довѣренность королевская къ г. Бернсторфу совершенно возвратилась, но такъ какъ чрезвычайное и безпримѣрное легкомысліе королевское и его ежедневно измѣняющееся обращеніе со всѣми безъ изъятія не позволяютъ твердо полагаться на настоящее его обращеніе съ Бернсторфомъ, то нахожу нужнымъ предварительно увѣдомить, что въ случаѣ паденія г. Бернсторфа, еслибы другія средства и внушенія наши чрезъ другихъ къ возстановленію его значенія были недостаточны, думаемъ самому королю доброю манерою сказать, что если онъ при переговорахъ не всю свою довѣренность на г. Бернсторфа возлагать будетъ, то мы будемъ принуждены остановить переговоры и требовать новыхъ повелѣній отъ своего двора, ибо знаемъ, что наша государыня разсчитывала на большой успѣхъ переговоровъ, имѣя въ виду извѣстныя способности г. Бернсторфа [110].»

Еще прежде Корфа умеръ въ Лондонѣ старикъ Гроссъ и былъ замѣненъ графомъ Алексѣемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, но до пріѣзда послѣдняго дѣлами завѣдывалъ племянникъ покойнаго, совѣтникъ посольства Гроссъ. По поводу все еще тянувшагося дѣла о заключеніи торговаго и союзнаго договоровъ между Россіею и Англіею, Гроссъ писалъ Панину, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Англіи эта держава можетъ только очень слабо содѣйствовать установленію прочной системы на сѣверѣ. Настоящіе министры затруднены на каждомъ шагу и каждую минуту подвергаются опасности лишиться своихъ мѣстъ; между ними нѣтъ согласія и они не пользуются довѣріемъ ни короля, ни народа. По словамъ англійскихъ историковъ «превосходныя

намѣренія и, по большей части, превосходныя мѣры управленія лорда Рокингама были недостаточны для отвращенія зла, происходившаго отъ личныхъ недостатковъ лорда Рокингама. Отъ неимѣнія великаго контролирующаго центра вся система подвергалась разстройству» [111]. Наконецъ ожидаемая перемѣна произошла: знаменитый Питтъ, лордъ Чатамъ, вступилъ въ министерство. Между тѣмъ лордъ Макартней подавалъ Панину одну за другой плаксивыя записки, умоляя не останавливать заключенія торговаго договора, хотя, какъ мы видѣли, въ Англію уже дано было знать о его заключеніи [112].

Дѣло остановилось на одной статьѣ: въ русской редакціи относительно новыхъ постановленій о торговлѣ говорилось, что англійскіе купцы извлекутъ изъ этихъ новыхъ постановленій тѣ же выгоды, какъ и подданные императрицы. Англичане же требовали, чтобъ эта статья была выражена такъ: «Новое постановленіе никакимъ образомъ не стѣснитъ и не ограничитъ торговли англійскихъ купцовъ въ Россіи, не измѣнитъ ея направленія и природы». Императорскій кабинетъ не соглашался на это измѣненіе. Панинъ внимательно выслушивалъ рѣчи Макартнея, всѣ его доказательства, и отвѣчалъ: «Я вижу, что у насъ никогда не будетъ торговаго договора». Макартней подалъ записку: «Въ нашей странѣ, писалъ онъ Панину, интересы политическіе и торговые не могутъ быть раздѣлены; на торговлѣ основано могущество Англіи, и неужели вы изъ-за одной формальности захотите показать передъ цѣлымъ свѣтомъ неуваженіе, питаемое вами къ этой основѣ нашего величія. Возможно ли кому-нибудь повѣрить, чтобъ заявленіе, какого мы требуемъ, могло повредить достоинству императрицы. Ея и. в—ство обладаетъ не только героическими добродѣтелями, но также кротостію и умѣренностію, и не откажетъ въ особенной благосклонности, на которую король мой государь будетъ смотрѣть какъ на оказанную ему лично. Постоянная цѣль англійской политики состоитъ въ томъ чтобъ угождать императрицѣ. Чтобъ угодить императрицѣ король послалъ министра въ Стокгольмъ, несмотря на оскорбленіе, ему тамъ нанесенное; по требованію русскаго интереса онъ забылъ оскорбленіе. Чтобъ угодить императрицѣ онъ дружится съ ея друзьями: такъ недавно онъ сдѣлалъ предложеніе королю датскому. Чтобъ угодить императрицѣ онъ снова

посылаетъ министра къ берлинскому двору: министру этому приказано содѣйствовать во всемъ русскимъ интересамъ. Если императрица останется неумолимою, то что я долженъ донести моему государю? Что она предпочитаетъ одинъ пунктикъ (un puncilio) не только горячему желанію короля пріобрѣсть ея дружбу, но и счастію рода человѣческаго, ибо установленіе сѣверной системы упрочитъ не только спокойствіе и счастіе нашего вѣка, но и отдаленнаго потомства. Развѣ мало еще намъ униженія отъ императрицы въ слѣдствіе ея повторительныхъ отказовъ? Неужели она не захочетъ насъ поднять и явиться столь же великою своимъ снисхожденіемъ какъ и вниманіемъ къ поддержкѣ своего значенія и достоинства. Мы питаемъ къ ней полное довѣріе, мы удовольствовались бы и словеснымъ обѣщаніемъ съ ея стороны; но кто поручится, что всѣ русскіе государи будутъ похожи на нее и что ея жизнь будетъ также безконечна какъ и ея слава? Умоляю васъ обратить вниманіе на различіе между конституціею Англіи и конституціею вашей великой и страшной имперіи, на тонкія границы, которыя у насъ раздѣляютъ власть государя отъ привилегіи народа. Еслибы къ нашему счастію ваше пр—ство были министромъ въ Англіи, то вы бы вникли въ геній нашей конституціи и прощали бы намъ наши недостатки, снисходили бы къ нашимъ слабостямъ; вашъ высокій умъ проникъ бы въ тайны нашей политики и вы увидали бы, что мы можемъ сдѣлать и чего не смѣемъ сдѣлать. Развѣ я не знаю, чѣмъ мы обязаны способностямъ человѣка, который умѣлъ успокоить и шведскіе предразсудки, и датскую зависть и сдѣлать Россію рѣшительницею судебъ Сѣвера? И вотъ въ ту самую минуту, когда блестящее будущее открылось нашимъ глазамъ, когда одной ничтожной уступки съ вашей стороны достаточно для окончательнаго прославленія царствованія императрицы и мудрости вашихъ совѣтовъ, изъ-за чистой формальности (ничтожной для Россіи и необходимой для насъ) вы покинете эту великую систему, которая держитъ въ нерѣшительномъ положеніи всю Европу, систему прекраснѣйшую, какую политическій геній когда-либо придумывалъ и которая содѣлаетъ вѣкъ Екатерины самымъ блестящимъ вѣкомъ въ лѣтописяхъ міра. Неужели вы захотите изъ-за сущей бездѣлицы упустить случай подчинить Великобританію вашимъ идеямъ, за-

ставить ее присоединиться къ вашимъ союзникамъ и дѣйствовать подъ вашимъ руководствомъ?»

—«Когда трудились надъ возобновленіемъ торговаго договора, отвѣчалъ Панинъ, то главною нашею мыслію было установленіе самой точной взаимности. Британскій уставъ (Актъ Мореплаванія) полагаетъ границы участію иностранцевъ въ англійской торговлѣ. Надобно было внести статью, которая бы служила противовѣсіемъ этому акту: вотъ почему мы оставили за собою право сдѣлать въ послѣдствіи такое внутреннее распоряженіе, которое бы служило для ободренія и распространенія русскаго мореплаванія, право, котораго нельзя у насъ отрицать безъ явной несправедливости, безъ посягновенія на независимость нашего правительства. Чѣмъ же станетъ послѣ того независимое правительство, если у него отнимется власть дѣлать что ему угодно внутри государства? Конституція уже дѣйствующая можетъ ли быть священнѣе свободы установить подобную конституцію, когда она будетъ признана выгодною. Государство стало бы предписывать законы другому, еслибы сказало ему: у насъ есть уставы, изъ которыхъ давно уже мы извлекаемъ большія выгоды; у васъ еще нѣтъ подобныхъ; настоящій порядокъ вещей въ нашу пользу, поддержимъ его во всей ненарушимости! Торговля можетъ быть основаніемъ англійской политики; но торговля не уничтожается потому только, что нѣтъ договора, опредѣляющаго ея условія. Наши взаимныя нужды, существуя постоянно одинакими, установятъ различіе, которое мы взаимно постановимъ между русскими и англійскими подданными и подданными другихъ державъ, и поддержимъ во всей силѣ политическія отношенія, насъ соединяющія. Затрудненіе, встрѣченное при ратификаціи торговаго договора, не можетъ произвести никакой перемѣны въ отношеніяхъ между императрицею и королемъ, никакого нарушенія системы, которую оба двора имѣютъ въ виду для спокойствія Сѣвера. Союзный договоръ точно также предполагаетъ совершенное единство интересовъ, какъ и договоръ торговый. Препятствіе, встрѣченное при заключеніи торговаго договора не должно отнимать у насъ духъ: наоборотъ, мы должны съ большимъ жаромъ стремиться къ заключенію союза, который возвѣститъ Европѣ, что никакое препятствіе не можетъ порознить политическую систему Россіи отъ политиче-

ской системы Великобританіи. Мы первые докажемъ это тѣмъ, какъ будетъ поступаемо съ англійскими купцами въ Россіи безъ договора; этимъ обхожденіемъ мы покажемъ, что умѣемъ отличать друзей своихъ [113]».

По поводу этой неудачной для себя борьбы Макартней писалъ своему министерству: «Я долженъ замѣтить, что оба государства находятся въ заблужденіи относительно другъ друга. Въ Петербургѣ воображаютъ, что лондонскій дворъ можетъ заставить британскую націю усвоить его идеи также легко, какъ русская императрица можетъ заставить своихъ подданныхъ повиноваться ея указу. Хотя я употреблялъ необыкновенныя усилія, чтобъ объяснить имъ разницу между обоими правительствами, они не умѣютъ или не хотятъ понять ее. Наша ошибка на ихъ счетъ состоитъ въ томъ, что мы смотримъ на нихъ какъ на народъ образованный и обращаемся съ ними такъ, тогда какъ они вовсе не заслуживаютъ этого названія и смѣло скажу, что тибетское государство или владѣнія попа Ивана имѣютъ на него такое же право. Ни одинъ изъ здѣшнихъ министровъ не понимаетъ полатыни и немногіе обладаютъ начальными литтературными свѣдѣніями. Гордость—дитя невѣжества, и потому неудивительно, если дѣйствія здѣшняго двора иногда отзываются высокомѣріемъ и тщеславіемъ. Приводить Гроція и Пуффендорфа петербургскимъ министрамъ все равно что толковать константинопольскому дивану о Кларкѣ и Тиллотсонѣ. Мнѣ говорили, что обычныя формы сношеній, употребляющіяся при другихъ дворахъ, при здѣшнемъ введены только въ нынѣшнее царствованіе. И Панинъ, и вице-канцлеръ оба увѣряли меня, что во времена императрицы Елисаветы Бестужевъ подписывалъ всѣ трактаты, конвенціи и декларацiи безъ полномочія отъ государыни. Понятно, что международное право не можетъ сдѣлать большихъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на университетъ. Такъ какъ они варвары и невѣжды во всемъ томъ, что способствуетъ умственному развитію и ведетъ къ открытіямъ, то я мало опасаюсь ихъ успѣховъ въ торговлѣ и мореплаваніи. Какъ дѣти они прельщаются каждою новою идеею, преслѣдуютъ ее нѣкоторое время и потомъ покидаютъ, когда въ ихъ воображеніи является другая. Постановленія Петра Перваго 1718 года основаны на нашемъ Актѣ Мореплаванія; но думаю, ни од-

на морская держава не почувствовала никакого вреда отъ нихъ. Ихъ жаръ къ морскому дѣлу такъ скоро простылъ, что при Петрѣ II-мъ князь Долгорукій издалъ указъ, которымъ останавливалось даже кораблестроеніе. При императрицѣ Аннѣ они опять перемѣнили мнѣніе и возобновили прежнюю систему, несмотря на то всѣ ихъ послѣднія коммерческія предпріятія сопровождались убытками, неудачами и стыдомъ. Ихъ упорство въ настоящемъ случаѣ происходитъ чисто отъ высокомѣрія и гораздо труднѣе переломить русскаго въ дѣлѣ гордости, чѣмъ въ дѣлѣ интереса. По моему крайнему разумѣнію совершенно невозможно уговорить ихъ на уступку нашему требованію, и потому я думаю, что надобно ратификовать договоръ, ибо иначе мы можемъ многое потерять».

Когда иностранный посланникъ начиналъ сильно бранить Россію и русскихъ, именно упрекать ихъ въ варварствѣ и невѣжествѣ, то это обыкновенно было признакомъ, что русскій дворъ сумѣлъ охранить свое достоинство и свои интересы. Будучи сердитъ на Панина, Макартней съ удовольствіемъ извѣщалъ свое министерство объ ослабленіи его вліянія; передавалъ, что Панинъ страстно влюбился въ графиню Строганову, дочь бывшаго канцлера Воронцова, которая ищетъ развода съ своимъ мужемъ. Вслѣдствіе своей несчастной страсти Панинъ сталъ небреженъ и разсѣенъ, дѣла остановились, а самъ онъ теряетъ уваженіе общества, которое не можетъ простить такого увлеченія человѣку его лѣтъ и положенія; враги указываютъ на дурной примѣръ, подаваемый министромъ и, главное, воспитателемъ наслѣдника престола; подъ врагами Панина прежде всего разумѣлись Орловы; главными же друзьями Панина, по отъѣздѣ Сальдерна, оставались Чернышевы. Но, къ несчастію для Макартнея, эти отношенія нисколько не измѣняли дѣла о торговомъ договорѣ, и онъ долженъ былъ подписать его въ той формѣ, въ какой требовалъ Панинъ.

Торговый договоръ былъ заключенъ; оставалось заключить союзный, и въ Англіи охотно заключили бы его: здѣсь нравилась Сѣверная система, противоположная южной; но по прежнему существовалъ камень преткновенія: Англія никакъ не соглашалась включить Турцію въ случай союза, т.-е. обязаться помогать Россіи и противъ нея. Макартней въ началѣ 1767 года

писалъ своему министерству, что остается одна надежда на уступку со стороны русскаго двора: если въ слѣдствіе неудовольствія въ Швеціи, или волненія въ Польшѣ Франція приметъ явно сторону первой, а Австрія сторону второй, то обстоятельства могутъ сдѣлать для Россіи англійскій союзъ необходимымъ [114]. Повидимому ожиданія Макартнея сбывались: въ Польшѣ обнаружились волненія. Въ началѣ 1767 года, Репнинъ спрашивалъ Панина: надобно ли возстановлять диссидентовъ во всѣхъ старыхъ правахъ ихъ, за исключеніемъ только должности великихъ гетмановъ? надобно ли ограничить число диссидентскихъ депутатовъ на сеймахъ, или дать имъ полное равенство съ католическою шляхтою? Панинъ отвѣчалъ, что надобно представлять дѣло Полякамъ различно, смотря по тому, кто будетъ у него объ немъ спрашивать. Людямъ равнодушнымъ, непринадлежащимъ ни къ какой партіи, надобно отвѣчать, что диссидентское дѣло двойное по природѣ своей, церковное и гражданское, почему и русскія требованія раздѣляются надвое. По отношенію къ церковной сторонѣ дѣла—истина несомнѣнная и признанная даже на послѣднемъ сеймѣ самимъ польскимъ духовенствомъ, что диссиденты утѣснены противъ законовъ и правды, и потому мы требуемъ уничтоженія вкоренившихся злоупотребленій и установленія для нихъ на будущее время полной свободы общественнаго богослуженія. Что же касается правъ гражданскихъ, то мы съ самаго начала представляли ихъ предметомъ переговоровъ, слѣд. намѣреніе наше было покончить дѣло полюбовно, на разумныхъ условіяхъ. Мы не измѣняемъ нашихъ намѣреній и теперь (хотя дѣло доведено до крайности упорствомъ польскаго двора), если противная партія, признавъ свои ошибки и желая избѣжать опасностей, грозящихъ республикѣ, станетъ вести это дѣло съ нами откровенно и полюбовно. Если искренно захотятъ сохранить спокойствіе отечества, то диссиденты не станутъ дѣлать излишнихъ требованій и удовольствуются средствомъ, которое бы могло обезпечить имъ извѣстное равенство съ своими согражданами.—Но съ тѣми, которые будучи недовольны дворомъ, стали бы искать покровительства ея и. в., составили бы особую партію и захотѣли бы даже образовать конфедерацію въ полной формѣ, съ такими надобно держать другую рѣчь, надобно внушать имъ, что ея и. в. вовсе не имѣетъ вредныхъ намѣреній про-

тивъ католической религіи, напротивъ дозволяетъ ей преимущества предъ другими исповѣданіями. Мы охотно соглашаемся на то, чтобъ католики пользовались исключительно важнѣйшими должностями въ государствѣ, напримѣръ должностями великихъ гетмановъ и министровъ; также чтобъ они составляли большинство въ законодательствѣ и судебномъ управленіи, опредѣливши число диссидентскихъ депутатовъ на сеймѣ и въ судахъ. При такихъ преимуществахъ католики могутъ оставаться спокойными и безопасными со стороны диссидентовъ; кромѣ того раздача должностей и милостей будетъ зависѣть единственно отъ короля католика, а можно ли предположить, безъ оскорбленія здраваго смысла, чтобъ тутъ диссиденты не только взяли верхъ, но и могли соперничать съ католиками! «Излишнимъ считаю рекомендовать в. с—ству, писалъ Панинъ, чтобъ вы этими и подобными изъясненіями пріучали поляковъ смотрѣть съ большимъ равнодушіемъ на то, что будетъ нами предприниматься въ пользу диссидентовъ; ибо въ самомъ дѣлѣ, если только мечта фанатизма и предубѣжденія будетъ у нихъ вынута изъ глазъ, то не могутъ они сами не признать, что возстановленіе диссидентовъ въ правахъ возвратитъ законную цѣлость поврежденной ихъ конституціи, утвердитъ тишину ихъ отечества, истребивъ корень взаимной вражды и ненависти, и доставитъ католической религіи, не путемъ насилія, но добровольнымъ согласіемъ другихъ исповѣданій, въ роды родовъ характеръ господствующей религіи, каковой характеръ въ противномъ случаѣ такимъ же насиліемъ и также легко можетъ быть у нея отнятъ, какъ она его себѣ присвоила и теперь присвоиваетъ». Къ этому отвѣту Панинъ присоединилъ собственноручный постскриптъ: «Все предписанное прозорливости ю умѣряемо быть должно; сокращеніе нѣкоторое въ равенствѣ исполненія вѣры и гражданскихъ правъ диссидентамъ полагается для предупрежденія большихъ замѣшательствъ и для скорѣйшаго окончанія одними нами сего дѣла съ утвержденіемъ себѣ новаго права инфлюенціи въ правительствѣ польскомъ, а возстановленіе того равенства сколько возможно остается навсегда основаніемъ нашего интереса, и потому сіи два предмета всегда должны быть согласуемы между собою».

Для окончательнаго опредѣленія отношеній къ Чарторыйскимъ Панинъ писалъ имъ, чтобъ они рѣшительно ему отвѣчали со-

гласны ли они содѣйствовать видамъ Россіи относительно диссидентовъ. Чарторыйскіе отвѣчали уклончиво, увѣряя въ своемъ неизмѣнномъ желаніи видѣть отечество въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею, въ своей преданности особѣ императрицы. Репнинъ сказалъ имъ, что ихъ письмо отличается неопредѣленностію; что нечего толковать о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, надобно доказать ихъ на дѣлѣ, поступая такъ, какъ мы хотимъ. «Вы представляете опасности отъ диссидентской конфедераціи для самихъ диссидентовъ, а не говорите, какъ же сдѣлать иначе. Опасность будетъ грозить не диссидентамъ, а тѣмъ, которые позволятъ себѣ причинить какое-нибудь насиліе диссидентамъ, потому что Россія отомститъ страшно обидчикамъ. Вы не говорите ни слова, будете ли дѣйствовать согласно съ нами на будущемъ сеймѣ, чтобъ привести къ желанному концу диссидентское дѣло во всей его полнотѣ. Вы внушаете въ своемъ письмѣ, что надобно доставить Польшѣ какія-нибудь выгоды для облегченія диссидентскаго дѣла: пожалуйста говорите ясно, потому что мы не хотимъ терять времени въ переговорахъ». Чарторыйскіе отвѣчали, что они не могутъ сами взяться вести диссидентское дѣло, ни предложить какое-либо средство для его успѣшнаго окончанія. Во время разговора у одного изъ Чарторыйскихъ вырвались слова, что скорѣе выгонятъ диссидентовъ изъ Польши, чѣмъ согласятся допустить ихъ къ занятію должностей. Рѣпнинъ сказалъ на это: «Тѣ же самыя государства, которыя просятъ теперь о возстановленіи диссидентскихъ правъ, придутъ и вооруженною рукою потребуютъ возвращенія всѣхъ диссидентскихъ имѣній, и скорѣе перевернутъ всю Польшу чѣмъ откажутся отъ своихъ требованій». Репнинъ показалъ отвѣтъ Чарторыйскихъ диссидентскимъ вождямъ и спросилъ: когда они будутъ готовы съ своей конфедераціей. Тѣ назначили 9 марта с. с. текущаго года, и Репнинъ далъ знать въ Петербургъ объ этомъ срокѣ, чтобъ къ тому времени русскія войска были готовы вступить въ Польшу. Съ другой стороны вполнѣ предавшійся Репнину референдарій коронный Подоскій отправился въ объѣздъ по главнымъ противникамъ *фамиліи*, къ Потоцкому, Оссолинскому, Мнишку, къ епископамъ Солтыку и Красинскому, испытать ихъ расположеніе, обѣщать покровительство Россіи, посредствомъ котораго они могутъ взять верхъ надъ Чарторыйскими, если только согласятся содѣйство-

вать диссидентскому дѣлу. «Подоскій лицо духовное, писалъ Репнинъ, но онъ вовсе не фанатикъ и думаетъ гораздо больше о благахъ міра сего, чѣмъ о вѣнцѣ мученическомъ; это человѣкъ ловкій и очень разумный. Онъ будетъ уговаривать вельможъ написать коллективное письмо къ императрицѣ съ просьбою своимъ высокимъ покровительствомъ возстановить законы, нарушенные въ настоящее царствованіе и обезпечить ихъ силу навсегда. Онъ будетъ уговаривать ихъ составить конфедерацію, какъ скоро наши войска войдутъ въ Польшу, ибо эти войска будутъ ихъ защищать». Тотъ же Подоскій написалъ къ находившемуся въ изгнаніи князю Радзивилу съ приглашеніемъ пристать къ русской сторонѣ.

Велась переписка съ Чарторыйскими; въ слѣдствіе неудовлетворительности ихъ отвѣта, обратились къ ихъ врагамъ; о королѣ какъ будто забыли, къ нему не обращались ни съ какими вопросами и внушеніями. Въ концѣ января Станиславъ-Августъ рѣшился самъ затронуть Репнина о политикѣ, и сдѣлалъ къ серіозному разговору шуточный и не очень благопристойный приступъ. «Французская актриса Клеронъ, началъ король, предлагаетъ мнѣ свои услуги и я хочу ими воспользоваться: но безпокойства нынѣшняго года не помѣшаютъ ли удовольствіямъ?» Репнинъ отвѣчалъ, что удивляется, какъ его величество серіозныя дѣла мѣшаетъ съ такими мелочами. Но король продолжалъ разговоръ объ актрисѣ и кончилъ вопросомъ: «Не пойдете ли вы на насъ войною»? Репнинъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ нихъ, потому что война бываетъ тамъ, гдѣ есть сопротивленіе; кто же не сопротивляется ни прямо, ни происками у другихъ, но видя и право и силу въ соединеніи, старается имъ удовлетворить *добрымъ манеромъ*, смотря съ терпѣніемъ на подвиги ихъ, тотъ не можетъ опасаться войны.—«Мое мнѣніе то же самое, сказалъ на это король: увѣряю васъ, что не хочу ни прямо, ни стороной противиться Россіи въ случаѣ вступленія вашихъ войскъ сюда; но кромѣ этого, что̀ вы мнѣ присовѣтуете еще дѣлать?»—«Удовлетворить нашимъ требованіямъ, отвѣчалъ Репнинъ: если это удовлетвореніе будетъ соединено съ осторожнымъ и благоразумнымъ поведеніемъ, то в. в—ство непремѣнно достигнете прежней дружбы съ Россіею».

Вожди диссидентовъ, взявши у Репнина 20,000 червонныхъ сдержали слово, ему данное. Къ назначенному сроку, въ мартѣ мѣсяцѣ, образовалась конфедерація изъ протестантовъ въ Торнѣ, маршаломъ которой былъ графъ фонъ-Гольцъ; въ то же время образовалась другая конфедерація въ Слуцкѣ подъ маршальствомъ генерала Грабовскаго: къ ней принадлежали православные Новогрудка и другихъ сосѣднихъ областей. Переговоры съ Радзивиломъ, ведшіеся посредствомъ саксонскаго агента Алоэ, кончились успѣшно. Радзивилу обѣщано было позволеніе возвратиться въ отечество, съ возстановленіемъ во всѣхъ правахъ и въ прежнемъ значеніи, но подъ условіями: дѣйствовать въ интересахъ русской императрицы, особенно поддерживать ея намѣренія относительно диссидентовъ, не притѣснять ихъ въ своихъ имѣніяхъ, возвратить имъ ихъ церкви, выдавать русскихъ перебѣжчиковъ, вести себя благоразумно. Послѣднее условіе считалось необходимымъ, потому что знаменитый вельможа, особенно подъ веселый часъ (а эти часы были не рѣдки), позволялъ себѣ дикія выходки. Радзивилъ былъ въ восторгѣ отъ русскихъ предложеній, и 28 февраля, изъ Дрездена отвѣчалъ Репнину, что, проникнутый чувствомъ самой живой признательности къ императрицѣ за предлагаемое покровительство, покорный ея великодушной волѣ для блага республики и всѣхъ добрыхъ патріотовъ, провозглашаетъ и обѣщаетъ, что будетъ всегда держаться русской партіи, что приказанія, которыя угодно будетъ русскому двору дать ему, будутъ приняты всегда съ уваженіемъ и покорностію, и что онъ будетъ исполнять ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, прямого или косвеннаго. Чтобъ не оставить никакого сомнѣнія на счетъ своихъ поступковъ, чтобъ не дать врагамъ ни малѣйшей возможности чернить его, и въ знакъ покровительства императрицы, Радзивилъ просилъ, чтобъ при немъ постоянно находился русскій чиновникъ, который бы давалъ ему непосредственно знать о намѣреніяхъ императрицы. Въ заключеніе Радзивилъ обѣщалъ содѣйствовать успѣху диссидентскаго дѣла всѣми силами и въ тѣхъ размѣрахъ, какіе русскій дворъ заблагоразсудитъ дать этому дѣлу.

Возвратился изъ своего объѣзда и Подоскій: онъ донесъ, что Потоцкій, Оссолинскій, Вельгурскій, Солтыкъ и нѣкоторые другіе согласны коллективнымъ письмомъ просить покровитель-

ства императрицы, и потомъ образовать подъ этимъ покровительствомъ конфедерацію и провести диссидентское дѣло по желанію Россіи, но хотятъ прежде всего видѣться съ русскимъ посломъ. Репнинъ далъ имъ знать, чтобъ пріѣзжали въ Варшаву не позднѣе 10 апрѣля н. с. «Кажется сіе начало столь хорошо, сколь желать было можно, писалъ Репнинъ Панину: однако я, бывъ уже здѣсь столько разъ каждымъ особо обманутъ, за успѣхъ отвѣчать совсѣмъ не смѣю, и стараться не упущу оный вѣрнымъ сдѣлать.» Разрывъ русскаго двора съ Чарторыйскими, неподатливость короля въ диссидентскомъ дѣлѣ, движеніе русскихъ войскъ въ польскія владѣнія возбудили въ принцѣ Карлѣ саксонскомъ надежду на важныя перемѣны въ Польшѣ, которыми онъ могъ воспользоваться. Агентъ Карла, Алоэ получилъ отъ него приказаніе сблизиться съ Репнинымъ и во всемъ сообразоваться съ его желаніями. Это было выгодно для русскаго посла, потому что Алоэ былъ въ сношеніяхъ со всею старою саксонскою партіей, съ которою теперь Репнинъ хотѣлъ дѣйствовать заодно. Мы видѣли, что чрезъ Алое велись переговоры съ Радзивиломъ; при помощи Алоэ и Подоскаго Репнинъ составилъ проектъ литовской католической конфедераціи, кромѣ коронной.

Когда образовалась диссидентская конфедерація и было обнародовано, что она находится подъ покровительствомъ Россіи, Репнинъ объявилъ Чарторыйскимъ, что они теперь свободнѣе могутъ помочь ему, ибо фанатическое ослѣпленіе должно уменьшиться въ слѣдствіе обнародованнаго имъ письма, въ которомъ изложены намѣренія Россіи, неимѣющія ничего вреднаго для Польши, для католицизма. Чарторыйскіе отвѣчали, что будутъ содѣйствовать ему по возможности, будутъ стараться и сами объ уменьшеніи фанатизма и рады будутъ успѣху въ этомъ дѣлѣ. Когда Репнинъ сказалъ имъ, что должны пріѣхать къ королю депутаты диссидентской конфедераціи, то Чарторыйскіе начали просить, чтобъ этого не было: этотъ поступокъ, по ихъ словамъ, не заключалъ въ себѣ никакой важности, ибо король не можетъ дать никакого рѣшенія дѣлу, одинъ только сеймъ можетъ это сдѣлать; королю это можетъ быть только крайне вредно, давши поводъ къ развращеннымъ толкованіямъ противниковъ дѣла. Конфедерація пока она не генеральная и не одобрена во всѣхъ воеводствахъ, не можетъ почитаться законною и

король не имѣетъ права принимать отъ нея депутатовъ. «Вижу, писалъ Репнинъ, что Чарторыйскіе стараются ужиматься и сколь можно менѣе всѣмъ открываться, боясь явно какъ намъ противиться, такъ и согласіе на сіе оказать.» Но онъ не могъ имъ ничего сказать вдругъ на ихъ представленія противъ присылки диссидентскихъ депутатовъ; онъ снесся съ конфедератами, и тѣ отвѣчали, что для нихъ необходимо принятіе королемъ ихъ депутатовъ, отказъ въ этомъ принятіи будетъ знакомъ презрѣнія къ ихъ конфедераціи, такой отказъ можно сдѣлать только злодѣямъ республики.

Въ двадцатыхъ числахъ марта собрался въ Варшавѣ сенатскій совѣтъ, гдѣ читаны были деклараціи русскаго и прусскаго пословъ относительно диссидентовъ и актъ диссидентской конфедераціи. Совѣтъ кончился тѣмъ, что рѣшили вызвать всѣхъ сенаторовъ для полнаго совѣта къ 25 мая. По этому поводу Репнинъ писалъ: «Его величество, говоря со мною о семъ, внушилъ мнѣ вскользь, что нарочно онъ срокъ сего сенатскаго совѣта до вышепомянутаго дня отложилъ, дабы дать время нашимъ войскамъ болѣе въ землю вступить и по нужнымъ мѣстамъ расположиться, а далѣе жь не вижу я, чтобъ онъ подавался съ нами согласно дѣйствовать, а увѣряетъ только по прежнему, что ничего противъ нашихъ мѣръ не предпріиметъ; Чарторыйскіе жь хотя въ томъ же увѣряютъ, а притомъ что и содѣйствовать намъ будутъ по возможности, но оную они всегда коротко ограничиваютъ; а между тѣмъ по прежнему принятію диссидентскихъ депутатовъ упорствуютъ, отвращая отъ того и короля, который самъ и на то бы склонился, еслибы не удерживали, что онъ мнѣ нѣсколько и выразумѣть далъ. Я еще съ твердостію о семъ съ Чарторыйскими изъяснюся». Станиславъ Понятовскій высказалъ свой взглядъ на ходъ диссидентскаго дѣла въ письмѣ къ Жоффрэнъ: «Въ диссидентскомъ дѣлѣ императрица запросила слишкомъ много, а сеймъ въ слишкомъ многомъ отказалъ.» Это писалъ онъ въ самомъ концѣ 1766 года; а въ мартѣ 1767 писалъ: «Не спѣшите осуждать меня, терпѣніе, и я оправдаюсь. Терпѣніе и мужество (?) вотъ мой девизъ. Буря приближается и будетъ страшная. Съ минуты на минуту я жду извѣстія, что русскія войска входятъ въ мои владѣнія. Я вамъ не скажу, что я сдѣлаю: это не возможно, вы слишкомъ далеко; я вамъ скажу

только, что стараюсь сохранить голову очень холодную и повторяю себѣ пятьдесятъ разъ въ день, что бѣгать за славой глупость.» Относительно Чарторыйскихъ писалъ: «Аттикъ и Цицеронъ (Чарторыйскіе), видя себя въ затруднительномъ положеніи между Компасомъ (Екатериною) и Площадью (общественнымъ мнѣніемъ), захотѣли на свое трудное мѣсто поставить Телемака (короля) своими совѣтами, которые погубили бы его передъ тѣмъ и передъ другою. Тутъ Телемакъ сказалъ самому себѣ: Служить общественному мнѣнію есть извѣстный родъ обязанности; но служить истинному благу государства есть обязанность болѣе священная. Счастье, когда можно ихъ согласить; когда же нельзя, надобно держаться послѣдняго. Телемакъ, который, отказываясь до сихъ поръ постоянно отъ собственнаго мнѣнія, видѣлъ много разъ, что было бы лучше ему слѣдовать, поневолѣ рѣшается, для избѣжанія поставленныхъ ему ковъ, слѣдовать съ этихъ поръ собственному мнѣнію и уже начинаетъ видѣть выгоду этого».

4 апрѣля Репнинъ увѣдомлялъ, что дѣло католической конфедераціи въ Литвѣ идетъ хорошо, благодаря дѣятельности графа Бростовскаго, старосты Быстрицкаго, зятя князя Радзивила; но посолъ жаловался на коронныхъ пановъ, которые своею медленностію и трусостію не даютъ дѣлу движенія въ Польшѣ. «Ваше высокопр—ство, писалъ онъ Панину, я думаю часто считаете, что я слишкомъ горячъ; но я желаю истинно, чтобъ ангелъ на моемъ мѣстѣ былъ, увѣренъ бывъ, что и тотъ бы терпѣніе потерялъ съ таковыми шильниками. Вамъ извѣстно, что многіе изъ здѣшнихъ противныхъ (двору и Чарторыйскимъ) магнатовъ желали сюда съѣхаться, чтобъ со мной видѣться и рѣшительныя мѣры принять по настоящимъ дѣламъ, но кромѣ воеводы Волынскаго, который сына своего прислалъ и кромѣ подскарбія короннаго Весселя, который самъ пріѣхалъ, никто изъ сихъ господъ не бывалъ, сказавшись всѣ больными. Ясно я вижу, что они отваливаются, желая чужими руками жаръ загребать и пристать только когда дѣло будетъ уже сдѣлано, представляя себѣ въ своихъ химерахъ, что нашъ дворъ съ здѣшнимъ скрытно согласны, а только наружность противную имѣютъ, и, провождая свое время въ подобныхъ сновидѣніяхъ, сколь я ни стараюсь ихъ истреблять; тоже во лжи и въ трусостяхъ ежечас-

выхъ: противные, боясь дворской и чарторыской партiи, а сiи послѣднiя боясь противной, и въ страхѣ своемъ, который питаютъ и умножаютъ пустыми выдумками, только кричатъ и жалуются на правленiе и дворъ, а пошевелиться отъ раболѣпства не смѣютъ. Таково есть сложенiе польской нацiи, изъ чего можете заключить, сколь прiятно съ ними дѣло имѣть и сколь возможно на нихъ полагаться.»

Но изливая свою досаду въ письмахъ къ Панину, Репнинъ не складывалъ рукъ: онъ привлекъ къ себѣ крайчаго короннаго, графа Потоцкаго, человѣка молодого, но надежнаго по основательности своей и богатаго, и отправилъ его побуждать магнатовъ прiѣхать въ Варшаву для свиданiя; тотъ же Потоцкiй долженъ былъ приготовить актеровъ конфедерацiи, по выраженiю Репнина, въ Галицiи. Маршаломъ генеральной коронной конфедерацiи посолъ намѣревался сдѣлать самого князя Радзивила «для пугалища» Чарторыйскимъ, для избѣжанiя убытковъ, потому что онъ самъ себя содержать станетъ и для яснаго доказательства противной двору партiи, что русскiй дворъ съ польскимъ никакого согласiя не имѣетъ; а чтобъ Радзивилъ не надѣлалъ шалостей, то Репнинъ хотѣлъ приставить къ нему полковника Кара съ командой, подъ видомъ прикрытiя конфедерацiи, собственно же для того, чтобъ держать маршала ея въ рукахъ. При этомъ надобно было покончить съ дѣломъ принятiя диссидентскихъ депутатовъ королемъ. Репнинъ призвалъ къ себѣ пана Огродскаго, управлявшаго королевскимъ кабинетомъ, и потребовалъ немедленнаго и прямаго отвѣта на вопросъ: приметъ ли король диссидентскихъ депутатовъ или нѣтъ? Посолъ кончилъ свой разговоръ съ Огродскимъ словами: «Если король и министерство не захотятъ депутатовъ съ пристойностiю принять, то его величество рискнетъ лишиться дружбы нашей всемилостивѣйшей государыни». Слова эти произвели волшебное дѣйствiе: Огродскiй возвратился съ отвѣтомъ, что «король, уважая дружбу ея и. в—ства и всегда желая доказывать свою къ ней преданность, хотя совѣтъ его и противился, намѣренъ однако принять депутатовъ диссидентскихъ». Этотъ прiемъ происходилъ 28 апрѣля н. с. Послѣ предъявленiя своихъ желанiй депутаты были допущены къ королевской рукѣ, что было знакомъ утвержденiя законности диссидентской конфедерацiи.

Наконецъ, въ концѣ апрѣля Репнинъ дождался прiѣзда въ Варшаву воеводы кiевскаго Потоцкаго, епископа каменецкаго Красинскаго и маршала надворнаго Мнишка. Двое первыхъ ревностно принялись за сочиненiе католическихъ конфедерацiй, Мнишекъ самъ поѣхалъ въ воеводство познаньское и калишское для того же сочиненiя. Репнинъ все это время находился въ «мукѣ родинъ» по его выраженiю, потому что съ магнатами было много хлопотъ, много было увѣщанiй, ласокъ, споровъ и брани; всякiй хотѣлъ имѣть главное руководство дѣломъ, завидуя другъ другу. Наконецъ Репнинъ принужденъ былъ прямо сказать имъ, чтобъ «никто изъ нихъ не льстился владѣть имъ и дѣломъ, что онъ самъ одинъ хочетъ имъ руководствовать, а кому это не нравится, съ тѣмъ никакого дѣла имѣть не хочетъ».—«Сей короткiй отвѣтъ, доносилъ Репнинъ, кажется ихъ всѣхъ въ границы привелъ и ревность ихъ междоусобную утушилъ. Теперь надѣюсь, что все пойдетъ порядочно. Между прочимъ замашки были у сихъ новыхъ прiѣзжихъ, чтобъ короля совсѣмъ съ престола свергнуть; но я имъ строгое поученiе противъ сего далъ и всѣ сiи замыслы тотчасъ искоренилъ; и онъ (король) въ великой горести и унынiи духа; легкомыслiе свое увидѣлъ, но видитъ, что сiе раскаянiе пришло къ нему нѣсколько поздно. Я признаюсь, что не безъ жалости на его горесть смотрю; заведенъ онъ былъ или мошенниками или вертопрашно горячими головами, и вина его главная отъ нихъ произошла. Приласкайте его нѣсколько».

Когда разнесся слухъ, что будетъ образована католическая конфедерацiя, король началъ всячески уговаривать Репнина отстать отъ этого намѣренiя. Тотъ отвѣчалъ ему, что русскiй дворъ безъ этого уже не можетъ обойтись, чтобъ не зависѣть болѣе отъ одной воли князей Чарторыйскихъ на будущемъ сеймѣ; не желаетъ полагаться единственно на обѣщанiя, а хочетъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣ. Король возразилъ, что успѣхъ и безъ того вѣренъ при видѣ силы, которая употребляется съ русской стороны. «Такъ не угодно ли вамъ, отвѣчалъ Репнинъ, заранѣе письменно поручиться не только за диссидентское дѣло, но и за то, чтобъ форма правленiя республики осталась во всей своей силѣ на прежнемъ основанiи, и что для утвержденiя этого будутъ просить ручательства императрицы въ непоколебимости

правъ, законовъ и вольностей республики». Это заставило короля замолчать противъ конфедераціи, и онъ сталъ просить только, чтобъ Репнинъ сообщилъ ему, въ чемъ будетъ состоять актъ конфедераціи. Репнинъ отвѣчалъ, что первымъ дѣломъ конфедераціи будетъ возстановленіе диссидентовъ въ ихъ правахъ, вторымъ испрошеніе покровительства и помощи императрицы для охраненія древней формы правленія и ручательства за вѣчную ея твердость; князь Радзивилъ будетъ возвращенъ въ отечество и получитъ во владѣніе всѣ свои имѣнія; что же касается его, короля, то противъ его достоинства ничего не будетъ сдѣлано, конфедерація отзовется о его особѣ съ надлежащимъ почтеніемъ. «А для чего князь Радзивилъ будетъ маршаломъ конфедераціи»? спросилъ король.—«Для того, отвѣчалъ Репнинъ, что я болѣе увѣренъ въ его зависимости отъ насъ, чѣмъ въ зависимости всякаго другого; я желаю имѣть людей послушныхъ, а не ждать изъ чужихъ рукъ исполненія моихъ собственныхъ дѣлъ, тогда какъ я уже столько разъ былъ обманутъ ложными обѣщаніями». Король началъ было говорить противъ пункта ручательства императрицы за конституцію, но Репнинъ сказалъ, что это главный пунктъ. Станиславъ Августъ кончилъ разговоръ обѣщаніемъ, что будетъ смотрѣть на все это хотя съ горестію, но тихо и терпѣливо, на что Репнинъ сказалъ, что такимъ поведеніемъ онъ опять пріобрѣтетъ короткость и дружбу императрицы. Послѣ этого объясненія съ королемъ является къ Репнину Чарторыйскій, воевода русскій: «Конфедераціи начинаются, обстоятельства такія деликатныя: не знаю, какъ вести себя съ фамиліей и пріятелями; боюсь, чтобы по незнанію не сдѣлать чего-нибудь непріятнаго императорскому двору, которому мы такъ преданы».—«Знаю силу твоихъ словъ», подумалъ Репнинъ и отвѣчалъ: «Конфедераціи эти дѣлаются противъ вредныхъ новостей, введенныхъ въ правленіе; дѣлаются противъ нарушенія древнихъ законовъ и формы правительственной, согласны слѣдовательно съ полезными видами ея и. в—ства на счетъ республики здѣшней; а сверхъ того, такъ какъ эти конфедераціи прибѣгаютъ къ покровительству императрицы и ручательства ея просятъ для непоколебимаго сохраненія правъ республики и вольностей, то это высочайшее покровительство имъ и слѣдуетъ, съ утвержденіемъ по ихъ желанію, на всѣ вѣка, формы здѣш-

няго правленія и преимуществъ каждаго. Но такъ какъ великодушіе и человѣколюбіе суть основанія справедливаго поведенія ея и. в—ства, вслѣдствіе того и не должны эти конфедераціи никого силою принуждать къ соединенію съ ними, а только тѣхъ злодѣями почитать будутъ, которые противъ нихъ дѣйствовать дерзнутъ. Поэтому вы, господа, совершенно вольны пристать къ конфедераціямъ или нѣтъ, оставаясь покойными и нейтральными зрителями». Чарторыйскій разсыпался въ благодарности, превозносилъ умѣренность русскаго правительства, не желаніе употреблять силу и въ заключеніе предлагалъ свои услуги, сколько можетъ ихъ оказать. Но услуги Чарторыйскаго могли только теперь затруднить Репнина: опять сближаться съ Чарторыйскими значило удалить всѣхъ новыхъ приверженцевъ, которые потому только и перешли на русскую сторону, что Репнинъ разладилъ съ *фамиліею.*

Репнинъ, принужденный прибѣгнуть къ такому сильному средству, какъ конфедерація, хлопоталъ однако, какъ бы предотвратить безпорядки, потрясенія, бывшія обыкновеннымъ слѣдствіемъ конфедераціи. По старому обычаю, какъ скоро конфедерація образовывалась и получала признаніе, то вдругъ всѣ прежнія власти переставали дѣйствовать; все подчинялось верховной волѣ сконфедерованной шляхты; король, сенатъ, всѣ сановники и суды должны были отдавать ей отчетъ. Репнинъ этого не хотѣлъ: «Понеже напрасно бъ и короля тѣмъ оскорбилъ, ибо по нашимъ видамъ оное не нужно, а только бъ дало болѣе власти конфедераціи, отмщевая прежнія дѣла по внутреннимъ судамъ, несправедливости дѣлать. Сверхъ того, запретивъ всѣ юрисдикціи, запретили бъ чрезъ то и коммиссіи скарбовую и военную, а ихъ поправка хотя точно нужна, но и совершенное испровергеніе мнѣ кажется не авантажно: и такъ держусь сколь возможно и противлюсь сему закрытію юрисдикцій, а между тѣмъ пользуюсь симъ же, угодность и пріятство тѣмъ дѣлаю королю, котораго для переду въ преданности я хочу соблюсть къ нашему двору, находя за полезное, чтобы не всегда здѣсь съ употребленіемъ силы все дѣлать. Сверхъ же того долженъ я и въ томъ по справедливости признаться, что его величество, не входя явнымъ образомъ въ содѣйствованіе съ нами, противностей однакожь никакихъ не дѣлаетъ, и хотя съ оскорбленіемъ

иногда и съ натуральною просьбой, чтобъ друзей его сберегали, но все почти по внутреннимъ здѣсь моимъ мѣрамъ къ исполненію допускаетъ и удерживаетъ преданныхъ себѣ отъ безразсудной горячности».

Скоро представился случай королю доказать свое послушаніе. Въ іюнѣ умеръ примасъ королевства. Для Репнина было очень важно, чтобъ это мѣсто было занято преданнымъ Россіи человѣкомъ и онъ остановился въ своемъ выборѣ на извѣстномъ референдарѣ коронномъ, графѣ Подоскомъ, «который болѣе всѣхъ ему служилъ». Королю не нравился Подоскій, бывшій всегда его противникомъ; притомъ Станиславъ Августъ прочилъ это мѣсто брату своему аббату Понятовскому; несмотря на то, услыша отъ Репнина, что согласіемъ на возведеніе Подоскаго въ примасы онъ, король покажетъ опытъ своей дружбы и преданности къ императрицѣ, Станиславъ Августъ не сталъ противорѣчить. «Сіе возвышеніе Подоскаго въ примасы, писалъ Репнинъ, великое пріумноженіе нашей инфлюенціи здѣсь сдѣлаетъ. Онъ открытымъ образомъ мнѣ преданъ былъ и какъ секретарь мой во всѣхъ настоящихъ обстоятельствахъ работалъ: чрезъ его же возвышеніе увидитъ нація вся, сколь мы великолѣпно награждаемъ тѣхъ, кои намъ прямо усердно служатъ. Увидитъ она, что можно совершенно полную довѣренность имѣть къ покровительству нашего высочайшаго двора, когда въ самое сочиненіе столь оскорбительной королю конфедераціи не могъ онъ отказать первый чинъ въ государствѣ тому точно, который въ угодность Россіи, главнымъ и начальнымъ работникомъ въ томъ былъ. Преданность сего графа Подоскаго не можетъ намъ сумнительна быть, ибо онъ человѣкъ твердый, разумный и видящій ясно, что онъ головой онымъ всѣмъ намъ долженъ, и что не бывъ предъ симъ въ нашей партіи, не имѣлъ онъ ничего, даже ни надежды быть ни самымъ послѣднимъ епископомъ: столь дворъ ему всегда противенъ былъ! однимъ словомъ могу я по сущей справедливости донести, что совершенно ему вѣрю, и что весьма важно сіе есть дѣло для приращенія нашего здѣсь кредита».

Отъ 11 іюня Репнинъ получилъ извѣстія о Радомской конфедераціи отъ находившагося тамъ съ русскимъ войскомъ полков-

ника Кара. 10-е число назначено было днемъ избранія маршала конфедераціи, и Кару дали знать, что избранный маршалъ долженъ дать присягу въ вѣрности всѣмъ пунктамъ акта конфедераціи. Каръ, не зная обрядовъ, соблюдаемыхъ при конфедераціяхъ, думалъ, что такъ и быть должно, тѣмъ болѣе, что и референдарь Подоскій утверждалъ его въ этомъ мнѣніи. Но князь Радзивилъ началъ спорить, говоря, что онъ не приметъ на себя маршалскаго званія, прежде чѣмъ не увидитъ самаго акта конфедераціи, и сказалъ Кару, чтобъ былъ остороженъ, ихъ обманутъ, если Каръ не велитъ прежде всего прочесть актъ конфедераціи; «тутъ, говорилъ Радзивилъ, есть какое-нибудь мошенничество». Дѣйствительно при открытіи засѣданія друзья воеводы кіевскаго Потоцкаго, по его приказанію, стали кричать: «не позволяемъ!» на каждый пунктъ акта конфедераціи, приказывая переправлять. Когда же начали читать о диссидентахъ, то едва позволили окончить статью. Каръ подошелъ къ воеводѣ кіевскому и маршалу Мнишку и сказалъ, чтобъ это собраніе сочтено было не дѣйствительнымъ, и если они хотятъ переписывать актъ конфедераціи, то пусть знаютъ, что онъ ихъ къ этому не допуститъ и, если нужда потребуетъ, то употребитъ въ дѣло всѣ войска, находившіяся въ его командѣ. Собраніе разошлось. Каръ объявилъ также кіевскому воеводѣ, что покровительство императрицы ихъ конфедераціи обѣщано съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она исправляла всѣ ихъ дѣйствія чрезъ своего посла, пребывающаго въ Варшавѣ, и чтобъ въ Радомѣ былъ обнародованъ точно такой же актъ конфедераціи, какъ и въ Литвѣ, слово въ слово. Потоцкій отвѣчалъ очень сухо, что будетъ объ этомъ стараться, хотя не имѣетъ никакой надежды на успѣхъ; но если въ актъ конфедераціи впишется неудовольствіе противъ короля, то онъ отвѣчаетъ за успѣхъ всего остальнаго. На это Каръ отвѣчалъ, что ему Потоцкому непристойно заключать договоры съ русскимъ дворомъ, и если онъ не хочетъ приступить къ дѣлу, какъ отъ него требуютъ, то очень хорошо сдѣлаетъ, когда уѣдетъ изъ Радома. Каръ оканчивалъ свое письмо объ этомъ къ Репнину словами: «Не знаю, какъ возблагодарить за коммиссію, мнѣ порученную отъ в. с—ства быть при конфедераціи. Съ утра до вечера или лгу или бранюсь; да что хуже

всего, словъ много, а дѣло не дѣлается.» Дѣло сдѣлалось 12 іюня: маршаломъ конфедераціи былъ выбранъ князь Радзивилъ и требуемый актъ былъ подписанъ.

Въ Радомѣ дѣло уладилось, но въ Варшавѣ встрѣтились препятствія относительно Подоскаго. 14 іюня былъ у короля папскій нунцій. Станиславъ Августъ объявилъ ему, что далъ слово возвести въ достоинство примаса того, кого пожелаетъ русская императрица, и такъ какъ изъ словъ кн. Репнина видно, что ея выборъ долженъ пасть на рефендаря Подоскаго, то онъ, король предупреждаетъ объ этомъ нунція, чтобъ при римскомъ дворѣ не затѣвали споровъ относительно посвященія: ибо онъ, король, дѣлая это въ угодность державѣ, которой всѣмъ обязанъ, долженъ къ ней же прибѣгнуть съ просьбою о защитѣ отъ такихъ оскорбительныхъ его достоинству замашекъ. Нунцій отвѣчалъ, что при римскомъ дворѣ не могутъ спокойно видѣть главою польскаго духовенства человѣка, который былъ такъ расположенъ въ пользу диссидентовъ, и папа откажетъ ему въ посвященіи.

Между тѣмъ успѣхъ при составленіи конфедераціи подалъ поводъ къ усиленію русскихъ требованій относительно диссидентовъ. Репнинъ получилъ приказаніе добиваться возможнѣйшаго приближенія диссидентовъ къ равенству съ католиками, причемъ Панинъ писалъ ему: «Вы достигли бы самаго верха славы, еслибы на будущемъ сеймѣ успѣли достигнуть того, чтобъ тогда же нашъ бѣлорусскій архіерей посаженъ былъ въ сенатъ съ рекоммендаціею и совѣтомъ королю отъ республики, чтобъ нѣсколько первыхъ вакантныхъ сенаторскихъ мѣстъ было роздано диссидентамъ. Я чувствую и понимаю всѣ тѣ трудности, съ которыми должно быть соединено исполненіе такого намѣренія, да и самый недостатокъ персональныхъ качествъ нашего бѣлорусскаго архіерея уже, думаю, довольно будетъ въ томъ препятствовать, и потому конечно я не имѣю намѣренія это вамъ предписать, а только хотѣлъ, какъ другу моему, открыть мысль свою». Панинъ писалъ и о Чарторыйскихъ: «Когда дѣла къ окончанію приходить будутъ, тогда не оставите вы приложить всевозможное стараніе о совершенномъ ихъ исключеніи изъ трактованія съ вами и о лишеніи ихъ всякаго вліянія въ правительствѣ, чтобъ не только они сами и вся Польша, но и посторонніе дворы могли увѣриться, что они, господа Чарторыйскіе, са-

ми по себѣ ничего не значатъ, и если прежде имѣли столько силы, то единственно въ слѣдствіе покровительства нашего двора». Относительно Подоскаго Репнинъ долженъ былъ внушить нунцію, что если римскій дворъ вздумаетъ въ этомъ дѣлѣ идти на переломъ русскому, то скорѣе подвергнетъ свою религію въ Польшѣ тѣмъ неудобствамъ, которыя теперь такъ несправедливо и лукаво приписываются намъ ненавистниками нашими.

По поводу столкновенія съ Римскимъ дворомъ въ дѣлѣ Подоскаго, Репнинъ имѣлъ любопытный разговоръ съ королемъ: «Если папа откажется прислать буллу, какъ бывали прежде примѣры, и обнародуетъ причины своего отказа, то что вы мнѣ посовѣтуете тогда сдѣлать?» спрашивалъ Станиславъ Августъ посла.—«Созвать синодъ и этимъ способомъ утвердить Подоскаго примасомъ», отвѣчалъ Репнинъ. Такъ передаетъ этотъ отвѣтъ Понятовскій; Репнинъ же утверждаетъ, что сказалъ: «Мы найдемъ какое-нибудь средство для поддержанія нашего дѣла, наприм. созваніе синода». На это король сказалъ: «Думаете ли вы, князь, что хотя одинъ епископъ послушается моего призыва въ синодъ? Думаете ли вы, что они всѣ не увидятъ въ этомъ поступкѣ освобожденіе изъ-подъ власти папы, подобное происшедшему въ Англіи при Генрихѣ VIII?» Репнинъ: «А я знаю, что здѣшнее духовенство очень недовольно римскимъ игомъ, и это будетъ удобнымъ случаемъ для освобожденія польской церкви». Это королевская редакція, а по утвержденію самого Репнина онъ сказалъ: «Изъ духовенства одни будутъ за, другіе противъ, какъ всегда, и часть духовенства очень недовольна римскимъ игомъ, которое они, быть можетъ, захотѣли бы стрясти совершенно при этомъ удобномъ случаѣ». Король: «Князь! Эти самые попы, которые иногда ворчатъ, когда ихъ обдираютъ въ Римѣ, сильно будутъ дѣйствовать за Римъ, когда онъ заговоритъ громко и серіозно, потому что попы не могутъ забыть, что какъ скоро подчиненіе папѣ будетъ отстранено, ихъ могущество, богатство, значеніе будетъ зависѣть только отъ добраго расположенія свѣтской власти. Да и сами свѣтскіе люди станутъ за Римъ, какъ только онъ подниметъ тревогу». Репнинъ: «Э! не подписывали развѣ они конфедерацій, гдѣ признаютъ обиды диссидентамъ, хотя нунцій произнесъ трескучую рѣчь противъ диссидентовъ на послѣднемъ сеймѣ?» Король: «Да, конфедераціи бы-

ли подписаны людьми столь легкомысленными или столь невѣжественными, что ихъ могли увѣрить, будто они подписываютъ совершенно противное содержанію акта конфедераціи: такъ большое число подписывали, прибавляя, что желаютъ поддержанія конституціи 1717 года противъ диссидентовъ. Нунцій произнесъ трескучую рѣчь на сеймѣ, правда, но онъ же, по указу отъ своего двора, рекомендовалъ всѣмъ епископамъ величайшее благоразуміе, да и послѣ сейма почти внушалось со стороны Рима, что надобно покориться обстоятельствамъ. Но если Римъ приметъ другой тонъ, какъ я начинаю думать по отзывамъ нунція, человѣка впрочемъ столь благоразумнаго и умѣреннаго, то эти самые люди, которые до сихъ поръ подчинялись вашему руководству, ударятъ также быстро въ противоположную сторону. Если надобно будетъ ввести Подоскаго въ сенатъ со штыками; если вамъ для него нужно будетъ пролить здѣсь кровь, то вѣдь Польша и я заплатимъ за это. Вотъ что заставляетъ задуматься по крайней мѣрѣ меня. Но и вы не можете быть равнодушны при мысли, что если папа обратится съ жаромъ и шумомъ къ другимъ дворамъ и дастъ дѣлу оборотъ религіозный и политическій».

Но Репнинъ остался непреклоненъ; онъ отвѣчалъ, что до кровопролитія не дойдетъ, что другіе дворы не станутъ дѣйствовать изъ фанатизма, и если они не вмѣшиваются въ диссидентское дѣло, то тѣмъ менѣе вмѣшаются въ дѣло назначенія примаса. Дѣйствительно король, не желая этого назначенія, преувеличивалъ его опасность, чтобъ застращать Репнина. Римскій дворъ уступилъ обстоятельствамъ и Подоскій сдѣлался примасомъ. Король, по крайней мѣрѣ въ письмахъ къ маменькѣ Жоффрэнь, смотрѣлъ спокойно на готовящіяся событія. «Конфедерація такъ называемыхъ недовольныхъ почти окончена во всемъ королевствѣ, писалъ онъ. Конфедераты были бы очень затруднены или пристыжены, еслибы ихъ заставили съ точностію исчислить, чѣмъ они недовольны. Но такъ какъ надобно искать добра въ самомъ злѣ, то плодомъ этой лихорадки государства, когда она минется, будетъ для меня то, что узнавши легкомысліе большинства, безнравственность вождей, черную неблагодарность многихъ изъ нихъ, добродѣтель и мудрость добрыхъ гражданъ, я буду въ состояніи цѣнить людей по ихъ настоящей стои-

мости. Всякое царствованіе имѣетъ свой кризисъ, какъ всякій человѣкъ подвергается оспѣ, вѣдь всѣ больше или меньше рябы; я выйду очень рябъ послѣ этой оспы, но, разъ избавившись, я буду имѣть болѣе надежды на долговѣчіе. Мнѣ должно вполнѣ испытать горе, безпокойство, досаду, молчаніе, иногда болѣе тяжкое, чѣмъ все остальное.... Не отчаявайтесь, потому что я не отчаяваюсь. Я достигну пристани, съ трудомъ безъ сомнѣнія и не безъ потери, но достигну. Мое отчаяніе было бы подлостію и величайшимъ зломъ для государства».

Диссидентская и католическая конфедераціи были образованы; но предстояло провести дѣло на чрезвычайномъ сеймѣ. Король согласился на два главные пункта; на ручательство императрицы за польскую конституцію и на возстановленіе диссидентовъ; король заставилъ всѣхъ своихъ друзей подписать конфедерацію; подписалъ ее и молодой князь Адамъ Чарторыйскій и согласился быть посломъ на сеймѣ: это было важно, ибо старики Чарторыйскіе не могли потомъ кричать, что господствующую религію ниспровергли безъ нихъ и обратить въ свою пользу народный фанатизмъ. Наконецъ назначено было къ императрицѣ посольство съ изъявленіемъ благодарности отъ сконфедерованной республики, оно состояло изъ четырехъ членовъ: стражника литовскаго Поцея, кухмистра литовскаго Велгурскаго, крайчаго коронняго Потоцкаго и старосты сендомирскаго Оссолинскаго. Увѣдомляя Панина объ этомъ посольствѣ, Репнинъ писалъ: «Первый связанъ съ воеводою кіевскимъ; второй преданъ Мнишку, его мытарливой женѣ и епископу краковскому, слѣд. отъ обоихъ могутъ быть замыслы ограничить диссидентское возстановленіе и вредныя внушенія на счетъ короля; третій человѣкъ добрый; четвертый хотя молодъ, но проворенъ и также противникъ короля; притомъ имѣетъ обязательство жениться на дочери воеводы кіевскаго. Почему изволите усмотрѣть, что злымъ и шиканскимъ ихъ внушеніямъ вѣры подавать не можно, а въ наружности впрочемъ прошу покорнѣйше съ отмѣнною ласкою ихъ принимать. Въ инструкціи, данной посланникамъ, уже они торговлю нѣкоторую затѣваютъ и мнѣнія свои о перемѣнѣ въ коммиссіяхъ и въ прочихъ венцахъ изъясняютъ. Не безъ тягости жь было удержать, чтобъ такимъ образомъ въ письмѣ къ ея и. в—ству конфедерація о диссидентахъ отозва-

лась. Сей пунктъ, приближаясь къ рѣшенію, часъ отъ часу начинаетъ затрудняться, и я принужденъ былъ употребить много способовъ, чтобъ сіе удержать. Тожъ нѣсколько затрудненія было и въ прошеніи ручательства ея п. в—ства, въ которомъ они начинаютъ одумываться: однакожь я не упущу, сколь возможно, всѣ сіи развратные замыслы въ ничто обращать, лишь бы только мочи моей къ тому достало».

«Сей пунктъ (т.-е. диссидентскій), приближаясь къ рѣшенію, часъ отъ часу начинаетъ затрудняться», писалъ Репнинъ. Дѣйствительно затрудненіе обнаружилось на сеймикахъ, служившихъ приготовленіемъ къ чрезвычайному сейму, необходимому по смутному состоянію республики. На сеймикѣ познаньскомъ чуть не изрубили Гуровскаго и графа Понинскаго, которые очень усердно проводили русское дѣло; спасъ ихъ графъ Апраксинъ, окружившій сборище своимъ отрядомъ. Репнинъ боялся, чтобъ на сеймѣ дѣло не дошло до пушекъ, хотя и надѣялся имѣть большинство на своей сторонѣ. Огонь раздували—Солтыкъ, епископъ краковскій, Потоцкій—воевода кіевскій, Мнишекъ маршалокъ надворный и Браницкій—великій гетманъ коронный. Репнинъ запретилъ на сеймикахъ читать циркулярныя письма; но означенные господа напечатали свои посланія. «Повторяю, писалъ Репнинъ Панину отъ 17 августа, что если хотимъ мы успѣха въ диссидентскомъ дѣлѣ на будущемъ сеймѣ, то необходимо надобно будетъ епископа краковскаго и подобныхъ фанатиковъ забрать подъ караулъ, а инакъ съ ними никакимъ образомъ не совладѣемъ. Я за внутренность здѣшнюю могу отвѣчать, что кромѣ страха и трепета здѣсь оное другого движенія никакого не произведетъ; а въ то не мѣшаюсь, какое въ наружности сіе дѣйствіе сдѣлаетъ и что по сему послѣдуетъ въ сосѣдственныхъ съ здѣшнимъ государствомъ державахъ».

Затрудненія Репнина увеличивались медленностью почты: 14 августа Панинъ отвѣчалъ на его депеши отъ 14 іюля. Въ этомъ отвѣтѣ Панинъ излагалъ главное правило относительно диссидентовъ: «Надобно совершить диссидентское дѣло не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ посредствомъ нашихъ единовѣрцевъ и протестантовъ однажды навсегда твердой и надежной партіи съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ, не

по одному теперь испрашиваемому республикою ручательству ея и. в—ства въ цѣлости конституціи польской, но и въ слѣдствіе покровительства диссидентамъ, которое мы себѣ присвоиваемъ на вѣчныя времена: какъ слабѣйшая часть въ будущемъ правительствѣ польскомъ, диссиденты будутъ имѣть возможность удерживаться въ немъ только съ нашею помощью. Протестантская религія, обуздывая суевѣрія и сокращая власть духовенства, легко можетъ излишнимъ своимъ въ Польшѣ распространеніемъ вывесть поляковъ изъ невѣжества, въ которомъ они теперь большею частію погружены, и освобожденіемъ отъ невѣжества довести ихъ по ступенямъ до учрежденія новыхъ порядковъ, которые, сосредоточивая въ одно мѣсто всю внутреннюю польскую силу и приведя ее въ большую предъ нынѣшнимъ дѣйствительность, могли бы скоро обратиться въ предосужденіе Россіи, покровительницы протестантовъ въ настоящее время и главной соперницы въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнный вредъ, ни благодарность за одолженіе мѣста имѣть не могутъ. Относительно нашихъ единовѣрцевъ этого неудобства быть не можетъ; но, съ другой стороны, излишне усиливая ихъ, такъ чтобъ они сами собою, независимо отъ насъ могли держаться въ республикѣ и раздѣлять ея правленіе, подвергаемъ мы себя неудобству въ разсужденіи и безъ того столь частыхъ и великихъ побѣговъ, которые тогда еще болѣе усилятся при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа; тогда можно будетъ опасаться и на счетъ нашихъ пограничныхъ провинцій, сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа. Король требуетъ, чтобъ четыре епархіи, отступившія въ унію оставлены были непоколебимо въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Это требованіе само по себѣ согласно съ нашимъ главнымъ правиломъ и потому не могло бы встрѣтить съ нашей стороны препятствія; но всего лучше будетъ оставить ихъ со всею уніею, какъ на сеймѣ, такъ и въ будущемъ трактатѣ, въ полномъ и неприкосновенномъ молчаніи, какъ такую секту, которая ни съ тѣмъ, ни съ другимъ исповѣданіемъ прямо соединенною считаться не можетъ. Диссиденты конечно будутъ васъ мучить, чтобъ все безпредѣльно для нихъ исполнилось, особливо касательно свободнаго возвращенія изъ католическаго въ ихъ законы; но на это вамъ предписаны нами политическія

правила, и имъ вы можете говорить, что въ этомъ дѣлѣ находятся непреодолимыя трудности, что мы никогда не имѣли намѣренія заводить войну для пропаганды ихъ религій. Впрочемъ мнѣ кажется, поляковъ необходимо надобно будетъ стращать не только словами, но и прямымъ дѣломъ, располагая войска на содержаніе по деревнямъ упрямыхъ и обманщиковъ. Я думаю, что и самого короля еще не надобно совершенно выводить изъ страха потери престола». Согласно съ этимъ Панинъ разрѣшилъ Репнину, въ крайней нуждѣ, брать подъ караулъ тѣхъ, кто наиболѣе будетъ противиться успѣху обоихъ дѣлъ—диссидентскому и ручательства императрицы за конституцію.

Тучи сгущались. Прежній папскій нунцій уѣхалъ въ Вѣну; преемникъ его, Дурини, по своему коварному характеру, не обѣщалъ Репнину ничего добраго; онъ повелъ себя интриганомъ и фанатикомъ. Папа Климентъ XIII прислалъ посланіе противъ диссидентскаго дѣла; на копіи этого посланія, пересланной Репнинымъ Панину, написано рукою Екатерины: «Куда папа гораздъ сказки сказывать»! Но что были сказки въ Россіи, тому съ благоговѣніемъ внимали въ Польшѣ. У Солтыка 15 секретарей день и ночь писали его пастырскія посланія. «Любезнѣйшіе сыны, пастырству нашему порученные! гласили посланія: упражняйтесь во всякаго рода добрыхъ дѣлахъ, взывайте съ сокрушеніемъ духа къ трону милосердія, чтобы ниспослалъ Духа Св. на сеймъ для утвержденія вѣры св. католической, для мужественнаго отпора претензіямъ диссидентовъ, для сохраненія основныхъ правъ вольности. Чтобы во все продолженіе сейма во всѣхъ костелахъ ежедневно происходило молебствіе предъ св. Тайнами, съ пѣніемъ св. Боже». Въ этомъ посланіи Солтыкъ является передъ нами какъ епископъ католическій; но въ письмѣ къ одному изъ пріятелей своихъ, Віельгурскому онъ является какъ политикъ: «Императрица, пишетъ онъ, домогается двухъ вещей: генеральнаго поручительства за конституцію и возстановленія диссидентовъ. Гарантировалъ король польскій курляндскія вольности, утвердилъ привилегіи земель прусскихъ, и чрезъ это обѣ страны привлечены были въ зависимость отъ республики. Главное средство отбиться отъ гарантіи—это поднять вопросъ, что Турція не позволитъ. Что касается диссидентовъ, то покой націи зависитъ отъ того, чтобъ диссиденты, а именно не уніаты, не были

ни въ сенатѣ, ни въ министерствѣ; довольно будетъ припомнить, что въ Россіи есть 30 фамилій, которыя ведутъ родъ свой изъ Польши, а раздача достоинствъ въ Польшѣ находится во власти императрицы русской: такъ хорошо ли будетъ, когда сенатъ московскій перенесенъ будетъ въ Польшу, а насъ передвинутъ въ Сибирь. Главная политика польскихъ недовольныхъ должна состоять въ продленіи сейма, для того: 1) чтобы конфедерація пришла въ совершенство; 2) чтобъ иностраннымъ дворамъ дать время для переговоровъ; 3) чтобъ курфюрстъ саксонскій пришелъ въ совершеннолѣтіе; 4) чтобы лучше изъясниться съ дворомъ петербургскимъ чрезъ нашихъ посланниковъ, а не чрезъ того деспота (Репнинъ); 5) для слабости (здоровья) короля прусскаго: еслибы умеръ, то что бъ помѣшало саксонскому войску войти въ Польшу?

Враги дѣйствовали сильно, союзникъ слабо. 24 августа Репнинъ писалъ Панину: «Долженъ я донести, что хотя Бенуа не отрекается по наружности поступать со мною согласно, но мнѣ кажется, что ихъ дворъ желаетъ успѣха диссидентскому дѣлу не такъ сильно какъ нашъ. Можетъ быть причина этому скрывается въ нѣкоторой ревности, что прусскій король играетъ здѣсь роль подчиненную, а не равную съ нами. Не худо было бы, думаю, не принося никакихъ жалобъ на слабое содѣйствіе Бенуа, нѣсколько увѣриться въ берлинскомъ дворѣ и попринудить его».

Пріѣхалъ въ Варшаву поручикъ Азанчевскій и разсказалъ, какихъ сценъ онъ, вмѣстѣ съ ротмистромъ Солеманомъ, былъ свидѣтелемъ на сеймикѣ подольскомъ въ Каменцѣ. Когда стали читать письмо отъ Репнина, то подняли непристойный шумъ и смѣхъ. Ржевускій староста долинскій кричалъ, что тотъ будетъ проклятъ, который не присягнетъ въ томъ, чтобъ не допускать диссидентовъ до свободнаго отправленія ихъ богослуженія, и что онъ, Ржевускій скорѣе дастъ изрубить себя въ мелкіе куски, чѣмъ позволитъ какое-нибудь улучшеніе въ положеніи диссидентовъ. Къ маршалу на столъ бросили записку, въ которой говорилось, будто переяславскій архимандритъ писалъ въ пограничныя мѣстечки къ уніатскимъ попамъ, чтобъ были подъ его властію. Услыхавъ это, поляки, бывшіе на сеймикѣ, стали бранить Солемана и Азанчевскаго скверными словами, и маршалъ далъ

знать русскимъ офицерамъ, чтобъ вышли, не ручаясь за ихъ безопасность. Репнинъ велѣлъ генералъ-майору Кречетникову ввести козаковъ въ деревни шляхты, шумѣвшей на каменецкомъ сеймикѣ.

Но эти явленія не опечалили бы такъ Репнина, еслибъ онъ не узналъ о двоедушіи вождей католической конфедераціи, а узналъ онъ это изъ вскрытой переписки Солтыка съ Вельгурскимъ, который былъ отправленъ въ числѣ пословъ конфедераціи къ императрицѣ. Посолъ узналъ, что и прежній вѣрный секретарь его, новый примасъ Подоскій стакнулся съ Солтыкомъ, Красинскимъ (епископомъ каменецкимъ), Мнишкомъ, Потоцкимъ (воеводою кіевскимъ) и подскарбіемъ Весселемъ; но, дѣйствуя за одно, эти люди пріѣзжали къ Репнину и Богъ знаетъ что наговаривали другъ на друга. «Изволите видѣть, писалъ Репнинъ Панину, съ сколь честными людьми я дѣло имѣю, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться». Но главнымъ мучителемъ посла былъ все тотъ же Солтыкъ: «Истинно, писалъ онъ, я ему отъ себя бъ что ни есть подарилъ, чтобъ онъ отсель куда-нибудь провалился: надоѣлъ ужь мнѣ смертельно».

Знатные люди хитрили, пуская впередъ менѣе знатныхъ. Изъ послѣднихъ сильнѣе всѣхъ волновался и волновалъ другихъ шляхтичъ Чацкій, и Репнинъ велѣлъ его арестовать. Поэтому поводу пріѣхалъ къ нему Солтыкъ и началъ сперва рѣчь о диссидентахъ вопросомъ, чего же наконецъ русскій дворъ для нихъ желаетъ? Репнинъ отвѣчалъ, чтобъ диссиденты возстановлены были во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ, а такъ какъ всякій знаетъ, что прежде диссиденты были въ полномъ равенствѣ съ католиками, слѣдовательно и теперь должны быть въ такомъ же. Солтыкъ возражалъ, что они прежде пользовались этимъ равенствомъ не по правамъ, а вслѣдствіе насилія. Потомъ перешелъ къ аресту Чацкаго: «Мы народъ вольный, говорилъ онъ, и слѣдовательно властны такъ говорить и поступать какъ хотимъ, и запретить намъ этого никто права не имѣетъ; а императрица увѣрила насъ своими декларацiями, что будетъ вольность нашу оберегать».—«Высочайшій нашъ дворъ, отвѣчалъ Репнинъ, ко-

нечно вольность польскую всегда защищать и подкрѣплять будетъ; но надобно различить вольность отъ возмутительныхъ поступковъ, а г. Чацкій виновенъ въ послѣднихъ, и всѣ тѣ, которые также вознамѣрятся возмущать внутренній покой, подвергнутся той же участи: ибо республика сама просила покровительства ея и. в—ства».—«Мы не подданные ваши», возражалъ Солтыкъ.—«Правда, отвѣчалъ Репнинъ, но сосѣдство, союзъ и самое желаніе республики понуждаютъ императрицу имѣть попеченіе о здѣшней тишинѣ, удерживая тѣхъ, которые намѣрены ее нарушить».—«Мы рады умереть за свою вольность», продолжалъ Солтыкъ.—«Вольность и возмущеніе двѣ вещи разныя, отвѣчалъ Репнинъ, и если кто изъ васъ задумаетъ заводить смуту противъ отечества своего и его покровительницы, то пусть вооружаются, чтобъ скорѣе могли получить достойную награду за такой поступокъ; но я совѣтую прежде внимательно осмотрѣться». Этимъ разговоръ кончился. Репнинъ поручилъ Подоскому внушить Солтыку, что если онъ и на будущемъ сеймѣ станетъ вести себя такъ же какъ на прошедшемъ, то съ нимъ можетъ случиться то же, что и съ Чацкимъ, ибо противъ императрицы россійской онъ не знатнѣе Чацкаго, развѣ ему окажутъ тотъ почетъ, что никогда его изъ заключенія не выпустятъ. Но Солтыкъ отвѣчалъ Подоскому, что не станетъ молчать, когда интересъ религіи потребуетъ защиты. «Онъ (Солтыкъ) въ своемъ сумасбродствѣ не изъ тѣхъ людей, которыхъ угрозами или разореньемъ обратить можно, писалъ Репнинъ Панину; дѣйствительно надобно надъ нимъ исполнить въ самой крайности то, что примасъ ему отъ меня говорилъ. Сокрушитъ онъ меня своимъ непреодолимымъ упорствомъ противъ диссидентскаго дѣла. Я уже ему стороной внушалъ, чтобъ онъ не ѣздилъ на сеймъ, если не хочетъ участвовать въ возстановленіи диссидентовъ и если не можетъ удержаться, чтобъ не говорить противъ нихъ». Относительно Подоскаго Репнинъ писалъ: «Зная, что новый примасъ желаетъ сыскать хорошій соболій мѣхъ, прошу прислать ко мнѣ такой, если заблагоразсудите, чтобъ я могъ его ему отдать отъ имени нашего двора: ибо конечно его надобно ласкать и удерживать, что надѣюсь совершенно исполнить, хотя депеши епископа краковскаго и выставляютъ его нашимъ недоброжела-

телемъ; но Солтыкъ часто и много въ своихъ пустыхъ замыслахъ лжи употребляетъ, а я начинаю усматривать, что примасъ сталъ отъ него удаляться».

Въ началѣ сентября Репнинъ придвинулъ къ Варшавѣ русскія войска, которыя расположились въ 3, 4 и 5 миляхъ отъ столицы; третій гренадерскій полкъ вступилъ въ самую Варшаву, и нѣсколько Чугуевскихъ козаковъ расположены были лагеремъ въ саду дома, гдѣ жилъ русскій посолъ. Для удобнѣйшей доставки пропитанія Репнинъ расположилъ въ окрестностяхъ Варшавы небольшіе отряды, а именно, противъ Закрочима, по сю сторону Вислы одинъ, между Равою и Варшавою другой, у мѣстечка Гуры на Вислѣ третій, противъ Гуръ на другомъ берегу рѣки четвертый, и при соединеніи Буга съ Наревомъ по сю сторону этихъ рѣкъ пятый, такъ что отряды эти въ одинъ маршъ могли окружить Варшаву и пресѣчь всѣ выходы, даже и водяные. Солтыкъ кричалъ, что противъ этихъ силъ у него скоро будетъ 60,000 польскаго войска. «Но это войско, писалъ Репнинъ, находится только въ его пустой головѣ. Сумазбродство его описать нельзя; оно доходитъ до того, что въ своихъ безмозглыхъ разсужденіяхъ онъ толковалъ примасу о сицилійской вечернѣ противъ русскихъ. Въ горячешномъ бреду онъ самъ на себя клеплетъ и лишнее». Репнинъ не разъ писалъ Панину, что изъ всѣхъ Чарторыйскихъ одинъ молодой князь Адамъ, генералъ земель подольскихъ отличается привязанностію къ Россіи; но другое прочтено было въ перехваченныхъ письмахъ Солтыка къ Вельгурскому: по словамъ Солтыка, князь Адамъ говорилъ своимъ пріятелямъ, что не можетъ надивиться трусости своего отца, который, имѣя такія обширныя владѣнія, столько денегъ и значенія въ народѣ, не употребитъ ихъ для уничтоженія московскаго владычества во имя вѣры и вольности. О себѣ Солтыкъ писалъ: «Князь Репнинъ всѣмъ говоритъ, что сдѣлаетъ меня герцогомъ сибирскимъ. Я спросилъ у примаса, вправду ли онъ это говоритъ или только стращаетъ, но получилъ въ отвѣтъ, что кажется вправду, будучи подущаемъ самимъ королемъ, который внушаетъ: если мы предводителя партіи не спрячемъ, то трудъ нашъ въ пользу диссидентовъ успѣха имѣть не будетъ. Мы съ примасомъ и съ прочими разсуждаемъ, какимъ образомъ они меня возьмутъ и куда

запровадятъ. Здѣсь подъ карауломъ содержать не будутъ, потому что отъ патріотовъ и черни можетъ произойти мятежъ. Въ Москву и Сибирь не пошлютъ: князь Репнинъ будетъ бояться, чтобъ тамъ я не донесъ обо всемъ подробно императрицѣ. Всего скорѣе запровадятъ меня въ какой-нибудь уголъ и будутъ за мною и моими людьми присматривать, чтобъ я не писалъ и ни о чемъ ни съ кѣмъ не говорилъ». «Здѣшняго фанатизма, писалъ Репнинъ, не могу достаточно изобразить. Женщины молебствуютъ ежедневно о спасеніи погибающей вѣры; монахи и попы въ своихъ проповѣдяхъ говорятъ согласно съ повелѣніями епископовъ краковскаго и кіевскаго, и внушаютъ фанатизмъ всюду, гдѣ могутъ. Нунцій, не довольствуясь тѣмъ, что кіевскій епископъ напечаталъ папское посланіе въ польскомъ переводѣ, напечаталъ его и въ латинскомъ подлинникѣ, распространяя по всей публикѣ. Когда въ публичныхъ садахъ и на гуляньяхъ встрѣчаются диссиденты, то женщины, которыя здѣсь имѣютъ большую силу, тотчасъ же уѣзжаютъ, какъ изъ мѣстъ, оскверненныхъ присутствіемъ еретиковъ; однимъ словомъ въ публикѣ такое раздраженіе, что еслибъ я не зналъ трусливаго характера народа, то каждый часъ ждалъ бы какого-нибудь отчаяннаго поступка, но хотя я не ожидаю никакой явной попытки, однако можетъ произойти какое-нибудь потаенное злодѣйство. Мы доведемъ бѣднаго короля до того, что его зарѣжутъ».

Но опасности не было ни для кого, происходили только поддразниванія. Солтыкъ далъ знать Репнину, что желаетъ войти съ нимъ въ соглашеніе, ручаясь за всѣхъ епископовъ и за всю свою партію. Репнинъ отвѣчалъ, что въ формальные переговоры онъ можетъ войти только съ тѣми, кто по своему чину въ республикѣ имѣетъ на то право; епископъ же краковскій и всѣ епископы этого права не имѣютъ; если же онъ хочетъ попріятельски договориться, то пусть пріѣзжаетъ самъ безо всякихъ церемоній; но прежде всего надобно согласиться въ самомъ главномъ, а именно, чтобъ диссиденты были уравнены въ правахъ съ католиками, безъ чего ни въ какіе договоры вступать нельзя. Въ отвѣтъ на это Солтыкъ запѣлъ свою старую пѣсню, что скорѣе тѣло свое на разсѣченіе дастъ, скорѣе умретъ со всѣми своими пріятелями, чѣмъ позволитъ на уравненіе диссидентовъ съ католиками. Желая показать, что готовъ подвергнуться участи,

какою грозилъ ему Репнинъ, онъ сталъ готовить подарки для тѣхъ, кто придетъ брать его подъ стражу, такъ что, по словамъ Репнина, комната его стала похожа на нюренбургскую лавку. Несмотря на то Солтыкъ опять далъ знать Репнину, что берется уговорить всѣхъ ревностныхъ католиковъ дать удовлетвореніе диссидентамъ, если русскій посолъ позволитъ ему продолжать прежнее поведеніе для сохраненія кредита въ своей партіи. Репнинъ отвѣчалъ ему чрезъ Подоскаго, что никакъ не можетъ на это согласиться: или епископъ не понимаетъ, что такое поведеніе можетъ причинить только вредъ дѣлу, и такое непониманіе не дѣлаетъ чести его головѣ или онъ хитритъ, чтобъ испортивъ дѣло, послѣ вывернуться и всю вину сложить на другихъ, выставляя на видъ, что внутренно согласенъ былъ съ нимъ, посломъ. «Я прошу епископа, закончилъ Репнинъ, чтобъ онъ и словами и поступками, прямодушно и явно, дѣйствовалъ въ пользу совершеннаго равенства диссидентовъ съ католиками».

Православные требовали, чтобъ епископъ бѣлорусскій получилъ мѣсто въ сенатѣ; но король требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ православнымъ епископомъ вошли въ сенатъ и два уніатскіе. Панинъ не согласился на это: «Хотя, писалъ онъ Репнину, помѣщеніе въ сенатѣ двухъ епископовъ уніатскихъ и согласно отчасти въ существѣ своемъ съ вышеположеннымъ главнымъ правиломъ (чтобы не имѣть въ виду распространенія другихъ вѣроисповѣданій въ ущербъ католицизму), однако въ разсужденіи настоящихъ обстоятельствъ, это было бы предосудительно для славы ея и. в—ства. Не можетъ ли такое помѣщеніе уніатскихъ епископовъ показаться свѣту нарочно сдѣланнымъ въ досаду ея в—ства, когда напротивъ самое состояніе дѣлъ требуетъ, чтобъ всѣ ея желанія были исполнены». Панинъ не соглашался и на то требованіе Станислава Августа, чтобъ назначено было наказаніе отступникамъ отъ католической господствующей религіи. Панина затрудняло то, что издавна позволено было уніатамъ переходить въ православіе, и потому «надобно, писалъ онъ, сохранить предъ глазами публики непорочность нашихъ намѣреній, касающихся нашей собственной вѣры». Репнинъ не соглашался съ мнѣніемъ Панина: «Я прихожу въ сомнѣніе, писалъ онъ, не въ самомъ ли дѣлѣ вы намѣрены стараться о присоединеніи уніатовъ къ православію? Если же нѣтъ, и если вы

держитесь того мнѣнія, что распространеніе здѣсь греческаго и диссидентскихъ законовъ для интересовъ Россіи вредно, то для чего жь бы не позволить этихъ двухъ пунктовъ, которыми націю здѣсь успокоимъ и себѣ пріобрѣтемъ навсегда увѣренность, что эти законы не распространятся болѣе, чѣмъ сколько надобно для нашихъ интересовъ. Особливо эта предосторожность нужна противъ уніатовъ, ибо изъ нихъ могутъ скоро найтись такіе, которые захотятъ обратиться къ нашему закону: чрезъ это увеличится число бѣглыхъ отъ насъ, да и такой огонь здѣсь въ націи загорится, что истинно трудно будетъ потушить; тогда въ самомъ дѣлѣ сежечасно надобно будетъ ожидать сицилійскихъ вечерень, да не знаю, и чужестранные дворы останутся ли при такихъ событіяхъ въ покоѣ, приписавъ ихъ желанію нашему нечувствительно овладѣть Польшею. Напротивъ того, если дозволимъ помянутые пункты, то вторымъ пунктомъ докажемъ всему свѣту, что не имѣемъ намѣренія распространять здѣсь наше и диссидентскія исповѣданія; а первымъ пунктомъ докажемъ, что мы удерживаемъ здѣсь равенство религій и стараемся, чтобъ никто по причинѣ вѣры, не терпѣлъ притѣсненій».

Кромѣ того затрудненія Репнина увеличивались положеніемъ православныхъ русскихъ въ государствѣ, гдѣ представительство принадлежало одной шляхтѣ, а гоненія истребили православныхъ шляхтичей или оставили самыхъ бѣдныхъ и неспособныхъ по воспитанію занимать видныя мѣста. Панинъ согласился на желаніе короля, чтобъ число диссидентовъ въ сенатѣ и сеймѣ было съ точностію опредѣлено; Панинъ соглашался на это тѣмъ болѣе, что безъ точнаго опредѣленія числа, королю католику и и шляхтѣ католической, составляющей большинство, легко будетъ вовсе удалять диссидентовъ. Но диссиденты подали просьбу не вводить ихъ въ правительственныя должности опредѣленнымъ числомъ, ибо они не въ состояніи будутъ выносить этихъ должностей; православное же дворянство не могло выставить ни одного человѣка, котораго можно было бы назначить въ какую-нибудь должность. «Я, писалъ Репнинъ, уже нѣсколько времени ищу и нарочныхъ разсылаю, чтобъ ко мнѣ привезли кого-нибудь хотя нѣсколько способнаго, но до сихъ поръ никого не нашелъ, ибо всѣ они сами землю пашутъ и безо всякаго воспитанія».

Конисскій, по своему происхожденію, не могъ быть сенаторомъ и потому долженъ былъ оставить бѣлорусскую епархію, еслибы съ званіемъ бѣлорусскаго архіерея соединилось званіе сенаторское. Репнинъ писалъ: «Чрезъ епископа Бѣлорусскаго я писалъ во всѣ здѣшнія мѣста нашего исповѣданія, есть ли между нашими монахами дворяне польскіе на тотъ случай, если будетъ опредѣлено, что епископъ бѣлорусскій получитъ сенаторское достоинство; но не надѣюсь, чтобъ такіе нашлись, или очень ихъ мало; а съ другой стороны настоящій епископъ бѣлорусскій (Конисскій) думаетъ, что въ нашей Малороссіи между монахами есть польскіе дворяне, и потому покорнѣйше прошу тамъ объ этомъ освѣдомиться, есть ли такіе люди и каковы они, потому что ихъ качества должны соотвѣтствовать сенаторскому достоинству».

Отъ 21 сентября Репнинъ уже увѣдомилъ Панина о *сумятицѣ* въ Варшавѣ. Начался крикъ въ публикѣ, что сейма нельзя держать въ присутствіи русскихъ войскъ. Репнинъ уговорился съ маршаломъ конфедераціи и съ самимъ королемъ, чтобъ конфедерація издала манифестъ, въ которомъ бы русскія войска объявлены были дружескими и помощными вольности народной; кромѣ того Репнинъ требовалъ постановленія конфедераціи, чтобъ уничтожены были всѣ присяги, данныя на сеймикахъ земскими послами въ противность смыслу акта конфедераціи, или бы послы, давшіе эти присяги, какъ выбранные неправильно, не могли принимать участіе въ дѣятельности сейма. Конфедерація не хотѣла сдѣлать ни того, ни другого, причемъ главнымъ крикуномъ былъ шляхтичъ Кожуховскій. Репнинъ велѣлъ взять его подъ стражу, но потомъ выпустилъ. Какъ только узнали, что Кожуховскій на свободѣ, такъ папскій нунцій явился къ нему съ визитомъ, а за нимъ поляки толпами, обожая его какъ героя и мученика, добиваясь его портретовъ. Репнинъ велѣлъ ему сказать, чтобъ ѣхалъ въ свои деревни, если не хочетъ вторично попасть подъ караулъ. Кожуховскій не поѣхалъ добровольно, и былъ отвезенъ въ деревню подъ карауломъ.

23 сентября долженъ былъ начаться сеймъ. Въ этотъ день, когда послы съѣхались у князя Радзивила, чтобъ вмѣстѣ отправиться на первое засѣданіе, пріѣзжаетъ нунцій и начинаетъ говорить, что вѣра погибаетъ, что ихъ долгъ защищать ее до

послѣдней капли крови, а не допускать до уравненія съ прочими религіями; именемъ папскимъ объявилъ онъ, чтоб никакъ не соглашались на назначеніе отъ республики уполномоченныхъ для переговоровъ съ русскимъ посломъ, ибо слѣдствіемъ будетъ необходимо гибель вѣры. Собраніе было сильно наэлектризовано. Самые спокойные рыдали, другіе же клялись громко, что готовы погибнуть за вѣру; меньшинство, въ которомъ былъ король, примасъ, маршалы обѣихъ конфедерацій и до 50 пословъ, не знали, что дѣлать, какъ начать сеймъ, опасаясь рѣзни при самомъ его открытіи. Въ самый разгаръ этихъ сценъ вдругъ является въ собраніе Репнинъ. Нѣсколько умѣренныхъ депутатовъ выбѣжали къ нему навстрѣчу съ увѣщаніями, чтобъ возвратился, иначе они ни за что не отвѣчаютъ; но Репнинъ не принялъ ихъ совѣтовъ и вошелъ прямо въ средину толпы, которая встрѣтила его крикомъ, что всѣ готовы умереть за вѣру. «Перестаньте кричать»! сказалъ громко Репнинъ, «а будете продолжать шумѣть, то я также заведу шумъ, и мой шумъ будетъ сильнѣе вашего». Тутъ оправились и маршалы конфедерацій, стали уговаривать депутатовъ, и тѣ перестали кричать. Когда тишина водворилась, Репнинъ началъ: «Я пріѣхалъ только съ визитомъ къ князю Радзивилу, а не трактовать съ вами, потому что никто изъ васъ этой чести имѣть не можетъ, не будучи уполномоченъ отъ республики; но частнымъ образомъ, попріятельски скажу вамъ, что удивляюсь и сожалѣю, видя васъ въ такомъ возмутительномъ состояніи: вы позабыли, сколько имѣете доказательствъ доброжелательства ея и. в—ства, позабыли, что только подъ ея покровительствомъ могли вы сконфедероваться для сохраненія своей вольности и правъ».—Тутъ рѣчь Репнина была прервана крикомъ: «Мы соединились также и для сохраненія закона католическаго»! Въ другой разъ объявилъ Репнинъ, чтобы перестали шумѣть, иначе самъ шумѣть станетъ, и когда крики утихли, продолжалъ: «Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть ревность къ своему закону, эта ревность конечно похвальна; но развѣ кто хочетъ нарушать права римскаго вѣроисповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобъ никому въ вѣрѣ принужденія не дѣлать, быть непоколебимыми въ сохраненіи обязательствъ и въ отданіи справедливости каждому. Если хотите жить въ добромъ

сосѣдствѣ съ Россіей и пользоваться покровительствомъ ея и. в—ства, то соблюдайте договоры. Только одни возмутители, которые въ смутѣ хотятъ пріобрѣсть себѣ значеніе, толкуютъ вамъ, что возстановленіе диссидентовъ касается католической религіи и можетъ ей вредить: въ дѣйствительности это дѣло только гражданское, а не духовное и должно быть разсмотрѣно съ уваженіями политическими, въ силу обязательствъ республики. Вспомните, какъ вы составили свои конфедераціи, какіе акты при этомъ обнародовали, и можете ли вы думать, чтобъ политическая система россійской имперіи въ три мѣсяца перемѣнилась»? Отвѣта на эту рѣчь не было; но раздались крики: «Освободить Кожуховскаго»!—«Если станете кричать, отвѣчалъ Репнинъ, ничего не сдѣлаю; крикомъ у меня ничего не возьмете, просите тихимъ, учтивымъ, порядочнымъ образомъ, и тогда, можетъ быть, сдѣлаю вамъ удовольствіе». Подошелъ Радзивилъ и сталъ просить учтиво о Кожуховскомъ; Репнинъ обѣщалъ и немедленно исполнилъ обѣщаніе.

Сеймъ начался, и ничто не показывало, что онъ можетъ кончиться къ удовольствію русскаго посла. Никакъ не соглашались отправить къ Репнину полномочныхъ для переговоровъ о диссидентскомъ дѣлѣ, кричали, что эти делегаты вѣру къ погибели приведутъ. «Фанатическое упорство націи я не могу достаточно изъяснить, писалъ Репнинъ. Я почти съ каждымъ особо переговорилъ, и всѣ отвѣчали одно, что не имѣютъ силъ противиться; большая же часть объявила, что готовы лишиться всего имѣнія и умереть, а на равенство съ диссидентами не согласятся, иные говорили мнѣ это со слезами. Сколько я ни работаю, сколько увѣщаній и строгости ни употребляю, сколько мнѣ король, Радзивилъ, Бростовскій, примасъ и подскарбій ни помогаютъ,—никакого успѣха нѣтъ, и предвижу, къ несчастію, что долженъ буду дойти до самыхъ крайностей». Видя, что уполномоченныхъ для переговоровъ сеймъ прислать не хочетъ, Репнинъ хотѣлъ предложить на сеймѣ, чтобъ присланы были къ нему делегаты спросить, что императрица желаетъ для диссидентовъ. Еслибъ и на это не согласились, то не оставалось другого средства, какъ послать на сеймъ для прочтенія меморіалъ и просить рѣшительнаго отвѣта. Репнинъ хотѣлъ дѣйствовать сообща съ иностранными министрами, поддерживавшими вмѣстѣ съ Россіею дисси-

дентское дѣло. Главнымъ между ними былъ прусскій министръ Бенуа; но Рѣпнину дали знать, что Бенуа подъ рукою препятствуетъ успѣху диссидентскаго дѣла, увѣряя, что русскіе только грозятъ, а никогда угрозъ своихъ не исполнятъ, да и король прусскій не выдастъ Поляковъ; особенно Бенуа хлопоталъ, чтобъ не была принята русская гарантія. Также подъ рукой, тихо, но усердно работали противъ гарантіи Чарторыйскіе, видаясь по ночамъ съ краковскимъ епископомъ. Со стороны Чарторыйскихъ особенно сильно дѣйствовалъ противъ Россіи князь Любомирскій, великій маршалокъ коронный, но также подъ рукою. Старики Чарторыйскіе подъ проклятіемъ и лишеніемъ наслѣдства запретили молодому князю Адаму быть делегатомъ для переговоровъ съ Репнинымъ о диссидентскомъ дѣлѣ.

Сеймовое засѣданіе 1 октября началось рѣчью епископа кіевскаго, который въ своихъ выходкахъ противъ диссидентовъ дошелъ до того, что вольность, утвержденную закономъ, называлъ дьявольскою и невольностію правовѣрныхъ; потомъ началъ жаловаться на арестъ Кожуховскаго, и, обратясь къ королю, требовалъ, чтобъ тотъ не на словахъ только, а на дѣлѣ показалъ свое правовѣріе. Король отвѣчалъ, что кромѣ усердія къ вѣрѣ католической, онъ обязанъ еще имѣть попеченіе о благополучіи отечества; напомнилъ объ обязательствахъ, въ которыя сама нація вступила чрезъ конфедерацію и посольство, отправленное къ императрицѣ; указалъ на вредъ, который произойдетъ, если этихъ обязательствъ не исполнить, и въ заключеніе потребовалъ, чтобъ прочтенъ былъ приговоръ конфедерацій. Когда этотъ приговоръ былъ прочтенъ, то начался страшный шумъ; со всѣхъ сторонъ крики: «Кто подписалъ грамоту?» На это отвѣчалъ секретарь конфедераціи, что подписали маршалы по приговору соединенной генеральной конфедераціи. Тутъ поднялся Солтыкъ: «Вся конфедерація и сочинявшіе ее отъ роду кредитивныхъ грамотъ не читывали, и вѣрно грамотѣ не умѣютъ, если такую грамоту подписали; впрочемъ продолжалъ Солтыкъ, я этому не удивляюсь, потому что конфедерація принуждена была къ тому силою абсолютной державы; но мы теперь можемъ и должны все ею ко вреду Польши сдѣланное уничтожить, въ томъ числѣ и эту грамоту, какъ противную религіи и вольности; вольность наша нарушена совершенно взятіемъ подъ арестъ

Чацкаго и Кожуховскаго; надобно послать къ русскому послу делегатовъ отъ сейма съ требованіемъ письменнаго отвѣта, по чьему повелѣнію онъ такъ поступалъ и имѣлъ ли на то инструкцію. Прежде полученія отвѣта отъ Репнина и прежде освобожденія Чацкаго не позволяю ничего ни дѣлать, ни говорить на сеймѣ. Согласны ли всѣ на это?» Большая часть пословъ закричали: «согласны». Опять король началъ тихую рѣчь: «Сами не знаете, чего хотите: такая делегація оскорбитъ достоинство самой императрицы; вмѣсто всего этого надобно прилежно разсмотрѣть поданный при началѣ сейма княземъ Радзивиломъ проектъ, сличить его съ актомъ конфедераціи и съ грамотою, отправленною къ императрицѣ; для этого я даю времени до 16-го іюля этого мѣсяца». Засѣданіе кончилось.

Узнавши объ этихъ событіяхъ, Репнинъ почелъ необходимымъ покончить съ Солтыкомъ. Во вторникъ 2 октября у краковскаго епископа собралось провинціальное засѣданіе Малой Польши. Тутъ хозяинъ говорилъ еще сильнѣе, чѣмъ на сеймѣ противъ диссидентовъ и гарантіи, и объявилъ, что сейма нельзя продолжать далѣе двухъ дней, будущей пятницы и субботы, потому что обыкновенный двухнедѣльный срокъ для чрезвычайныхъ сеймовъ этими двумя днями закончится. Еще сильнѣе Солтыка говорилъ воевода краковскій, Венцеславъ Ржевускій, за нимъ архіепископъ львовскій и епископъ кіевскій Залускій. Вся провинція была согласна съ ними, исключая одного маркиза Велепольскаго, краковскаго земскаго посла, который тщетно противился этимъ рѣшеніямъ: никто его не слушалъ. Князь Чарторыйскій, воевода русскій былъ тутъ же и прямо противился гарантіи, но о диссидентахъ и продолженіи сейма говорилъ межь зубовъ.

Когда засѣданіе кончилось и всѣ разъѣхались, Солтыкъ поѣхалъ ужинать къ маршалу Мнишку; узнавъ здѣсь, что команда, отправленная Репнинымъ, уже дожидается его на обратномъ пути, онъ расположился ночевать у Мнишка; тогда полковникъ Игельстромъ вошелъ въ домъ къ Мнишку и арестовалъ Солтыка, оттуда отправился къ Залускому, захватилъ его, а между тѣмъ подполковникъ Штакельбергъ забралъ Ржевускаго и сына его Северина, старосту Долинскаго. Всѣ захваченые были отправлены съ достаточнымъ конвоемъ въ Вильну, къ генералъ-пору-

чику Нумерсу, которому приказано было содержать ихъ съ довольствомъ и не оскорблять ничѣмъ. На третій день послѣ арестовъ явились къ Репнину делегаты, по одному сенатору изъ каждой провинціи, съ просьбою, чтобъ арестованнымъ была возвращена свобода и чтобъ остальные депутаты получили ручательство за свою безопасность. — «Арестованныхъ не выпущу, отвѣчалъ Репнинъ, потому что они заслужили свою участь; я не отдаю никому отчета въ моихъ поступкахъ, кромѣ одной моей государыни, и если хотите, можете обратиться прямо къ ней съ своею просьбой. По всемилостивѣйшему обѣщанію ея и. в—ства, преимущество и безопасность каждаго члена республики будутъ свято соблюдаемы, если вы, въ свою очередь, будете свято сохранять свои обязательства, заключающіяся въ послѣднихъ актахъ конфедераціи и въ грамотѣ, отправленной къ ея и. в—ству съ посольствомъ всей сконфедерованной республики, если земскіе послы поступать будутъ въ силу данныхъ имъ отъ сеймиковъ инструкцій».

Страхъ сдѣлалъ свое дѣло. Составили проектъ полномочія, назначили и полномочныхъ для переговоровъ съ Репнинымъ; Репнинъ, предлагая сеймовой депутаціи отсрочить сеймъ до 1-го февраля, говорилъ: «Кто будетъ противиться проекту акта лимитаціи сеймовой, съ тѣмъ я буду поступать какъ съ врагомъ императрицы и подвергнется онъ той же участи, какую испыталъ Солтыкъ со товарищами: кибитки уже готовы»! Сеймъ былъ отсроченъ. «Страхъ, происшедшій отъ взятія епископа краковскаго и прочихъ его товарищей, сіе произвелъ, писалъ Репнинъ отъ 8 октября. Я принужденъ былъ въ словахъ на всѣхъ оный страхъ распространить, особливо на Чарторыйскихъ, отзываясь громко, что я ихъ заберу, если еще противности сему проекту увижу, зная довольно, что они противъ того интригуютъ. Таковыми отзывами въ трепетъ всѣхъ и ихъ такой привелъ, что ни одного голоса не было на сеймѣ противъ сего проекта, и что Чарторыйскіе, не смѣя уже ничего отказывать, приказали князю Адаму принять на себя делегацію».

Король не безъ удовольствія могъ видѣть, какъ враги его обманулись въ своихъ надеждахъ, составивъ конфедерацію. Благодаря своему поведенію въ послѣднее время, податливости въ диссидентскомъ дѣлѣ, онъ снова сблизился съ Репнинымъ и по-

лучилъ надежду провести свое любимое дѣло, именно ограниченіе liberum veto. Репнинъ согласился ему въ этомъ содѣйствовать; но вопросъ былъ слишкомъ деликатенъ; посолъ не рѣшился прямо поддерживать желаніе короля у Панина; онъ ловко предложилъ дѣло въ видѣ вопроса, затронувъ въ Панинѣ самую нѣжную струну, систему Сѣвернаго союза. «Король желаетъ, писалъ Репнинъ, чтобъ было опредѣлено, какіе вопросы должны рѣшаться единогласно и какіе большинствомъ голосовъ». Если ваше сіятельство намѣрены что впредь изъ Польши сдѣлать для пріумноженія какого-либо Сѣверному союзу, то сіе истолкованіе съ осторожностію кажется позволить можно употребить, т.-е. выговоря и оставя на вѣкъ подъ либерумъ вето главныя матеріи, сочиняющія форму здѣшняго правленія, какъ то напримѣръ, чтобъ въ вольныхъ сеймахъ не инако учреждаемо какъ единогласіемъ умноженіе податей, прибавленіе войскъ, заключеніе всякихъ трактатовъ, объявленіе войны и мира, власть гражданскихъ и всякихъ государственныхъ чиновъ, ходъ и цѣна монеты, и иныя таковыя важныя, а прочія до внутренняго порядка принадлежащія кажется можно предать безъ опасности многогласію (большинству голосовъ), ибо безъ того порядка здѣсь не будетъ, а безъ порядка не можно будетъ употребить Польшу ни во что, если намѣренія какія вы на счетъ ея имѣете». Но противъ этихъ словъ въ письмѣ Репнина находится замѣтка не Панина, а самой Екатерины, обращенная къ Панину: «Вспомните, сколько сіе есть опасно, ибо не всегда можно сказать, для чего разрывались сеймы; сверхъ того сіе противорѣчитъ вовсе последнему вашему письму къ кня. Ре.» — «Если же, продолжалъ Репнинъ, не намѣрены вы ничего изъ Польши дѣлать, а оставить оную въ ея безпорядкѣ и замѣшательствѣ безконечномъ, то на истолкованіе сего закона соглашаться не надлежитъ, а отвѣчать прямо его польскому величеству, что того позволить нельзя, понеже мы намѣрены законы удерживать, а не разрушать. Еще король говорилъ мнѣ, что въ недостаткахъ своихъ на меня сошлется въ письмѣ своемъ къ вашему с—ству; яжъ о семъ по справедливости могу сказать, что жалко и прискорбно на его нищету смотрѣть, до того сіе дошло, что клочками, червонныхъ по 500 и по тысячи занимаютъ для того, что иногда дневного пропитанія почти не имѣютъ, да по несчастію и кредиту голо-

вой нѣтъ». Раздраженіе Репнина противъ подданныхъ Станислава Августа высказалось въ отзывѣ его о послахъ конфедераціи, бывшихъ при русскомъ дворѣ: «Если вы, писалъ онъ Панину, по своей обыкновенной учтивости и милости, хоть мало попустите, то они вамъ смертельно надоѣдятъ таковыми безмозглыми и безконечными проектами, которые не будутъ имѣть ни начала, ни конца, ибо всѣ поляки такая тварь, что сколь скоро ихъ изъ страха выпустишь, столь скоро они и изъ границъ всѣхъ тотчасъ выдутъ».

Панинъ потребовалъ, чтобъ Репнинъ привелъ диссидентовъ въ полное равенство съ католиками и въ неограниченномъ числѣ, и Репнинъ отвѣчалъ, что льстится сдѣлать это безопасно. «Сами наши партизаны, писалъ онъ, увѣряли всѣхъ, что они льстятъ диссидентамъ для полученія нашего покровительства, но послѣ не позволятъ уступить имъ правительственныхъ должностей или вообще какихъ-нибудь важныхъ выгодъ; только нужныя дѣла посредствомъ конфедераціи передѣлаютъ, а диссидентскому дѣлу столько поставятъ препятствій, что мы принуждены будемъ отъ него отступиться. Такъ они и дѣйствительно тайкомъ поступали; но я заранѣе зналъ, и теперь почти увѣрить могу, что они совершенно ошибутся и диссиденты будутъ приведены въ равенство съ католиками. Повторяю, что съ послѣдними управлюсь безъ шума, однимъ только строгимъ видомъ; но прошу посланникамъ у васъ перья ошибить, безъ чего они, ободряя своихъ сообщниковъ, такіе вздоры станутъ сюда писать, что здѣсь ихъ взболомутятъ и взбунтуютъ. Чарторыйскіе совершенно уже отъ короля удалились и конечно вліянія на дѣла имѣть не будутъ; совершенное же ихъ искорененіе считаю противнымъ нашимъ интересамъ. Не надобно давать имъ перевѣса надъ нашею партіею, но нужно оставить ихъ пугалами, посредствомъ которыхъ будемъ крѣпче держать въ рукахъ своихъ настоящихъ сторонниковъ; а если эти наши сторонники не будутъ имѣть никакого страха внутри страны, то захотятъ, какъ Чарторыйскіе, независимо отъ насъ быть господами».

Репнинъ сдержалъ свои обѣщанія на счетъ диссидентскаго дѣла. Коммиссія, назначенная для окончательнаго его рѣшенія, постановила слѣдующее: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтой во всѣхъ поли-

тическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ на половину изъ католиковъ и на половину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ; всякій и не принадлежащій къ католическому исповѣданію, можетъ пріобрѣтать индигенатъ въ Польшѣ.

Оставался другой вопросъ объ уничтоженіи всего того, что было сдѣлано въ царствованіе Станислава Августа для конституціонныхъ реформъ, и мы видѣли уже, какъ Репнину не хотѣлось огорчать короля совершеннымъ уничтоженіемъ всѣхъ этихъ попытокъ. Посолъ продолжалъ выставлять услуги, оказанныя королемъ Россіи въ послѣднее время, старался показать, что нѣтъ никакой нужды приносить Станислава Августа въ жертву врагамъ его, которые вовсе несильны, и что конфедерація не имѣетъ той важности, какую ей приписываютъ ея посланники въ Москвѣ: стоитъ только удовлетворить троихъ или четверыхъ вождей, и все успокоится. Репнинъ представлялъ, что интересы императрицы требуютъ *уважать* короля, доказать ему, что съ ея дружбою тѣсно соединено его благополучіе, пріобрѣсть его полную довѣренность и прямую привязанность; приверженный къ Россіи король не будетъ отказывать ея посланнику въ просьбахъ о награжденіи людей, преданныхъ Россіи, и такимъ образомъ легко будетъ составить себѣ сильную партію. Но какъ привязать къ себѣ короля, какъ составить себѣ партію изъ лучшихъ достойнѣйшихъ людей? Король и лучшіе люди желаютъ ограниченія liberum veto. «Если вы, писалъ Репнинъ Панину, намѣрены дать Польшѣ какую-нибудь, хотя малую состоятельность для употребленія ея когда-нибудь противъ Турокъ, то нужно позволить внутренній порядокъ, ибо безъ него никакой и самой малой услуги или пользы мы отъ нея имѣть не будемъ, потому что сумятица и безпорядокъ въ гражданствѣ и во всѣхъ частяхъ

въ такомъ градусѣ, что болѣе быть не могутъ. Если желаете, чтобы по прежнему всѣ безъ исключенія вопросы рѣшались на сеймахъ единогласно, и чтобъ чрезъ liberum veto сеймы, какъ и прежде, разрывались, то и это исполню. Сила наша въ настоящее время все можетъ. Но осмѣлюсь представить, что этимъ не только не утвердимъ довѣренности націи къ намъ и наше здѣсь вліяніе, напротивъ, совсѣмъ ихъ разрушимъ, оставя рану въ сердцахъ всѣхъ разумныхъ и достойныхъ людей, которые желаютъ раздѣленія законовъ (на государственные, проходящіе единогласіемъ, и внутренніе, принимаемые по большинству голосовъ), а на этихъ людей однихъ надѣяться можно, они одни только, по своему разуму, могутъ стоять въ челѣ народа; слѣд. оскорбимъ мы большую часть націи, если подвергнемъ ее прежнему безпорядку чрезъ совершенное разрываніе сеймовъ, и этимъ докажемъ всей націи, что мы желаемъ одного—видѣть ее въ порабощеніи и смутахъ. Это произведетъ крайнее недовѣріе къ намъ и слѣдовательно будетъ препятствовать собрать независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію надежныхъ и достойныхъ людей, на характеръ которыхъ и вліяніе въ народѣ мы могли бы полагаться. Если же соберемъ партію изъ людей, которые не пользуются уваженіемъ въ народѣ, то они намъ будутъ только въ тягость, а пользы не принесутъ, и будемъ принуждены все дѣлать единственно силой, а при такомъ способѣ дѣйствія нѣтъ никакой возможности имѣть свою независимую партію. Какая слава составить счастіе цѣлаго народа, позволивъ ему выйти изъ безпорядка и анархіи! Я вѣрю въ возможность соединенія политики съ человѣколюбіемъ; я льстился быть исполнителемъ намѣреній императрицы и вмѣстѣ содѣйствовать счастію народа, у котораго имѣю честь быть ея представителемъ». Прочтя это донесеніе, Екатерина написала Панину: «Никита Ивановичь, вы можете приказать отвѣты заготовить въ силѣ того, на чемъ мы согласились, ибо лишь бы остался намъ способъ имѣть пользу отъ либерумъ вотумъ, то для чего бы не дозволить пользоваться сосѣдамъ нѣкоторымъ намъ индиферентнымъ порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться». Въ слѣдствіе этого, относительно сеймовой формы было постановлено, что въ первыя три недѣли будутъ рѣшаться только экономическіе вопросы и рѣшаться большинствомъ голосовъ; всѣ же

государственныя дѣла будутъ рѣшаться въ послѣднія три недѣли—единогласіемъ [115].

Мы видѣли, что союзнику, прусскому королю, очень не нравилось настаиваніе Россіи на проведеніи диссидентскаго дѣла; но какъ онъ ни раздражался, какъ ни толковалъ, что русская императрица не имѣетъ никакого права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, какъ ни толковалъ, что сосѣди Польши должны имѣть въ виду, чтобъ въ ней не было никакой перемѣны, а Россія, проводя диссидентское дѣло, производитъ этимъ самымъ перемѣну,—все же русскій союзъ былъ для него необходимъ; безъ этого союза Пруссія была одинока и слаба. Когда министръ Финкенштейнъ представлялъ Фридриху, что нельзя далѣе слѣдовать за русскими въ польскихъ дѣлахъ, то онъ отвѣчалъ: «А еслибы они были въ союзѣ съ Австріей, то мы должны были бы сносить терпѣливо все, что бы имъ ни вздумалось сдѣлать въ Польшѣ». Фридриху самому не хотѣлось идти далеко за Россіею въ диссидентскомъ дѣлѣ, и обстоятельства помогли ему заключить съ Россіею новый договоръ, въ которомъ онъ складывалъ на Россію заботу и отвѣтственность въ дальнѣйшемъ веденіи диссидентскаго дѣла военными средствами. Извѣстія о вооруженіяхъ Австріи побудили русскій дворъ подписать въ апрѣлѣ 1767 года такой договоръ съ Пруссіею: Россія брала на себя защиту диссидентскихъ правъ вооруженною рукою, а прусскій король обязывался поддерживать эти права только сильными и дружескими внушеніями; если же Австрійцы вторгнутся въ Польшу и нападутъ на русскія войска, то король обязывался сдѣлать диверсію нападеніемъ на австрійскія владѣнія, за что императрица обѣщала ему соотвѣтственное вознагражденіе. Послѣднее обязательство Фридриху легко было взять на себя, ибо онъ разсчитывалъ, что извѣстіе о заключеніи такого договора между Россіею и Пруссіею удержитъ Австрію отъ вмѣшательства въ польскія дѣла и войны не будетъ.

Фридрихъ писалъ Сольмсу: «Я посылаю шпіоновъ и емиссаровъ почти во всѣ австрійскія провинціи, чтобъ проникнуть намѣренія австрійскаго двора, и кромѣ того, я жду двухъ эпохъ, которыя должны показать, что выйдетъ изъ тамошнихъ военныхъ приготовленій. Первая эпоха будетъ, когда образуется новая конфедерація и русскія войска вступятъ въ Польшу. Вторая эпоха,

когда соберется въ Польшѣ новый сеймъ: что если онъ станетъ просить покровительства Австріи»? [116] Но дѣло объяснялось просто: Австрія боялась, чтобъ и у нея не поднялся диссидентскій вопросъ.

Князь Дмитрій Голицынъ изъ Вѣны увѣдомилъ императрицу о военныхъ приготовленіяхъ Австріи и объяснилъ причину ихъ тѣмъ, что вѣнскій дворъ, узнавъ о вступленіи въ Польшу значительнаго числа русскихъ войскъ, опасается волненій среди собственныхъ подданныхъ не римскаго исповѣданія, не вздумали бы и они, по примѣру польскихъ диссидентовъ, требовать возвращенія отнятыхъ у нихъ правъ; потомъ Голицынъ увѣдомилъ объ опасеніяхъ Вѣнскаго двора, чтобъ подъ диссидентскимъ дѣломъ не скрывалось другого намѣренія, чтобъ Россія и Пруссія не согласились относительно завладѣнія нѣкоторою частію польскихъ земель, и въ такомъ случаѣ Австрія будетъ непремѣнно дѣйствовать вооруженною рукою, чтобъ помѣшать этому намѣренію; что же касается собственно диссидентскаго дѣла, то хотя оно и непріятно австрійскому двору, однако онъ не станетъ дѣйствовать въ Польшѣ вооруженною рукою [117].

Болѣе опасности было въ Турціи.

Въ январѣ Обрѣзковъ доносилъ, что недоброжелатели русскаго двора всѣми ихъ силами и разумѣніемъ подущаютъ Порту вступиться за поляковъ, сообщая ей все то, что можетъ оправдать поведеніе послѣднихъ, сообщили даже и *ехидную* рѣчь папскаго нунція, произнесенную на послѣднемъ сеймѣ; они доказываютъ Портѣ неосновательность претензій русскаго двора на право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, при этомъ горячимъ сообщникомъ ихъ является крымскій ханъ. Сначала Порта положила смотрѣть равнодушно на польскія дѣла и послала хану запрещеніе въ нихъ вмѣшиваться; но ханъ снова прислалъ донесеніе, что самые знатные поляки, въ виду притѣсненій отъ русской императрицы за несогласіе удовлетворить ея требованіямъ въ дѣлахъ вѣры, вознамѣрились просить Порту о защитѣ и покровительствѣ и объявили своему королю, что если онъ согласится на требованія русской императрицы, то они непремѣнно лишатъ его престола. Французскій и австрійскій послы сейчасъ явились съ прежними представленіями, что Польша государство независимое, и претензіи Россіи и Пруссіи относи-

тельно вѣры въ ней противны ея вольности; претензіи эти раздѣлятъ Польшу надвое и причинятъ безпокойство сосѣдямъ. Интернунцій прибавилъ, что его дворъ не будетъ смотрѣть на это покойно. Порта рѣшила—ожидать прямыхъ представленій отъ самихъ поляковъ. Обрѣзковъ, увѣдомляя объ этомъ Панина, просилъ, чтобъ при вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу начальствующимъ данъ былъ строгій приказъ не приближать къ турецкимъ границамъ никакого отряда, даже самого малочисленнаго.

Отъ 2 апрѣля Обрѣзковъ увѣдомилъ Панина, что австрійскій и французскій послы сдѣлали Портѣ письменное представленіе, что русскій дворъ старается уничтожить польскую вольность и древніе уставы республики и дѣлаетъ это съ такимъ самовластіемъ, какъ будто распоряжается въ собственномъ государствѣ; такихъ поступковъ со стороны Россіи никто не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что Порта манифестами своими французскому, австрійскому и другимъ дворамъ объявила, что никакъ не потерпитъ поврежденія вольности и древнихъ уставовъ польскихъ. Въ слѣдствіе такихъ объявленій Порта, для поддержанія собственнаго достоинства, должна соединиться съ ихъ дворами и принять мѣры для защиты польской вольности и для безопасности собственныхъ границъ. Русскій дворъ такъ смѣло распоряжается въ Польшѣ, надѣясь на союзъ съ прусскимъ королемъ; несмотря однако на это, дворы австрійскій и французскій не будутъ смотрѣть равнодушно на происходящее въ Польшѣ. Для противодѣйствія этой запискѣ Обрѣзковъ подалъ Портѣ свою, въ которой доказывалъ права диссидентовъ и права русской императрицы защищать ихъ; сообщилъ также декларацію Екатерины польскому правительству, въ которой утверждалось, что она, при этой защитѣ, не имѣетъ никакихъ корыстныхъ видовъ. Порта отвѣчала Обрѣзкову, что ей непонятно, какъ русскій дворъ можетъ интересоваться диссидентскимъ дѣломъ до такой степени, что ввелъ въ Польшу свое войско; если это дѣло имѣетъ связь съ статьями договора, то можно бы вести его чрезъ уполномоченнаго, не вводя войска въ области чужой державы. Быть можетъ есть другія причины этого введенія и извѣстны ли онѣ резиденту? Хоть въ деклараціи императрицы изъяснено, что ея величество незавидлива и не желательна завладѣть польскими землями, однако

нѣкоторые противники не перестають утверждать что введеніе войска подъ предлогомъ защиты диссидентовъ собственно имѣетъ въ виду овладѣніе польскими землями. Ясно видно, что русскій дворъ такого обмана не сдѣлаетъ; но, такъ какъ дѣло не стоитъ того, чтобъ изъ-за него вводить войско, то невольно возбуждается сомнѣніе, и если настоящая причина такого поступка русскаго двора резиденту неизвѣстна, то желательно, чтобъ онъ испросилъ у двора своего изъясненія.

«Диссидентское дѣло очень важно, ибо основано на статьѣ торжественнаго договора, отвѣчалъ Обрѣзковъ. Цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ русскіе министры, находящіеся въ Варшавѣ, безпрестанно домогались прекращенія гоненій на диссидентовъ, и все по напрасну; мирныя средства были всѣ истощены, и потому введено войско, и это сдѣлано не для притѣсненія чьего-либо, а единственно для охраненія республики отъ междоусобной и неизбѣжной войны».

Лѣто прошло спокойно. Но въ октябрѣ молдавскій господарь донесъ Портѣ, что въ Подолію, по близости къ турецкимъ границамъ, вступило большое русское войско съ осадною артиллеріею и бомбами, и тогда же получены были три письма изъ Польши, одно отъ кіевскаго воеводы Потоцкаго, другое отъ Солтыка, третье отъ каменецкаго епископа Красинскаго. Во всѣхъ трехъ письмахъ говорилось одно, что Портѣ уже извѣстно, съ котораго времени польское королевство терпитъ притѣсненія отъ русскихъ войскъ и какимъ образомъ эти войска препятствуютъ естественному теченію вольности и дѣйствіямъ древнихъ уставовъ королевства. Послѣ Бога, Польша не имѣетъ другой надежды получить помощь, какъ только отъ Порты, на нее прямые сыны отечества возлагаютъ все свое упованіе и надѣются найти безопасное убѣжище въ близости границъ турецкихъ. Покорнѣйше умоляютъ они Порту приказать крымскому хану и другимъ пограничнымъ начальникамъ подать притѣсненнымъ руку помощи. Эти письма сильно встревожили Порту и повели къ образованію двухъ партій. Министерство продолжало утверждать, что надобно смотрѣть равнодушно на дѣйствія русскихъ въ Польшѣ; но другія вліятельныя лица, и особенно духовенство, стало говорить, что не въ интересѣ Порты терпѣть такое долговременное господство Россіи въ Польшѣ. Обрѣзковъ

деньгами привелъ въ дѣйствіе разныя потаенныя пружины и довелъ до того, что ему сдѣланъ былъ запросъ на счетъ донесеній молдавскаго господаря, которыя, разумѣется, онъ могъ легко опровергнуть. Его отвѣтъ снова успокоилъ Порту, которая не удостоила отвѣтомъ Потоцкаго, Солтыка и Красинскаго, а хану предписала не принимать никакого участія въ польскихъ смутахъ, и только дать знать полякамъ, что Порта не потерпитъ приближенія русскихъ войскъ къ своимъ границамъ, но чтобъ и поляки остерегались производить безпокойство въ ея границахъ. Но въ концѣ октября Порта начала опять безпокоиться въ слѣдствіе извѣстій о ходѣ сейма, объ арестахъ Солтыка съ товарищами и въ слѣдствіе ропота многихъ на нерадѣніе правительства, позволяющаго занятіе Польши русскими войсками. Въ слѣдствіе этого безпокойства хотинскій гарнизонъ велѣно было усилить. Французскій посолъ подалъ записку, въ которой говорилъ, что Польша и равновѣсіе Европы находятся въ опасности, что Россія еще со временъ Петра Великаго стремится къ уничтоженію въ Польшѣ liberum veto; Петръ не успѣлъ достигнуть своего намѣренія и оставилъ эту идею въ наслѣдство своимъ преемникамъ. По смерти короля Августа III русскій дворъ возвелъ извѣстными средствами на польскій престолъ свою креатуру и возжегъ усобицу между поляками для своихъ выгодъ, наполнивши страну своими войсками. Порта въ собственныхъ интересахъ, не можетъ быть равнодушна, и единственное средство для нея къ отвращенію зла—это заключеніе союза между нею и Франціею. Ханъ прислалъ татарина, только что возвратившагося изъ Варшавы, съ вѣстями, что Россія совершенно привела Польшу въ свою зависимость, такъ что это королевство должно почитать погибшимъ, если Порта не поспѣшитъ спасти его; что Россія, окончивъ по своему желанію настоящія дѣла, вынудитъ у поляковъ уступку областей, лежащихъ въ турецкомъ сосѣдствѣ и для этого сорокатысячное русское войско останется въ Польшѣ на неопредѣленное время; что князь Репнинъ принудилъ республику наложить на поляковъ новую подать для содержанія русскаго войска, и обложилъ этимъ войскомъ Варшаву такъ, что съѣстные припасы не впускаются въ городъ безъ его билетовъ; что поляки желаютъ, чтобъ Порта прислала какого-нибудь агу въ Варшаву подъ пред-

логомъ поздравленія короля: ага этотъ долженъ препятствовать на сеймѣ успѣху вредныхъ русскихъ предпріятій. Въ Константинополѣ не подвергали критикѣ подобныхъ извѣстій, не спрашивали, могъ ли крымскій татаринъ быть хорошимъ наблюдателемъ варшавскихъ событій и привезти одни вѣрныя вѣсти. Великій визирь, какъ только татаринъ кончилъ свои росказни, закричалъ: «Кто этого ожидалъ? Слушай послѣ того русскія увѣренія! Какъ теперь донести это государю? Непремѣнно дѣла должны запутаться!» Начались совѣты, долго разсуждали, наконецъ положили: прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе, потребовать у Обрѣзкова разъясненія дѣла, и если это разъясненіе окажется неудовлетворительнымъ, то Порта объявитъ себя защитницею вольности и правъ Польши и отправитъ туда посланника.

3-го декабря Обрѣзковъ имѣлъ тайную конференцію съ рейсъ-еффенди. Разговоръ продолжался четыре часа; Обрѣзковъ, по его словамъ, «всякій пунктъ въ своемъ мѣстѣ очистилъ и объяснилъ такимъ образомъ, что рейсъ-еффенди казался о истинѣ быть увѣреннымъ и довольнымъ». Рейсъ-еффенди сказалъ: «Если вы меня увѣряете въ томъ, что Россія не имѣетъ намѣренія увеличить свои владѣнія на счетъ Польши, то взаимно и я васъ обнадеживаю, что Порта до окончательнаго рѣшенія польскихъ дѣлъ не будетъ обращать вниманія ни на какія подущенія, происки и клеветы, въ безчисленномъ количествѣ до нея доходящія; Порта не сдѣлаетъ никакого поступка, который могъ бы еще болѣе затруднить польскія дѣла или отдалить ихъ окончательное рѣшеніе; но Порта обѣщаетъ это съ однимъ условіемъ, что русскія войска, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, должны выступить изъ Польши въ 15 или много въ 20 дней, и кромѣ того чтобъ были освобождены всѣ арестованные». Обрѣзковъ не видя, по его словамъ, въ предложеніяхъ турецкаго министра ничего несправедливаго и неразумнаго, согласился на эти два условія [118].

Такая же борьба между русскимъ и французскимъ послами шла на сѣверѣ въ Швеціи. Швеція приняла предложеніе Россіи высказаться въ пользу польскихъ диссидентовъ-протестантовъ, несмотря на сопротивленіе французской партіи, которая говорила, что диссидентская конфедерація есть простое возмущеніе, котораго поддерживать не слѣдуетъ. Для поддержанія русской

партіи, которая настояла на отказѣ отъ французскихъ субсидій, надобно было доставить Швеціи англійскія субсидіи; но Англія не соглашалась платить ихъ. Императрица по этому поводу написала для Панина на депешѣ Остермана: «Все на насъ они (Англичане) валятъ, и истинно сердиться хочется, что они столь слабо и слѣпо поступаютъ. Дайте г. Маркатнею сіе почувствовать; чрезъ подобные поступки мало пріобрѣтутъ себѣ уваженія». А между тѣмъ Остерманъ доносилъ, что французскій посланникъ Бретейль имѣетъ частыя тайныя свиданія съ королевой въ комнатѣ фрейлины Горнъ. Бретейль отправлялся къ фрейлинѣ подъ видомъ простого визита, но встрѣчалъ тутъ королеву, которая приходила скрытымъ ходомъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ. Король имѣлъ частное свиданіе съ французскимъ посломъ и посланникомъ испанскимъ въ деревнѣ камергера графа Делагарди, куда король пригласилъ ихъ для охоты на оленей; свита была небольшая—однѣ французскія креатуры; а незадолго передъ тѣмъ французскій посолъ видался съ королемъ въ арсеналѣ въ слѣдствіе какъ будто нечаянной встрѣчи. Остерманъ кончилъ свою переписку этого года съ Панинымъ извѣстіемъ о средствахъ, которыя употреблялъ шведскій дворъ, чтобъ воспрепятствовать стокгольмскому обществу, особенно молодежи, собираться у русскаго посла: какъ скоро дворъ узнавалъ, что у Остермана званый ужинъ, немедленно разсылались приглашенія знатнымъ особамъ, мужчинамъ и женщинамъ, то къ королю, то къ наслѣдному принцу. На святкахъ Остерманъ далъ балъ; при дворѣ въ тотъ же вечеръ назначенъ былъ розыгрышъ лотереи; тогда приглашенные Остерманомъ гости объявили ему, что пріѣдутъ къ нему къ ужину послѣ лотереи; но когда при дворѣ узнали объ этомъ, то вмѣсто лотереи назначенъ былъ балъ, продолжавшійся и послѣ ужина: «Я могъ бы избѣжать этихъ непріятностей прекращеніемъ званыхъ вечеровъ, писалъ Остерманъ, но зная, что король и королева нарочно поступаютъ такъ для усиленія своей партіи, для отнятія у меня способа привлекать молодыхъ людей къ нашимъ видамъ и прямо объ этомъ объявляютъ, говоря, что не привыкли зависѣть въ своихъ забавахъ отъ русскаго ига, я думаю продолжать до самаго Великаго поста угощенія и балы, дабы, не имѣя возможности имѣть избранныхъ, угощать въ сво-

емъ домѣ хотя оглашенныхъ». Панинъ замѣтилъ на письмѣ: «Всегда была сія политика у французскихъ партизановъ и всегда съ успѣхомъ [119]».

Генералъ Философовъ доносилъ въ мартѣ изъ Копенгагена, что баронъ Бернсторфъ по секрету сообщилъ ему о переводѣ изъ Франціи 500,000 ливровъ въ Швецію къ Бретейлю для подкрѣпленія французской партіи, что по полученіи этихъ денегъ Бретейль имѣлъ два свиданія съ королевою въ комнатахъ ея камеръ-фрейлины, но что между королевою и посломъ происходили частыя несогласія относительно употребленія этихъ денегъ. Говоря объ этомъ, Бернсторфъ замѣтилъ, что эти слабыя попытки нисколько не воскресятъ убитой французской партіи и никакія интриги не будутъ въ состояніи довести до созванія чрезвычайнаго сейма. Философовъ поставилъ на видъ необходимость для Россіи и Даніи, преимущественно для послѣдней, дѣйствовать въ Швеціи въ неразрывномъ союзѣ, необходимость для Даніи не искать себѣ тамъ другихъ друзей, кромѣ приверженцевъ Россіи. Бернсторфъ отвѣчалъ, что хотя ихъ министръ въ Стокгольмѣ Шакъ уже снабженъ особымъ повелѣніемъ на этотъ счетъ, но это повелѣніе еще ему будетъ подтверждено, и даже просилъ Философова назначить сроки для исполненія этого предписанія (въ подлинникѣ: «и отдаетъ мнѣ на волю термины избранія предписать»).—«Я, доносилъ Философовъ, оставилъ на волѣ сего благоразумнаго и совершенно преданнаго вашему в—ству министра новый подтвердительный указъ королевскій Шаку отправить, чтобъ оный во всемъ согласно съ графомъ Остерманомъ содѣйствовалъ».

Но этому благоразумному и совершенно преданному Россіи министру грозила большая опасность, которую Философовъ вмѣстѣ съ Сальдерномъ должны были предотвращать. Сальдернъ писалъ Панину въ январѣ о своемъ разговорѣ съ министрами англійскимъ и прусскимъ, которые прямо стали приглашать его къ содѣйствію въ низверженіи Бернсторфа. Сальдернъ въ отвѣтъ расхохотался и сказалъ: «Развѣ вы, любезнѣйшіе мои господа, здѣсь для того, чтобъ низвергать датское министерство? По крайней мѣрѣ я здѣсь не для того.» Тѣ замолчали, и прусскій министръ не возобновлялъ разговора; но англійскій началъ опять, и Сальдернъ далъ ему дружески почувствовать всю смѣш-

ную сторону этого предложенія. Прусскій министръ Боркенъ, по словамъ Сальдерна, былъ извѣстный интриганъ, человѣкъ злобный и лжецъ. Бернсторфъ объявилъ Сальдерну, что Боркенъ часто внушалъ королю пагубныя мысли; что онъ, Бернсторфъ считаетъ его человѣкомъ опаснымъ. Сальдернъ началъ наблюдать, развѣдывать, и въ слѣдствіе этихъ развѣдыванiй сообщилъ Панину, что Фридрихъ II-й говорилъ англійскому министру въ Берлинѣ Митчелю; король говорилъ, что онъ недоволенъ посольствомъ Сальдерна къ нему и хочетъ жаловаться на Сальдерна Панину; что онъ смотритъ на Сальдерна, какъ на человѣка, помѣшаннаго на своей Сѣверной системѣ, а что онъ, король считаетъ эту систему вредною для Великобританіи и Пруссіи. Сальдернъ сообщалъ, что Митчель, преданный безгранично прусскому королю и помѣшанный на необходимости самаго тѣснаго союза между Пруссіею и Англіею, внушаетъ Лондонскому кабинету, что слишкомъ тѣсный союзъ между Россіею и Даніею, надъ которымъ работаетъ Сальдернъ, дастъ перевѣсъ Россіи; надобно, чтобъ Англія соединилась съ Пруссіею, чтобъ помѣшать Россіи сдѣлаться центральнымъ и главнымъ государствомъ на Сѣверѣ. Русскимъ министрамъ въ Копенгагенѣ надобно было противодѣйствовать движеніямъ Пруссіи и Даніи; для этого надобно было поддержать Бернсторфа, надобно было дѣйствовать на короля. Король, по отзывамъ Сальдерна и Философова, былъ очень дурно воспитанъ. Онъ былъ не глупъ, имѣлъ свѣдѣнія, но былъ слишкомъ живъ, слишкомъ легокъ и потому непослѣдователенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Притомъ естественно для человѣка, освободившагося отъ рабства, заблудиться на свободѣ, которая такъ близко граничитъ съ своеволіемъ. Король видитъ себя выше законовъ, которыхъ природы и силы онъ не знаетъ онъ не довѣряетъ, удаляется отъ министровъ отца своего и презираетъ придворную молодежь, которая вся ниже его по способностямъ. Сальдернъ сообщилъ Панину свое убѣжденіе, что король будетъ имѣть довѣріе къ Бернсторфу, не имѣя къ нему дружбы. «Король, писалъ Сальдернъ, любитъ поговорить и часто разговариваетъ со мною; я не скрываю отъ него истины, когда нахожу удобный случай ее проповѣдовать. Французскій министръ бѣсится, а прусскій кусаетъ себѣ губы, потому что прежде онъ пользовался этимъ преимуществомъ.»

22 февраля является къ Сальдерну и Философову Бернсторфъ и съ ужасомъ объявляетъ по секрету, что король предпринялъ произвести большія перемѣны въ войскѣ, отнимаетъ главное управленіе военнымъ департаментомъ у зятя своего, принца гессенскаго и поручаетъ фельдмаршалу С. Жермэну; почти всѣ прежніе члены этого департамента будутъ смѣнены, и полковникъ графъ Герцъ получитъ департаментъ кавалеріи; но своевольный и безчестный характеръ Герца пугаетъ его, Бернсторфа: онъ посредствомъ интригъ можетъ овладѣть королевскимъ сердцемъ и довести государя до жестокихъ поступковъ; этотъ самый Герцъ старался склонить короля къ совершенному изгнанію принца гессенскаго изъ государства; въ этомъ онъ не успѣлъ, но все же принцъ удаляется штатгалтеромъ въ Шлезвигъ. Русскіе министры замѣтили Бернсторфу, что подъ принца гессенскаго подкопался Герцъ не одинъ, а вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ Боркеномъ. Но замѣчаніе, разумѣется, не уменьшило опасеній Бернсторфа, который высказалъ свое отчаяніе, что внутренними средствами нельзя предотвратить эту ужасную бурю. Тогда русскіе министры предложили ему себя орудіями для отстраненія такихъ непріятныхъ обстоятельствъ, они готовы, именемъ императрицы, ходатайствовать у короля за принца гессенскаго, и въ случаѣ если король не согласится исполнить ихъ просьбы, то пригрозить ему разрывомъ съ Россіею. Бернсторфъ отвѣчалъ, что русскіе министры единственныя существа, которыя могутъ подѣйствовать на короля. Не медля ни мало, Сальдернъ послалъ просить аудіенціи подъ предлогомъ, что, выздоровѣвши онъ хочетъ поблагодарить короля за частыя освѣдомленія его величества о ходѣ болѣзни. Король назначилъ часъ, и Сальдернъ «по извѣстному своему дару убѣдительно говорить» (слова Философова), успѣлъ показать королю весь вредъ, могущій произойти отъ удаленія принца гессенскаго, такъ что король тутъ же перемѣнилъ намѣреніе удалить принца въ Шлезвигъ. Восхищенный Бернсторфъ называлъ Сальдерна и Философова ангелами хранителями Даніи. Можно было выхлопотать только оставленіе принца гессенскаго въ Копенгагенѣ; но военнымъ министромъ сталъ С. Жермэнъ, съ которымъ Философовъ и Сальдернъ должны были бороться для поддержанія преданныхъ себѣ людей.

Въ самомъ концѣ августа мѣсяца Бернсторфъ тайно, чрезъ третье лицо, далъ знать Философову, что король, по внушеніямъ С. Жермэна, согласился принять въ свою службу прусскаго посланника Боркена, и если русскій министръ не заставитъ короля именемъ императрицы отмѣнить это рѣшеніе, то паденіе министерства неминуемо. Философовъ немедленно потребовалъ аудіенціи и прямо объявилъ, что Боркенъ противенъ императорскому двору, а если онъ будетъ принятъ въ датскую службу, то союзный договоръ между Россіею и Даніею никогда не будетъ подписанъ. Аудіенція продолжалась до трехъ часовъ; король оправдывалъ себя, увѣрялъ, что ему и въ голову никогда не приходило сдѣлать что-либо противное императрицѣ, что фельдмаршалъ С. Жермэнъ ни въ какія политическія дѣла не мѣшается и никакихъ внушеній ему никогда не дѣлалъ. Тогда Философовъ потребовалъ торжественнаго обѣщанія, что король никогда не приметъ Боркена въ свою службу и никогда не приблизитъ Герца къ своей особѣ. Король отвѣчалъ, что онъ никогда и не хотѣлъ этого дѣлать; но Философовъ настаивалъ, чтобъ онъ далъ обѣщаніе и впередъ никогда этого не дѣлать; наконецъ король далъ обѣщаніе въ этихъ словахъ: «наиторжественнѣйше королевскимъ своимъ словомъ ея величеству обязуюсь Боркена никогда въ свою службу не принимать и Герца къ своей особѣ не приближать, и притомъ прошу императрицу употребить сильное содѣйствіе къ тому, чтобъ прусскій король скорѣе отозвалъ Боркена отъ датскаго двора.» Выходя съ аудіенціи Философовъ сказалъ королю: «Оставляю в. в. въ увѣренности, что данное вами обѣщаніе будетъ всегда для в. в. священно и ненарушимо.»—«Призываю небо въ свидѣтели, отвѣчалъ король, что обѣщаніе это почитаю столь же для себя обязательнымъ, какъ и подписанный договоръ.» — «И несмотря на все это, писалъ Философовъ Панину, легкомысленный нравъ короля и усиленіе противной партіи внушаютъ мнѣ опасеніе, что все можетъ перемѣниться, настоящее министерство падетъ и наши переговоры будутъ разорваны. Настоящее министерство крайне робко; оно не только не смѣетъ дѣлать королю сильныхъ представленій, но даже боится показать наималѣйшій видъ своего согласія со мною; исключая одного конференціальнаго дня въ недѣлю, я, по просьбѣ Бернсторфа, принужденъ избѣгать свиданій

съ нимъ, и всѣ сообщенія и мнѣнія получаю отъ него чрезъ статскаго совѣтника Шумахера. Напротивъ того С. Жермэнъ отважно дѣлаетъ королю свои внушенія и тѣмъ беретъ верхъ надъ остальными министрами.» Бернсторфъ далъ знать Философову, что къ союзному договору между Россіею и Даніею необходимо прибавить сепаратную статью, въ которой бы король обязался никогда Боркена въ свою службу не принимать и Герца къ своей особѣ не приближать. Императрица написала Панину по этому поводу: «Надобно такъ сдѣлать, чтобъ прусскій король отозвалъ Борка.—Правда, что секретный артикулъ будетъ страненъ и не сдѣлаетъ чести королю датскому.»

Философовъ извѣстилъ императрицу о выраженіяхъ глубочайшей благодарности со стороны Бернсторфа по поводу полученія торжественнаго королевскаго обѣщанія; онъ обвинялъ министровъ въ робости, короля въ легкомысліи. Но Сальдернъ въ письмѣ своемъ къ Панину въ концѣ года старался оправдать короля и сильно обвинить министровъ въ неблагодарности, хотя Философовъ удовлетворительно объяснялъ ихъ поведеніе тою же робостію. «Мы сдѣлали невозможное, писалъ Сальдернъ, не только для удаленія грозившей опасности, но и для отысканія дороги къ сердцу короля, чтобъ сдѣлать постояннымъ и твердымъ все то, что имъ сдѣлано, и сдѣлано не въ слѣдствіе страха и насилія, но по убѣжденію и добровольно. Король молодой человѣкъ, чрезвычайно живой и страстный, склонный къ удовольствіямъ не по темпераменту, но изъ какого-то легкомыслія и изъ желанія узнать все собственнымъ опытомъ. Онъ достоинъ сожалѣнія. Онъ хочетъ добра, лишь бы ему оставили его маленькія дурачества. Онъ хочетъ добра не на словахъ только, видно, что онъ дѣлаетъ добро. Несчастіе въ томъ, что ни одинъ изъ его министровъ не обладаетъ его довѣріемъ; но большее несчастіе въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не даетъ себѣ труда снискать его уваженіе и довѣріе, получить доступъ къ его сердцу, которое непремѣнно будетъ послушно, если министры немного болѣе будутъ примѣняться къ фантазіямъ государя и будутъ имѣть болѣе ловкости въ пріобрѣтеніи его довѣрія. Таково мое мнѣніе. Оно основано на собственномъ опытѣ: я знаю, что польстя немного его самолюбію, можно взять надъ нимъ власть, надобно дать видъ, какъ будто онъ дѣйствуетъ по собственной

волѣ и по собственному разумѣнію. Но я не могу умолчать, что здѣшніе министры, поддерживаемые нами, оказываются неблагодарными. Ни одинъ изъ нихъ не поблагодарилъ насъ приличнымъ образомъ за нашу ревность къ ихъ пользѣ, тогда какъ мы первые ихъ поздравили съ ихъ торжествомъ. Ни одинъ не отдалъ намъ потомъ визита; едва графъ Бернсторфъ, съ своимъ обычнымъ двоедушіемъ, сдѣлалъ намъ въ третьемъ мѣстѣ знакъ рукою, что знаетъ, чѣмъ намъ обязанъ, а графъ Ревентлау, человѣкъ грубый и тщеславный, не обнаружилъ къ намъ ни малѣйшей признательности.» [120]

Датскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ былъ Ассебургъ, который выставляется какъ другъ Панина и приверженецъ Пруссіи. Генрихъ Шерлей, завѣдывавшій дѣлами англійскаго посольства въ Россіи по отъѣздѣ Макартнея, отзывался объ Ассебургѣ, что его скорѣе надобно считать министромъ прусскаго, чѣмъ датскаго двора. Это была дурная рекомендація предъ англійскимъ министерствомъ, которое приписывало Фридриху II-му всѣ неблагопріятныя внушенія въ Россіи относительно Англіи, что было и справедливо, какъ мы знаемъ. Совершенно справедливо писалъ Шерлей своему двору объ отношеніяхъ прусскаго короля къ Россіи: «Я убѣжденъ, что онъ не входитъ искренно въ виды этого двора, что онъ вовсе не приверженецъ Сѣверной системы; что одна необходимость (союзъ Австріи, его естественнаго врага, съ бурбонскимъ домомъ) можетъ заставить его искать убѣжища подъ покровительствомъ Россіи; что еслибы онъ могъ дѣйствовать открыто съ безопасностію для себя, то онъ немедленно составилъ бы сильную оппозицію намѣреніямъ императрицы; что онъ съ большимъ неудовольствіемъ смотритъ на быстроту, съ какою она увеличиваетъ свою власть и значеніе. Стоитъ внимательно наблюдать его поведеніе въ Константинополѣ, Польшѣ, Даніи и Россіи, чтобъ видѣть, какъ онъ боится Россіи, а вовсе не преданъ ея интересамъ; хотя онъ не станетъ объявлять себя открыто, а дѣйствуетъ только подъ рукою, однако онъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ только помѣшать успѣху панинской системы. Нѣтъ сомнѣнія, что съ великою досадою увидалъ бы онъ союзъ между нашимъ королемъ и императрицею.»—Это справедливо, но странно было бы предполагать, какъ это дѣлали англичане, что Россія, по внушеніямъ Фридриха II-го, не согла-

шается заключать союза съ Англіею съ исключеніемъ Турціи изъ случая союза. Екатерина хотѣла прежде всего мира; сильно тяготилась смутами польскими и шведскими, тѣмъ менѣе могла желать войны съ Турціею. Будучи убѣждена, что Австрія и особенно Франція не упускаютъ случая дѣлать Портѣ враждебныя внушенія противъ Россіи, Екатерина хотѣла, чтобъ Англія напротивъ того употребляла всѣ усилія для удержанія Турокъ отъ войны, что та непремѣнно и дѣлала бы изъ собственнаго интереса, еслибы, по союзному договору, обязалась помогать Россіи въ случаѣ нападенія Турокъ на послѣднюю. Вотъ почему и Шерлей слышалъ отъ Панина прежнее, что съ исключеніемъ Турціи союзъ заключенъ не будетъ.

И Шерлей также внимательно слѣдилъ за судьбою Панина. Отъ 9-го мая 1767 года до насъ дошла любопытная записочка Бецкаго къ Екатеринѣ, гдѣ выражается сильное нерасположеніе къ Панину, сильное неудовольствіе на его важное значеніе: «Вижу, что у вашего величества Никитка великъ человѣкъ, кланяться ему поѣду сегодня, тоже и другимъ присовѣтую.» [121] Отъ конца того же мая Шерлей пишетъ своему министерству, что зависть Орловыхъ къ Панину вспыхнула съ новою силою, что они ищутъ его погибели, употребляютъ всѣ средства, чтобъ очернить его въ глазахъ императрицы. Внушаютъ, что нельзя въ одномъ лицѣ соединить и надзоръ за воспитаніемъ великаго князя и завѣдываніе иностранными дѣлами, необходимо Панина назначить канцлеромъ, а воспитаніе наслѣдника поручить другому лицу и указывали на Ив. Ив. Шувалова; но удаленіе Панина изъ дворца будетъ знакомъ его паденія. Екатерина противится, старается мирить Панина съ Орловыми, и къ счастію Панина опасно заболѣваетъ графъ Алексѣй Орловъ: если и останется живъ, то будетъ принужденъ ѣхать лѣчиться за границу, а безъ него Григорій Орловъ ничего не сдѣлаетъ [122].

Въ началѣ 1768 года въ Петербургѣ могли думать, что тяжелое польское дѣло окончено. «Теперь для насъ настало время спокойствія», сказалъ Панинъ Сольмсу [123]. И въ Варшавѣ король опять сталъ думать о преобразованіяхъ. Въ концѣ февраля (5 марта н. с.) Станиславъ Августъ писалъ императрицѣ: «Такъ какъ все сдѣлалось въ Польшѣ по вашему желанію, то всѣ полезныя Польшѣ установленія и всѣ личныя выгоды мною по-

лученныя составляютъ новое право на мою благодарность къ в. и. в. Я признаю эти права и всегда буду признавать ихъ также открыто, какъ содѣйствую исполненію вашихъ желаній. Неизмѣнная прямота моего характера въ то же время предписываетъ мнѣ безпрестанно возобновлять предъ в. в. настоятельныя просьбы относительно предметовъ, которые, по моему убѣжденію, необходимы для счастія Польши. Оставьте мнѣ надежду что вы будете соглашаться на нихъ постепенно, что отъ васъ я получу рано или поздно эти безцѣнныя блага».—«Радуюсь, отвѣчала Екатерина, что я помогла республикѣ получить конституцію, постоянную, неизмѣнную и выгодную для всѣхъ сословій».

Радость императрицы, что дана была «постоянная, неизмѣнная» конституція, могла показать королю, что ему трудно надѣяться на содѣйствіе Россіи въ измѣненіи этой конституціи, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ ея частяхъ. Въ Петербургѣ прежде всего хотѣли докончить дѣло, показать, что нельзя безнаказанно быть ложными друзьями Россіи. Въ Петербургѣ увидали ясно, что Чарторыйскіе, и подъ ихъ вліяніемъ король, хотѣли употребить Россію орудіемъ для измѣненія конституціи, и когда русскій дворъ, въ надеждѣ на преданность къ себѣ *русской* партіи, захотѣлъ употребить Чарторыйскихъ орудіями для достиженія своихъ цѣлей, тѣ отказались помогать, что сочтено было вѣроломствомъ. Отношенія къ фамиліи такимъ образомъ опредѣлились, и на будущее считали необходимымъ освободить короля и страну совершенно отъ вліянія Чарторыйскихъ. Пріѣхавшій изъ Москвы, въ самомъ концѣ 1767 года полковникъ Игельстромъ передалъ Репнину желаніе Панина, чтобъ старшій Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій былъ *выжитъ* изъ министерства. Репнинъ охотно взялся за дѣло и чрезъ разные каналы, между прочимъ чрезъ дочь старика, воеводину виленскую сдѣлалъ ему внушенія, чтобъ на старости лѣтъ не дожидался несчастій, какія могутъ съ нимъ случиться, а заранѣе, добровольно сложилъ бы съ себя свой чинъ; въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ этотъ чинъ въ слѣдствіе суда конфедераціи, по обвиненію въ возмущеніи отечества интригами. Вся фамилія, не исключая и короля, сильно встревожилась угрозами Репнина, потому что осужденіе судомъ конфедераціи считалось

очень позорнымъ. Король сказалъ Репнину, что онъ проситъ императрицу не допускать до этого суда и не класть пятна на его ближайшаго родственника. Репнинъ съ суровымъ видомъ отвѣчалъ, что донесетъ объ этомъ императрицѣ, но не можетъ между тѣмъ остановить исполненія полученныхъ имъ предписаній подкрѣплять конфедерацію въ ея дѣйствіяхъ. Тогда всѣ Чарторыйскіе начали старика уговаривать, чтобъ предупредилъ несчастіе сложеніемъ своего чина; но старикъ отвѣчалъ, что скорѣе подвергнется суду и осужденію, чѣмъ изъявитъ робость.— «И такъ не знаю, писалъ Репнинъ, удастся ли мнѣ его застращать и чрезъ то изъ министерства выпихнуть; коль же нѣтъ, то сдѣлаю видъ, что на нихъ сжалился и что е. и. в. изъ единственнаго милосердія до сего поступка повелѣла не допускать». Потомъ Репнинъ донесъ, что Чарторыйскій согласенъ лучше претерпѣть всевозможныя бѣдствія, чѣмъ сложить свой чинъ, ибо послѣднее дѣйствіе могло бы имѣть видъ признанія, что онъ достоинъ какого-либо наказанія. Но и терпѣть какія-нибудь бѣдствія старику также не нравилось, и потому онъ далъ знать Репнину, что не только онъ, но и братъ его, воевода русскій тотчасъ послѣ сейма отправятся изъ Варшавы въ свои деревни и болѣе ни въ какія дѣла мѣшаться не станутъ, желая окончить остающееся имъ время жизни въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ. Репнинъ высказывалъ по этому поводу такое мнѣніе, что унизивъ уже достаточно этихъ стариковъ, лучше оставить ихъ въ покоѣ, иначе, совершеннымъ ихъ паденіемъ могутъ слишкомъ подняться ихъ противники и выйти изъ русской зависимости, какъ вышли изъ нея сами Чарторыйскіе, будучи возвышены чрезъ мѣру покойнымъ графомъ Кейзерлингомъ, слишкомъ полагавшимся на ихъ преданность. Императрица согласилась оставить Чарторыйскихъ въ покоѣ.

Но въ то же время Репнинъ получилъ непріятное письмо изъ Константинополя отъ Обрѣзкова, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его о своемъ обѣщаніи, данномъ Портѣ, что русскія войска немедленно выйдутъ изъ Польши по окончаніи диссидентскаго дѣла, и всѣ захваченные будутъ освобождены. «Признаюсь, писалъ Репнинъ Панину, что меня менѣе удивила неумѣренность Порты въ ея требованіяхъ, чѣмъ робкая уступчивость г. Обрѣзкова, который еще этимъ и доволенъ, будто успѣхомъ. Не ми-

нистръ теперь говоритъ в. сіятельству, а солдатъ: мнѣ кажется принимать такія обязательства и давать такія обѣщанія можно только проигравши нѣсколько сраженій. Что же касается освобожденія извѣстныхъ арестантовъ, то никакъ нельзя выпустить епископа краковскаго, ибо вся публика стала бы смотрѣть на него какъ на бога, онъ привелъ бы въ ненависть всѣхъ другихъ и возвысилъ свое значеніе на развалинахъ ихъ значенія. Конфедерацію или сеймъ, гдѣ большинство сумасбродныхъ фанатиковъ, нельзя довести до того, чтобъ они судили Солтыка какъ преступника и лишили достоинства, ибо на такихъ судей стали бы смотрѣть въ народѣ какъ на богоотступниковъ, а къ народу я причисляю и три четверти шляхты. Для удовлетворенія требованіямъ Порты я не вижу другого средства, какъ объявить, что епископъ краковскій умеръ, и заслать его на вѣки вѣковъ туда, откуда вѣсти бы не было, что онъ живъ. Если в. в—ству покажется это немилосердымъ, то осмѣлюсь представить, что еще немилосерднѣе было бы, выпустя его, отнять значеніе у людей намъ служившихъ, навести на нихъ ненависть и всю землю привести въ замѣшательство; наконецъ, еслибъ вниманіе наше было отвлечено, то и все диссидентское дѣло будетъ подвергнуто опасности. Точно то же я долженъ сказать и о гетманѣ польскомъ графѣ Ржевускомъ, который зараженъ неумѣреннымъ честолюбіемъ и страстію къ интригамъ, по знатности своего чина будетъ опасенъ, будетъ обожаемъ и нашихъ приверженцевъ приведетъ въ презрѣніе, ненависть и *безкредитицу.* Двоихъ остальныхъ можно выпустить по окончаніи сейма: епископъ кіевскій враль, не пользующійся никакимъ уваженіемъ, а молодой графъ Ржевускій, староста долинскій самъ по себѣ не имѣетъ значенія, къ дерзостямъ подучалъ его отецъ». Относительно выхода войскъ, Репнинъ считалъ изнурительнымъ для нихъ зимній походъ; считалъ также неудобнымъ вывести всѣ войска: осенью будетъ ординарный сеймъ и передъ нимъ сеймики: чтобъ католики, отдохнувъ, не затѣяли чего-нибудь противъ диссидентовъ!

Панинъ, въ своемъ отвѣтѣ, соглашался, что «Обрѣзковъ поступилъ съ излишнею и неумѣстною податливостію», но объяснялъ это его болѣзненнымъ состояніемъ. «Но теперь, продолжалъ Панинъ, когда дѣло сдѣлано и нельзя пособить ему безъ новыхъ хло-

потъ, надобно для развязанія такъ дурно затянутаго узла, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, наружное оказательство къ исполненію обѣщаннаго, ибо, помазавъ турецкое министерство по губамъ, можемъ выиграть время, которое на все въ свѣтѣ лучшій поправитель». По мнѣнію Панина, нужно было возвратить войска въ маѣ мѣсяцѣ, а нѣкоторые отряды отправить и зимою, по крайней мѣрѣ ближайшимъ къ турецкой границѣ войскамъ объявить походъ тотчасъ по окончаніи сейма. Удерживать войска до осени невозможно какъ по отношенію къ Турціи, такъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ державамъ, ибо оправдать этого нечѣмъ. «Я, писалъ Панинъ, открою в. сіятельству, по моей къ вамъ безпредѣльной довѣренности, что не время еще доходить намъ съ Портою до разрыва».

Репнинъ долженъ былъ признать справедливость этого внушенія, когда папскій нунцій въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ подалъ протестъ противъ всего сдѣланнаго съ начала настоящаго сейма. «Я знаю здѣшнюю націю, писалъ Репнинъ, и не сумнѣваюсь, что какъ скоро протестъ разсѣется въ публикѣ, то большая часть поляковъ придетъ въ робость, уныніе а, можетъ быть, и въ совершенное отчаяніе, а малая часть разумныхъ людей, смотрящая на протестъ съ настоящей точки зрѣнія, не осмѣлится и слово молвить противъ него. Наконецъ я опасаюсь того, что нунцій, предъ самымъ сеймовымъ утвержденіемъ всего постановленнаго вдругъ объявитъ отлученіе отъ церкви всѣмъ тѣмъ, кто рѣшится на это утвержденіе: тогда всѣ отступятся отъ диссидентскаго дѣла и я не буду знать, какъ поступить въ такихъ обстоятельствахъ». Панинъ совѣтовалъ послу внушать полякамъ, какъ протестъ нунція оскорбителенъ для республики, ибо порочитъ, чернитъ и злословитъ торжественныя ея узаконенія, въ которыхъ она никому не должна отдавать отчета. «Натяните, писалъ Панинъ, всѣ струны для убѣжденія короля, министерства и всей конфедераціи дать папѣ пространный и сильный отвѣтъ въ этомъ смыслѣ, чтобъ не дѣлалъ онъ впередъ подобныхъ попытокъ и вы могли бы свободно окончить всѣ наши дѣла. Ни жалѣйте тутъ ни обѣщаній, ни подкуповъ, ибо оба эти средства не могутъ быть употреблены въ лучшемъ случаѣ; увѣрьте короля и всѣхъ, что если исполнятъ они это наше желаніе, то могутъ навѣрное разсчитывать на покровительство

ея и. в—ства. Но такъ какъ легко статься можетъ, что разсужденія и доказательства ничего не помогутъ, то вы можете арестовать тѣхъ, которые на сеймѣ будутъ наиболѣе противиться подтвержденію договоровъ, постановленныхъ делегаціею или нарочно протягивать время для обремененія насъ новыми хлопотами. Что же касается ватиканскаго грома, который можетъ поразить и разсыпать цѣлое наше зданіе въ пользу диссидентовъ, рекоммендую вамъ употребить деньги, ласки, угрозы и всевозможныя мѣры вообще, чтобъ привести короля и магнатовъ къ единодушному и одинакому съ вами взгляду на эту опасность, и если она дѣйствительно будетъ настоять, то объявить нунція возмутителемъ тишины, клеветникомъ и нарушителемъ народныхъ правъ, ибо онъ опорочиваетъ то, что республика, по самодержавной своей власти, узаконяетъ у себя и въ чемъ уговаривается съ дружескою сосѣднею державою; либо засадите его въ собственномъ домѣ такимъ образомъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ сообщаться и акта отлученія обнародовать не могъ; или же, что еще короче и приличнѣе, постарайтесь вывезть его изъ границъ республики подъ хорошимъ присмотромъ, продолжая сіе путешествіе, во время котораго сеймъ могъ бы утвердить всѣ дѣла. Если же вамъ удастся прежде отлученія покончить сеймовыя дѣла, то, кажется, нечего уже будетъ болѣе заботиться объ отвращеніи отлученій, можно будетъ оставить собственному разсужденію поляковъ, будутъ ли они этимъ отлученіемъ извергнуты въ адъ, или нѣтъ. Весьма нужно вамъ ободрять и приводить короля и примаса къ тому, чтобъ они въ своихъ отвѣтахъ папѣ внушили ему, что не то теперь время, когда папы управляли дѣлами по своей прихоти; что онъ неумѣстною своею горячностію можетъ нанести католической вѣрѣ вмѣсто пользы большой вредъ, вывести Польшу изъ настоящаго повиновенія римскому престолу; что мы, имѣя теперь въ Польшѣ столько способовъ и силы всѣмъ управлять, можемъ, въ слѣдствіе его непристойныхъ поступковъ, рѣшиться на истребленіе тамъ папской власти и на установленіе независимой іерархіи. Можно внушить королю и примасу, что собственная ихъ честь и достоинство республики требуютъ отъ нихъ этой твердости, иначе, допустивъ эту первую попытку папы, они ввергнутъ себя въ крайнее порабощеніе и тьму невѣжества, въ то время, когда всѣ другіе католики очищаютъ себя отъ этой заразы».

Репнинъ не считалъ возможнымъ принять относительно нунція мѣры, предлагаемыя Панинымъ. «Нунцій поуспокоился, писалъ онъ; я доволенъ тѣмъ, что протестъ его забытъ въ публикѣ; дѣйствовать противъ этого протеста чрезъ сеймъ или конфедерацію и подумать нельзя, развѣ употребить пушечные выстрѣлы, но и тутъ только всѣхъ разогнали бы, а цѣли не достигли. Еще менѣе можно надѣяться, чтобъ здѣшнее правительство задержало нунція въ его домѣ или выслало за границу: всѣ скорѣе помрутъ, чѣмъ рѣшатся на это».

23 февраля Репнинъ увѣдомилъ Панина, что сеймъ кончился, трактатъ съ Россіею, два отдѣльные акта и все постановленное между делегаціею и имъ, Репнинымъ, утверждено, въ слѣдствіе чего русскимъ войскамъ велѣно выступить къ своимъ границамъ. Въ трактатѣ, подписанномъ $^{13}/_{24}$ февраля, говорилось: «А какъ яснѣйшая Рѣчь Посполитая для вѣчной твердости всему тому, что ею нынѣ въ собственную пользу узаконено, наиторжественнѣйшимъ образомъ рекламировала и теперь еще рекламируетъ высокую ея и. в-ства всероссійской гарантію на конституцію, форму правленія, вольность и законы свои, то ея и. в-ство въ удовлетвореніе желаніямъ и дружеской довѣренности яснѣйшей Рѣчи Посполитой, торжественно гарантируетъ ей симъ трактатомъ въ вѣчныя времена конституцію, форму правленія, вольность и законы ея, обѣщая свято и обязуясь за себя и преемниковъ своихъ удерживать, сохранять и защищать яснѣйшую Рѣчь Посполитую польскую въ непрекосновенной ихъ цѣлости». Актъ сепаратный содержалъ въ себѣ вольности и преимущества грековъ оріентальныхъ, неунитовъ и диссидентовъ: вѣра католическая получаетъ титулъ *господствующей*; король и королева должны быть непремѣнно римскими католиками; переходъ отъ римско-католической церкви въ иную вѣру есть уголовное преступленіе; всѣ пункты противъ грековъ неунитовъ и диссидентовъ, находящіеся въ конфедераціяхъ и конституціяхъ, отвергаются; церкви греческія неунитскія и костелы диссидентскіе, кладбища, школы, госпитали и всякія строенія, церквамъ и духовенству принадлежащія, вольно чинить, а въ случаѣ обветшанія и пожара, вновь строить, не испрашивая позволенія, и отправляютъ въ тѣхъ церквахъ богослуженіе съ публичными ходами, не дѣлая однако препятствія римскому богослуженію и процес-

сіямъ. Епископъ мстиславскій, оршанскій, могилевскій, подъ именемъ епископа бѣлорусскаго, управляетъ своею епархіею, какъ римскіе епископы управляютъ своими, безъ всякаго препятствія. Неуниты и диссиденты имѣютъ право заводить типографіи и печатать въ нихъ богослужебныя книги, съ тѣмъ однако, чтобъ не печатали книгъ еретическихъ, и въ спорныхъ пунктахъ язвительныхъ и остростію штиля наполненныхъ выраженій оберегались. Браки между людьми разной вѣры позволяются; дѣти отъ такихъ браковъ—сыновья воспитываются въ вѣрѣ отцовской, а дочери въ материнской, но дворянству позволяется дѣлать по этому предмету договоръ передъ бракомъ. Греки неуниты и диссиденты не принуждаются къ празднованію католическихъ праздниковъ и къ участію въ католическихъ процессіяхъ. Всѣ церкви и монастыри, неправильно отобранныя у грековъ неунитовъ, должны быть имъ возвращены. Для суда въ обидахъ религіозныхъ учреждается обосторонній судъ изъ 17 лицъ: 8 свѣтскихъ римско-католической вѣры и 8 диссидентовъ или грековъ неунитовъ, а 17-й епископъ бѣлорусскій. Такъ какъ равенство дворянское есть основаніе вольности польской и надежнѣйшимъ подкрѣпленіемъ правъ отечества, то грекамъ неунитамъ и диссидентамъ возвращаются всѣ давнія права и преимущества, объявляются они способными ко всѣмъ чинамъ, достоинствамъ сенаторскимъ и министерскимъ, урядамъ короннымъ и земскимъ, должностямъ трибунальскимъ и коммиссарскимъ, посольствамъ заграничнымъ и сеймовымъ, къ полученію награжденій отъ короля: однимъ словомъ возвращается грекамъ неунитамъ и диссидентамъ совершенный активитетъ какъ въ гражданскихъ, такъ и воинскихъ чинахъ; также вѣра не можетъ быть препятствіемъ людямъ неунитской и диссидентской религіи къ пріобрѣтенію индигената и дворянства.

Но въ постскриптѣ къ тому же письму, въ которомъ извѣщалъ объ окончаніи сейма и утвержденіи договора, Репнинъ помѣстилъ извѣстіе о движеніи недовольныхъ въ староствѣ Баръ, хотя и высказывалъ сомнѣніе въ вѣрности этого извѣстія. 4 марта Репнинъ даже изложилъ Панину состояніе польскихъ дѣлъ въ успокоительномъ видѣ: иностраннаго вліянія нѣтъ болѣе въ Польшѣ; австрійцы и французы никакой партіи не имѣютъ; король прусскій также, потому что оскорбилъ всю землю маріенвердерскою таможней, а по-

граничныя польскія области оскорбляетъ безпрестанно разными притѣсненіями и грубою наглостію своихъ военныхъ командировъ относительно прусскихъ бѣглыхъ и насильственной вербовки. Слѣдовательно одинъ только фанатизмъ можетъ произвести возмущеніе на первое время, пока не привыкнутъ видѣть диссидентовъ въ равенствѣ съ католиками, и не увидятъ, что никакого зла изъ диссидентской вольности не происходитъ. «Я, писалъ Панинъ, старался такъ вести дѣла, чтобъ награждая, по возможности, нашихъ приверженцевъ, какъ можно менѣе оскорблять и противныхъ, дабы не вкоренить въ сердцахъ ненависти и жажды мщенія; я защищалъ и противныхъ, когда на нихъ дѣлались несправедливые нападки, желая ясно показать, что императрица покровительствуетъ справедливости и всей націи, а не одной партіи; это стараніе мое выразилось въ спокойствіи, въ какомъ я удержалъ конфедерацію».

Но вслѣдъ за тѣмъ Репнинъ прислалъ уже вѣрное извѣстіе о конфедераціи, составленной недовольными въ Барѣ. По мнѣнію Репнина, Россіи нельзя было оставить безъ вниманія этого явленія: «Трактатъ вновь заключенный и ручательство ея и. в., многимъ трудомъ россійской имперіи добытое, оставимъ ли мы теперь безъ дѣйствія и не коснулось бы то до чести, достоинства и славы Россіи, еслибы мы при самомъ заключеніи сего трактата смотрѣли спокойно на предпріятія, чинящіяся противъ всѣхъ сихъ нашихъ положеній? Принявъ участіе въ настоящихъ новыхъ возмущеніяхъ, никакимъ образомъ не можемъ мы вывесть отсюда нашихъ войскъ, напротивъ должны употребить ихъ въ дѣло, изъ чего можетъ произойти привязка Порты, которой обѣщанъ ихъ возвратъ въ Россію; турки еще болѣе будутъ имѣть предлоговъ, если мы, преслѣдуя возмутителей, будемъ доходить до турецкихъ границъ, и возмутители, узнавъ нашу осторожность относительно турокъ, всегда будутъ держаться ихъ границъ: слѣдовательно намъ надобно быть готовыми и къ тому, чтобъ не побѣжать со стыдомъ отъ турокъ или татаръ, еслибъ они вздумали намъ дѣлать предписанія, запрещая приближаться къ ихъ границамъ. Знаю я, что не кстати было бы намъ напрасно заводить съ турками хлопоты; но если они внутренно враждебныхъ намѣреній противъ насъ не имѣютъ, то предлоговъ къ разрыву искать не станутъ, успокоятся увѣреніями, которыя

можно имъ сдѣлать отъ нашего двора. Если же они этимъ неудовольствуются и будутъ искать предлоговъ къ разрыву, то лучше ихъ предупредить, нежели еще болѣе возгордить чрезвычайными уваженіями къ ихъ прихотямъ».

Надобно было прежде всего попробовать успокоить турокъ мирными увѣреніями, и Панинъ взялся написать письмо визирю. Императрица писала ему по этому случаю: «Съ помощію Божіею сей разъ туча мимо пройдетъ, лишь бы вы скорѣе отправили письмо ваше къ визирю; пожалуй не мѣшкайте; если же вы нужно находите взять еще въ Украйнѣ какія ни есть мѣры, показующія хорошій контенансъ, то о томъ поговорите со мной при первомъ свиданіи; но мнѣ кажется два корпуса графа Румянцева достаточны къ тому.» Панинъ совершенно соглашался съ Репнинымъ въ необходимости дѣйствоватъ противъ барской конфедераціи: «Необходимо, писалъ онъ, разсыпать собирающуюся въ Барѣ тучу, прежде нежели она въ землѣ распространится или же возможетъ привесть которую ни есть изъ сосѣднихъ державъ, а особливо Порту въ искушеніе подкрѣпить ее для испроверженія воздвигнутаго нами на сеймѣ зданія.» Въ слѣдствіе неизвѣстности условій, при какихъ составилась барская конфедерація, Панинъ отказывался дать Репнину наставленіе, какъ противъ нея дѣйствовать и уполномочивалъ посла употреблять тѣ мѣры, какія онъ на мѣстѣ найдетъ лучшими, не списываясь съ нимъ.

Условія скоро стали извѣстны. Подкоморій розанскій, Красинскій, братъ епископа каменецкаго, вмѣстѣ съ Іосифомъ Пулавскимъ, извѣстнымъ адвокатомъ, захватили городъ Баръ, принадлежавшій князю Любомирскому, и подняли тамъ знамя возстанія за вѣру и свободу. Монахъ Маркъ изъ Бердичевскаго монастыря, съ крестомъ въ рукахъ, ходилъ по мѣстечкамъ и селамъ, проповѣдуя необходимость приступить къ конфедераціи. Въ Галиціи образовалась другая конфедерація подъ предводительствомъ Іоахима Потоцкаго, подчашаго литовскаго; Рожевскій провозгласилъ конфедерацію въ Люблинѣ. Но возстаніе не могло получить народнаго характера: громкія слова: *вѣра* и *свобода* не производили впечатлѣнія на большинство и католическаго, польскаго народонаселенія. Трудно было подниматься за вѣру, полагаясь только на слова какого-нибудь отца Марка, не

видя, кто и какъ утѣсняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта и пользовалась ею для того, чтобы составлять конфедераціи то противъ одного, то противъ другого, приглашая на помощь чужія войска, а теперь хотѣли поднять конфедерацію для вытѣсненія этихъ войскъ, провозглашая ихъ врагами свободы; но въ чемъ состояла эта враждебность—понять было очень трудно. Поведеніе конфедератовъ никакъ не было способно возбудить сочувствіе къ нимъ въ народѣ. Ихъ шайки разсыпались по странѣ, захватывали казенныя деньги, грабили друга и не друга, католика и диссидента, духовнаго и свѣтскаго. Награбивши денегъ, шайки эти убѣгали въ Венгрію или Силезію. Страшная смута и рознь стали господствовать повсюду: братъ не довѣрялъ брату; у каждаго были свои виды, свои интриги, никому не было дѣла до отечества; одинъ братъ писалъ громоносные манифесты противъ русскихъ и соединялся съ конфедератами, другой—заключалъ контракты съ русскими, брался поставлять въ ихъ магазины съѣстные припасы. Между конфедератами особаго рода удалью отличался ротмистръ Хлебовскій: встрѣтивъ на дороги нищаго, жида или какого бы то ни было пѣшехода, сейчасъ повѣситъ на первомъ деревѣ, такъ что, говорятъ современники поляки, русскимъ не нужно было проводниковъ: они могли настигать конфедератовъ по тѣламъ повѣшенныхъ. Терпя пораженія отъ русскихъ, шайки не уменьшались, потому что плата хорошая, корму вдоволь и притомъ дарового. Развратъ, полная власть надъ жителями страны, униженія самыхъ знатныхъ пановъ предъ конфедератами, которые недавно были ихъ слугами—все это тянуло подъ знамена конфедераціи всякую голь, дворовую служню, горожанъ и крестьянъ, которые не хотѣли работать. За нѣсколько часовъ страху, испытаннаго при встрѣчѣ съ русскими и въ бѣгствѣ отъ нихъ, достаточною наградой было роскошное гулянье по странѣ въ одеждѣ защитника вѣры и вольности.

Отъ 2-го апрѣля Репнинъ писалъ, что въ Барѣ поляки «продолжаютъ на прежнемъ основаніи свое безпутство, держася все турецкихъ границъ, и вездѣ подобная ферментація есть, примѣчая то изъ разныхъ со всѣхъ сторонъ извѣстій, и видя, что единый страхъ нашихъ войскъ здѣсь находящихся удерживаетъ ихъ въ тишинѣ противъ собственнаго желанія, и что только

выступленія оныхъ ожидаютъ для открытія всего пламени фанатизма, которое внутренно ихъ уже жжетъ». «Еще прежде, 27 марта сенатъ рѣшилъ —просить всероссійскую императрицу, какъ поруку за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Войска двинулись. Подполковникъ Ливенъ съ однимъ батальономъ подошелъ къ Люблину и зажегъ его; духовенство, вышедши изъ города, просило Ливена о пощадѣ, но въ то время, какъ велись между ними переговоры, конфедераты ушли въ другіе ворота. Ливенъ далъ наконецъ духовенству сутки срока для склоненія горожанъ и конфедератовъ къ сдачѣ, не догадываясь, что послѣднихъ уже нѣтъ въ городѣ. Разсерженный такою оплошностію Ливена, Репнинъ послалъ на его мѣсто полковника Кара. Въ Гнѣзнѣ полковникъ Бурманъ задавилъ возстаніе въ самомъ началѣ. Главнымъ начальникомъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Барской конфедераціи, былъ генералъ-майоръ Кречетниковъ; отряженный имъ генералъ-майоръ Подгоричани подошелъ къ старому Константинову, спѣшилъ свой конный отрядъ и велѣлъ ему идти на приступъ; но принужденъ былъ отступить, видя невозможность дѣйствовать съ одними карабинами противъ пушекъ; онъ умолялъ Кречетникова прислать ему пѣхоты и артиллеріи: «ибо, писалъ онъ, съ симъ малымъ коннымъ моимъ деташементомъ ничего имъ сдѣлать не можно, но можно потерять людей, тоже полковую казну, а сверхъ того честь и славу, непріятель вокругъ и отовсюду опасность; шляхтичи и обыватели во всемъ съ ними согласны и доброжелательны и ихъ шпіоны, а ваше пр—ство почитали ни за что ихъ; труда своего не щажу, и такихъ трудовъ и въ прусской войнѣ будучи, какъ нынѣ, не имѣлъ, что и одной минуты спокойной нѣтъ и всѣ кони денно и ночно осѣдланы стоятъ». Репнинъ увѣрялъ Панина, что отдѣльные командиры преувеличиваютъ опасность, вѣря польскимъ разглашеніямъ, тогда какъ поляки каждую вещь увеличиваютъ вдесятеро. «Не могу себѣ представить, писалъ Репнинъ, чтобъ и десять тысячь поляковъ могли когда-нибудь стоять противъ тысячи человѣкъ нашихъ войскъ, если только они порядочно предводительствованы будутъ; но то однакожь совершенно правда, что все мелкое и среднее дворянство, кромѣ большихъ господъ, попами и монахами на фанатизмъ подвигнуто, и слѣд-

ственно внутренно съ возмутителями все согласно, изъ чего натурально само собой и то происходитъ, что вездѣ скрытнымъ образомъ имъ помогаютъ, снабжая ихъ также скрытно чѣмъ каждый можетъ». Екатерина, прочитавъ донесенія Репнина и военныхъ начальниковъ, написала Панину: «Снеситесь съ гр. Чернышевымъ; я цѣлый день съ утра съ самого и до сего часа проводила въ чтеніи сихъ піесъ, и думаю, что г. м. Подгаричаниновъ насъ отъ хлопотъ скоро избавитъ, ибо и слава, и храбрость, и искусство въ немъ есть; жаль же, жаль, что ему не удалось гусарами одними взять Константиновъ, ибо сей лавровый вѣнецъ украсилъ бы его сѣдую голову».

Самъ Кречетниковъ писалъ Репнину, что его безпокоитъ одно только—малочисленность находившагося при немъ войска. Въ маѣ Репнинъ писалъ, что дѣло становится часъ отъ часу серіознѣе, и предлагалъ, не сочтется ли полезнымъ отправить его самого, Репнина, съ корпусомъ войска на мѣсто возстанія, потому что онъ знакомъ съ поляками лучше, чѣмъ другіе генералы. Екатерина написала: «Я не хочу рисковать его персоною, а думаю, что Подгоричани съ бунтовщиками управится, особливо когда увѣриться можемъ, что турки ни татары имъ не помогаютъ». Дѣйствительно, скоро пришло извѣстіе, что Подгоричани около Хмѣльника, въ подольскомъ воеводствѣ, разбилъ значительный отрядъ конфедератовъ. Но извѣщая объ этомъ, Репнинъ прибавлялъ: «Не думаю, чтобъ этимъ хлопоты были совсѣмъ кончены». Хлопоты не кончились и удачнымъ дѣломъ полковника Вейсмана, который загналъ за Днѣстръ конфедератовъ, находившихся подъ начальствомъ Потоцкаго, подчашаго литовскаго. Въ Варшавѣ понимали, что хлопоты для Россіи не оканчиваются, а только начинаются, и стали не охотно исполнять требованія Репнина. Такъ когда онъ представилъ, что правительство польское не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ борьбы русскихъ войскъ съ конфедератами, тѣмъ болѣе, что послѣдніе овладѣваютъ крѣпостями и захватываютъ коронныя войска, то военная коммиссія не безъ спору приняла рѣшеніе отправить противъ конфедератовъ коронное войско и генеральнаго региментаря, и люблинскій кастелянъ Мощинскій, протестовавшій противъ этого рѣшенія, немедленно сложилъ съ себя званіе военнаго коммиссара. Репнинъ, именемъ Панина, просилъ короля

дать орденъ Бѣлаго Орла двоимъ лицамъ, которыхъ Станиславъ считалъ себѣ враждебными. Король не согласился; тогда Репнинъ написалъ Панину любопытное письмо: «Не надобно сіе оставлять, дабы онъ не привыкъ свою волю имѣть, а коль смѣю вашему с—ству сказать, то и вы у меня его нѣсколько испортили. Онъ заключалъ изъ вашихъ писемъ и ласковыхъ поступковъ противъ Псарскаго (польскаго резидента въ Петербургѣ), что вы милосерды, и что онъ васъ ужалобитъ, что я только одинъ чортъ, который съ нимъ жестокосердо поступаю по моему собственному нраву, а не по повелѣніямъ. Я нарочно отказался отъ сего дѣла, чтобъ сіе поправить, и чтобъ дать случай и вамъ побранить путемъ г. Псарскаго, сказавъ ему, что вы примѣчаете, что король препятства всегда изыскиваетъ, когда идетъ дѣло удовольствіе какое намъ сдѣлать, и что слѣдовательно и у насъ онъ также препятства встрѣчать будетъ, когда чего ни пожелаетъ, и мы постараемся ему доказать, что ему болѣе въ насъ нужды, нежели намъ въ немъ. Послѣ чего я отвѣчаю, что здѣсь, свѣдавши объ семъ поученіи, все сдѣлаютъ и мой королишка поправится».

Станиславу Августу очень не нравилась конфедерація; но онъ еще не терялъ духа. «Вы безъ сомнѣнія думали, писалъ онъ Жоффрэнъ, что вмѣстѣ съ сеймомъ кончились въ Польшѣ всѣ дрязги; но вотъ начинается новая конфедерація въ Подоліи, въ сосѣдствѣ турокъ и татаръ, которыхъ она хочетъ вооружить на защиту католической религіи и для уничтоженія всего того, что постановлено на сеймѣ въ пользу диссидентовъ. Но кровь мусульманская не хочетъ проливаться за крестъ, а государи христіанскіе не хотятъ ссориться съ Россіею изъ-за этой конфедераціи, къ которой я послалъ вашего друга Мокрановскаго внушить вождямъ, что они навлекутъ несчастіе на самихъ себя, а, быть можетъ, и на всю страну, если успѣютъ вызвать къ дѣятельности безпокойство недовольныхъ, изъ которыхъ меньшая братія поднимется за религію, а большіе для того, чтобъ половить еще рыбы въ мутной водѣ. Относительно цѣлой страны эта искра не произведетъ пожара. Однако очень скучно жить постоянно съ пожарною трубою въ рукахъ и ходить всегда по теплому пеплу. Ахъ, мама! трудная и печальная коммиссія быть королемъ польскимъ! Но терпѣніе! хорошее время наступитъ»,

Маменька отвѣчала, что Мокрановскій сдѣлаетъ возможное добро, но это все зависитъ отъ сильныхъ мѣръ компаса (Екатерины).

Сильныя мѣры были необходимы, потому что конфедерація образовалась въ сосѣдствѣ съ Турціею.

Обрѣзковъ писалъ Репнину изъ Константинополя, что для сохраненія добрыхъ отношеній къ Портѣ необходимо скорѣе кончить дѣло съ конфедератами. По этому поводу Репнинъ писалъ Панину въ началѣ іюня: «Примѣчаніе Обрѣзкова справедливо. Я довольно сіе рекомендовалъ ген.-майору Кречетникову, но и извѣстія уже отъ него весьма давно никакого не имѣю. Послѣднія извѣстія ко мнѣ были отъ 12 мая, слѣдственно тому уже три недѣли времени, а курьеры оттуда ѣздятъ въ четвертый день. Въ сихъ же послѣднихъ его письмахъ писалъ онъ, что черезъ три дня вступитъ со всѣмъ своимъ корпусомъ въ наступательныя дѣйствія противъ возмутителей, желая начать съ мѣстечка Прилуки, а послѣ идти къ Винницамъ и далѣе; но для чего съ тѣхъ поръ ничего не дѣлаетъ, и для какой причины я отъ него извѣстій не имѣю, объ этомъ ничего сказать не могу, а знаю только, что сіе несказанную вредность въ дѣлахъ причиняетъ». Репнинъ особенно безпокоился, чтобы борьба съ конфедератами не протянулась до будущихъ сеймовъ, ибо на нихъ «вся земля запылаетъ барскимъ огнемъ и надобно будетъ для его потушенія ввести вдвое болѣе войска. Безпокоило Репнина также извѣстіе, что Кречетниковъ мимо его сносится съ Петербургомъ отъ чего можетъ произойти «несказанная разладица».

Наконецъ пріѣхалъ курьеръ, пробывшій 12 дней въ дорогѣ, и привезъ извѣстія, что Кречетниковъ занятъ осадою Бердичевскаго монастыря и такъ много истратилъ зарядовъ, что принужденъ былъ послать за новыми въ Кіевъ. Репнинъ сердился, называлъ эти предпріятія необдуманными и писалъ Панину: «Изъ письма Кречетникова довольно усмотрите, что онъ запутался и обробѣлъ, не зная, какъ дѣла кончить и боясь уже и самъ отчаяннаго нападенія возмутителей. Сами разсудите, какую надежду я имѣю на такого человѣка, у котораго голова свернулася. Если упованіе я какое имѣю, то на прибытіе къ нему Кара, Игельстрома и Прозоровскаго, но не знаю, станетъ ли онъ ихъ совѣтовъ слушаться, ибо иногда робкія и неразсудительныя головы къ томужъ бываютъ и упрямыя. Плоды медленности умно-

жаются, ежечасно рождаются новыя возмущенія, которыхъ предупредить нельзя, ибо нельзя по всей Польшѣ войска имѣть. Великопольская конфедерація, бывшая подъ предводительствомъ Рыдзинскаго, разогнана полковникомъ Бурманомъ на силезскихъ границахъ; но въ ночь на 14 іюня получилъ я извѣстіе изъ Кракова, что тамъ составлена конфедерація; наши войска не успѣли ее предупредить, пришли на другой день. Такимъ образомъ для Кракова отдѣленъ отрядъ войска, чѣмъ обнажается средина Польши, воеводство сандомирское, часть русскаго (Галиціи) и окрестныя страны; здѣсь нѣтъ уже нашего войска, ибо не смѣю обнажить окрестности Варшавы, чтобъ здѣсь подъ носомъ такогожъ возмущенія не послѣдовало. Ферментація вездѣ генеральная». Репнинъ требовалъ, чтобъ русскія войска, находившіяся въ Литвѣ, вступили въ Польшу, а въ Литву отправлены были новые полки, причемъ просилъ прислать генераловъ искусныхъ, твердыхъ, не сребролюбивыхъ, любящихъ порядокъ службы и славу ея.

Кречетниковъ взялъ Бердичевъ, Подгоричани разбилъ сильный отрядъ конфедератовъ, шедшій на помощь Бердичеву, ген.-майоръ графъ Апраксинъ взялъ Баръ штурмомъ, князь Прозоровскій поразилъ конфедератовъ у Бродъ. Не Репнинъ не утѣшался и продолжалъ обвинять Кречетникова въ неискусствѣ, въ корыстолюбіи. Въ іюнѣ барскіе конфедераты были всѣ разсѣяны; Кармелитъ Маркъ попался въ плѣнъ и отвезенъ въ Кіевъ; но за то образовалась конфедерація въ Санокѣ. Репнинъ продолжалъ настаивать на отнятіе команды у Кречетникова; онъ послалъ полковника Кара въ Петербургъ, чтобъ тотъ могъ разсказать Панину о положеніи дѣлъ и «мерзкомъ поведеніи» Кречетникова. «Точныхъ доказательствъ, писалъ Репнинъ, нѣтъ, по коимъ бы я самъ рѣшился команду у него отнять; но сомнѣнія столь велики и столь генеральны, что необходимо его отозвать для чести службы и имени россійскаго. Корыстолюбіе и нажитокъ его такъ явны, что нѣсколько обозовъ съ награбленнымъ въ Россію, сказываютъ, отправилъ и еще готовыми имѣетъ къ отправленію. Всѣ поляки и русскіе даже въ его передней незатворенным ртомъ его воромъ называютъ. Никто изъ его подкомандующихъ служить подъ нимъ не хочетъ; всѣ меня просятъ, чтобъ отъ него взяты были, боясь, говорятъ, подъ судомъ быть

за его воровство, которому подобнаго никто не слыхивалъ. Въ движеніяхъ своихъ какъ ракъ тащился по мили и по полумили на день: Богъ знаетъ, отъ недоброжелательства ли, или отъ робости и нерасторопности. Кто грабитъ, тотъ натурально и взятки беретъ, а въ слѣдствіе оныхъ и поступаетъ. Многіе увѣряютъ, будто бъ онъ отъ воеводы кіевскаго знатную сумму взялъ, и вамъ ужь довольно извѣстно, что сей воевода и плутъ и недоброжелатель. Наконецъ кладутъ на счетъ Кречетникова, будто бъ онъ отзывался, что все здѣсь на послѣднемъ сеймѣ сдѣланное мной одимъ сдѣлано, а государыня о томъ и не знаетъ. Я отъ многихъ поляковъ сіе слышалъ, а наконецъ и полковники Каръ и Игельстромъ, возвратясь отъ Кречетникова, тожь мнѣ подтвердили, что и тамъ тотъ же слухъ на его счетъ въ землѣ разглашается. Прошу для чести отечества и нашей службы, отзовите сего человѣка, хотя бъ и никого на его мѣсто не прислали, а сверхъ того есть и въ землѣ у насъ довольно достойныхъ генераловъ: ген.-поручики Солтыковъ, Бибиковъ, ген.-майоры Мих. Львов. Измайловъ, князь Юрій Влад. Долгорукій».

По поводу посылки Кара въ Петербургъ Станиславъ Августъ писалъ туда своему резиденту Псарскому ($^7/_{18}$ іюля): «Первая цѣль посылки Кара — донесеніе о всѣхъ злоупотребленіяхъ генерала Кречетникова; вторая — представить бѣдственное положеніе и недостатокъ, въ которыхъ я нахожусь въ слѣдствіе того, что серіозно содѣйствовалъ видамъ Россіи. Имѣю основаніе думать, что по примѣру Игельстрома, Каръ потребуетъ вашего свидѣтельства противъ Кречетникова: такъ вы не должны въ немъ отказывать. Дайте мнѣ знать, какіе главные покровители Кречетникова въ Россіи, и постарайтесь развѣдать, какіе будутъ разговоры Кара не только о моихъ дѣлахъ и дѣлахъ Польши вообще, но въ частности о самомъ князѣ Репнинѣ, такъ какъ я имѣю много основаній думать, что кн. Репнинъ ошибается, считая Кара неизмѣннымъ себѣ другомъ. Быть можетъ впрочемъ отзывы Кара о Репнинѣ были только хитростію, чтобъ заставить открыться тѣхъ, которымъ онъ говорилъ о немъ дурно. Все же вѣрно, что здѣсь Кара боятся вообще какъ человѣка опаснаго и двоедушнаго, тогда какъ Игельстрома считаютъ человѣкомъ прямымъ. Нѣсколько разъ и еще недавно Каръ настойчиво просилъ меня, чтобъ я позабылъ о колкихъ отзывахъ его

противъ меня, сдѣланныхъ годъ тому назадъ. Я отвѣчалъ, что пусть на дѣлѣ докажетъ свою преданность ко мнѣ и тѣмъ заслужитъ мою признательность. Въ то же время я ему сказалъ, что если Кречетниковъ заслужилъ жалобы, поднятыя противъ него цѣлою Польшею, то не менѣе вѣрно, что его примѣръ испортилъ множество русскихъ офицеровъ и солдатъ, дурное поведеніе которыхъ служитъ столько же къ ожесточенію поляковъ, сколько фанатизмъ и патріотизмъ. Съ другой стороны, я долженъ вамъ сказать, что сами диссиденты сильно желаютъ, чтобъ императрица согласилась на уменьшеніе ихъ правъ; они видятъ, какъ ежедневно усиливается противъ нихъ злоба» [125].

Отъ 20 іюля Репнинъ писалъ, что въ сѣрадскомъ воеводствѣ завелись разбойники или конфедераты, что, по его словамъ, было все равно: «Ихъ, писалъ Репнинъ, гоняетъ майоръ Древицъ, но вездѣ растянуться не можетъ. Новое еще возмущеніе сдѣлано въ Гостинницѣ, 12 только миль отъ Варшавы; конфедератовъ только 50 человѣкъ и нѣтъ ни одного, у котораго хотя бъ на палецъ земли было. Предводитель ихъ Держановскій, человѣкъ, который во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта мошенничалъ и вездѣ, думаю, петлю заслужилъ. Извѣстія воеводы лифляндскаго даютъ думать, что есть въ Литвѣ ферментація; но лѣкарства я на сіе не знаю, кромѣ пушекъ и ружей, который рецептъ и генералу Нумерсу предпишу. Истинно, кажется, самъ чортъ здѣсь на всѣхъ поѣхалъ, ибо подлинно ферментація здѣсь во всѣхъ провинціяхъ генеральна. Слава Богу, что не вдругъ все загорается: не знали бы мы здѣсь тогда, куда оборотиться».

И въ августѣ тѣ же извѣстія: «вездѣ ферментація продолжается». Краковъ, въ которомъ засѣли конфедераты, былъ взятъ штурмомъ генералами графомъ Апраксинымъ и княземъ Прозоровскимъ; несмотря на то, что городъ былъ взятъ штурмомъ, солдаты не ограбили ни одного дома, ни одного человѣка, вели себя, какъ на ученьѣ. Кречетниковъ, по настоянію Репнина, былъ смѣненъ княземъ Прозоровскимъ. 19-го іюля Екатерина писала Румянцеву: «Общій вопль отъ злыхъ и добрыхъ по всей Польшѣ противу недозволеннаго и всю славу военной службы развращающаго какъ и дѣламъ весьма вреднаго поведенія нашего ген.-майора Кречетникова вынуждаетъ изъ насъ такія мѣры, которыя во всякомъ другомъ случаѣ были бъ претительны нашей при-

родной склонности и статскимъ правиламъ. Сей генералъ, повидимому, вышедъ совсѣмъ изъ предѣловъ должности и уваженія къ славѣ нашего оружія и ослѣпясь мерзкимъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ, какъ сказываютъ, такія себѣ нажиточные грабежи на тамошней землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ. Мы за нужное нашли отозвать его отъ команды» [124]. Но и послѣ этого Репнинъ писалъ: «Стараться я конечно всячески буду о возстановленіи спокойствія; но къ несчастію не все такъ идетъ какъ желается». *Ферментація* распространилась по всей Бѣлоруссіи. Чарторыйскіе начали заговаривать съ Репнинымъ о необходимости измѣнить постановленія о диссидентахъ и гарантіи; король толковалъ о томъ же. «Я самъ знаю, писалъ Репнинъ, что волненія прекратятся, если мы отступимся отъ этихъ двухъ пунктовъ; но дороже бы сія тишина была куплена, нежели она стоитъ», и потому онъ сдѣлалъ королю самый короткій и ясный отказъ.

Между тѣмъ ферментація въ Литвѣ высказалась конфедераціями въ Брестѣ и Ковнѣ. Первая въ концѣ сентября была совершенно разбита полковникомъ Гротенгельмомъ и капитаномъ Анрепомъ; ковенскіе конфедераты разсыпались въ Жмуди, разгласивши, что разъѣхались по домамъ, а начальники ихъ—Медекша, Косаковскій и Швейковскій ушли къ Тильзиту. Ген.-майоръ Измайловъ, имѣя надобность во время преслѣдованія конфедератовъ подойти къ Несвижу, мѣстопребыванію кн. Радзивила, далъ знать объ этомъ послѣднему, и получилъ въ отвѣтъ, чтобъ не нападалъ на конфедератовъ близь Несвижа, потому что онъ, Радзивилъ, не можетъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ пролитія крови согражданъ своихъ, и если битва произойдетъ подлѣ его замка, то онъ выведетъ свое войско. Тотъ же Радзивилъ принялъ къ себѣ въ Несвижъ повстанцевъ ошмянскаго повѣта, преслѣдуемыхъ русскимъ войскомъ, и въ оправдательномъ письмѣ къ Репнину объявлялъ, что онъ при этомъ не имѣлъ намѣренія воевать съ русскими, напротивъ, оказалъ имъ услугу, уговоривши повстанцевъ исполнить требованіе Измайлова, отстать отъ конфедераціи, за что Измайловъ обѣщалъ совершенную безопасность ихъ имѣній; принялъ же конфедератовъ къ себѣ въ Несвижъ, потому что былъ обязанъ это сдѣлать, не могъ смотрѣть на пролитіе братской крови, будучи членомъ на-

рода, въ которомъ господствуютъ вольность и равенство; конфедераты же возстали, будучи побуждаемы ревностью къ своей вѣрѣ, а эта ревность должна быть у всякаго въ крови.

Въ концѣ октября Репнинъ такъ описывалъ состояніе дѣлъ въ Польшѣ: «Дерзость и наглость возмутителей во всѣхъ частяхъ умножается, а въ Великой Польшѣ ежедневные грабежи дѣлаются и часъ отъ часу разныя вновь партіи сихъ грабителей показываются. Доходовъ государственныхъ ни одного злотого почитай сюда не допускаютъ, почты перехватываютъ, всѣхъ спокойно живущихъ въ землѣ грабятъ; наши жъ войска, сколько за симъ вѣтромъ ни гоняются, но догнать не могутъ и только по напрасну мучатся. Сейма никакой возможности не было держать, имѣя только человѣкъ 30 земскихъ пословъ, которые сюда пріѣхали. Духи не только уныли, но, можно сказать, умерли. И по законамъ не возможно сейма держать, понеже изъ Литвы ни одинъ земскій посолъ не пріѣхалъ. Королю мѣсяца черезъ два опять ѣсть нечего будетъ, ибо доходы вездѣ разграблены и къ нему не доходятъ». Слово: *опять* означаетъ то, что Репнинъ уже выдалъ Понятовскому значительную сумму денегъ на прокормленіе.

Ген. Измайловъ доносилъ, что мстиславскіе повстанцы объявили желаніе отстать отъ конфедераціи, и готовы дать *рецессы* или письменные акты объ этомъ; императрица написала на донесеніи Измайлова: «На завтра сихъ рецессовъ они сдѣлаются тѣми же возмутителями; а еслибъ схватя да въ Сибирь на поселеніе, тобъ уменьшилося бы число ихъ».

Отъ 1-го декабря пришло извѣстіе, что майоръ Древицъ въ Великой Польшѣ разбилъ тамошняго главнаго возмутителя Малчевскаго; въ отрядѣ его было 600 человѣкъ, изъ которыхъ было убито слишкомъ 200 человѣкъ и взято 9 пушекъ. Но Репнинъ къ этому извѣстію прибавилъ обычный припѣвъ: «Всѣ сіи неоднократныя поученія безъ дѣйствія однакожь остаются, особливо въ Великой Польшѣ, гдѣ множество разныхъ малыхъ возмутительныхъ партій, которыя вездѣ, гдѣ нашихъ войскъ нѣтъ, грабятъ и всякія насильства дѣлаютъ». Сильно раздражили Репнина и предписанія изъ Петербурга на счетъ военныхъ дѣйствій. Отъ 9 декабря онъ писалъ Панину: «Военныя повелѣнія сюда таковыя даются, что никакимъ образомъ ихъ исполнить не-

возможно, ибо они противорѣчущія; а оными я вижу, что ищутъ не только разоренія здѣшнихъ дѣлъ съ низверженіемъ короля, несмотря на безславіе и вредныя слѣдствія, которыя отъ сего для насъ послѣдуютъ, но и стараются все здѣсь такъ запутать, слагая все на отвѣтъ мой и Солтыкова, чтобъ послѣ насъ какъ жертву во всемъ выставить и виноватыми сдѣлать. Разсудите можно ли сіе исполнить; требуютъ, чтобъ Прозоровскій былъ удержанъ въ Полонномъ, т. е. подъ носомъ у непріятеля, который виситъ на границахъ и вступленія котораго ежедневно ожидаемъ, чтобъ магазины сдѣланы были не только въ Полонномъ и по дорогѣ отъ Кіева и Чернигова, но и впереди въ самой Подоліи, а съ тѣмъ повелѣвается и на отвѣтъ Солтыкова кладется, чтобъ его войска въ совершенно безопасномъ и спокойномъ мѣстѣ были, когда они одни могутъ и магазейны прикрыть, и Прозоровскаго подкрѣпить, который безъ сего и оставаться въ своемъ мѣстѣ безъ страха погибнуть со всѣмъ корпусомъ не можетъ; магазейны жь еще меньше могутъ заготовляться, если нашихъ войскъ въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ для ихъ сбереженія; а если турки войдутъ, то какимъ образомъ Солтыкову и мнѣ отвѣчать за безопасность и спокойность тѣхъ войскъ, особливо бывъ они въ слабомъ числѣ. Мы оба, представляя наше мнѣніе по сей позиціи, требовали рѣшительныхъ повелѣній съ точнымъ назначеніемъ, гдѣ именно стать. Но сего рѣшенія не сдѣлано, а отдано на наше разсужденіе и отвѣтъ съ кондиціями безопасности, покойности и исправленія всего вышеписаннаго, однимъ словомъ, я бы лучше хотѣлъ съ ротою гусаръ быть первымъ противъ всей арміи турецкой, нежели здѣсь въ моемъ мѣстѣ со всѣми сими шиканами. Солтыковъ, чувствуя все оное, уже ко мнѣ писалъ, чтобъ отступить, боясь, чтобъ не погибнуть отъ всѣхъ оныхъ привязокъ, да и пенять ему не можно, что онъ тулится, видя весь сей манежъ. Прошу Бога для постараться конецъ сему сдѣлать и велѣть что ни есть рѣшительное сказать, требуя возможнаго и чтобы само съ собой не противорѣчило. Изволите увидѣть, какая здѣсь сумятица заводится отъ нашего неустройства, а я только прошу васъ, какъ милостивца, выведите меня изъ сей галеры; равнымъ образомъ прошу чтобъ не я имѣлъ коммиссію назначать мѣста магазейновъ».

Мы видѣли, какъ огорчало Репнина извѣстіе объ обѣщаніи, данномъ Обрѣзковымъ въ Константинополѣ, что русскія войска немедленно по окончаніи сейма будутъ выведены изъ Польши и арестованные возвращены изъ ссылки. Панинъ, хотя въ мягкихъ выраженіяхъ, далъ однако знать Обрѣзкову, какъ это обѣщаніе можетъ повести къ большимъ затрудненіямъ. Обрѣзковъ находился въ «трепетаніи», по его выраженію, что Репнинъ напишетъ императрицѣ о невозможности исполнить обѣщаніе, данное Портѣ, и умолялъ Панина войти въ его положеніе между молотомъ и наковальнею и приказать Репнину дать хотя видимый знакъ исполненія обѣщанія, удалить, напримѣръ, хотя нѣсколько отрядовъ отъ Варшавы. А между тѣмъ каждыя трое сутокъ черезъ молдавскихъ курьеровъ Порта получала изъ Польши извѣстія, что сеймъ отсрочивается вслѣдствіе новыхъ затрудненій, происходящихъ отъ князя Репнина, который вымогаетъ новыя условія, предосудительныя Польшѣ, и многіе поляки, предпочитая покинуть отечество, чѣмъ согласиться на эти условія и сносить горделивые и властительные поступки русскаго посла, уже удалились изъ Польши. Порта, по этимъ вѣстямъ рѣшила усилить войска на границѣ, и на замѣчанія Обрѣзкова, что этимъ вѣстямъ нельзя вѣрить, рейсъ-ефенди съ досадою отвѣчалъ, что честь и интересы Турціи не позволяютъ ей болѣе равнодушно смотрѣть на такое продолжительное властвованіе русскаго двора въ Польшѣ. Притомъ, по свойству турецкаго народа, султанъ и министры его иногда принуждены дѣлать и то, чего не хотятъ. Легко понять, въ какое «трепетаніе» пришелъ Обрѣзковъ, когда получилъ отъ Репнина извѣстіе о барской конфедераціи. Рейсъ-ефенди объявилъ ему, что хотя конфедераты и обратились къ Портѣ съ просьбою о помощи, но она не намѣрена помогать такимъ «шильникамъ», которые, будучи лишены посторонней помощи, сами собою разбѣгутся, и потому нѣтъ никакой нужды удерживать русскія войска въ Польшѣ, ибо переговоры между Россіею и Польшею совершенно кончены; шайка бродягъ не можетъ воспрепятствовать исполненію договора; притомъ такія суматохи могутъ въ Польшѣ часто случаться: нельзя же держать тамъ постоянно русское войско! Наконецъ Порта никакъ не можетъ стерпѣть, чтобъ русское войское напало на конфедератовъ вблизи ея границъ, не потому чтобъ она хотѣла ихъ

защищать или ободрять, но потому что вѣсть о битвѣ произведетъ сильное волненіе въ турецкомъ народѣ. И послѣднее распоряженіе Порты о нарядѣ военныхъ людей въ Хотинъ, Бендеры и Очаковъ сдѣлано единственно для того, чтобъ дать черни что жевать и тѣмъ зажать рты, удержать отъ порицаній султана и министерства безпечностію и робостію. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что напрасно Порта считаетъ барскую конфедерацію столь ничтожною; конфедерація въ своемъ манифестѣ прямо возстаетъ противъ договора, заключеннаго между Россіею и Польшею, слѣдовательно если она будетъ имѣть успѣхъ, то русскія войска если бы и вышли, то должны возвратиться по обязательству поруки и для того, чтобъ возстановить нарушенный договоръ, въ чемъ ни Порта, никакая другая держава помѣшать Россіи не имѣетъ права. Если Порта прямо желаетъ видѣть возстановленіе тишины въ Польшѣ и выводъ изъ нея русскихъ войскъ, то лучшій способъ для этого позволить русскимъ войскамъ искать возмутителей и не подалеку отъ границъ турецкихъ. Но рейсъ-ефенди никакъ на это не соглашался, утверждая, что конфедерація исчезнетъ, какъ скоро возставшіе лишатся надежды на помощь Порты, и требовалъ, чтобъ Обрѣзковъ далъ снова обѣщаніе на счетъ вывода русскихъ войскъ изъ Польши. Но на этотъ разъ Обрѣзковъ рѣшительно отказался дать обѣщаніе, и послѣ двухчасового спора рейсъ-ефенди сказалъ, что русскія войска пусть усмиряютъ конфедератовъ, только бы не приближались къ турецкимъ границамъ, и усмиреніе это происходило какъ можно легче, безъ шуму. Зная, что улемы настаиваютъ на вмѣшательство Порты въ польскія дѣла на основаніи религіознаго требованія не отвергать притѣсненныхъ, просящихъ помощи, Обрѣзковъ счелъ нужнымъ дать рейсъ-ефенди 3000 червонныхъ, въ слѣдствіе чего отправленъ былъ крымскому хану указъ внушить французскому консулу, чтобъ не вмѣшивался въ политическія дѣла, и дать знать вождямъ барской конфедераціи, чтобъ не надѣялась на помощь ни изъ Крыма, ни изъ Турціи и спѣшила прекратить свое возстаніе; заготовленъ былъ и другой указъ хану о высылкѣ изъ Крыма французскаго консула Тотта.

Весна и начало лѣта прошли спокойно, но отъ 7-го іюля Обрѣзковъ увѣдомилъ о сообщеніи Порты, что значительный козацкій отрядъ, преслѣдуя польскихъ мятежниковъ, въѣхалъ въ Балту,

село, принадлежащее хану крымскому, лежащее на самой польской границѣ, причемъ, истребляя конфедератовъ, убили нѣсколько татаръ, молдаванъ и турокъ; потомъ тѣ же козаки дошли до другой ханской вотчины Дубоссаръ, потребовали отъ управляющаго выдачи конфедератовъ, и не получивъ удовлетворенія, сожгли Дубоссары, причемъ погибло до 1800 человѣкъ татаръ, молдаванъ и турокъ [126]. Какъ же это случилось, какіе это были козаки?

29 февраля Георгій Конисскій писалъ Екатеринѣ: «Народъ здѣшняго польскаго государства, вѣру греко-россійскую содержащій, получивъ нынѣ дѣйствительное покровительство премудрымъ промысломъ, ревностнымъ тщаніемъ и безпримѣрною щедротою в. и. в—ства совершенное, приноситъ в. в—ству чрезъ меня подданника вашего всеусерднѣйшее и всепреданнѣйшее благодареніе. Онъ въ нынѣшней состоянія своего чрезъ полтора вѣка желанной, но никогда нечаянной перемѣнѣ не инако себя почитаетъ, какъ себя почиталъ древній Израиль свободившися отъ египетской тѣсноты, какъ христіанство первое, отдохнувши послѣ гоненія языческаго, какъ старая Россія невозбранно служити Богу начавши по своемъ просвѣщеніи; за тѣмъ молитъ онъ Бога со слезами не отъ тѣсноты уже духа, но отъ избытка въ немъ радости проливающимися, дабы в. и. в—ство дѣло Моисеево, дѣло Константина и Елены, дѣло Владиміра и Ольги совершавшую въ здравіи присноцвѣтущемъ, въ мирѣ и всѣхъ в. в—ства богоугодныхъ и христіанству преполезныхъ намѣреній преспѣяніи долголѣтну сохранилъ такъ ко утвержденію сего, что совершилося, яко и ко избавленію тѣхъ, которые и здѣ еще и по другимъ мѣстамъ ослабы не получивши, къ в. и. в-ству на сіе отъ Бога посланной со стенаніемъ очи возводятъ. Притомъ прошу всеподданнѣйше высочайшимъ в. в—ства указомъ повелѣть кому надлежитъ, дабы, заимствуя отъ исполненія ревности и усердія в. в—ства по вѣрѣ святой, чинено было надлежащее старательство во исполненіе всего того, что нынѣ трактатомъ въ пользу защищенныхъ постановлено, и въ особности, чтобъ не слабо защищены были тые, которые до подписанія на сеймѣ трактата учинили уже переходъ изъ уніатскаго или римскаго исповѣданія въ нашу вѣру по прежнему» [127].

Изъ послѣднихъ словъ этого письма мы узнаемъ, что въ началѣ 1768 года были еще люди, страдавшіе отъ гоненія на православіе, узнаемъ также, что были люди, которые недавно перешли изъ уніи и даже изъ католицизма въ православіе *по прежнему*, т. е. были приневолены отступить отъ православія и теперь въ него возвращались; ихъ преимущественно просилъ защитить Конисскій, ибо по послѣднему договору отпаденіе отъ господствующаго исповѣданія считалось дѣломъ уголовнымъ. События на такъ называемой украйнѣ объясняютъ намъ эти слова Конисскаго.

Въ этой украйнѣ, на берегахъ рѣкъ Роси и Тясмины, гдѣ древняя Русь такъ долго боролась съ половцами и другими разноименными варварами, полукочевыми, полуосѣдлыми, гдѣ въ XVII вѣкѣ сталкивались Россія, Польша и Турція, и козаки переходили то къ той, то къ другой, то къ третьей; въ украйнѣ, которая по прусскому договору объявлена была пустынею для избѣжанія столкновеній,—въ описываемое время, по общему характеру всѣхъ украйнъ, опять сталкивались разнородные элементы. Она населялась сходцами изъ ближайшихъ странъ, русскими крестьянами, православными и уніатами. Уніатское духовенсво стремилось подчинить себѣ православныхъ, выжить ихъ духовенство, но встрѣтило себѣ противниковъ: въ дебряхъ на правомъ берегу Днѣпра виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ православные монастыри, а монахи всегда способнѣе къ борьбѣ, чѣмъ разсѣянное и потому слабое бѣлое духовенство. Тутъ же не далеко было запорожье, и украйна была извѣстна, какъ любимая страна гайдамаковъ, степныхъ рыцарей, страшныхъ разбойниковъ, но въ которыхъ русскій православный человѣкъ всегда видѣлъ прежде всего непримиримыхъ враговъ ляхамъ, жидамъ и уніатамъ.

Сильное религіозное движеніе обнаружилось въ Украйнѣ съ тѣхъ поръ, какъ былъ поднятъ знаменитый диссидентскій вопросъ. Въ то время, какъ въ другихъ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой, униженная православная шляхта, лишенная всякихъ средствъ представительства, сама пахала землю, а горожане и крестьяне, загнанные, привыкшіе сносить всякаго рода притѣсненія, ждали избавленія отъ сильной руки монархини всероссійской, распоряжавшейся чрезъ своего князя—

посла въ Варшавѣ, на Украйнѣ, по самому характеру страны и народонаселенія, православіе не могло сохранять такого страдательнаго положенія, особенно когда явился человѣкъ, около котораго можно было сосредоточиться. Такимъ человѣкомъ явился монахъ, игуменъ Мотренинскаго монастыря, Мелхиседекъ. Чтобъ дать порядокъ и силу православію на Украйнѣ, онъ связалъ тамошнее народонаселеніе въ церковномъ отношеніи съ ближайшею переяславскою епископіею, сталъ дѣятельнымъ посредникомъ между переяславскимъ епископомъ Гервасіемъ и его паствою на другомъ, западномъ берегу Днѣпра, въ Польшѣ, или Египтѣ, по выраженію Конисскаго. Найдя точку опоры въ русскомъ архіереѣ, Мелхиседекъ не хотѣлъ ограничиваться страдательнымъ положеніемъ, началъ явную борьбу съ уніатами, сталъ отводить отъ нихъ украинское народонаселеніе, распространять православіе на счетъ уніи, утверждать его построеніемъ церквей и большимъ порядкомъ между духовенствомъ. Мелхиседекъ побывалъ и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ съ обычными жалобами на притѣсненія, съ обычными просьбами о заступничествѣ. Панинъ сказалъ ему: «Будьте надежны, что къ пользѣ всѣхъ чрезъ преосвященнаго бѣлорусскаго Георгія сдѣлается». Но украинскіе уніаты не хотѣли, чтобъ Мелхиседекъ и православные были надежны. Дѣятельность Мелхиседека, явная борьба, имъ поднятая, отбиваніе прихожанъ—все это возбудило страшную злобу уніатскаго духовенства, которую раздѣляли польскіе чиновники, ибо тотъ же фанатизмъ, на который жаловался Репнинъ въ Варшавѣ, господствовалъ и на Украйнѣ, только здѣсь, по мѣстнымъ условіямъ съ большею разнузданностію. Начались явныя нашествія уніатовъ на православныхъ, грабежи, истязанія. Такъ какъ Мотренинскій монастырь былъ центромъ движенія, туда крестьяне приводили своихъ уніатскихъ священниковъ присягать «на благочестіе», что въ глазахъ уніатовъ и католиковъ было бунтомъ, такъ какъ мотренинскій игуменъ былъ главнымъ виновникомъ этого, то злоба преимущественно обрушилась на него: его обвинили въ подстрекательствахъ къ бунту, въ обращеніи уніатскихъ священниковъ въ православіе; Мелхиседека схватили и долго держали въ оковахъ, въ самомъ тяжкомъ заключеніи, изъ котораго ему удалось уйти какимъ-то таинственнымъ способомъ въ Переяславль.

Въ началѣ 1768 года когда въ Варшавѣ провозглашалось равенство грековъ неунитовъ съ католиками, Гервасій писалъ Кониссскому, что на Украйнѣ уніаты продолжаютъ свои мучительства, бьютъ и мучатъ православный народъ и священство, потому что ни откуда не видятъ страха; насчитывали за послѣднее время 86 насильственныхъ случаевъ; извѣстія изъ Варшавы о возстановленіи диссидентскихъ правъ поднимали страшную злобу въ уніатахъ, которымъ представлялось, что скоро имъ будетъ месть отъ православныхъ; ругаясь надъ православнымъ священникомъ, обрѣзывая ему волосы и бороду, одинъ чиновникъ говорилъ: «Я теперь тебя стригу, а ты, можетъ быть, шкуру будешь съ меня лупить» [128]. Уніаты пророчили себѣ месть и месть пришла.

Князья Любомирскіе, маршалокъ великій коронный и братъ его воевода любельскій, заставили третьяго Любомирскаго, слабоумнаго пьяницу, подстолія литовскаго, владѣльца огромныхъ имѣній, передать торжественнымъ актомъ эти имѣнія своимъ дѣтямъ, причемъ ему самому и женѣ его выговорена была ежегодно значительная сумма изъ доходовъ. Такъ какъ дѣти Любомирскаго были малолѣтныя, то назначены были опекуны. Но эта сдѣлка не нравилась Сосновскому, писарю литовскому, любовнику княгини Любомирской, обманутому въ надеждѣ составить себѣ состояніе. Онъ сталъ наговаривать княгинѣ, чтобы выкрала мужа изъ Варшавы, и пусть онъ опять приметъ имѣнія въ свое завѣдываніе: тогда она будетъ управлять слабоумнымъ мужемъ и его имѣніемъ, а не фамилія Любомирскаго и не опекуны. Княгиня взбунтовала мужа, выкрала его изъ Варшавы и привезла на контракты въ Львовъ въ 1768 году. Здѣсь люди совѣстливые не входили съ нимъ ни въ какія сношенія; но наѣхали игроки изъ Варшавы, обыграли Любомирскаго и заставили заплатить карточный долгъ имѣніями, подъ видомъ покупки. Но покупщики очень хорошо знали, что дѣло не обойдется легко, что опекуны дѣтей Любомирскаго не впустятъ ихъ ни въ одно имѣніе. Надобно было найти людей, которые, получивъ полномочіе отъ Любомирскаго, приняли бы на себя обязанность бороться съ опекунами и ввести во владѣніе покупщиковъ. Такіе люди нашлись: два шляхтича, Бобровскій и Волынецкій.

Бобровскій отправился коммиссаромъ въ имѣніе Любомирскаго Побереже; но его никто тамъ не хотѣлъ слушать, едва ушелъ поздорову, потому что одинъ изъ опекуновъ, Швейковскій, узнавъ о львовскихъ продѣлкахъ, разослалъ по всѣмъ имѣніямъ приказы, чтобы никто изъ управляющихъ не смѣлъ слушать Бобровскаго и Волынецкаго, какія бы бумаги отъ князя Любомирскаго они ни показывали. Бобровскій, выгнанный изъ Побережа, снесся съ Волынецкимъ, и оба рѣшили ѣхать въ другое имѣніе Любомирскаго, Смилянщизну, и поднять здѣсь крестьянъ обѣщаніемъ уничтоженія уніи. Чтобъ имѣть помощь и съ другой стороны, они отправились въ Баръ къ Пулавскому, маршалку конфедераціи, съ просьбою, чтобы призналъ ихъ совѣтниками конфедераціи и далъ свои бланкеты для написанія разныхъ приказовъ его именемъ, за что обѣщали ему доставить для конфедераціи тысячу вооруженныхъ козаковъ. Пулавскій легко согласился на ихъ желаніе. Получивши бланкеты, Бобровскій и Волынецкій съ торжествомъ поѣхали въ Смилу, укрѣпленный за́мокъ Любомирскаго. Но ворота заперты, пускать не велѣно; управляющаго Вонжа нѣтъ дома, но отлично распоряжается всѣмъ его жена; въ за́мкѣ 50 козаковъ гарнизона, пороху и всякихъ запасовъ много: «Мужъ мой не знаетъ никакихъ коммиссаровъ князя Любомирскаго, кромѣ опекуновъ молодыхъ князей», велитъ жена управляющаго отвѣчать Бобровскому и Волынецкому на ихъ требованія отворить за́мокъ и на ихъ угрозы. Тогда коммиссары обращаются къ козакамъ, живущимъ на земляхъ въ имѣніи, и уговариваютъ ихъ атаковать за́мокъ, но гарнизонные козаки отбиваютъ нападеніе. Бобровскій и Волынецкій придумываютъ средство: велятъ схватить женъ и дѣтей гарнизонныхъ ко́заковъ и ставятъ ихъ въ первую линію козаковъ, идущихъ на вторичный штурмъ. Но и это средство не помогло: гарнизонные козаки стрѣляютъ, не смотря на то, что отъ ихъ пуль падаютъ ихъ жены и дѣти. Видя такой страшный грѣхъ, козаки не пошли на штурмъ, и отказались повиноваться коммиссарамъ. Бобровскій и Волынецкій, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ обѣщали имъ ратовать за православіе, теперь начали имъ грозить, что придетъ Барская конфедерація, истребитъ ихъ всѣхъ до одного человѣка, и псы будутъ лизать ихъ кровь за ихъ непослушаніе. Угроза не подѣй-

ствовала; козаки не шли штурмовать за́мокъ. Тогда Бобровскій и Волынецкій рѣшились ѣхать въ Баръ, и чтобъ исполнить обѣщаніе, данное Пулавскому, велѣли начальнику казаковъ, Тымберскому, ѣхать за ними туда же со всѣми козаками. Тымберскій не смѣлъ ослушаться приказа, написаннаго отъ имени маршалка конфедераціи (на бланкетѣ Пулавскаго), и повелъ козаковъ въ слѣдъ за коммиссарами.

Тымберскій былъ человѣкъ огромнаго роста и толщины, тяжко ему было ѣхать верхомъ, и коню было тяжко везти его; сталъ просить Бобровскаго и Волынецкаго, чтобы позволили ему сойти съ лошади и пересѣсть на телѣгу. Тѣ позволили. Но какъ скоро Тымберскій переселился на телѣгу, козацкіе старшины, сотники, атаманы, есаулы, остановили ее и обступили Тымберскаго съ вопросомъ: «Куда насъ ведешь, панъ полковникъ?»—«Приказъ имѣю отъ маршалка конфедераціи Барской явиться съ вами въ Баръ«, отвѣчалъ тотъ. «Если хочешь, панъ полковникъ, сказала старшина, то ступай себѣ въ Баръ одинъ», и обратившись къ козакамъ, крикнули: «Молодцы! За нами, домой въ Смиляньщизну!« И слѣдъ простылъ: Бобровскій, Волынецкій и Тымберскій поскакали одни въ Баръ, боясь за собою погони козацкой.

Вспомнимъ, что Волынецкій грозилъ козакамъ и крестьянамъ приходомъ войскъ конфедераціи, которыя истребятъ ихъ всѣхъ. Какъ нарочно, чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ, что идутъ двѣ польскія хоругви, ведутъ пойманныхъ на разбоѣ гайдамаковъ, чтобы сажать ихъ на колъ на мѣстѣ преступленія въ Смиляньщизнѣ. Козаки, боясь, что это войско прислано для ихъ наказанія за покинутіе Бобровскаго и Волынецкаго, стали перебѣгать за русскую границу, за Днѣпръ, подъ Переяславлемъ, гдѣ ихъ пускали и съ лошадьми, оставляя только оружіе ихъ при рогаткахъ.

Между посаженными на колъ гайдамаками находился родной племянникъ игумена, эконома переяславскаго архіерея; этотъ игуменъ, раздраженный позорною смертію племянника, сталъ уговаривать бывшихъ въ то время въ Переяславлѣ на богомольѣ Запорожцевъ и главнаго между ними Желѣзняка, чтобъ они подняли съ поляками войну за вѣру, потому что поляки устроили Барскую конфедерацію противъ православной вѣры. Для сильнѣйшаго убѣжденія, игуменъ показалъ Желѣзняку на пер-

гаментѣ указъ императрицы подниматься противъ поляковъ за вѣру; титулъ былъ написанъ золотыми буквами, подпись и печать поддѣланы. Желѣзнякъ отвѣчалъ игумену, что съ нѣсколькими сотнями Запорожцевъ онъ не можетъ начать этого дѣла; тогда игуменъ сказалъ ему: «А вотъ недалеко при рогаткахъ много бѣглыхъ козаковъ, которые убѣжали отъ войскъ конфедераціи, потому что поляки хотѣли ихъ всѣхъ истребить; уговорись съ этими козаками, и ступайте въ Польшу, рѣжьте ляховъ и жидовъ; всѣ крестьяне и козаки будутъ за васъ».

Желѣзнякъ пошелъ къ козакамъ, показалъ имъ поддѣльный указъ императрицы, и всѣ вмѣстѣ вторгнулись за Днѣпръ, поднимая крестьянъ и козаковъ, истребляя ляховъ и жидовъ. На деревьяхъ висѣли вмѣстѣ: полякъ, жидъ и собака, съ надписью: «ляхъ, жидъ, собака—вѣра однака».

Такъ разсказываетъ о происхожденіи гайдамацкаго бунта Полякъ-современникъ, слышавшій подробности отъ людей самыхъ близкихъ къ событію. При началѣ своего разказа онъ говоритъ: «Это дѣло имѣло видъ, какъ будто бы произошло по наущенію русскаго правительства, но въ самомъ дѣлѣ поводы были другіе» [129].

Репнина сильно раздосадовалъ гайдамацкій бунтъ. Онъ указывалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и мотренинскаго игумена Мелхиседека, какъ на «нѣкоторую причину» волненія, особенно вооружался противъ Мелхиседека. Мы знаемъ, какъ онъ относился къ распространенію православія на счетъ уніи и католицизма, какъ онъ защищалъ проектъ введенія уніатскихъ архіереевъ въ сенатъ, и потому онъ не могъ отнестись благопріятно къ дѣятельности Гервасія и Мелхиседека противъ уніи. Репнинъ требовалъ, чтобъ всѣ православные польскихъ областей были отданы въ вѣдомство епископа бѣлорусскаго, котораго чрезъ это можно вывести изъ нищеты, предосудительной для достоинства православнаго закона.

Но удивительно безпристрастно и правдиво отнесся къ явленію король Станиславъ Августъ въ письмѣ къ Жоффренъ: «Нѣсколько фанатиковъ стали грозить крестьянамъ нашей украйны всевозможными бѣдствіями, если они не перестанутъ быть греками не унитами и не обратятся въ грековъ уніатовъ, т.-е. не перестанутъ объяснять Троицу какъ объясняютъ ее въ Петер-

бургѣ и не начнутъ объяснять ее по римскому способу. Судите, могутъ ли несчастные крестьяне тутъ понимать что-нибудь? Но этого было достаточно, чтобъ возмутить ихъ, а возстаніе этихъ людей не шутка! Ихъ много, они вооружены, и свирѣпы, когда возмутятся. Они теперь побиваютъ своихъ господъ съ женами и дѣтьми, католическихъ священниковъ и жидовъ. Уже тысячи человѣкъ побито. Бунтъ распространяется быстро, потому что фанатизмъ религіозный соединяется у нихъ съ жаждою воли. Фанатизмъ греческій и рабскій борется огнемъ и мечемъ противъ фанатизма католическаго и шляхетскаго. Вѣрно одно, что безъ барской конфедераціи этого новаго несчастія не было бы».

Бунтъ ширился, обхватилъ Смилянщизну, грозилъ Умани, принадлежавшей кіевскому воеводѣ Потоцкому. У Потоцкаго главнымъ управителемъ здѣсь былъ Младановичъ, а кассиромъ Рогашевскій. Управляющій и кассиръ посылали тайкомъ жидовъ къ воеводѣ наговаривать другъ на друга. Для разбора, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, Потоцкій отправилъ въ Умань пана Цѣсѣльскаго, который разсказалъ Младановичу и Рогашевскому, какіе доносы на нихъ были сдѣланы воеводѣ. Тѣ, вмѣсто того чтобы заподозрить другъ друга, заподозрили сотника Гонту, котораго любилъ Потоцкій и поручилъ ему заселеніе слободъ, почему Гонта и ѣздилъ часто къ воеводѣ. Управляющій и кассиръ стали мстить Гонтѣ, потребовали 100 злотыхъ за сотничество, и это въ то время когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству.

Пришло требованіе отъ барской конфедераціи, чтобы выслали въ Баръ всю милицію и козаковъ воеводы кіевскаго. Но воевода распорядился иначе: онъ велѣлъ Цѣсѣльскому забрать всѣхъ козаковъ и поставить ихъ на степи надъ рѣкою Синюхою, составлявшею границу съ Россіею, а къ Пулавскому написалъ, что вмѣсто козаковъ, которые не будутъ охотно биться съ русскими, онъ приказалъ сформировать изъ шляхты конную и пѣшую милицію и отослать съ трехмѣсячнымъ жалованьемъ и провіантомъ въ Баръ. Цѣсѣльскій, Младановичъ и Рогашевскій, чтобы не истощать казны воеводской сформированіемъ милиціи, назначили на этотъ предметъ чрезвычайный поборъ съ козаковъ, и все это когда козацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству и

уманьскіе козаки стояли въ степи на Синюхѣ подъ начальствомъ сотниковъ—Дуска, Гонты и Яремы, готовые союзники для Желѣзняка.

Одни жиды чуяли бѣду и явились къ Цѣсѣльскому съ представленіями, что надобно остерегаться Гонты, тѣмъ болѣе, что онъ теперь главный: Дуска умеръ въ степи. Жиды говорили, что Гонта навѣрное сносится съ Желѣзнякомъ, что есть слухъ, будто Гонта уже предлагалъ Дуску соединиться съ Желѣзнякомъ, но будто тотъ отвѣчалъ: «семь недѣль будете пановать, а семь лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать.»

Напуганный жидами, Цѣсѣльскій послалъ приказъ Гонтѣ немедленно явиться въ Умань. Тотъ прискакалъ и былъ сейчасъ же закованъ въ кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, подъ висѣлицу. Но съ счастливой руки Хмельницкаго, козацкихъ богатырей все спасали женщины. И тутъ взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: «оставьте въ живыхъ, я за него ручаюсь.» Тронулся Цѣсѣльскій просьбами пани Обуховой и отпустилъ Гонту,—опять въ станъ на Синюху начальствовать козаками! Жиды увидали, что судьба ихъ въ рукахъ того, кого они подвели было подъ висѣлицу: они наклали брыки сукнами и разными матеріями, собрали денегъ и отвезли Гонтѣ съ поклономъ: «батюшка, защити насъ.» Гонта сказалъ жидамъ: «Выхлопочите у пана Цѣсѣльскаго мнѣ приказаніе выступить противъ Желѣзняка.» Жиды выхлопотали приказъ; но Цѣсѣльскій велѣлъ троимъ полковникамъ принять начальство надъ козаками. Эта мѣра не помогла; на дорогѣ Гонта объявилъ полковникамъ: «можете, ваша милость, ѣхать теперь себѣ прочь, мы въ васъ уже не нуждаемся.» Полковники убрались поскорѣе въ Умань, а Гонта соединился съ Желѣзнякомъ. Скоро вся толпа явилась подъ Уманью, въ ближнемъ лѣсу разостлали коверъ, на которомъ усѣлись Желѣзнякъ съ Гонтою, козаки составили кругъ, и какой-то подъячій читалъ фальшивый манифестъ русской императрицы. Потомъ началась попойка и шла всю ночь.

Въ зáмкѣ Уманьскомъ уже не было больше Цѣсѣльскаго, онъ исчезъ; главное начальство перешло къ Младановичу. Къ нему явился комендантъ Ленартъ и объявилъ, что пьяные козаки ночуютъ на фольваркѣ и что ихъ ничего не стоитъ вырѣзать, сдѣлавши вылазку изъ зáмка. Но Младановичъ никакъ на это не

рѣшился: онъ созвалъ жидовъ, велѣлъ имъ нагрузить брыки дорогими матеріями и везти къ Желѣзняку и Гонтѣ въ подарокъ съ просьбою о капитуляціи. Гонта и Желѣзнакъ, пьяные, приняли подарки съ удовольствіемъ, но переговоры отложили до утра.

Дѣйствительно, утромъ на другой день, оба предводителя со всею старшиной подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми былъ мостъ, переброшенный черезъ глубокій ровъ. Комендантъ Ленартъ велѣлъ зарядить картечью четыре пушки; но Младановичъ и Рогашевскій, увидавши это, закричали: «Что вы дѣлаете? Вы насъ всѣхъ погубите!» Шляхта полегла на пушкахъ и отогнала артиллеристовъ, а между тѣмъ Младановичъ спѣшилъ окончить переговоры съ Желѣзнякомъ; положили: 1) козаки не будутъ рѣзать католиковъ, шляхту и Поляковъ вообще, имѣнія ихъ не тронутъ; 2) въ жидахъ и ихъ имѣніи козаки вольны. По заключеніи капитуляціи, всѣ поляки пошли въ костёлъ, а козаки ворвались въ городъ и начали рѣзать жидовъ; потомъ, когда всѣ жиды были перерѣзаны, добрались до милиціи, назначенной въ Баръ; покончивъ съ нею, пошли къ костелу, и начали вытаскивать оттуда мущинъ, женщинъ, дѣтей и бить; нѣкоторыхъ женщинъ, которыя понравились, взяли за себя замужъ, и дѣтей усыновляли. Младановичъ и Рогашевскій погибли отъ Гонты, весь городъ былъ устланъ трупами, глубокій колодезь на рынкѣ наполнился убитыми дѣтьми. Крестьяне по селамъ въ это время били жидовъ, вязали поссессоровъ и шляхту, и привозили въ Умань, гдѣ пьяные козаки убивали ихъ.

Послѣ этихъ подвиговъ Гонта провозгласилъ себя воеводою брацлавскимъ, а Желѣзнякъ—кіевскимъ, и разослали въ разныя стороны отряды рѣзать шляхту и жидовъ. Но Желѣзнякъ и Гонта не долго навоеводствовали: они были схвачены по распоряженію генерала Кречетникова; гайдамацкій бунтъ потухъ; но слѣдствія его обнаружились неожиданнымъ образомъ. Одинъ изъ разосланныхъ Желѣзнякомъ и Гонтою гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ сотника Шилы, направился къ Балтѣ, пограничному мѣстечку, которое рѣчка Кодыма отдѣляла отъ татарскаго мѣстечка Галты. Балта славилась своими ярмарками, на которыя приводили лошадей, рогатый скотъ, овецъ; для закупки лошадей пріѣзжали ремонтеры изъ Пруссіи и Саксоніи. Мѣстеч-

ко богатѣло отъ этихъ ярмарокъ; въ немъ жило много жидовъ, грековъ, армянъ, турокъ и татаръ; было кого порѣзать гайдамакамъ, было что пограбить. Шила съ своимъ отрядомъ явился въ Балту и началъ тѣмъ, что поколол всѣхъ жидовъ; потомъ, проживъ дня четыре спокойно, собралъ свое войско и вышелъ изъ Балты. Увидавъ, что этимъ все кончилось, турки въ Балтѣ подняли крикъ и вмѣстѣ съ жидами перешли съ татарской стороны на польскую; одни пошли на гору въ погоню за гайдамаками, другіе начали бить православныхъ, сербовъ и русскихъ, грабить товары и зажгли предмѣстіе. Шила, услыхавъ, что турки и жиды напали на православныхъ, возвратился, прогналъ непріятелей на татарскую сторону, перешелъ вслѣдъ за ними въ Галту и все здѣсь разорилъ и пограбилъ. На другой день битва возобновилась нападеніемъ турокъ, которые опять были прогнаны въ Галту. Послѣ этого гайдамаки помирились съ турками, и много отдали имъ назадъ изъ пограбленнаго. Но какъ скоро Шила выступилъ въ другой разъ изъ Балты, турки и жиды явились опять въ мѣстечкѣ, начали ругать христіанъ, многихъ пострѣляли и порубили, церкви ограбили. Вслѣдъ за басурманами явились конфедераты и православнымъ стало не легче; каждый день поляки *ревизовали христіанъ*, били и убивали до смерти. Православные обратились съ просьбою о защитѣ къ русскому полковнику Гурьеву, и въ просьбѣ разсказали какъ было дѣло. Просьба оканчивалась такъ: «Конфедераты очень хотятъ, чтобы насъ теперь переловить и погубить; того ради просимъ не оставить насъ и показать надъ нами жалость, просимъ намъ бѣднымъ дать конвой, чтобы мы могли все свое забрать. Къ сему доношенію подписалось цѣлое братство наше купеческое, греческое».

Порта такъ была взволнована извѣстіемъ о балтскомъ событіи, что Обрѣзковъ едва успѣлъ удержать отъ немедленнаго объявленія войны увѣреніями, что дѣло произошло вопреки намѣреніямъ императрицы, которая дастъ Портѣ полное удовлетвореніе. Впрочемъ Порта дала приказаніе придвинуться къ границамъ двадцатитысячному корпусу войска. Обрѣзковъ писалъ, что хотя Порта и не намѣрена теперь разорвать миръ, но нельзя поручиться, что она не будетъ принуждена начать войну, «послѣдуя народной неразсудной и опрометчивой склонности». 11 іюля

рейсъ-ефенди потребовалъ у Обрѣзкова отдаленія отъ турецкихъ границъ всякихъ русскихъ войскъ и совершеннаго очищенія отъ нихъ всей Подоліи. Между тѣмъ слухи о происшествіи въ Балтѣ и Дубоссорахъ оказывались ложными; Обрѣзковъ представилъ Портѣ вѣрное извѣстіе, что взбунтовавшіеся украинскіе мужики, вмѣстѣ съ гайдамаками, напали на принадлежавшую хану деревню Галту, лежащую на Бугѣ противъ русскаго Орловскаго форпоста, при чемъ выставлялъ на видъ, что Россія не обязана отвѣчать за всякихъ разбойниковъ. Но машина, по выраженію Обрѣзкова, уже была приведена въ движеніе, и Порта не въ силахъ была ее вдругъ остановить. Она продолжала требовать очищенія Подоліи и въ такомъ случаѣ обѣщала выслать изъ своихъ областей всѣхъ укрывшихся тамъ конфедератовъ и принудить ихъ успокоиться. Обрѣзковъ повторялъ о возможности войны, выставляя на видъ, что турецкое правленіе больше походитъ на республиканское, чѣмъ на самовластное. Министерство увѣрено, что Россія не требуетъ отъ Польши ничего такого, что было бы противно интересамъ Порты, но публика съ нѣкоторыми головами, длиннѣйшія и сѣдыя бороды имѣющими, иначе думаетъ.

25 августа смѣненъ былъ великій визирь, «человѣкъ благонамѣренный и миролюбивый». Обрѣзковъ опасался, что скоро послѣдуетъ и смѣна рейсъ-ефенди: «Чрезъ это, писалъ онъ, я лучшихъ орудій совсѣмъ лишусь. Если Россія одну или двѣ кампаніи останется при оборонительной войнѣ по близости границъ своихъ и этимъ заставитъ турокъ претерпѣть всѣ трудности походовъ, то несомнѣнно приведетъ скоро Порту въ раскаяніе, особенно если русскіе полководцы будутъ слѣдовать правилу принца Евгенія, который обыкновенно старался избѣгать генеральныхъ сраженій въ началѣ кампаній, давалъ ихъ въ концѣ, ибо турки сперва обыкновенно горячи и храбры, но отъ трудовъ скоро приходятъ въ уныніе и робость, да часто и бунтуютъ».

Обрѣзковъ въ своемъ затруднительномъ положеніи просилъ мудрыхъ совѣтовъ у Панина; Панинъ полагался на искусство и усердіе Обрѣзкова, въ помощь ему онъ отправилъ письмо къ визирю, наполненное заявленіями миролюбія съ русской стороны; отправилъ перехваченную депешу Тотта герцогу Шуазелю, изъ которой открывалось, что балтскій начальникъ Якубъ былъ

подкупленъ Тоттомъ для посылки ложнаго донесенія Портѣ. «Намѣренія ея и. в—ства, писалъ Панинъ, соединять въ изъясненіяхъ нашихъ съ турками ласку съ твердостію, и, показывая имъ, съ одной стороны, всю возможную готовность къ ихъ желаніямъ, не уступить съ другой прихотямъ ихъ тамъ, гдѣ интересованы польза дѣлъ и достоинство короны. Для приданія въ нужномъ случаѣ словамъ вашимъ у турецкаго министерства большей силы лестнымъ блескомъ золота, изволили ея и. в. повелѣть отправить къ вамъ 70,000 рублей».

Въ началѣ сентября Обрѣзковъ писалъ, что визирь смѣненъ по причинѣ его старости и вялости, и на мѣсто его назначенъ Кутаискій паша, который, по слухамъ, человѣкъ наглый и грубый. Войны желаетъ только одинъ султанъ и простой народъ; а министры и духовенство противъ войны. Въ Константинополѣ убѣждены, что Россія нарочно проволакиваетъ польскія дѣла, чтобъ имѣть предлогъ постоянно держать въ Польшѣ свое войско, поэтому и не старается истребить конфедераціи, дѣйствуя малымъ числомъ войскъ, надъ которыми нѣтъ ни одного знатнаго генерала. Не малый ропотъ между турками и на то, что польскій король и республика совершенно безгласны, распоряжается всѣмъ одинъ русскій посолъ, изъ чего ясно видно, что Россія самовластно господствуетъ въ Польшѣ, и это больше всего раздражаетъ султана.

Слѣдствія этого раздраженія скоро оказались. 14 сентября смѣненъ былъ рейсъ-ефенди. 25 числа Обрѣзковъ былъ позванъ на аудіенціею къ новому визирю. При входѣ въ пріемную комнату онъ нашелъ ее наполненною множествомъ людей разныхъ чиновъ, и когда сѣлъ на табуретъ и началъ поздравительную рѣчь, визирь прервалъ ее словами: «Вотъ до чего ты довелъ дѣло»! и началъ читать бумагу, дрожа отъ злости. Въ бумагѣ говорилось: Польша долженствовала быть вольною державою; но она угнетена войскомъ, жители ея сильно изнуряются и безчеловѣчно умерщвляются. На Днѣстрѣ потоплены барки, принадлежащія подданнымъ Порты. Балта и Дубоссоры разграблены и въ нихъ множество турокъ побито. Кіевскій губернаторъ вмѣсто удовлетворенія гордо отвѣчалъ хану, что все сдѣлано гайдамаками, тогда какъ подлинно извѣстно, что все сдѣлано русскими подданными. Ты увѣрилъ, что войска изъ Польши будутъ выведены,

но они и теперь тамъ. Ты заявилъ, что ихъ въ Польшѣ не болѣе 7000 и безъ артиллеріи, а теперь ихъ тамъ больше 20,000 и съ пушками. Поэтому ты измѣнникъ, отвѣчай въ двухъ словахъ: обязываешься ли, что всѣ войска изъ Польши выведутся, или хочешь видѣть войну?» Обрѣзковъ отвѣчалъ, что по окончаніи всѣхъ дѣлъ русскія войска совершенно очистятъ Польшу, въ чемъ онъ обязывается и прусскій посланникъ поручится. Визирь велѣлъ ему выйти въ другую комнату; послѣ двухчасоваго ожиданія пришелъ къ нему переводчикъ Порты и объявилъ: «Ты долженъ обязаться также, что русскій дворъ отречется отъ гарантіи всего постановленнаго на послѣднемъ сеймѣ и отъ защиты диссидентовъ, оставитъ Польшу при совершенной ея вольности». Обрѣзковъ отвѣчалъ, что объ этомъ никогда рѣчи не было и потому онъ не можетъ знать мнѣній своего двора; но если Портѣ угодно, то пусть дастъ свои требованія на письмѣ и онъ отошлетъ ихъ къ своему двору и сообщитъ Портѣ немедленно отвѣтъ. Переводчикъ пошелъ къ визирю и возвратился съ объявленіемъ, чтобъ Обрѣзковъ далъ сейчасъ же требуемое обязательство, иначе будетъ война. Обрѣзковъ отвѣтилъ, что дать обязательство не въ его власти. Чрезъ нѣсколько времени вошелъ церемоніймейстеръ и объявилъ аресты Обрѣзкову и одиннадцати другимъ членамъ посольства. Обрѣзкова посадили на лошадь, провезли черезъ весь городъ между многочисленными толпами народа и посадили въ подземельный погребъ одной башни, куда свѣтъ проникалъ черезъ маленькое окно. Заточники провели здѣсь сутки, и когда комендантъ донесъ, что они не могутъ и трехъ сутокъ вытерпѣть такого заключенія по причинѣ сырости и духоты, то ихъ перевели въ двѣ маленькія избушки, въ которыя свѣтъ проходилъ черезъ двери и небольшія окна, находящіяся въ потолкѣ. Представленія англійскаго посла и прусскаго посланника объ освобожденіи Обрѣзкова остались безъ дѣйствія. Несмотря однако на заключеніе, Обрѣзковъ находилъ возможность съ помощію англійскаго посла пересылать Панину извѣстія о состояніи дѣлъ въ Константинополѣ и совѣты, какъ вести войну: такъ онъ совѣтовалъ, не смотря на предубѣжденіе новѣйшихъ полководцевъ противъ рогатокъ и пикъ, не оставлять ихъ въ войнѣ съ турками. Въ декабрѣ Обрѣзковъ притворился отчаянно больнымъ, подкупилъ лѣкарей и коменданта и былъ переведенъ въ лучшее помѣщеніе.

Почти въ тѣхъ же словахъ, какъ и Обрѣзковъ, передавалъ своему двору извѣстія о константинопольскихъ событіяхъ прусскій посланникъ Зегелинъ, который тщетно старался предотвратить войну. Фридрихъ не желалъ ея, потому что по союзному договору долженъ былъ, въ случаѣ нападенія турокъ на Россію, помогать послѣдней не войскомъ, а деньгами. Онъ сердился, толковалъ, что Россія сама виновата въ польскихъ смутахъ, зачѣмъ такъ далеко вела диссидентское дѣло. Въ сентябрѣ онъ писалъ Екатеринѣ, что если русскія войска не подойдутъ близко къ турецкой границѣ, то Порта будетъ спокойно смотрѣть на пораженіе конфедератовъ, но чтобъ нанести имъ это пораженіе, надобно имѣть побольше войска въ Польшѣ. Панинъ предложилъ, не можетъ ли Фридрихъ ввести свое войско въ Польшу, но король отказалъ, ссылаясь на договоръ: если Россія одна не можетъ сладить съ конфедератами, то должна съ ними уладиться. Князь Долгорукій, разсуждая съ графомъ Финкенштейномъ объ арестѣ Обрѣзкова, указывалъ на Версальскій дворъ какъ на главнаго подстрекателя въ этомъ дѣлѣ; но Финкенштейнъ отвѣчалъ, что по мнѣнію его государя и вѣнскій дворъ принималъ здѣсь участіе, и вотъ основаніе: когда въ Вѣнѣ получено было извѣстіе о сверженіи стараго визиря, то австрійскій министръ въ Константинополѣ получилъ прибавку жалованья [130].

Князь Дмитр. Мих. Голицынъ писалъ изъ Вѣны о *скромномъ* поведеніи тамошняго двора относительно польскихъ волненій. Въ августѣ мѣсяцѣ, по поводу взятія Кракова русскими войсками, Кауницъ имѣлъ разговоръ съ кн. Голицынымъ, объявивъ напередъ, что говоритъ съ нимъ не какъ съ министромъ, а какъ съ частнымъ человѣкомъ. «По моему мнѣнію, говорилъ Кауницъ, не надобно теперь строго поступать съ зачинщиками конфедераціи, чтобъ не умножить въ Польшѣ число огорченныхъ людей. Теперь издалека поднимается непріятная туча, и было бы очень недурно, еслибы поскорѣе постарались отвратить ее установленіемъ всѣхъ дѣлъ въ Польшѣ, удовлетворительнымъ для разномыслящихъ поляковъ» [131]. Эти внушенія показывали ясно, какъ были довольны въ Вѣнѣ затруднительнымъ положеніемъ Россіи.

Во Франціи скромности не соблюдали. Герцогъ Шуазель повсюду явно дѣйствовалъ противъ Россіи. Барская конфедерація

возбуждала въ немъ надежду начать снова успѣшную борьбу съ Россіею въ Польшѣ; онъ успѣлъ раздражить Турцію, которая объявила войну Россіи; онъ готовилъ послѣдней ударъ въ Швеціи, старался разорвать союзъ Россіи съ Пруссіею и сблизить послѣднюю съ Австріею. При этомъ Шуазель не щадилъ и мелкихъ средствъ для выраженія своей ненависти къ молодой державѣ, которая осмѣлилась обширностію политической роли соперничать съ старою Франціей, осмѣлилась создавать какую-то сѣверную систему въ противоположность южной, созданной Франціею. Въ грамотахъ, присылаемыхъ отъ французскаго правительства къ русскому, вдругъ исчезло прилагательное: *императорское* при существительномъ *величество*, и на вопросъ русскаго министерства, что это значитъ, полученъ отвѣтъ, что выраженіе «majesté impériale» не согласно съ духомъ языка, что французскіе короли, принимая титулъ *величества* и не прибавляя къ нему никакого епитета, не могутъ давать этого епитета никакому другому коронованному лицу. Екатерина написала на донесеніи объ этомъ русскаго министра во Франціи, кн. Голицына: «Противу же регуламъ языка россійскаго принимать грамоты безъ надлежащей титулатуры». Грамоты перестали приниматься и князь Голицынъ былъ замѣненъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Хотинскимъ, которому герцогъ Шуазель прямо объявилъ: «Мы не уступимъ». — «И мы также не уступимъ», отвѣчалъ Хотинскій. Хотинскій изъ словъ Шуазеля не могъ не замѣтить его вражды къ бывшему министру, кн. Голицыну; Шуазель сказалъ ему о Голицынѣ: «Онъ писалъ къ своему двору много ложнаго о здѣшнихъ дѣлахъ; мы въ точности знаемъ, что въ Петербургѣ говорится, какъ будто бы это говорилось въ Парижѣ» [132].

Успѣхъ французской дипломатіи въ Турціи заставлялъ русскій дворъ удвоить свое вниманіе въ Швеціи. Остерманъ началъ годъ просьбою о присылкѣ 26,000 рублей для ободренія и усиленія благонамѣренныхъ. «Послѣ удара, нанесеннаго французской партіи на послѣднемъ сеймѣ, писалъ Остерманъ, слѣдовало бы ожидать большей тишины и меньшаго распространенія французскихъ мыслей; и дѣйствительно, французская партія повидимому стала тише; но подъ рукою не переставала внушать народу превратныя мысли; примѣтивъ потомъ, что миролюбивая партія, полагаясь на поверхность въ сенатѣ и справедливость своего дѣла,

находится въ нѣкоторомъ бездѣйствіи, эта партія, соединясь съ придворною, теперь стала смѣлѣе прежняго и высказываетъ явно надежду достигнуть своей цѣли. Ее поддерживаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) дворъ обратилъ все свое вліяніе въ пользу французскихъ видовъ; 2) члены всѣхъ высшихъ и провинціальныхъ учрежденій подкрѣпляютъ виды двора и Шляпъ; 3) французскія деньги на нужные расходы; 4) дворъ оказываетъ милости членамъ французской партіи, производитъ ихъ въ чины, даетъ должности, награждаетъ орденами, а напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ старается унизить достоинство сената, истолковать въ дурную сторону распоряженія государственныхъ чиновъ, усилить всеобщее неудовольствіе. Шпіоны разсѣяны повсюду; эмиссары во всѣхъ мѣстахъ разглашаютъ злыя вѣсти, возбуждаютъ негодованіе, ставятъ партіи Колпаковъ въ вину, что тяжкіе налоги установлены въ слѣдствіе непринятія 12 милліоновъ ливровъ, которые Франція приготовила для Швеціи; подаютъ надежду въ облегченіи податей, если соберется сеймъ; толкуютъ, что Швеція находится подъ русскимъ игомъ, стращаютъ малодушныхъ людей немилостію двора, закупаютъ дворянскія полномочія, лишаютъ сбора казенныхъ доходовъ, отсовѣтываютъ народу платить подати, подавая надежду, что сеймъ освободитъ ихъ отъ этого. Цѣль всѣхъ движеній созвать чрезвычайный сеймъ, перемѣнить образъ правленія и установленную систему внѣшнихъ отношеній. Такое положеніе Швеціи требуетъ самой скорой помощи.»

Король рѣшился сдѣлать безпримѣрный шагъ, объявилъ въ сенатѣ о необходимости созвать чрезвычайный сеймъ, ибо не видѣлъ со стороны сената никакихъ мѣръ для предупрежденія разоренія страны. Сенатъ не согласился и король объявилъ, что за слѣдствія этого несогласія складываетъ всю отвѣтственность на сенатъ. Остерманъ писалъ, что главнымъ, хотя и тайнымъ двигателемъ королевскаго предложенія былъ наслѣдный принцъ. Послѣ этого вожди партіи Шляпъ, публично, въ купеческихъ лавкахъ объявляли, что цѣлое королевство разорилось въ конецъ. Донося объ этомъ, Остерманъ писалъ, что теперь время и съ русской стороны начать свои операціи, именно издавать сочиненія членовъ партіи Колпаковъ въ опроверженіе брошюръ противной партіи, которыя ежедневно сыплются на

публику. При такомъ положеніи дѣлъ легко понять, какое впечатлѣніе производили въ Швеціи извѣстія о барской конфедераціи и столкновеніяхъ Россіи съ Турціею: *Шляпы* торжествовали, *Колпаки* приходили въ уныніе. Въ октябрѣ при дворѣ толковали о неминуемой войнѣ у Россіи съ Портою, о перемѣнѣ въ системѣ короля прусскаго, о присоединеніи короля датскаго опять къ французскимъ видамъ, ибо ему указываютъ возможность овладѣть Голштиніею въ то время, какъ Россія будетъ занята турецкою войною. Наслѣдный принцъ былъ ревностнымъ распространителемъ этихъ слуховъ. Въ ноябрѣ иностранная коллегія представила въ сенатъ мнѣніе, что для сохраненія шведскаго кредита въ Константинополѣ необходимо предписать шведскому посланнику тамъ Целсингу не мѣшаться ни малѣйшимъ образомъ въ несогласіе Россіи съ Портою: но сенатъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, представляя что такимъ отстраненіемъ себя Швеція возбудитъ только напрасное подозрѣніе съ той или другой стороны, и положено предписать Целсингу принимать мѣры для успокоенія Порты, согласуясь въ своихъ дѣйствіяхъ съ министрами другихъ союзныхъ державъ. Но король подалъ письменный голосъ, что Швеція въ настоящемъ случаѣ должна дѣйствовать такъ, чтобъ не утратить дружбы ни съ Россіею, ни съ Турціею.

Между тѣмъ въ Стокгольмъ пріѣхалъ новый французскій посолъ, графъ де Модэнъ, смѣнившій Бретейля. Остерманъ узналъ, что его кредитивная грамота написана иначе, чѣмъ прежнія, именно въ ней ни слова не упомянуто о сохраненіи дружбы со шведскою державою или націею, но единственно съ королемъ. Согласно съ этимъ, Модэнъ только разъ былъ у завѣдывавшаго иностранными дѣлами сенатора барона Фризендорфа, а вмѣсто того въ собраніяхъ при дворѣ публично имѣлъ постоянные продолжительные разговоры съ королевою. Содержаніе этихъ разговоровъ открылось, когда король снова поднялъ въ сенатѣ вопросъ о необходимости созванія чрезвычайнаго сейма, прибавивъ, что если сенаторы и теперь на это не согласятся, то онъ откажется отъ управленія государствомъ, ибо онъ не можетъ выносить вопля страждущихъ. Испуганные сенаторы согласились. «Благонамѣренные, писалъ Остерманъ, меня просили повергнуть ихъ всемилостивѣйшему ея и. в—ства покровительству и испро-

сить ея въ настоящемъ ихъ пагубномъ состояніи неоставленія, для сохраненія ихъ вольности,» обѣщая всѣми силами сопротивляться насилію, которое имъ дѣлается. Вожди противной партіи удерживались отъ разговоровъ о перемѣнахъ въ конституціи, но агенты ихъ повсюду кричали, что лучше быть подъ властію короля и руководствомъ разумнаго сената, чѣмъ подъ русскимъ игомъ. Король объявлялъ, что онъ особенно не склоненъ ни къ какой партіи, заботится только о всеобщемъ благосостояніи, но кронпринцъ говорилъ, что онъ роялистской партіи [133].

Въ Даніи французская партія была слаба; но самъ король вздумалъ путешествовать, будетъ во Франціи, можетъ подчиниться тамошнимъ внушеніямъ. Въ февралѣ Философовъ далъ знать Панину, что король объявилъ внезапно свое намѣреніе предпринять продолжительное путешествіе по Европѣ. Философовъ писалъ по этому случаю: «получитъ ли пользу этотъ молодой и невообразимо легкомысленный государь отъ своего путешествія—время покажетъ; но должно опасаться, что будучи столь склоннымъ къ своевольнымъ поступкамъ, не убережется онъ отъ справедливыхъ нареканій, предосудительныхъ его чести и славѣ.» Король отправился путешествовать, а Философовъ—въ Ахенъ лѣчиться; но въ іюнѣ прервалъ свое лѣченіе и отправился въ Нейсъ, чтобъ повидаться съ ѣхавшимъ чрезъ этотъ городъ королемъ или, лучше сказать, съ Бернсторфомъ. Онъ нашелъ послѣдняго въ большомъ уныніи. «Правда, говорилъ Бернсторфъ, король до сихъ поръ не сдѣлалъ никакого своевольнаго поступка, но за то и не извлекъ никакой пользы изъ своего путешествія; вездѣ скучалъ, нигдѣ не хотѣлъ видѣть ничего любопытнаго; если для приличія и долженъ былъ что-нибудь осматривать, то дѣлалъ это безъ всякой охоты, не обращая вниманія на дѣлаемыя ему объясненія, единственное удовольствіе находилъ въ томъ, чтобъ быть наединѣ со своимъ фаворитомъ, графомъ Голкомъ. Фаворитъ старается мнѣ вредить; между королемъ и фаворитомъ условлено путешествіе сократить, и, побывавъ въ Парижѣ, возвратиться домой осенью или въ началѣ зимы. Ежечасно я долженъ опасаться еще болѣе безразсудныхъ предпріятій отъ двухъ такихъ легкомысленныхъ молодыхъ людей, и признаюсь, что во все мое семнадцатилѣтнее министерское правленіе никогда не находился я въ такомъ затруднитель-

номъ положеніи, и не знаю, какъ сохранить свою собственную славу и честь своего государя.»

Философовъ получилъ приказаніе сопровождать датскаго короля въ его путешествіи, былъ съ нимъ въ Англіи, потомъ во Франціи, откуда въ октябрѣ писалъ Панину: «Я сдѣлалъ визитъ герцогу Шуазелю, но не былъ имъ принятъ и не слыхалъ ни слова ни отъ одного Француза. Французскій дворъ смотритъ ненавистными глазами на всѣхъ русскихъ и старается испускать свой ядъ всевозможными средствами, разными пасквилями и разглашеніями противъ всѣхъ нашихъ поступковъ и предпріятій и противъ освященной особы нашей государыни.» Но если Французы не говорили ни слова съ русскими, то говорили много съ датчанами. Шуазель убѣждалъ Бернсторфа разорвать союзъ съ Россіею и соединиться съ Франціею, которая не откажетъ платить Даніи субсидіи вдвое противъ прежняго. Бернсторфъ отвѣчалъ, что союзъ съ Россіею необходимъ по положенію Даніи и для прекращенія распрей съ голштинскимъ домомъ. Послѣ этого разговора повели нападеніе на самого короля. Шуазель былъ у него наединѣ два раза и возбуждалъ насчетъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, поставляя на видъ дѣла польскія; но король постоянно перебивалъ его рѣчь разговорами о погодѣ и другихъ подобныхъ предметахъ, такъ что герцогъ разстался съ нимъ очень недовольнымъ. Обратились къ фавориту и здѣсь получили успѣхъ: фаворитъ убѣдилъ короля, не сказавши никому ни слова дать всегдашній доступъ въ свои покои приставленному къ нему отъ французскаго двора герцогу Дюрасу, чего не имѣлъ графъ Бернсторфъ. Такъ какъ прямо поправить дѣло было нельзя, то Философову оставалось убѣдить короля, чтобъ онъ то же самое право далъ Бернсторфу и барону Шимельману, человѣку преданному Россіи.

Когда Турки объявили войну Россіи, то во Франціи перестали уже ограничиваться пасквилями. Епископъ Каменецкій-Красинскій, пріѣзжавшій въ Версаль «бросить Польшу въ объятія Франціи», какъ онъ выражался, отправился въ Саксонію, получивъ отъ французскаго двора 200,000 ливровъ и обѣщаніе, что въ зиму эта сумма будетъ увеличена до трехъ милліоновъ. Красинскій, не въѣзжая въ Польшу, долженъ былъ чрезъ своихъ эмиссаровъ помогать низверженію короля Станислава, составле-

нію генеральной конфедераціи, выбору въ короли принца Конде или саксонскаго принца Алберта, при чемъ новоизбранный король долженъ жениться на австрійской эрцгерцогинѣ. Во Франціи набирались офицеры для отправленія къ разнымъ польскимъ конфедераціямъ для обученія повстанцевъ военному искусству [134].

Вражда Франціи давала большое значеніе отношеніямъ къ Англіи, этой постоянной соперницы Франціи. Узнавъ, что въ Англіи вмѣсто министра второго ранга, какъ до сихъ поръ было, назначенъ въ Россію посолъ, въ Петербургѣ сдѣлано было также соотвѣтственное распоряженіе—вмѣсто полномочнаго министра статскаго совѣтника Мусина-Пушкина назначенъ былъ посломъ генералъ-поручикъ графъ Иванъ Чернышевъ. Въ инструкціи новому послу говорилось: «Принятыя нами правила по содержанію собственныхъ нашихъ интересовъ въ независимости приводятъ насъ въ такое положеніе, что тѣ дворы, которые привыкли господствовать надъ интересами другихъ областей, наполняются противъ насъ завистію, другіе же, по натуральному изъ того резону могутъ тверже полагаться на дружбу нашу и союзъ, тѣмъ болѣе, что имперія наша такихъ раздробленныхъ и разнообразныхъ интересовъ какъ въ самой Германіи, такъ и во всей христіанской Европѣ не имѣетъ, каковы интересы другихъ главныхъ державъ: почему можно заключать, что прочіе дворы, которые ни интереса, ни склонности не имѣютъ заводить себя въ дальнія хлопоты, а состояніе ихъ однако требуетъ нѣкотораго ближайшаго соединенія съ державами, перевѣсъ въ своихъ рукахъ имѣющими, могутъ по обстоятельствамъ предпочтительнѣе склоняться къ политической системѣ нашей имперіи.»

Но этой перемѣнѣ въ значеніи англійскаго министра были рады и потому, что могли отозвать Мусина-Пушкина, котораго считали неспособнымъ. По поводу донесенія Мусина-Пушкина, которое начиналось такъ: «Неотступными почти домогательствами досталъ я наконецъ записку о побудительныхъ причинахъ прибавочной пошлины на нѣкоторыя изъ благословенной в. и. в-ства имперіи вывозимыя сюда полотна». По поводу этого донесенія Панинъ написалъ: «Министерство и реляціи сего министра составлены только изъ великихъ словъ, какъ: благословенная имперія, богатая казна и сему подобныхъ, а не основаны на дѣлѣ. Слишкомъ 30 лѣтъ, какъ англійскій парламентъ старался и много

разъ покушался сіи столь для здѣшнихъ фабрикъ и торговли предосудительныя пошлины на россійскія полотна и холстину наложить, однакоже чрезъ старанія здѣшнихъ разныхъ министровъ при лондонскомъ дворѣ находящихся, оное до сяхъ поръ актомъ узаконено не было. Теперь же, когда сіе дѣло послѣднимъ парламентомъ вновь начато было, не токмо благовременнаго представленія во отвращеніе онаго не учинено, но и на здѣшній вопросъ, чего ради оное въ свое время предупреждено не было, отвѣтствовано, что на то отсюдова особливыхъ указовъ не было, которыхъ однакоже ни ожидать благовременно не можно, ни требовать нужды не было. Само собою разумѣется, что всякій министръ обязанъ интересъ своего двора безъ инструкціи предостерегать, и если бы онъ читалъ министерскую архиву своихъ предмѣстниковъ, тобъ довольно нашелъ въ оной правилъ своего въ семъ случаѣ поведенія».

Чернышевъ отправился къ своему посту черезъ Пруссію и въ Потсдамѣ представлялся Фридриху II-му, который говорилъ съ нимъ о польскихъ, турецкихъ и англійскихъ дѣлахъ. Относительно польскихъ дѣлъ король спросилъ, хорошо ли въ Россіи знаютъ обо всемъ, что происходитъ въ Польшѣ, и Чернышеву показалось, что онъ въ этомъ сомнѣвается. «Я думаю, говорилъ Фридрихъ, что вся Польша по частямъ скоро будетъ сконфедерована; все это дѣло большихъ господъ, которые боятся открыто вступить въ конфедерацію и подпускаютъ туда своихъ креатуръ; непріятно, что это долго протянется, хотя я увѣренъ, что когда-нибудь кончится по вашему желанію. Конечно, есть причина сомнѣваться, чтобъ турки вмѣшались въ это дѣло; но и разсчитывать на нихъ много нельзя, тѣмъ болѣе, что ихъ сильно подстрекаютъ другія державы; и потому мое мнѣніе—кончить польское дѣло какъ можно скорѣе, а этого нельзя сдѣлать иначе, какъ посылкою туда еще войска тысячъ до 15, и послать въ Литву, чтобъ не возбудить зависти у турокъ. Я не сумнѣваюсь, что русское войско и въ томъ числѣ, въ какомъ оно теперь, могло бы съ успѣхомъ вести дѣла, если бы въ одномъ мѣстѣ было; но противники разсѣяны, нельзя за ними угоняться. Я, по сосѣдству, знаю всѣ ихъ неудовольствія; самое главное неудовольствіе происходитъ за наложенную на послѣднемъ сеймѣ въ пользу короля какую-то ничтожную подать, до 6 или 7 сотъ

тысячъ, и за отнятіе власти у большихъ чиновъ». Король раза три повторилъ, что надобно послать больше войска въ Польшу, и когда Чернышевъ замѣтилъ, что войска уже прибавлено, то Фридрихъ отвѣчалъ: «Мало»! Графъ Финкенштейнъ, разговаривая съ Чернышевымъ объ Англіи, сказалъ: «Англичане теперь твердо слѣдуютъ бютовой системѣ, чтобъ не вступать ни въ какія обязательства съ твердою землею. Я не понимаю, какую имѣемъ и мы всѣ нужду входить въ обязательство съ ними и мѣшаться въ ссоры ихъ съ Франціею? Пускай обезсиливаютъ они другъ друга; мы должны наблюдать только то, чтобъ было сохранено равновѣсіе».

Но когда Чернышевъ пріѣхалъ въ Англію, то управлявшій сѣвернымъ департаментомъ лордъ Рошфоръ сталъ увѣрять его въ своемъ искренномъ и усердномъ желаніи провести къ концу дѣло о союзѣ между Россіею и Англіею: этотъ союзъ онъ почитаетъ полезнымъ вообще, и особенно полезнымъ въ томъ отношеніи, что обуздаетъ горделивую интригантку Францію. Но такое объявленіе имѣло личныя основанія: Рошфоръ былъ страшно раздраженъ противъ Франціи. Онъ былъ передъ тѣмъ посломъ въ Парижѣ; когда французы заняли Корсику, англійское правительство поручило ему заявить французскому о неправильности этого поступка, могущаго имѣть дурныя слѣдствія, на что Англія спокойно смотрѣть не можетъ. Рошфоръ сдѣлалъ это заявленіе въ такой формѣ, что герцогъ Шуазель сказалъ ему: «Когда объявляютъ войну, то дѣлаютъ это съ большею учтивостію», и послалъ на Рошфора жалобу англійскому министерству, которое отвѣчало, что не приказывало ему дѣлать подобнаго заявленія.

Но какъ ни увѣрялъ Рошфоръ въ своей ненависти къ Франціи и преданности Россіи, какъ ни объявлялъ, что въ совѣтѣ королевскомъ исправляетъ болѣе должность русскаго посла, чѣмъ англійскаго министра, Чернышевъ не могъ убѣдить его въ необходимости дать субсидію Швеціи и этимъ потрясти тамъ французское вліяніе. Всѣ въ этомъ согласны, что надобно дать субсидію, и сумма субсидіи не велика, говорилъ Рошфоръ, но что же дѣлать, когда у насъ рѣшено не давать субсидій въ мирное время и когда члены настоящаго министерства, будучи въ оппозиціи, настаивали на это рѣшеніе. Послѣ объявленія турками войны Англія предложила свое посредничество въ возстановле-

нiи мира. Чернышевъ отвѣчалъ, что не время теперь говорить о посредничествѣ, императрица ожидаетъ отъ Англiи одной услуги, чтобъ она насъ обезпечила и охранила отъ другого непрiятеля, а для этого вѣрнѣйшiй способъ—заключенiе со Шведами субсиднаго трактата; думать о посредничествѣ было бы не согласно съ достоинствомъ императрицы, такъ страшно оскорбленной въ лицѣ своего министра Обрѣзкова. Рошфоръ сообщилъ Чернышеву донесенiя англiйскаго посла въ Вѣнѣ, лорда Стормонта, который между прочимъ описывалъ свой разговоръ съ Марiею Терезiею; она прямо выразилась о войнѣ русско-турецкой, что это пламя тѣмъ для нея безпокойнѣе и опаснѣе, что оно загорѣлось въ ея сосѣдствѣ. «Я не скрываю, сказала императрица, что не могу желать успѣха туркамъ по многимъ причинамъ и не ожидаю этого успѣха; я сильно жалѣю, что турокъ вывели изъ ихъ бездѣйствiя. Думаю, что если бы русская императрица захотѣла, те было бы еще время воспрепятствовать войнѣ, снизойдя на нѣкоторыя уступки въ томъ, что было сдѣлано въ Польшѣ на послѣднемъ сеймѣ. Но чрезъ кого начать дѣло? чрезъ васъ нельзя по тѣсной вашей дружбѣ съ Россiею, чрезъ меня нельзя по тѣсной моей дружбѣ съ Францiею. Чрезъ кого же? А я бы охотно взялась сдѣлать все, что бы отъ меня ни потребовали. Я была противъ избранiя Понятовскаго въ короли; но разъ я его признала, то уже смѣнять не хочу». Кауницъ поклялся Стормонту честiю, что Австрiйцы ни мало не участвовали и не участвуютъ въ поднятiи турокъ противъ Россiи, что это было бы совершенно противно системѣ Марiи Терезiи и его, что слухъ объ австрiйскихъ интригахъ въ Константинополѣ распустилъ прусскiй посланникъ [135].

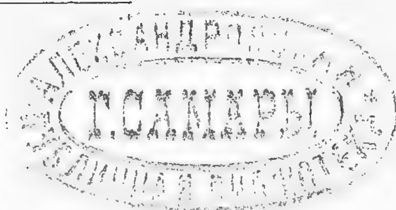
Французы побудили Порту къ объявленiю войны; тѣ же самые французы заставятъ и Швецiю воевать съ Россiею, если возьмутъ рѣшительный верхъ въ Стокгольмѣ. Что можетъ быть опаснѣе войны шведской въ соединенiи съ польскою и турецкою? Поэтому неудивительно, что въ Петербургѣ рѣшились употребить всѣ средства, чтобъ не допустить въ Швецiи торжества французской партiи, которое должно было имѣть слѣдствiемъ ниспроверженiе настоящей конституцiи. Рѣшились въ переговорахъ объ англiйскомъ союзѣ отказаться отъ главнаго требованiя, служившаго постояннымъ препятствiемъ заключенiю договора,

рѣшились отказаться отъ требованія, чтобъ Турція была включена въ случай союза, и вмѣсто того настаивать на требованіи, чтобъ Англія заключила субсидный трактатъ со Швеціею.

Преемникъ Макартнея, лордъ Каткартъ, пріѣхалъ въ Петербургъ только въ августѣ 1768 года. Панинъ произвелъ на него очень благопріятное впечатлѣніе: «Я рѣдко видѣлъ человѣка, писалъ онъ, съ которымъ могъ бы вести дѣло болѣе пріятно, безопасно и выгодно». Сильное впечатлѣніе произвела на него Екатерина, о которой онъ могъ отозваться только стихами Виргилія о Дидонѣ (Talis erat Dido et. c.). Онъ писалъ, что императрица, по превосходству своего ума, не можетъ опасаться никого и ничего, что все идетъ превосходно. Въ Англіи заподозрили, что лордъ нѣсколько увлекается, и указали ему опасности для Дидоны; указали, что она отъ важныхъ внутреннихъ вопросовъ отвлекается внѣшними дѣлами, указали на неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ Польшѣ, что Франція открыто стремится возбудить неудовольствіе Порты и перемѣнить конституцію въ Швеціи.

Съ русской стороны скоро приступили къ дѣлу. Сальдернъ, недавно возвратившійся въ Петербургъ, далъ знать Каткарту, что статья о союзѣ противъ Турціи будетъ выпущена изъ договора и будетъ замѣнена статьею о субсидіяхъ Швеціи.—«Значитъ мы должны купить союзъ съ Россіею»? сказалъ Каткартъ.—«Нѣтъ, отвѣчалъ Сальдернъ: императрица покупаетъ вашъ союзъ, давая вамъ даромъ систему, пріобрѣтенную съ издержками и требуя только, чтобъ вы помогали поддерживать ее; кромѣ денегъ, истраченныхъ императрицею въ Швеціи и Польшѣ при избраніи короля и на поддержку диссидентовъ, она будетъ продолжать тратить денегъ гораздо больше, чѣмъ вы». Каткартъ понялъ и написалъ своему министерству, что по его мнѣнію можно принять статью. Но ему отвѣчали, что онъ долженъ говорить въ Петербургѣ то же, что говорили Чернышеву въ Лондонѣ: Англіи чрезвычайно трудно измѣнить своему правилу—не платить субсидій въ мирное время [136].

Разрывъ съ Турціею отодвинулъ на нѣкоторое время всѣ другія дѣла на задній планъ.



ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Исторія Россіи XXVI, 133.

2. Журналы сената 9 января и 31 марта.

3. Тамъ же, 19 октября.

4. Пол. Собр. зак. № 12,600.—Побѣдоносцева—Историческія изслѣдованія и статьи, стр. 269—324.

5. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 98.

6. Журналы сената, 15 декабря.

7. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 59, 60, 88.

8. Пол. Собр. Зак. № 12,781.

9. Высочайшая резолюція въ такомъ видѣ находится въ бумагахъ Госуд. Архива; но въ Пол. Собр. Законовъ она напечатана иначе.

10. Журналы сената, 14 іюля.

11. Тамъ же, 3 февраля.

12. Тамъ же 11 января.

13. Докладъ Чичерина и Юшкова въ Государ. Архивѣ.

14. Дѣло въ Государ. Архивѣ.

15. Журналы сената, 23 января.

16. Тамъ же, 29 марта.

17. Исторія Россіи, XXV, 269.

18. Журналы сената, 23 октября.

19. Тамъ же, 22 ноября.

20. Тамъ же, 6 апрѣля 19 сентября.

21. Тамъ же 23 января, 8 февраля, 21 февраля, 6 и 21 іюля, 18 августа, 27 октября.

22. Докладъ въ Государ. Архивѣ.

23. Журналы Сената, 16 ноября.

24. Пол. Собр. Зак. № 12,633.

25. Московск. Архивъ Мин. Иностр. Д.

26. Журналы Сената 5 и 18 мая.

27. Тамъ же, 22 іюня.

28. Госуд. Архивъ.
29. Тамъ же.
30. Журналы Сената 13 декабря.
31. Государ. Архивъ.
32. Пол. Собр. Зак. № 12,589.
33. Государ. Архивъ.
34. Тамъ же.
35. Тамъ же.
36. Журналы Сената, 11 декабря.
37. Исторія Россіи, XXVI, 50.
38. Государ. Архивъ.
39. Журналы Сената 22 мая.
40. Тамъ же, 2 августа.
41. Тамъ же, 14 ноября. Пол.Собр. Зак. № 12,793.
42. Сборн. Рус. Истор. Общ. V, 227, 229.
43. Журналы Сената 20 января; 13 и 27 марта, 27 іюля; 22 и 27 ноября; Пол. Собр. Зак. № 12,576.
44. Моя статья: „Разсказы изъ Русской Исторіи XVIII столѣтія“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, т. XXXV, 319—322.—Сборникъ Русск. Истор. Общ. X, 75.
45. Пол. Собр. Зак. № 12,801.
46. Журналы Сената 19 и 20 декабря.
47. Журналы Сената 16 и 23 апрѣля 1767 года.—Докладъ объ эстляндскихъ выборахъ въ Государ. Архивѣ.
48. Переписка въ Государств. и въ Москов. Иностр. Д. Архивахъ.
49. Авсѣенко—Малороссія въ 1767 году, стр. 16 и слѣд.
50. Журналы Сената, 13 іюня 1767 года.
51. Тамъ же, 2 августа.
52. Въ Государ. Архивѣ.
53. Журналы Сената 23 іюля.
54. Письмо въ Государ. Архивѣ, отъ 9 іюля 1767.
55. Сборникъ Русск. Истор. Общ. X.
56. Челобитная въ Государ. Архивѣ.
57. Журналы Сената, 11 іюля.
58. Сборн. Рус. Истор. Общ. X.
59. Государ. Архивъ.
60. Журналы Сената, 9 іюня.
61. Сборн. Русс. Истор. Общ. X.
62. А жалоба казанскихъ татаръ на сборъ для подарка губернатору?
63. Журналы Сената 10 января.
64. Государ. Архивъ.
65. Журналы Сената 19 января; 17, 22, 28 марта; 17 мая; 11 іюля.

66. Государ. Архивъ.
67. Журналы Сената 9 января.
68. Тамъ же, 19 января; 1, 2, 8, 17 марта, 31 мая; 15 и 21 іюня.
69. Исторія Россіи, XXVI, 235.
70. Тамъ же, стр. 17.
71. Осмнадцатый вѣкъ, III, 365.
72. Сборникъ Русск. Истор. Общ. X, 167.
73. Пол. Собр. Зак. № 12,949. Сборникъ Рус. Истор. Общ. X, 152.
74. Отъ Екатерины остались разныя строки, выражавшія неудовольствіе ея по поводу взглядовъ членовъ коммиссіи на крѣпостныхъ людей: „Есть ли крѣпостного нельзя признать персоною, слѣд. онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано".—Собственноруч. въ Госуд. Архивѣ.
75. Тамъ же. Du Tiers-Etat. Le Tiers-Etat était composé de bourgeois notables, deputés des villes pour representer le peuple dans l'essemblées. Tiers-Etat ou troisieme ordre composé de magistrats municipaux, des notables bourgeois. Le Tiers-etat, compose du peuple, ètait alors presque tout serf. Les souverains l'eleverent par degrés en l'admettant aux charges. Tiers-Etat composé des bourgeois representés par les deputés des villes. Quelques personnes peu au fait des principes de cette matiere, croyent que toute la robe indistinctement doit être comprise dans le Tiers-état ce qui est une erreur facile á refuter. Il est vrai que les gens de robe, qui ne sont pas nobles soit de naissance out autrement, ne peuveut être placés que dans le Tiers-Etat; mais ceux qui jouissent du titre et des prerogatives de noblesse soit d'extraction ou en vertu de quelque office auquel la noblesse est attaschée ou en vertu de lettres particulieres d'annoblissement, no doivent point être confondus dans le Tiers-Etat: ou ne peut leur contester le droit d'être compris dans l'ordre ou Etat de la noblesse de meme que les autres nobles de quelque profession qu'ils soyent et de quelque cause que procede leur noblesse.
76. Исторія Россіи, т. XXVI, стр. 40.
77. Письмо въ Государ. Архивъ.
78. Въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
79. Тамъ же.
80. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 272.
81. Документы, относящіеся къ дѣятельности коммиссіи, находятся въ Архивѣ Втораго Отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи, и часть ихъ издана Русскимъ Историч. Обществомъ (Историч. свѣдѣнія о екатерининской коммиссіи для соч. проекта новаго уложенія. Д. Полѣнова).—

О малороссійскихъ наказахъ см. „Малороссія въ 1767 году, соч. Авсѣенко.—Перечень пунктовъ поданныхъ депутатами въ коммиссію помѣщенъ мною въ статьѣ: „Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка". 1767 годъ, напечат. въ Русскомъ Вѣстникѣ, т. XXXV. Вотъ этотъ перечень: отъ депутатовъ правительственныхъ мѣстъ: 1) О вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные чины, а изъ духовныхъ въ свѣтскіе, и освобожденіе священниковъ отъ неприличныхъ работъ. 2) Объ обученіи дѣтей катехизису, объ учрежденіи по городамъ училищъ для юношества и о непринимании въ домы учителей и учительницъ несвидѣтельствованныхъ. 3) О покупкѣ крѣпостныхъ людей священникамъ и прочимъ церковнымъ причетникамъ. 4) О уменьшеніи свободныхъ дней отъ работъ. 5) О учиненіи закона, какъ поступать въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщиковъ случится людямъ смерть. 6) Объ истребленіи женщинъ, ведущихъ жизнь распутную. 7) О запрещеніи кулачныхъ боевъ. 8) О нестрѣляніи изъ ружей и изъ другихъ машинъ внутри жильевъ и о неношеніи никакого оружія подлому народу при себѣ. 9) Объ учиненіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію ихъ (т. е. монаховъ) и къ содержанію церквей доходовъ. 10) Объ установленіи закона къ приведенію разнаго званія народа въ содружество. 11) О пресѣченіи роскошей. 12) Объ учиненіи закона о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ и о взысканіи за держаніе и владѣніе ихъ однихъ и съ землями. 13) О неопредѣленіи никого въ козаки и о бытіи всѣмъ, кто гдѣ приписанъ. 14) Объ отдачѣ должниковъ за долги для зарабатыванія партикулярнымъ людямъ въ случаѣ непріема для отсылки на каторгу. 15) О ревизіи и отличеніи граждан добродѣтельныхъ. 16) О публикаціи отъ полиціи о всѣхъ происходящихъ новостяхъ. 17) О квадратныхъ деньгахъ. 18) О непропускѣ на заставахъ въ города нищихъ. 19) О необученныхъ и скорыхъ лошадяхъ, чтобъ на оныхъ внутри городовъ не ѣздить. 20) О неимѣніи форейторамъ и верховымъ кнутовъ и плетей. 21) Объ учрежденіи въ городахъ публичныхъ мѣстъ для увеселенія обывателей.

Дворянство представило: 1) Объ имѣніи при церквахъ ученыхъ священниковъ на жалованьи; о продажѣ церковныхъ земель и чтобъ причетники обучали крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. 2) О уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими. 3) Объ учиненіи закона объ отдачѣ деревень на аренду. 4) О продажѣ дворянству экономическихъ деревень. 5) О дачѣ и продажѣ дворянамъ засѣкъ, дикихъ полей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель. 6) О заведеніи въ городахъ особыхъ слободъ для полковъ и о выводѣ ихъ изъ уѣздовъ. 7) Объ учрежденіи по городамъ для дворянскаго юношества школъ. 8) Объ учрежденіи по городамъ банковъ, 9) — хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, 10) — аптекъ и лѣкарей. 11) О бытіи по городамъ цехамъ и фабри-

камъ. 12) О запрещеніи на выгонныхъ городовыхъ земляхъ сѣять хлѣбъ. 13) О позволеніи крестьянамъ въ городахъ торговать продуктами ихъ въ розницу. 14) О позволеніи крестьянамъ подрядовъ. 15) О бытіи крестьянамъ у купцовъ повѣренными въ лавкахъ и въ питейныхъ домахъ въ одно зимнее время, а въ лѣтнее чтобъ возвращались къ земледѣлію. 16) О не сборѣ съ крестьянства подводъ, а вмѣсто того объ учрежденіи почтовыхъ становъ. 17) О ненаряженіи крестьянъ на караулы и работы. 18) Объ умноженіи крестьянскаго безчестья (т. е. платы за безчестье) и объ умноженіи суммы оныхъ (т. е. суммы платежа), кои пожелаютъ быть въ купечествѣ и о незапискѣ въ посадъ по женамъ ихъ. 19) О сборѣ въ однихъ мѣстахъ вмѣсто фуража деньгами, а въ другихъ, гдѣ будетъ потребно, вмѣсто подушныхъ денегъ провіантомъ и фуражомъ. 20) О сложеніи съ однихъ хлѣбопашцевъ подушныхъ денегъ. 21) О поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ бы крестьянство получало наставительный примѣръ къ лучшему домостройству. 22) О непереходѣ Черкасъ съ мѣста на мѣсто. 23) О бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи. 24) Объ истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, сженія золы и прочихъ заводовъ. 25) О выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ своего уѣзда. 26) О запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, имѣть хутора, хлѣбопашество, мельницы. 27) О постановленіи ко удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона. 28) О произведеніи по прежнему въ городахъ ворамъ и разбойникамъ и смертоубійцамъ указныхъ пытокъ.

Городскіе жители подали: 1) Объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ сохранить Тайны Божіи, когда церковь во время службы внезапно загорится; о нечиненіи въ церкви Божіей во время службы смятенія. 2) О свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ. 3) О постриженіи желающихъ въ монашескій чинъ. 4) О штрафѣ съ неисповѣдавшихся. 5) О построеніи церквей Божіихъ и о писаніи на всякія церковныя вещи контрактовъ безъ взятія пошлинъ. 6) О пожалованіи въ построенныя церкви на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы. 7) О содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи тому жалованья. 8) О нетребованіи священникамъ сверхъ указнаго числа за церковныя требы. 9) Объ учрежденіи вновь по городамъ присутственныхъ мѣстъ; объ учрежденіи вновь городскаго суда, какъ въ другихъ государствахъ заведено. 10) О бытіи въ городахъ полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ. 11) О подтвержденіи магдебургскаго права; о подтвержденіи козакамъ шляхетскаго права и объ оставленіи ихъ при прежней

должности козачей. 12) О выборѣ на всегдашнее время вообще всѣми гражданами головы. 13) О выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ. 14) О правѣ и преимуществѣ россійскаго купечества и о неназываніи онаго непристойными словами и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги. 15) Объ учрежденіи по городамъ для купеческой коммерціи и размноженія торговъ государственнаго банка. 16) О пресѣченіи роскошей и о невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей. 17) Объ уничтоженіи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизіи, и о бытіи оной по прежнему по дворамъ. 18) О выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества и разнаго званія людей и увольненіи отъ рекрутскаго набора. 19) О снятіи съ подсусѣдковъ (въ Малороссіи) рублеваго оклада и о расположеніи онаго на тяглыхъ и земли имѣющихъ людей. 20) Объ учрежденіи цеховъ. 21) Объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможень. 22) О неотдачѣ въ монополіи никакихъ промысловъ и товаровъ. 23) О нечиненіи военнослужащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побой и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ. 24) О нечиненіи купечеству отъ крестьянства въ уѣздахъ никакихъ обидъ и за чужіе долги грабительствъ. 25) Объ учрежденіи вмѣсто формальныхъ краткихъ словесныхъ, такъ же и третейскихъ судовъ для всякихъ случающихся между купечествомъ съ разночинцами дѣлъ. 26) О правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества. 27) О запрещеніи присутствующимъ слушанія и подписыванія дѣлъ на домахъ. 28) Объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей. 29) О незабираніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ. 30) Объ учиненіи запрещенія, чтобъ никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ. 31) О покупкѣ священно-и-церковнослужителямъ, купечеству и разнаго званія людямъ крестьянъ и дворовыхъ людей. 32) О запрещеніи духовному чину въ покупкѣ земель. 33) Объ отдачѣ архіерейскому дому съ монастырями отшедшихъ отъ нихъ хлѣбопашенныхъ земель. 34) Объ учрежденіи въ городахъ академій, университетовъ и школъ и обученіи въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ и разночинскихъ дѣтей и сиротъ. 35) Объ учрежденіи на казенномъ содержаніи больницъ и сиропитательныхъ домовъ; объ умноженіи по городамъ аптекъ, докторовъ, лѣкарей и повивальныхъ бабокъ. 36) О выборѣ малороссійскому народу гетмана и старшинъ вольными голосами и о бытіи козакамъ судимымъ отъ оныхъ старшинъ. 37) О непринужденіи купечества къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья. 38) О выводѣ роскольниковъ, живущихъ по городамъ между православными, въ разсужденіи чинимаго ими въ обществѣ соблазна и неотправленія гражданскихъ службъ, и о

поселеніи оныхъ въ особыхъ мѣстахъ. 39) О позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ въ часовняхъ и церквахъ отправлять службы по стариннымъ книгамъ. 40) О небытіи въ городахъ особой сыскной команды и о препорученіи оной магистратамъ.

Однодворцы и хлѣбопашцы просили: 1) Объ опредѣленіи для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ, а для утвержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеніевъ свѣтскихъ учителей. 2) О постройкѣ для квартированія полковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ. 3) О защитѣ отъ проходящихъ полковыхъ служителей. 4) О непосылкѣ въ уѣздъ находящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами для публикованія оныхъ, и о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ правленій. 5) О выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ для скораго отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей особливыхъ членовъ. 6) О бытіи для дѣлъ отъ стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи въ присутственныхъ мѣстахъ. 7) Объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей. 8) О выводѣ изъ малороссійскихъ городовъ россійскихъ воеводъ. 9) О притѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ. 10) О притѣсненіяхъ, чинимыхъ однодворцамъ и ясачнымъ отъ дворянъ и ихъ крестьянъ. 11) О словесныхъ судахъ; объ опредѣленіи для разбирательства между обывателями дѣлъ командировъ или старшинъ по выбору изъ нихъ же, и о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ подушнаго оклада, вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ.

82. Журналы сената 1768 года, 23 апрѣля.
83. Тамъ же, 25 августа.
84. Пол. Собр. зак. № 12, 977, 13, 107.
85. Тамъ же, № 12, 966.
86. Дѣла коммиссіи о заводскихъ крестьянахъ въ Архивѣ М. Юстиціи.
87. Журналы сената 1767 года, 21 августа, 3 и 4 октября, 12 ноября; 1768 года, 5 мая, 27 августа.
88. Русская Старина 1874 года, № 7.
89. Дѣло въ Госуд. Архивѣ.
90. Журналы сената 1768 года, 4 іюля.
91. Тамъ же 1767 года, 27 сентября.
92. Тамъ же, 1768 года, 5 сентября.
93. Госуд. Архивъ, письмо отъ 16 ноября 1768 года.
94. Тамъ же.
95. Журналы сената, 1768 года, 17 сентября.
96. Тамъ же, 1767 года, 12 ноября.

97. Государ. Архивъ.
98. Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д.
99. Дѣло въ Государ. Архивѣ.
100. Исторія Россіи.
101. Государ. Архивъ.
102. Дѣла польскія 1766 года.
103. Сборн. русск. Истор. Общ. XII, 272.
104. Дѣла прусскія 1766 года.
105. Mémoires de Fréderic II, II, 321.
106. Forschungen zur deutschen Geschichte, IX, 1.
107. Дѣла турецкія 1766 года.
108. Дѣла шведскія 1766 года.
109. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.
110. Тамъ же, дѣла Датскія 1766 года.
111. Mahon—History of England, V, 161 (лейпцигск. изд.).
112. Исторія Россіи, XXVI, 202.
113. Дѣла англійскія 1766 года.
114. Сборникъ Русск. Истор. Общества, XII, 241—292.
115. Дѣла польскія 1767 года.
116. Дѣла прусскія 1767 года.
117. Дѣла австрійскія 1767 года.
118. Дѣла турецкія того же года.
119. Дѣла шведскія 1767 года.
120. Дѣла датскія того же года.
121. Въ Госуд. Архивѣ.
122. Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 292 и слѣд.
123. Max Duncker—Aus der Zeit Friedrichs des Gross. et. c. 162.
124. Моск. Архивъ Мин. Ин. Д.
125. Государ. Архивъ.
126. Дѣла польскія и турецкія 1768 года.—Pamientniki do panowania Augusta III i pierwszych lat Stanisl. Augusta.
127. Москов. Архив. Мин. Иностр. Дѣлъ.
128. Матеріалы для исторіи православія въ западной Украйнѣ—Архивъ югозападной Россіи, I, II.
129. Pamietnik do historyi polskiej Adama Moszczynskiego, 126.
130. Дѣла прусскія 1768 года.—Max Dunker—Aus der Zeit et. c.
131. Дѣла австрійскія 1768 года.
132. Дѣла французскія того же года.
133. Дѣла шведскія того же года.
134. Дѣла датскія того же года.
135. Дѣла англійскія того же года.
136. Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 343 и слѣд.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо Н. И. Панина къ Гервасію, епископу Переяславскому, 2 сент. 1768 года.

Вашему прео—ству не можетъ быть безызвѣстно, что бывшее въ польской украйнѣ возмущеніе обывателей нашего православнаго исповѣданія, которое войсками е. и. в. только-что усмирено, начинаетъ вновь разгараться, и что тѣ обыватели дерзаютъ на самыя ужасныя крайности. Я не скрою еще отъ васъ, что дошедшія ко двору е. в. извѣстія гласятъ, будто всѣ сіи безпорядки происходятъ отчасти отъ послабленія и попущенія в. прео—ства, яко епархіальнаго того краю пастыря, и особливо по проискамъ Матренинскаго игумна Мелхиседека, о безпокойномъ нравѣ коего мы здѣсь довольно и предовольно уже свѣдомы, и что вы еще въ настоящей сумятицѣ изволили разныхъ духовныхъ отъ мѣстъ ихъ отрѣшить, и другихъ къ онымъ опредѣлить, людей нескромныхъ и содѣйствующихъ общему нестроенію. Ваше прео—ство можете сами себѣ представить, что сіи извѣстія не могутъ быть пріятны двору е. и. в.; но я не смѣю подумать, чтобъ вы добровольно и умышленно захотѣли подвигнуть на себя праведный ея гнѣвъ; и для того, не подавая вѣры всему тому, что на собственный вашъ счетъ приписывается, хочу только по истинному моему почтенію къ сану вашему, равно какъ и по долгу званія моего, благовременно и благонамѣренно остеречь васъ, чтобъ ваше прео—ство не только не изволили ни сами собою, ни чрезъ подчиненныхъ вашихъ входить въ настоящее волненіе единовѣрныхъ нашихъ въ польской украйнѣ: но чтобъ паче, яко духовный ихъ пастырь, старались всѣми силами уговаривать, увѣщевать и приводить ихъ къ скорѣйшему пресѣченію оныхъ и къ совершенному покоренію верховной

своей власти, т. е. законамъ рѣчи посполитой польской, которые ея и. в. толь торжественно и свято на послѣднемъ варшавскомъ сеймѣ въ вѣчныя времена гарантировать изволила; толкуя имъ ясно и внятно для собственнаго ихъ спасенія отъ предстоящихъ инако неизбѣжныхъ бѣдствій, что всякое въ Польшѣ отъ обывателей, какой бы они вѣры ни были, возмущеніе, нарушая безпосредственно тишину народную и помянутыя всемилостивѣйшею нашею государынею гарантированные законы, повреждаетъ само собою и независимо ни отъ какихъ постороннихъ уваженій высочайшее ея в—ства достоинство; что единовѣрные наши, приводя сами себя въ сіе положеніе и принуждая онымъ е. и. в. лишить ихъ высочайшаго своего покровительства, которое для нихъ и для самой православной церкви столь полезно было и впредь быть можетъ, обращаютъ напротивъ и навлекаютъ на себя всю тягость праведнаго ея возчувствованія; что они въ первое свое волненіе видѣли оному печальныя для себя слѣдствія, когда войска е. и. в. военною рукою противъ ихъ дѣйствовать стали, и когда взятые оною всѣ безъ изъятія отдаваны были на казнь польскому суду, котораго строгость долженствовала бы ихъ устрашить; что теперь, если они немедленно не уймутся и не возвратятся въ домы и мѣста свои съ тѣмъ уже, чтобъ единожды раскаявшись, жить спокойно въ тишинѣ и въ повиновеніи законамъ и властямъ отечества своего, въ такомъ случаѣ неминуемо подвергнутъ себя новымъ бѣдамъ и новымъ напастямъ, ибо войска е. и. в., оставляя всякое другое упражненіе, тотчасъ на нихъ поведены будутъ, когда съ успокоеніемъ ихъ неразлучно соединено собственное е. в. высочайшее достоинство; и что напослѣдокъ, слѣдуя нынѣ волѣ и намѣреніямъ е. и. в., яко единой и надежной своей покровительницѣ, могутъ они еще загладить вину свою и сдѣлаться опять достойными всемилостивѣйшаго ея покровительства.

2) Изъ письма князя Репнина къ графу Н. И. Панину 8 февраля 1768 года. Прилагаю я при семъ копіи съ указа изъ военной коллегіи къ генералъ-поручику Веймарну и съ письма къ немужъ отъ гр. Захара Григорьича (Чернышева). Нѣту истинно способа съ усердіемъ служить. Ген. Веймарнъ по справедливости весьма оскорбленъ концомъ сего указа. Если не изволитъ его сіятельство, чтобъ генералъ-поручикъ, командующій особымъ

корпусомъ, разсуждалъ объ тѣхъ корпусахъ войскъ, кои въ сосѣдствѣ его находятся, то и не можно отъ него требовать разсудительнаго поведенія, а кажется Государыня не за то (?) насъ генералами дѣлаетъ, чтобъ мы далѣе носу не глядѣли и не видали; винажъ ген. Веймарна вся въ томъ состоитъ, что онъ, видя невозможность свой корпусъ соединить въ случаѣ нужды, представлялъ на томъ же точно основаніи какъ и я къ в. с—ству писалъ, чтобъ ему позволено изъ Литвы войска сюда приближать, а что на ихъ мѣсто могутъ вступить изъ Смоленска или изъ Риги. Можнобъ его с—ству на сіе не согласиться, но не было нужды кажется заслуженному генералу запрещать мыслить, ибо и безъ заказу мнѣ видится не великое множество людей въ семъ упражняются. Мнѣ кажется, что коль всем. Государыня изволитъ на себя брать трудъ присутствовать въ военномъ совѣтѣ, тобъ стоили того уваженія особыхъ корпусовъ командиры, чтобъ ихъ доношенія туда представляемы были и оттольбы приказывалось что къ нимъ писать. Чрезъ сіебъ она сама соизволила увидать подлинное состояніе всего и недостатки каждаго, и оные скорѣебъ повелѣла исправлять, какъ мать общая всѣхъ своихъ подданныхъ, а не тѣхъ только, которые при лицѣ ея имѣютъ счастіе находиться.

3) Изъ письма князя Владиміра Долгорукаго изъ Берлина къ графу Н. И. Панину 19 іюля 1768 года.

На сихъ дняхъ приходилъ ко мнѣ человѣкъ и старался чрезъ меня провѣдать, можетъ ли надѣяться наслѣдный принцъ прусскій, ежели прибѣжище будетъ имѣть къ всемилост. государынѣ, получить отъ нея взаймы до 300,000 талеровъ, кои заплачены будутъ по вступленіи его на престолъ, и для вѣрной надежды, что сія сумма тогда заплачена будетъ, принцъ Генрихъ, братъ королевскій, по его высочеству поручится и съ нимъ подпишетъ.

4) Отрывокъ изъ письма Сальдерна къ Панину, для образца: Berlin ce 29 d'Auril 1766: «Il est impossible et il est en vain, mon digne Protecteur, de vous dire de quelle joie inexprimable mon coeur a été peneiré au moment que j'ai vu Votre signature, cette main si cherie. L'apostille que V. E. a écrit en main propre, a excité toute me sensibilité. Ce sentiment vif et celeste que j'ai si souvent senti à Vos cotés! Que j'ai beni le moment que Votre

coeur a pensé à moi!—Въ другомъ письмѣ Сальдернъ обращается къ Панину съ словами: Monseigneur, mon Pere et mon Protecteur!

(Моск Арх. Мин. Ин. Д.)

5) Письмо Екатерины II Фридриху II-му, 14 октября 1767: En conformité des desirs de V. M. j'ai fait remettre aujourd'huit à son ministre le C-te de Solms la traduction allemande de l'instruction que j'ai donné pour la reformation des lois de la Russie. V. M. n'y trouvera rien de nouveau, rien qu'elle ne sache; Elle verra que j'ai fait comme le corbeau de la fable qui se fit un habit des plumes du paon. Il n'y a dans cette piece de moi que l'arangement des matieres et par ci par la une ligne, un mot; si on rassemblait, tout ce que j'y ai ajouté, jé ne crois pas qu'il y eu au dela de deux on trois feuilles. La plus grande partie est tireé de l' Esprit des Lois du pres. du Montesquieu et du traité des delits et des peines du marquis Beccaria. Je dois prévenir V. M. de deux choses, l'une qu'elle trouvera differens endroit qui lui paraitront peut être singuliers, je la prie de se souvenir que j'ai due m' accomodér souvent au present et cependant ne point fermer le chemin a' un avenir plus favorable. L'autre que la langue russe est beaucoup plus énergique et plus riche en expressions que l' Allemand et en inversions que le Francois, preuve de cela c'est que dans la traduction l'on a souvent été obligé de paraphraser ce qui avait été dit avec un seul mot en Russe et separer ce qui ne fait, pour ainsi dire, qu'un trait de plume. Qui ont reproché a' cette derniere langue de manquer de termes ou se sont trompés ou n'ont point su cette langue.

(Государ. Архивъ.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
6	13	находились	находилась
7	34	дворей	дверей
8	13	лишеніе	лишеніемъ
21	30	Чебаркульской	Чебарнульской
23	23	Чебарпульскую	Чебарнульскую
—	26	Чебуркульской	Чебарнульской
24	31	Мельниковыхъ	Мельникова
27	18	вывезли	вывезти
28	26	мѣстностяхъ	маетностяхъ
42	21	столкивалось	сталкивалось
49	34	нрава	права
53	16	свойство	свойства
77	16	въ общества	въ обществѣ
87	32	но первая	то первая
103	20	скорѣй	скорый
118	24	право	права
119	13	; но для этого	— для этого
120	16	повело	повела
125	9	положило	положила
133	35	домостроительства	относительно домостроительства
134	21	много	многіе
158	1	находившаго	находившагося
—	7	предастъ	предаетъ
166	16	было сокрушено	была сокрушена
168	32	усваивая	усвоивая
172	1	желанія	желаній
—	34	но подкрѣпляя	не подкрѣпляя
174	17	оказываютъ	оказываетъ

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
178	33	и не отъ меня	а не отъ меня
184	4	въ деревню	въ деревни.
189	19	приведенія	проведенія
212	4	явились	явилось
220	10	томъ	тамъ
240	24	исправляла	направляла
267	37	хоть	хотя
273	21	Даніи	Англіи
—	29	не знаетъ	не знаетъ;
281	22	польскомъ	польномъ
302	16	прусскому договору	прутскому договору
337	37	me sensibilité	ma sensibilité